

*За подарену Библиографическому
Т. Библиографу и. Библиографу
Л. Библиографу*
МАКЕДОНИЯ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Н. П. Кондакова.

СЪ 12 ТАБЛИЦАМИ ФОТОТИПИЙ, 1 ЦВѢТНОЮ АВТОТИПИЕЮ И 194 РИСУНКАМИ
ВЪ ТЕКСТѢ.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской
Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1909.

Цѣна 5 руб.; 12 фр. 50 с.; 11 Mk.

175

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1909 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Его Императорскому Высочеству

Августѣйшему Президенту

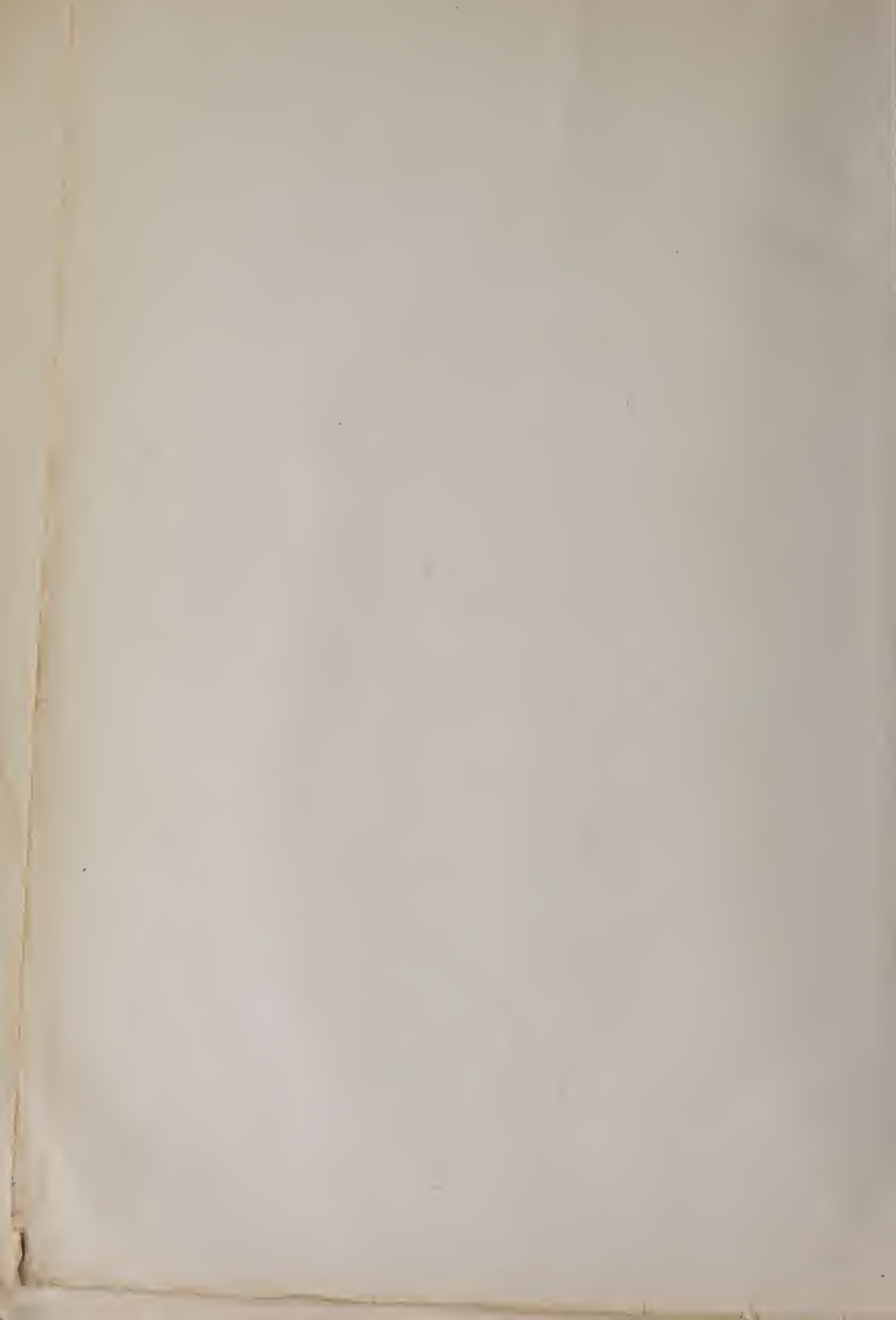
Императорской Академіи Наукъ

Великому Князю

Константину Константиновичу

всепреданныйше посвящаетъ

авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ

- I. Задачи археологическаго путешествія по Македоніи. Обзоръ историческихъ свѣдѣній о македонскихъ славянахъ. Данія исторической этнографіи Болгаръ: Миклошскій кладъ. Псалтырь имп. Василія II, Манассіина лѣтопись. Историческій матеріалъ народныхъ одеждъ и уборовъ македонскихъ славянъ. Культурно-историческіе періоды Македоніи. Древнѣйшая орнаментика болгарскихъ рукописей. Стѣнные росписи сербскихъ храмовъ. 1— 67
- Женскій костюмъ ближайшихъ къ Охридѣ селъ. 68— 69
- II. Θεσσαλονικα (Салоники). Судьбы города. Мозаики Ротонды (ц. вм. Георгія). Мозаики св. Софіи. Солунскія древнія церкви — нынѣ мечети: ц. вм. Димитрія. ц. Параскевы (Эскиджума), Б. Матери (Казан-джиларъ). Якубъ-пашаджами. Ц. Іліи. Ц. Пантелеймона. Ц. 12-ти Апостоловъ. Церкви, нынѣ принадлежанія христіанамъ: св. Миши, Николая Ч., Аонасія. Панагін «Декса». Константина и Елены, Б. М. «Панагуды», Θεодоры, Б. М. «Тагудины». Монастырь Чаушъ. 70—147
- III. Городъ Серры. Митрополія и прочія городскія церкви. Монастырь Іоанна Предтечи на Мениклеиской горѣ. . . . 148—168
- IV. Скопје и его округъ. Нерезскій монастырь. Церковь с. Люботина. Монастырь Марковъ. Церкви с. Кучевница. Народныя одежды. Монастырь арх. Михаила. Монастырь Матка. Куманово. Церкви с. Нагорича. Монастырь Матейцы. Приштина. Церковь Грачаницы. 169—210

V. Битоль. Охрида. Ая-Софія. Церкви Охриды и ихъ древности. Церковь св. Климента и ея древнія вкладныя иконы. Предметы древности въ ея ризницѣ. Историко-этногра- фическое и археологическое заключеніе.	211—298
I. Альбомъ фотографическихъ снимковъ Македонской экспе- диціи 1900 года	299—302
II. Снимки арх. П. П. Покрышкина	302
III. Предметный указатель	303—304
IV. Указатель рисунковъ въ текстѣ	305—308
V. Указатель таблицъ	308

I.

Задачи археологическаго путешествія по Македоніи, Обзоръ историческихъ свѣдѣній о македонскихъ славянахъ. Даныя исторической этнографіи Болгаръ: Миклошскій кладъ, Псалтырь имп. Василія II, Мапасіина лѣтопись. Историческій матеріалъ народныхъ одеждъ и уборовъ македонскихъ славянъ. Культурно-историческіе періоды Македоніи. Древнѣйшая орнаментика болгарскихъ рукописей. Стѣнные росписи сербскихъ храмовъ.

Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Президенту Академіи Наукъ Великому Князю Константину Константиновичу угодно было въ 1900 году поручить мнѣ образовать ученую историко-этнографическую экспедицію въ Македонію и совершить въ ея составѣ путешествіе по Македоніи, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1900 года. Экспедиція была организована въ слѣдующемъ составѣ: профессоръ славянскихъ нарѣчій П. А. Лавровъ, приватъ-доцентъ русской исторіи П. Н. Милюковъ, архитекторъ и преподаватель Академіи Художествъ П. П. Покрышкинъ (командированный Академіею и присоединившійся къ экспедиціи), художникъ (въ качествѣ фотографа) Д. А. Крайневъ съ помощникомъ и авторъ этого отчета.

Главнѣйшею задачею экспедиціи было собраніе матеріаловъ на мѣстахъ для будущаго историко-этнографическаго изслѣдованія важнѣйшихъ мѣстностей и пунктовъ въ Македоніи; цѣлью было предположено стремиться къ установленію такихъ научныхъ историко-археологическихъ и филологическихъ основаній, которыми можно было бы воспользоваться въ будущемъ при постановкѣ крупнаго политическаго вопроса, образуемаго какъ современнымъ положеніемъ Македоніи въ Турецкой имперіи, такъ и отношеніями къ ней и ея племенному составу сосѣднихъ странъ и національностей Балканскаго полуострова. Такого рода пунктами могли быть, по преимуществу:

во-1-хъ сѣверо-западный уголъ Македоніи, т. е. мѣстность, примыкающая къ Шаръ-Планинѣ и Черной горѣ, хребтамъ, отдѣляющимъ Македонію отъ Старой Сербіи. Именно эта мѣстность доселѣ служитъ ареною столкновенія племенныхъ интересовъ, и было особенно важно опредѣлить ея дѣйствительный этнографическій характеръ, какъ путемъ постановки лингвистическаго діагноза, такъ и историческихъ соображеній, открывающихъ культурное тяготѣніе мѣстности въ ту или другую сторону. Вторая спорная въ этнографическомъ отношеніи область по юго-западной и южной границѣ Македоніи, въ сосѣдствѣ съ Греціей, гдѣ славянское населеніе занимаетъ мѣсто въ перемежку съ греческими поселеніями, въ предѣлахъ Костурскаго озера, и гдѣ племенная борьба ведется частью на церковной почвѣ, по въ послѣднее время обострилась и дошла до уродливыхъ насилій и избіеній мирныхъ жителей греческими четами. Третья область, пограничная съ верхнею Албанією (Деборскій округъ) представляется наиболѣе мрачнымъ политическимъ пунктомъ: всякій путешественникъ, по крайней мѣрѣ, если онъ изъ славянъ, долженъ отнести именно къ этому пункту съ особеннымъ вниманіемъ и искреннею правдивостью. Здѣсь вѣковое нашествіе албанцевъ можетъ кончиться полною албанизаціею богатаго края, уничтоженіемъ славянства и окончательнымъ одичаніемъ страны. Пора перестать, вмѣстѣ съ парижскими туристами, индуцими сильныхъ и красивыхъ впечатлѣній, восхищаться живописными костюмами албанцевъ и рыцарскимъ гостепріимствомъ ихъ беговъ за счетъ несчастной Славянской расы, или жестоко эксплуатируемой и отъ нихъ вымирающей. Именно въ этой мѣстности военная турецкая администрація утрачиваетъ свой обычный шертный характеръ, благодаря помощи, которую она находитъ въ разбойничьихъ албанскихъ шайкахъ, и именно здѣсь наблюдается то изумительное для новой европейской исторіи небывалое явленіе, что государство не только дружитъ съ разбойничьими шайками, но и преслѣдуетъ вмѣстѣ съ ними одиѣ и тѣ же политическія и общественныя задачи: уничтоженіе мирнаго земледѣльческаго славянскаго населенія и размноженіе хищниковъ и насильниковъ.

Средняя Македонія, или область по рѣкѣ Вардару, является также ареною борьбы чисто культурнаго характера, съ одной стороны, между славянскимъ и греческимъ населеніемъ, захватившимъ въ свои руки города и ихъ торговлю, и съ другой — административнаго или стратегическаго, въ формѣ постепеннаго разселенія по этой рѣкѣ мусульманскихъ выходцевъ всякаго рода. На сколько первое явленіе до послѣдняго времени было весьма мало важнымъ и малозначительнымъ и насколько борьба между греками горожанами и славянскими земледѣльцами была незначительна и умѣрялась прямо торговыми интересами, обострившись только въ результатѣ особаго полити-

ческаго движенія среди грековъ. — настолько вторая является большимъ политическимъ планомъ, исполняемымъ, очевидно, по указаніямъ Австріи и Германіи, съ положительной систематичностью и явнымъ успѣхомъ. Достаточно посмотрѣть на этнографическую карту Македоніи Кынчева отъ 1899 года, чтобы оцѣнить значеніе этого новаго факта. По поводу этой карты, издавшей Кынчевымъ въ 1898 г., издатель ея П. Н. Милюковъ въ 1900 году дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «Первое, что поражаетъ въ ней, это неожиданно обширныя пространства, заселенныя турками: занявъ наиболѣе выгодныя стратегическія позиціи, и разселись систематически и непрерывной полосой по горнымъ кряжамъ, сопровождающимъ течение Вардара, турки дѣлать болгарское населеніе Македоніи на двѣ, почти изолированныя другъ отъ друга половинны. Характерно далѣе направленіе албанской колонизаціи съ запада, особенно кругомъ Скопье, гдѣ албанцы продвигаются на встрѣчу туркамъ. Весьма серьезная опасность грозитъ славянамъ въ Македоніи, какъ показываетъ эта карта, не только отъ политическихъ плановъ великихъ державъ и отъ этнографическихъ претензій малыхъ. — а также и отъ надвигающагося со всѣхъ сторонъ ислама». Это уже не пустыя и фантастическія претензіи, порождаемыя слѣпой и часто безумной политикой интеллигенціи мелкихъ странъ Балканскаго полуострова, выражающіяся въ различныхъ комитетахъ, организующихъ разбойничьи четы, въ пропагандѣ и составленіи фантастическихъ картъ. Комитеты страшны лишь тогда, если правительства ихъ тайно поддерживаютъ, а разбойничьи шайки, когда администрація не хочетъ ихъ переловить по какимъ либо ей одной близко извѣстнымъ причинамъ. Совершенно иное представляетъ собою разселеніе вдоль военныхъ дорогъ своего рода гарнизоновъ изъ азіатскихъ турокъ по всѣмъ наиболѣе благословеннымъ природою равнинамъ Македоніи. Ихъ поселенія смыкаются въ настоящее время съ поселеніями и феодами албанцевъ мусульманъ или арнаутовъ; мѣстности эти наводняются затѣмъ евреями, по близости селятся цыцары и куцовлахи и вотъ македонскіе славяне, не въ переносномъ только смыслѣ слова, охвачены желѣзнымъ поясомъ и изъ свободныхъ земледѣльцевъ становятся хуже, чѣмъ батраками; водворяется прямо средневѣковое рабство со всѣми его ужасами. Въ окрестныхъ селахъ нѣтъ покоя и ежедневно падаютъ кого-либо убитымъ или искалѣченнымъ.

Весьма понятно, что въ намѣченной доселѣ этнографической задачѣ далеко не все можетъ быть установлено или опредѣлено, съ какой либо, хотя статистической, точностью; о многомъ можно говорить только въ видѣ правдивыхъ, но поверхностныхъ замѣтокъ путешественника, хотя и того будетъ вполне достаточно, если не посѣтившіе лично Македонію, — а посѣщать ее

во внутреннихъ ея частяхъ не особенно легко стало именно въ последнее время,—будутъ прислушиваться къ словамъ путешественниковъ. Именно въ видахъ того, что современное положеніе Македоніи напоминаетъ собою довольно близко положеніе Россіи, во времена Олеарія, Флетчера и Герберштейна,—сужденія о ея дѣлахъ и должны быть устанавливаемы на совершенно реальной почвѣ путевыхъ замѣтокъ, а не въ какихъ либо обобщеніяхъ. Мы сами, подготавлиаясь къ поѣздкѣ, и прочитавъ рядъ новѣйшихъ путевыхъ замѣтокъ Берара, Дуазона, Гана и друг., хотя и составили себѣ нѣкоторое понятіе о странѣ, но въ то же время почувствовали, что доуценныя здѣсь повсюду и вездѣ, конечно, естественныя обобщенія частныхъ фактовъ должны быть принимаемы, прежде всего, въ предѣлахъ только опредѣленной мѣстности. иначе это будутъ обобщенія неточныя.

Въ виду этого можно считать неумѣстной здѣсь ту современную манеру историческихъ и археологическихъ сочиненій, по которой изслѣдователи новаго матеріала, послѣ частныхъ разсмотрѣній его въ деталяхъ, подводятъ, обыкновенно, въ видѣ общаго заключенія, или резюме, счетъ полученнымъ результатамъ; затѣмъ уже эти результаты являются въ видѣ научныхъ положеній, обобщенныхъ историческихъ фактовъ. Манера это, весьма заманчивая и многимъ кажущаяся единственнымъ научнымъ методомъ, на самомъ дѣлѣ часто погрѣшаетъ противъ основного требованія научной постановки какого бы то ни было историческаго вопроса. Эта научная постановка требуетъ прежде всего опредѣленія того общаго историческаго факта, на почвѣ котораго извѣстный частный фактъ, или его подробности, разсматривается. Надо опредѣлить, въ какой періодъ и къ какому разряду фактовъ данный случай относится: въ какихъ отношеніяхъ этотъ періодъ или группа находится къ предыдущимъ и т. д. Конечно, во множествѣ случаевъ такого рода предварительная постановка предполагается извѣстною, не только установленною, но, такъ сказать, уговоренною и общезвѣстною и потому тогда можно переходить къ оцѣнкѣ частныхъ безъ такого рода предиминарныхъ анализовъ. Совсѣмъ иное дѣло въ томъ отдѣлѣ историко-археологическомъ и этнографическомъ, который относится къ странамъ Балканскаго полуострова: здѣсь нѣтъ ничего установленного и научно-опредѣленнаго и предварительное разсмотрѣніе общаго вопроса требуется гораздо болѣе, чѣмъ какое бы то ни было резюмирование полученныхъ результатовъ, которые, въ концѣ концовъ, когда вся область историческихъ фактовъ будетъ достаточно извѣстна, окажутся, быть можетъ, не только преждевременными, но и произвольными и невѣрно поставленными.

Путешествіе по Македоніи, какъ и вообще, быть можетъ, всякое путешествіе въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, требуетъ наиболѣе всякаго

рода предварительныхъ развѣдокъ, историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, такъ какъ ни для кого не составляетъ секрета, что Македонія не представляетъ собою органически сложившуюся страну, съ выросшимъ на ней племенемъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого является рѣзкое выступленіе широдческаго элемента въ странѣ, не прикрытаго, такъ сказать, государственнымъ тяготѣніемъ основного племени, образовавшаго известную страну. Правда, извѣстныя фразы французскихъ путешественниковъ о нестрогѣ Македонскаго населенія представляютъ, въ свою очередь, положительное преувеличеніе ¹⁾. Иные изъ туристовъ предпочитаютъ даже вмѣсто прямой постановки вопроса о національностяхъ въ Македоніи классифицировать всѣ расы на три группы: турецкую, славянскую и греко-латинскую, предпочитая, стало бытъ, не различать Сербовъ и Болгарь, Грековъ и Валаховъ между собою. Другіе, какъ можно видѣть по различнымъ фантастическимъ картамъ, до такой степени неудержимо увлекаются своими политическими страстями, что не признаютъ даже и этихъ группъ, а прямо закрашиваютъ Македонію въ ту краску, которая имъ роднѣе или ближе. На самомъ дѣлѣ, скажемъ кратко, путешествіе по Македоніи убѣждаетъ, что славянское ея населеніе, прежде всего, совершенно цѣльно, едино и вполне своеобразно, и если представляетъ какіе либо иные вкрапленные внутрь его элементы (по всей вѣроятности, сербскіе), то лишь въ мѣстностяхъ близъ Скопін. Ниже, мы будемъ отмѣчать въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ всѣ попутныя наблюденія надъ славянскимъ населеніемъ, но считаемъ нужнымъ заранѣе оговориться, что не рѣшаемся нигдѣ вмѣшиваться въ ведущуюся полемику.

Дѣло въ томъ, что Македонія, если и имѣла когда либо обще-національный характеръ, то развѣ въ глубокой древности и то лишь въ пору особеннаго, временнаго подъема того иллирійскаго племени, которое составило такъ называемыхъ «македонянь». Уже со временъ римлянъ, подъ именемъ Македоніи разумѣлся административный округъ, и Македонія настолько была эллинизована, что только въ эпоху ранней эллинской культуры ея варвары отличались отъ грековъ: при римлянахъ же македонянами назывались греки, хотя римская провинція всегда была только непосредственною приморскою частью. Внутри самой Македоніи, вѣришь, но ея окраинамъ, тѣсни-

1) Остроумный и правдивый Викторъ Бераръ въ своихъ книжкахъ: *La Macédoine*, 1897; *La Turquie et l'hellénisme contemporain*, 2-е éd. 1896, прямо заключаетъ, что всякаго рода реформы для Македоніи подъ властью Турокъ невозможны, а согласить трехъ ея наследниковъ нельзя, что тамъ нельзя найти уголь чисто болгарскій или совершенно сербскій или греческій и т. д. *Всѣ расы и всѣ религіи* будто бы смѣшаны въ Македоніи (*La Macédoine*, p. 302) dans un fouillis inextricable. Seule, la peinture des pointillistes pourrait nous offrir un tableau fidèle de ce pays.

лись въ горныхъ ущельяхъ различныя варварскія племена, такъ называемыя «оракійскія» и «иллирійскія» (нѣтъ надобности въ данномъ случаѣ тѣснѣе опредѣлять, что подъ ними въ древности разумѣлось, но это были не греки), частью даже племена кельтическія, затиснутыя въ горы общимъ напоромъ варварскихъ народностей сверху, т. е. отъ Дуная и отъ его береговъ на югъ полуострова. Римляне очень мало знали Македонію, а ихъ преемники византійскіе греки, — какъ извѣстно всякому занимавшемуся средними вѣками, — всегда весьма небрежно относились къ различнымъ племенамъ Балканскаго полуострова. Для византійцевъ, какъ и для теперешнихъ грековъ, достаточно было знать, что это не греки, а кто они такіе: славяне ли, германцы или кочевники — имъ было безразлично, и они перѣдко обобщали ихъ подъ общимъ именемъ «скивовъ». Мы знаемъ затѣмъ, что начиная съ 376 г. Оракія и Македонія подверглись ряду непрестанныхъ набѣговъ и широкимъ нашествіямъ. Въ 442 — 447 годахъ весь полуостровъ былъ опустошенъ Гуннами. Съ 500-хъ годовъ задупайскіе славяне, лица поселеній и тѣснимые, въ свою очередь, нашествіями кочевниковъ за Дунаемъ, начинаютъ свои систематическія вторженія въ такъ наз. Иллирію, въ сѣверную и центральную Македонію¹⁾. За славянами земледѣльцами переходятъ здѣсь и племена кочевья: гунны и болгары, и политика византійцевъ заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы возстанивливать мирныхъ земледѣльцевъ противъ кочевниковъ, по самому образу жизни своей пріученныхъ къ грабежамъ. Должно имѣть въ виду, что и самыя нашествія славянъ не могли производиться иначе, какъ подъ предводительствомъ тѣхъ кочевниковъ, или, по крайней мѣрѣ, сейчасъ послѣ кочевого набѣга. Не даромъ тотъ же Прокопій передаетъ намъ, что даже славянскіе отряды шли, одѣтые только въ одніи штаны, не имѣя никакихъ рубашекъ: они уважали себя на войнѣ обычай и одежду кочевниковъ. Главный потокъ этихъ племенъ состоялъ изъ сербовъ и родственныхъ имъ другихъ славянъ, напавшихъ въ концѣ VII столѣтія даже и на Θεσσαλονίκην, до тѣхъ поръ, пока они не были укрощены при императорѣ Юстиніанѣ II. Подъ 687 годомъ Теофанъ рассказываетъ, что Юстиніанъ Ршотметъ повелъ цѣлое войско на Болгарію «и Славиню» (?) и исполнивши цѣлый рядъ походовъ до самой Θεσσαλονίκης (въ этихъ мѣстахъ постоянно дѣйствовала конница), вывелъ изъ нихъ цѣлой родины «неизмѣримое число

1) Константинъ Порфирородный упоминаетъ славянскія поселенія въ Далмаціи подъ 449 годомъ, но уже Штриктеръ: *Memoriae populorum*, II, 1, p. 6 отвергаетъ это указаніе, какъ недостойное вѣры, и опредѣленно называетъ Прокопія первымъ византійскимъ историкомъ, заговорившимъ о Славянахъ по случаю прохода Геруловъ въ 4-й годъ Готеской войны черезъ земли Славянъ. Память о Славянахъ въ византійской исторіи падаетъ затѣмъ на царствованіе Юстиніана.

славянъ», однихъ, укрощенныхъ войною, а другихъ добровольно ему передавшихся и, затѣмъ, приказалъ вывезти черезъ море въ Абдосъ. По лѣтописцамъ и по актамъ о чудесахъ вм. Дмитрія видно, что византійскіе отряды доходили въ этомъ случаѣ до горныхъ ущелій западной и сѣверной Македоніи, и въ результатѣ войны къ Македоніи присоединена была цѣлая ома изъ областей по рѣкѣ Стримону. Такимъ образомъ, путешественнику предстоитъ на мѣстѣ осмотрѣть все остатки перваго славянскаго наплыва въ Македонію, бывшаго, несомнѣнно, преимущественно, если не исключительно, сербскимъ. Весьма естественно, что первый наплывъ наполнилъ всю западную половину полуострова, но спустился ли онъ до Охриды, и тѣмъ болѣе до Оессалоники, остается вопросомъ.

Второе и болѣе крупное нашествіе болгаръ (появившихся у Дуная еще въ 501 г.) началось въ VI вѣкѣ, продолжалось въ VII и VIII, частью, однако, въ союзѣ съ сербами, особенно въ концѣ VIII вѣка; дѣйствія византійцевъ производились уже съ помощью флота на сѣверные предѣлы болгарской земли, вплоть до Месемвріи, и только гораздо позднѣе кѣлими отрядами, ходившими до Кансуръ, горныхъ ущелій Сѣв. Македоніи, въ которыхъ обыкновенно ожидали грековъ болгары.

Къ сожалѣнію, для восточной половины полуострова не было уже Проконія, а извѣстія византійскихъ историковъ и лѣтописцевъ до такой степени неопредѣленны и смутны, что даже крупныя факты оказываются весьма мало установленными. Такъ, мы слышимъ отъ этихъ историковъ (притомъ, позднѣйшихъ, какъ напримѣръ Никифоръ), что болгары пришли на Балканскій полуостровъ съ береговъ Дона, что это было племя чрезвычайно многочисленное, дикое, воинственное или скорѣе разбойничье, родственное гуннамъ, и если не тождественное съ монголами вообще, то несомнѣнно тюркскаго происхожденія, имѣвшее звѣрскіе нравы, грязное и даже страшное на видъ для грековъ, походившее, по ихъ словамъ, болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей. Словомъ, впечатлѣніе, ими производившееся, мало чѣмъ отличалось отъ гунновъ, съ которыми византійцы и приводятъ ихъ въ родство и связь. Между прочимъ, тѣсныя связи всѣхъ кочевыхъ племенъ, населявшихъ громадную равнину отъ береговъ Дуная вплоть до Дона и Волги, были византійцамъ хорошо извѣстны и принимались въ расчетъ ихъ политикою. Затѣмъ, византійскіе лѣтописцы, съ понятной внимательностью, записали и весь фактический матеріалъ: нашествіе этихъ кочевниковъ и особенно самыя набѣги, наводившіе ужасъ на всю Византію и державшіе въ осадѣ и страхѣ самую столицу. Мы знаемъ рядъ царей Болгаріи и ранѣе того рядъ вождей, или кагановъ, съ которыми византійцы вели переговоры и которымъ они выплачивали дань. Объ одномъ изъ нихъ, по имени Тербели, знаютъ даже легендар-

ные рассказы, какъ онъ заставлялъ покрывать монетами брошенный на землю щитъ и плеть, а, воткнувши конье, требовалъ накладывать до самаго его верху шелковыхъ тканей. О другихъ войдахъ слышимъ, что болгары бывали ими недовольны за ихъ миролюбіе и ихъ прогоняли. Этихъ вождей византійцы надѣляли богатыми подарками, золотыми сосудами, царской утварью, драгоценными одеждами, а Тербелъ далъ санъ кесаря. Но въ то же время мы не находимъ ниолѣ ясныхъ указаній на какіе либо переговоры по самому вопросу о поселеніи болгаръ. Единственное, что знаемъ въ концѣ VII вѣка, уже изъ выраженій лѣтописцевъ, что Болгаріею называлась мѣстность, отличавшаяся отъ такъ наз. «славянскихъ провинцій». Подъ 750 годомъ Теофанъ кратко сообщаетъ, что Константинъ Копронимъ «въ этомъ году покорилъ (обратилъ въ рабство) славянскія провинціи у Македоніи и привелъ къ подданству прочихъ жителей». Это все, что мы узнаемъ о результатахъ важнаго похода. Въ слѣдующемъ 751 году царь пошелъ походомъ на Болгарію и когда достигъ Вербавы у горнаго прохода, — его встрѣтили бугары; многіе греки здѣсь пали и императоръ долженъ былъ вернуться съ позоромъ. — Спрашивается, чтó должно разумѣть подъ именемъ «славянскихъ провинцій у Македоніи»? Мѣсто ихъ, какъ будто, указывается текстомъ въ предѣлахъ современной Македоніи и, однако-же, внутри горныхъ хребтовъ, которые окружаютъ ее съ сѣверо-запада и съ сѣверо-востока. Подъ именемъ провинцій византійскій историкъ, очевидно, разумѣлъ уже мѣстности, организованныя римскою администраціей, въ отличіе, по всей вѣроятности, отъ варварской Болгаріи. Если это такъ, то откуда появились эти славяне въ такомъ количествѣ, что образовали цѣлыя провинціи? Очевидно, что они составляли тотъ славянскій наплывъ мирныхъ земледѣльцевъ, которые ничего общаго съ болгарскимъ нашествіемъ не имѣли и даже, быть можетъ, ему задолго предшествовали. Еще болѣе возможно слѣдующее, весьма естественное обстоятельство, что славяне, явившіеся въ собственной Македоніи, пришли сюда именно во время перваго болгарскаго нашествія, уходя изъ равнины между Гемомъ (Балканами) и Дунаемъ, въ которой болгары-кочевники поселились ранѣе всего и которой они могли ниолѣ довольствоваться первое время, такъ какъ, конечно, не всюю массою перешли Дунай въ VI вѣкѣ. Самыя нашествія кочевниковъ, за исключеніемъ, конечно, мелкихъ набѣговъ, должны быть объясняемы появленіемъ новыхъ ордъ изъ за Дуная, тѣснимыхъ орды, уже усѣившіяся по сю сторону. Какъ бы, однако, мы ни гоговали эти отрывочныя свѣдѣнія византійцевъ, несомнѣнно одно: изъ этихъ свѣдѣній, вплоть до IX вѣка, нельзя составить себѣ ниолѣ яснаго представленія о передвиженіяхъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ одной стороны, движенія кочевниковъ вообще не поддаются исторіи, съ другой —

самые византийские летописцы, послѣ Прокопія и кромѣ развѣ Оеодана, были мало осведомлены въ этихъ дѣлахъ, вплоть до Константина Порфиророднаго. Отсюда получается лишь общее понятіе объ этихъ судорожныхъ движеніяхъ громаднаго кочевого племени Болгарь, въ предѣлахъ странъ, уже имѣвшихъ культуру. Болгары поселились сначала въ Загоры, но оттуда достигали Македоніи и даже Оессалии; впоследствии, однако, были будто бы византийцами мало по малу отгѣснены или изгнаны изъ послѣднихъ мѣстъ и основались въ такъ наз. Болгаріи, въ границахъ между Дунаемъ, Чернымъ моремъ, Балканами и землями Сербіи («Сербское поле», здѣсь упомянутое, есть, вѣроятно, «Косово поле»). Значитъ ли это, однако, чтобы нашествіе кочевниковъ совершенно истребило земледѣльческое население, уже въ странѣ бывшее? Этого никогда не бываетъ, и то обстоятельство, что съ самаго начала, а именно уже съ 762 года, набѣги и войска болгарь содержатъ въ себѣ славянъ, иногда какъ вспомогательное войско, повидимому, изъ сосѣдней Сербіи, — можно думать, что славянское осѣдлое населеніе всегда тамъ, въ извѣстной части своей, оставалось и, расходясь, мало по малу, по странѣ, образовывало такую, непрестанно движущуюся впередъ массу, которая къ концу IX столѣтія своими селами достигла уже Солуни и предѣловъ Оессалии на юго-востокѣ. Дѣло именно въ томъ, что набѣги кочевниковъ, опустошавшіе страну, въ то же самое время приготовляли мѣста для движущагося въ задъ ихъ земледѣльческаго населенія. Всѣ бывшія въ этихъ мѣстностяхъ, неопредѣленные племена оракійскія и пелійскія были частью истреблены, частью же отгѣснены, какъ наприм. албанцы, къ Адриатическому морю. Но, конечно, за всѣмъ тѣмъ остается весьма крупный вопросъ: это восточное передвиженіе славянства къ какому славянскому племени принадлежало: сербо-хорватскому, или иному? Рѣшеніе этого вопроса возможно только путемъ лингвистическимъ, т. е. установленіемъ филологическаго различія языковъ и болгарскаго и сербскаго и при томъ не въ настоящей ихъ схемѣ, но въ той приблизительно представляемой исторической формациі, которая имѣла мѣсто въ VIII и IX столѣтіяхъ.—Однако и по историческимъ справкамъ становится совершенно яснымъ существованіе славянскихъ поселеній въ концѣ VIII вѣка въ предѣлахъ нынѣшней Македоніи. Таковъ, напримѣръ, фактъ, указанный подъ 6275 годомъ у Оеодана: извѣстный Ставракій, воевода и любимецъ Ирины, совершивъ цѣлый походъ и «спустившись къ Оессалоникѣ и въ Элладу, покорилъ славянскія народности, при помощи большой силы и сдѣлалъ ихъ подданными царю; вступилъ затѣмъ и въ Пелопонесъ и привелъ много пѣшихъ въ столицу». По этому случаю, возвратившись, онъ въ январѣ мѣсяцѣ того же года имѣлъ триумфъ на ипподромѣ, а въ маѣ сама царица Ирина, взявъ съ собою сына, съ большимъ вой-

скомъ торжественно съ музыкой и съ органами прошла до Верреи и, приказавъ обстроить ее, повелѣла ей называться Припополисомъ: прошла затѣмъ и до Филиппополя при полномъ покоѣ и возвратилась мирно, приказавъ возстановить Анхиаль. Далѣе, у того же Теофана подь 6254 годомъ разсказывается, что болгары, возставъ, перебили своихъ правителей¹⁾ и поставили у себя челоуѣка злоумышленнаго, по имени Телеци, лѣтъ 30, вслѣдствіе чего множество славянъ выселились отъ нихъ и прибѣгли къ царю, который приказалъ поселить ихъ на рѣкѣ Артанѣ... О томъ же фактѣ разсказываетъ Никифоръ подь 763 годомъ и прибавляетъ, что число славянскихъ бѣглецовъ, переплывшихъ Эвксинъ, доходило до 208 тысячъ (вариантъ: «18 тысячъ»). Подобная же исторія большого политическаго переселенія, на этотъ разъ рѣшеннаго болгарскими правителями, въ числѣ 12 тысячъ жителей, Верееціи (быть можетъ тоже, что «Вельсція», въ которой славянскимъ княземъ указывается Акамиръ, или «Версеникія», упоминаемая у того же Теофана), которыхъ хотѣли переселить въ собственную Болгарію, очевидно, какъ крупнѣйшихъ батраковъ для новыхъ феодаловъ изъ вождей кочевниковъ. Всѣ эти, и имъ подобныя исторіи—мы узнаемъ изъ нихъ только самыя крупныя — свидѣтельствуютъ объ одномъ непреклонномъ фактѣ, что заплываніе земель Балканскаго полуострова славянскимъ земледѣльческимъ населеніемъ совершалось въ промежутокъ нашествій и набѣговъ, чаще всего послѣ нихъ, простымъ выдѣленіемъ поселковъ одного за другимъ все впередъ вплоть до самой Солуни. Заселеніе должно было остановиться — и остановилось — какъ разъ тамъ, гдѣ мѣстность была защищена византійскими войсками отъ нашествій и истребленія мирныхъ жителей. Правда, разумное слово, основанное на реальномъ знаніи нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ, сказано о славянахъ только при самомъ началѣ ихъ появленія Прокопіемъ²⁾, и этимъ разумнымъ описаніемъ воспользовался знаменитый Гиббонъ для того, чтобы вставить его въ свой эпизодъ о болгарахъ. Нѣтъ надобности долго останавливаться на основной ошибкѣ знаменитаго писателя, не различавшаго тогда вполнѣ ясно болгаръ, при ихъ появленіи на Дунаѣ, какъ тюркское племя, отъ славянъ и сербовъ, совершившихъ нашествіе при Юстиніанѣ, и другихъ славянъ, вошедшихъ во Фракію вмѣстѣ съ болгарами или подь ихъ

1) Правители эти называются по просту господами—*хѳри* и по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, отличались отъ такъ называемыхъ «архонтовъ», соответствующихъ нашимъ князьямъ. Однако, это не были византійскіе начальники оемъ, и не стратеги областей. Въ данномъ случаѣ сказано, что они возвращались изъ *Ксиры*, и Штриттеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту считаетъ Ксиру нынѣшнимъ *Серрами*. Въ Боннскомъ изданіи, вмѣсто имени, придумано особенное выраженіе, вѣдь ли допустимое: *τοὺς κυρίους αὐτῶν τοὺς ἀπὸ πατρῶς καὶ υἱογενέους* = *dominis continuata unius stirpis serie*...

2) *Война съ готами* III, 14, изд. Боннск., стр. 334 — 6.

прикрытіемъ. Но знаменитый историкъ чрезвычайно картинно отличаетъ легко вооруженныхъ славянъ, которые «сотнями разныхъ племенъ шли по стопамъ болгарскихъ всадниковъ, почти ни на шагъ отъ нихъ не отставая». Несомнѣнно, что громадныя болгарскія орды, совершая нашествія, состояли не только изъ конницы, но также изъ пѣхоты. Но изъ кого набиралась эта пѣхота — остается вопросомъ. Единственное соображеніе, которое по этому поводу представляется, основано на свидѣтельствахъ византійскихъ историковъ, что византійскія войска, пославшіяся въ Болгарію, даже на судахъ черезъ Месемврію или Анхіалъ, состояли изъ конницы (прямо говорится, сколько везли лошадей на судахъ) стало быть, византійцы рассчитывали преслѣдовать именно конные отряды, т. е. только самихъ кочевниковъ, патуралью, рассчитывая, что славянское земледѣльческое населеніе той же Болгаріи останется мирнымъ. Существованіе подобныхъ славянскихъ селъ по всей Болгаріи и восточной Румелии, а затѣмъ и въ Македоніи, должно быть признаваемо несомнѣннымъ, такъ какъ безъ него ничѣмъ нельзя объяснить утрату болгарамъ-кочевникамъ, торговцамъ по происхожденію, ихъ родного языка и полное усвоеніе всею ихъ расою языка славянскаго. Но если славянское племя, пришедшее съ болгарамъ (буде оно, дѣйствительно, пришло, а не было уже тутъ на мѣстѣ, хотя такого факта мы не слышимъ) могло разомъ двинуться съ какихъ либо мѣстъ, то всего скорѣе, изъ предѣловъ южной Россіи, напримѣръ, съ Днѣстра и Днѣпра по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, всякое народное передвиженіе, даже и кочевое, а ужъ тѣмъ болѣе земледѣльческое, является результатомъ тѣсноты, или вытѣсненія: болгарскія орды, двинувшись съ Волги и Дона, должны были, какъ бы смѣтать на своемъ пути мирныхъ земледѣльцевъ и, принимая въ свою среду — увлекать ихъ дальше. Плотнаго славянскаго населенія въ эту пору мы уже не знаемъ ни на Днѣстрѣ, ни по берегамъ Дуная: вся эта мѣстность носила названіе Скиѣи, какъ разъ ко времени сформированія Византійской имперіи, т. е. была наполнена кочевыми племенами. Еще менѣе можно предполагать въ эту эпоху земледѣльческое населеніе на нижнемъ Днѣстрѣ или на Дону. Далѣйшая исторія болгарскаго племени и Болгаріи, какъ страны, слишкомъ извѣстна для того, чтобы нужно было перечислять здѣсь факты, вполнѣ установленные, и, если мы нѣкоторые изъ нихъ упомянемъ, то единственно потому, что они имѣютъ опредѣленное значеніе для Македоніи. Знаемъ, что уже въ концѣ IX вѣка прежняя судорожная борьба Византіи съ болгарамъ почти закончилась: по крайней мѣрѣ уже нѣтъ постоянныхъ изъ года въ годъ походовъ и набѣговъ съ той и другой стороны (самые походы Византійцевъ часто принимали характеръ тоже тайныхъ вылазокъ или секретныхъ набѣговъ); нѣтъ и того, чтобы та и другая сторона, т. е. греки и болгары,

послѣ встрѣчи разбѣгались другъ отъ друга, обоюдно испытывая ужасъ. Съ другой стороны, слышимъ, что Болгарія формируется въ мирную страну, производящую, продающую сбыта своихъ товаровъ, хотя бы сырья. Византійцы, изъ политическихъ соображеній, товаровъ ихъ прямо въ Константинополѣ не пускаютъ, направляютъ ихъ на Солунь. Болгарія дѣлается первымъ государствомъ Балканскаго полуострова, пріобрѣтая у грековъ, хотя временно, значеніе превыше всѣхъ другихъ странъ міра. По непростительной, съ точки зрѣнія истиннаго византійца, оплошности одного императора, болгарскому князю даютъ титулъ «василевса», чего никогда ни прежде, ни послѣ ни для кого и ни при какихъ обстоятельствахъ византійцы не дѣлали. Весьма естественно, что мирное разселеніе славянъ при этомъ первенствѣ Болгаріи на полуостровѣ дотянулось до Солуни на югѣ (извѣстна болгарская надпись, это удостоверяющая, въ предѣлахъ 15 верстъ отъ Солуни на сѣверѣ) и къ озеру Пресна, гдѣ Самуилъ утвердилъ свою столицу, вплоть до Охриды и Дебра, видимо, опять особымъ потокомъ, шедшимъ уже изъ самой Болгаріи.

Какъ бы въ дополненіе всѣхъ этихъ историческихъ справокъ, Македонія даже и нынѣ производитъ въ общемъ впечатлѣніе опустошенной, запустѣвшей и въ концѣ разоренной страны. Это впечатлѣніе не покидаетъ отъ самаго Дедеагача, когда, выѣхавъ наканунѣ въ ночь изъ Константинополя по желѣзной дорогѣ, въ теченіе цѣлаго дня до вечера ѣдешь по направленію къ Солуни. То же впечатлѣніе получается, когда изъ Солуни ѣдешь въ Сѣръ и во всѣхъ экскурсіяхъ на Пеллу и Дойранъ. То же запустѣніе окружаетъ въ Скопье и его окрестностяхъ и лично намъ придется удѣлить этому впечатлѣнію мѣсто въ разсказѣ объ Охридѣ. Македонія покоитъ вѣка не знала покоя, отчасти раздѣлая свою основную бѣду со всѣмъ полуостровомъ. Проконій въ «Тайной Исторіи» (глава 18) относитъ къ личности самого Юстиніана тѣ ужасныя бѣдствія, которыя перенесъ полуостровъ за 30 лѣтъ его правленія: «Гуны, Славяне, Анты, совершая почти ежегодныя набѣги во всю Иллирію и Тракію, до Ионическаго залива и стѣны самой Византіи, сдѣлали то, что страны эти совсѣмъ обезлюдѣли; почти, можно сказать, при каждомъ набѣгѣ было избиваемо или уведимо въ плѣнъ до 200 тысячъ человѣкъ». Знаменитый Гиббонъ считаетъ эти слова преувеличеніемъ, такъ какъ, помноживъ указанную сумму на 30, получаемъ цифру 6 милліоновъ, а «почти все населеніе Европейской Турціи едва ли составляетъ (въ его время) эти 6 милліоновъ». На самомъ дѣлѣ, преувеличенія здѣсь нѣтъ; обо всемъ сказано вполне реально; набѣги были не каждый годъ, но народу, видимо, пропало при нихъ не менѣе того числа, которое приводитъ Проконій. Балканскій полуостровъ въ первыя времена Римской Имперіи, несомнѣнно, имѣлъ крайне многолюдное населеніе, иначе нельзя себѣ вообразить, какимъ образомъ рим-

кіе императоры вплоть до Константина могли формировать тѣ колоссальныя арміи, съ которыми они боролись противъ своихъ соперниковъ, набравшихъ тутъ же такія же громадыя арміи. Съ другой стороны, когда въ 675 году славянскія полчища изъ Драгубитовъ (Дорогобужанъ) Сагудатовъ, Велегзитовъ, Вайюшитовъ, Верзитовъ и проч. прибыли на лодкахъ къ Солуни и осадили ее съ суши и съ моря, то Солунъ была въ это время единственнымъ городомъ, уцѣлѣвшимъ изъ всѣхъ большихъ городовъ полуострова, отъ Македоніи до Мизіи и Оракии включительно, и единственнымъ убѣжищемъ, въ которомъ укрывались люди съ состояніемъ, бѣжавшіе изъ пынѣшней Сербіи и Болгаріи. Солунъ была, притомъ, послѣднее убѣжище, отсюда бѣжать было некуда: въ Греціи избивали богатыхъ людей такъ же, какъ въ Македоніи, а бѣжать въ Африку тогда нельзя было изъ за Сарацинъ. Только этимъ отчаяннымъ положеніемъ полуострова можемъ мы себѣ объяснить ту нечеловѣческую, чисто китайскую жестокость тройной мучительной казни, которой подвергнутъ былъ въ Константинополѣ предводитель шайки Скамаровъ, мѣстныхъ балканскихъ бандитовъ. Въ 809 году хаганъ, Болгарскій Крумъ, захватилъ Македонію до самаго Струма, но уже въ 811 году Македонія вновь обращена въ Ромейскую провинцію. Звѣрскія жестокости совершаются съ той и другой стороны; императоръ захваченъ Болгарами, убитъ, черепъ его служить чашею для шировъ Крума, и множество грековъ умерщвлено. Новый императоръ Михаилъ уступаетъ Болгарамъ всю южную Македонію, но затѣмъ въ теченіе всего IX вѣка владѣніе Македоніею переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ X столѣтія почти вся Македонія находится въ рукахъ болгаръ.

Когда поднимается рѣчь объ исторической этнографіи Балканскаго полуострова, естественно, поставить на первомъ мѣстѣ албанцевъ и предоставить по этому пункту исторической наукѣ быть рѣшительницею вопроса. Однако, и среди путешественниковъ по Балканскому полуострову находились такіе острые умы, которые въ его національномъ спорѣ клали самую крупную тяжесть на албанскую чашку. Таковъ былъ извѣстный Гапъ¹⁾, котораго путешествіе и знаменитые этюды объ албанскомъ языкѣ пользуются столь почетной извѣстностью. Интересы Гапа къ албанцамъ исходили, отчасти, изъ политическихъ расчетовъ и только быстро перенли въ научную пытливость, естественно пробудившуюся у талантливаго человѣка къ замѣчательному обломку древнихъ расъ, въ громадномъ большинствѣ исчезнувшихъ, но со-

1) Hahn, I. G. Reise durch die Gebiete des Drin u. Wardar im J. 1863. W. 1867.—Reise von Belgrad nach Saloniki nebst Abhandl. zur alten Geschichte des Morawagebietes. W. 1868.—Albanesische Studien. 1854.

храпённыхъ въ этомъ необыкновенно устойчивомъ и своеобразномъ представителѣ. Но видное мѣсто надо отдать албанцамъ прежде всего потому, что основная закваска народонаселенія на Балканскомъ полуостровѣ была явно «албанскаго» происхожденія, и что вся примѣсь къ грекамъ, славянамъ, туркамъ, видимо, исходитъ именно отъ албанцевъ. Основные типы Балканскихъ одеждъ, жилищъ, исходятъ оттуда же, отъ этого, такъ сказать, основнаго племени. Какъ извѣстно, древній міръ зналъ на Балканскомъ полуостровѣ двѣ племенные стихіи: Оракійцевъ—въ восточной его половинѣ и Иллирійцевъ—въ западной его половинѣ, но среди нихъ, уже въ историческое время—Македонянь, съ ихъ сосѣдями Эпиротами. Единственная научная гипотеза сблизаетъ Оракійскія племена, какъ извѣстно, чрезвычайно дробившіяся, вѣчно враждовавшія между собою и никогда не составившія ничего общаго, съ тѣми неопредѣленными племенами Сарматовъ, къ которымъ принадлежали древніе Геты и Даки, нынѣ извѣстныя въ романизованной, хотя чистой расѣ, румынъ. На Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ румынъ, остались еще во многихъ пунктахъ, такъ называемые, Цинцары, Влахи или Куцовлахи,—остатки тѣхъ же племенъ. Что касается Иллирійцевъ, жившихъ въ западной половинѣ полуострова, на сѣверѣ, въ обширныхъ равнинахъ по Дунаю, а на югѣ отчасти въ горахъ, до самаго Эпира, гдѣ Иллирійцы сосѣдствовали съ Греками. Главнымъ представителемъ этихъ племенъ являются албанцы, которые, подобно древней Иллиріи, дѣлившейся на двѣ половины: сѣверную и южную, доселѣ дѣлятся на сѣверныхъ и южныхъ: Гэговъ и Тосковъ. Любопытно, что крупныя формации остаются одиѣ и тѣ же на пространствѣ тысячелѣтій: и доселѣ Балканскій полуостровъ занятъ въ восточной половинѣ Болгарами, въ западной—Сербами. И опять среди нихъ формируется историческій клинъ въ видѣ албанцевъ. Характерно и то, что какъ въ древности Оракійскія и Иллирійскія племена имѣли, очевидно, общій языкъ и только впоследствии различились своими діалектами, такъ нѣчто подобное совершилось и съ Балканскимъ славянствомъ. Также и среди Албанцевъ значительная часть ихъ потурчилась, какъ ранѣе Македоняне, также бывшіе варварами,—огречилась. Появленіе на полуостровѣ новыхъ племенъ и народностей, сначала германскихъ, затѣмъ славянскихъ, объясняется не только вырожденіемъ древнихъ племенъ и постепеннымъ ихъ вымираніемъ, но, главное, обычнымъ истребленіемъ варваровъ, пришедшихъ въ соприкосновеніе съ культурнымъ міромъ. Александръ Македонскій вывелъ вслѣдъ за собою все молодое поколѣніе своего племени. Павелъ Эмилій, покоряя Риму полуостровъ, вывелъ изъ одной Македоніи 150 тысячъ человѣкъ мужескаго пола. По словамъ Страбона, Эпиръ и Иллирія, хотя мѣстами каменисты и прѣзаны горами, были, однако, въ старину очень населены; нынѣ же

большая часть этихъ земель малолюдны. Да и въ обитаемыхъ мѣстностяхъ имѣются только или деревни, или развалины. Тѣмъ не менѣе, еще римляне могли набирать во Фракіи до 200 тысячъ пѣшаго войска и до 15 тысячъ конницы. Все это несомнѣнно измѣнилось къ концу существованія Римской Имперіи, а въ V вѣкѣ, послѣ того, какъ въ теченіе полутора вѣка, по всему полуострову прогулялись колоссальныя варварскія дружины, страна была въ концѣ опустошена и обезлюдѣла, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ знаменитый Проконій, въ своемъ откровенномъ разоблаченіи византійскихъ дѣлъ, которое содержится въ его «Тайной Исторіи». Съ этого уже времени Византійцы явно начинаютъ теряться въ своихъ понятіяхъ о населеніи полуострова. Большинство ихъ лѣтописцевъ и историковъ прежде всего мало интересуется разнообразными варварами, на него нахлынувшими, а, главное, относится къ нимъ съ такимъ же страшнымъ презрѣніемъ. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе производитъ всѣ экскурсы, совершаемые Византійцами къ варварамъ, не исключая Приска, а ужъ тѣмъ болѣе разсужденія Византійцевъ на тему о варварахъ, сравнительно, напримѣръ, съ знаменитыми трактатами Тацита. Съ этой точки зрѣнія, совершенно понятно, напримѣръ, какъ образъ греки X вѣка пробавлялись еще Геродотомъ, когда говорили о варварахъ, и почему они могли называть славянъ Скинами и обратно. Въ частности, по поводу Албашцевъ весьма любопытны, напримѣръ, разсужденія извѣстнаго Халкокондила объ Пиллрійцахъ, постоянно повторяющаго, что пресловутые пиллрійцы это тѣже албанцы, что они тѣже пресловутые македоняне и пр.

Но не одни албанцы образуютъ на Балканскомъ полуостровѣ древною закваску: необыкновенною архаичностью автохтоновъ своего рода отличаются также Влахы, хранители древнѣйшихъ преданій, примитивныхъ формъ пастушескаго быта. Славянамъ пришлось селиться посреди характерныхъ и устойчивыхъ племенъ и потому этнографія Славянъ Балканскаго полуострова должна составить въ будущемъ столь же сложную, сколько интересную задачу.

Намъ было бы трудно подвергать критическому разбору рядъ различныхъ догадокъ о древности славянскаго населенія Балканскаго полуострова, который за время существованія славянской науки у насъ и у самихъ славянъ накопился. Но между этими догадками есть одна, наиболѣе общезвѣстная и принятая даже такими авторитетами славяновѣдѣнія, какъ наприм., извѣстный Гильфердингъ, Дриновъ и Пречекъ. Мы говоримъ о славянствѣ Императора Юстиніана, его славянскихъ родственникахъ и о поселеніи славянъ въ Дарданіи. Гильфердингъ такъ формулируетъ эту догадку: «Сынъ «Истока» Императоръ назывался прежде «Управдою», а теперь пере-

вели имя и зовутъ его «Юстиніаномъ»; родомъ изъ поселянъ, деревни Ведрияны (въ древней Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія), обличившій своимъ произношеніемъ чужеземца, «варвара». Онъ возвысился покровительствомъ прежняго Императора своего дяди Юстиніана, который самъ когда то молодымъ земледѣльцемъ пришелъ пѣшкомъ изъ Ведрияны въ Византію съ однимъ козухомъ (σιμόρα) на плечахъ и потомъ перевелъ туда жену свою, прозвищемъ Лупкино, сестру Бѣгленцу, мать Управды, и племянницу Бѣгленцу же, по римски Вигиланцію». Этого мало, славяновѣдъ разыскиваетъ, кто былъ полководцемъ этого императора «Управды»: оказывается: Велисарій изъ той же Дарданіи, гдѣ Юстиніанъ построилъ крѣпость Скоплица. Знаменитый Велисарій у Гильфердинга оказывается тоже славянскомъ, — по всей вѣроятности, — Величаромъ. Сюда же примыкаютъ Сварунъ, Доброгость и Всегородъ, вожди римскихъ полковъ и проч. «Стало бытъ. — говоритъ Гильфердингъ, — въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянской семьею: византійскія войска имѣли войдями славянъ и славяне служили въ рядахъ ихъ; славянскіе защищали сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли Славяне огромныхъ племенемъ, готовые нахлынуть на земли Восточной Римской имперіи. Непзвѣстно, въ какое время произошло поселеніе Славянъ въ Дарданіи, родинѣ Юстиніана и Велисарія; когда пробѣжали послы изъ Византіи въ Атілѣ, весь этотъ край находился, кажется, въ запустѣніи: вѣроятно, Славяне водворились въ немъ мирнымъ образомъ, не позже половины V вѣка.

Къ сожалѣнію, всѣ эти разсужденія оказываются мечтами, основанными на своеобразныхъ, хотя очень старыхъ поддѣлкахъ. Разслѣдованіе, произведенное англійскимъ ученымъ Брайсомъ¹⁾, показываетъ, что «источникъ, на основаніи котораго ученые утверждали доселѣ славянское происхожденіе Юстиніана, есть ничто иное, какъ измышленіе начала XVII вѣка». Какъ извѣстно, этотъ источникъ заключается только въ примѣчаніяхъ Алеманша въ «Тайной исторіи Прокопія», въ которыхъ изслѣдователь основывался на жизнеописаніи Юстиніана, составленномъ Теофиломъ, аббатомъ и его наставникомъ. Стали искать ту рукопись Теофила, на которой основался Алеманшъ и нашли рукопись уже XVII вѣка, приписываемую пѣкому Богумилу, аббату монастыря около Призрѣна, но тоже, будто бы бывшему наставникомъ Юстиніана. Именно эта рукопись цѣлкомъ была использована, мѣстами до-

1) См. подробное изложеніе и разъясненіе этого сочиненія Брайса «О жизни Юстиніана по Теофилу» въ ст. проф. А. А. Васильева: «Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана»: «Византійскій Временникъ», т. I, 1894 г., стр. 469 — 492.

словно, Алеманномъ и, очевидно, тождественна съ рукописью неизвѣстнаго Теофила. Но это жизнеописаніе Юстиніана, по всей вѣроятности, составлено пѣкоторымъ славянскомъ Маршавичемъ до 1621 года, и сообщенныя въ рукописи легенды никакъ не древнѣе XIV столѣтія, имѣютъ церковную окраску и никакого значенія реальныхъ историческихъ фактовъ. Тѣмъ болѣе жаль, что подобной фабрикаціи XVII вѣка придавъ значеніе и проф. М. С. Дриновъ до извѣстной степени сумѣвшій освободиться отъ различныхъ пагромажденных въ славяновѣдѣніи предразсудковъ¹⁾. После того, какъ онъ только что закончилъ критическій разборъ всѣхъ фантастическихъ догадокъ о существованіи славянъ въ древнѣйшую эпоху до римлянъ, а также и во времена римской имперіи, онъ вдругъ рѣшительно останавливается на появленіи въ V вѣкѣ въ Византійской имперіи личныхъ именъ славянскаго происхожденія. Имена эти ему понадобились для того, чтобы подтвердить значеніе славянскихъ именъ *Беоидиза* и *Берозница* въ «Іерусалимскомъ Дорожникѣ» половины IV вѣка. Между тѣмъ совершенно ясно оказывается, что и въ данномъ случаѣ важнѣйшее свидѣтельство почерпнуто изъ того же фабрикованнаго жизнеописанія Юстиніана, а затѣмъ, разъ фантастическія данныя этой фабрикаціи приняты въ разрядъ историческихъ фактовъ, проф. Дринову приходится даже (начиная съ 49 стр. по 84-ую) поворачивать назадъ, такъ какъ ему кажется, что разъ онъ нашелъ ясные признаки присутствія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ V вѣкѣ, то, стало быть, надо возвратиться къ предыдущей эпохѣ (потому, что въ IV—V вѣтъ историческихъ точныхъ указаній) и производить поиски еще во II, III и IV вѣкахъ, когда славяне должны были переселиться уже на Балканскій полуостровъ. Только что передъ этимъ, на страницахъ того же самаго сочиненія, онъ рѣшительно, и вполне вѣрно, отвергъ славянское происхожденіе именъ рѣкъ Стримона и Песта и мѣстности Доберъ, установленное по созвучію этихъ именъ со славянскими: Струма, Места и Деборъ (Дибры). Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, какъ и при насъ простые русскіе люди передѣлываютъ на русскій манеръ и, такъ сказать, осмысливаютъ иностранныя фамиліи. На этомъ пути поисковъ за славянами до V вѣка покойный славистъ настроилъ самыхъ невѣроятныхъ сближеній: Даки, а за ними и Геты вообще, въ концѣ концовъ, оказались славянами, и эта невѣроятная и съ точки зрѣнія послѣднихъ изысканій совершенно недопустимая гипотеза искажала весь критическій характеръ сочиненія. Между тѣмъ, какъ мы уже указали, всего натуральнѣе полагать и думать, что Императоръ Юстиніанъ былъ изъ основнаго племени-

1) Дринова, М. С. *Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами* изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. 1872 г., кн. IV. М. 1873, стр. 17 и сл.

скаго племени, т. е., какъ мы уже говорили, изъ албанцевъ. Какъ извѣстно, со временъ Адріана римская армія была по составу своему иллирійская. Иллирійскія или далматскія моды (наприм. одежда «далматика») были столь же популярны и въ Римѣ, какъ впоследствии въ Византіи. Иллирійскіе легіоны дали Риму¹⁾ рядъ императоровъ: Галліена, Клавдія, Авреліана (Дарданія) (изъ Мизіи) Проба, (Паннонія), Діоклетіана (Далматъ), Максиміана (Паннонія), Константина, Констанція — оба родомъ изъ Нишпа, Галерія (изъ Сердики — Софіи); полководцевъ, какъ Велисарій; дипломатовъ, какъ наприм., извѣстный Петръ Патрицій, посланникъ Юстиніана и авторъ историческихъ и стратегическихъ статей; онъ былъ родомъ изъ Фессалоники, и Проконій называетъ его «иллирійцемъ» не потому, что область Македоніи состояла въ вѣдомствѣ префекта Иллирика, но, очевидно, потому, что онъ принадлежалъ къ иллирійскому народу, т. е. былъ варваръ, а не грекъ и, можетъ быть, именно поэтому ему и довѣрилъ малоувѣрный Юстиніанъ. Какъ мы уже сказали, можно было бы не останавливаться на этомъ эпизодѣ, еслибы мнимо славянское происхожденіе Юстиніана не вызывало за собою крайне натянутыхъ ученыхъ успій доказать, что славянское населеніе наполнило Балканскій полуостровъ еще въ Римскую эпоху. М. С. Дриновъ, отвергнувъ научнымъ анализомъ предполагавшееся ранѣе первобытное существованіе славянъ на полуостровѣ (см. приведенную у него довольно обширную литературу этой теоріи), а затѣмъ, отвергнувъ всѣ филологическія гипотезы, подыскивавшія славянскія имена среди географическихъ названій и историческихъ именъ, не удовольствовался, однако, ясными историческими фактами, но попыткался возстановить подспудную, такъ сказать, исторію появленія славянъ въ предѣлахъ Византіи. Къ сожалѣнію, онъ не удовольствовался общими соображеніями, логикой фактовъ, какъ принято выражаться, но, смущенный именами Бонсковъ, Амизуровъ, Птимаровъ, Топосурсовъ — рѣшается утверждать, что славяне расселились по Балканскому полуострову, начиная со II вѣка по Р. Х., въ III, IV и, быть можетъ, V вѣкахъ, а затѣмъ продолжалось генеральное ихъ переселеніе въ періодъ царствованія Юстиніана и послѣ него. Конечно, всѣ гаданія о славянахъ въ эпоху до Юстиніановскую оказываются безплодными и даютъ только рядъ невѣроятныхъ заключеній, въ родѣ того, что Анты суть тѣ же славяне, хотя Проконій ихъ, какъ будто, старается отличить отъ славянъ уже тѣмъ самымъ, что говорить о ихъ постоянной войнѣ со славянами. На чемъ держатся всѣ подобныя гаданія, можно судить потому, что въ книгѣ проф. Дринова, на стр. 96

1) Моммсена *Римская Исторія*, пер. Невѣдомскаго, т. V, 1855 г., стр. 223.

говорится: «Славянами же, по всему вѣроятію, были и тѣ варвары, противъ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе у устья рѣки Рехія (впадаетъ въ Стримонскій заливъ) для защиты плодороднѣйшей долины этой самой южной рѣчки Македоніи». На стр. 101, на основаніи этого соображенія и въ дополненіе къ извѣстіямъ Прокопія отъ 558 года, уже прямо утверждается, что опасные для имперіи славяне обитали не только за Дунаемъ, но и въ окрестностяхъ Филиппополя, «въ Македоніи, недалеко отъ долины рѣки Рехіи». Затѣмъ, тотъ же ученый, становясь уже на дѣйствительную историческую почву, перебираетъ годъ за годомъ извѣстія о вторженіяхъ славянъ въ предѣлахъ имперіи, объ опустошеніяхъ ими производимыхъ, о мѣстахъ занятыхъ славянами, и пр. и пр., въ 578, 588, 589, 594, 596 гг., объ осадѣ Солуны 597 года, и всѣ эти факты говорятъ ученому только одну, что полуостровъ наполнялся славянскимъ населеніемъ. На нашъ взглядъ, простая логика фактовъ говоритъ о другомъ. Если мы слышимъ постоянно, въ теченіе царствованія Юстиніана, годъ за годомъ, о вторженіяхъ варваровъ или славянъ — безразлично, то мы изъ этого должны вывести иное заключеніе: что славянское густое поселеніе въ эту эпоху еще не сформировалось на полуостровѣ и что значительныя части славянъ продолжали жить за Дунаемъ и по прежнему были тѣсными кочевниками и, такъ сказать, пригоняемы изъ за Дуная болѣе сильными и воинственными племенами внутри имперіи. На это соображеніе наводитъ и то обстоятельство, что, какъ утверждаетъ тотъ же самый Дриновъ на стр. 116, Маврикій направлялъ всѣ силы имперіи на Дунай и «упорно стремился къ утвержденію своей власти на сѣверномъ берегу этой рѣки». Спрашивается, зачѣмъ бы это нужно было дѣлать Византіи, если бы каждое славянское вторженіе оканчивалось поселеніемъ славянъ въ ея предѣлахъ. Затѣмъ мы, конечно, не можемъ и не должны быть согласны съ историкомъ, когда онъ позволяетъ себѣ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ подъ «варварами» разумѣть именно славянъ, а не напр. аваровъ, какъ признаетъ большинство изслѣдователей въ эпоху борьбы Византіи на Балканскомъ полуостровѣ съ варварами при Иракліи. Именно въ 626 году даже прямо констатировано византійскими историками, что вторженіе производили Авары, а съ ними были Славяне. Въ общемъ, когда рѣчь идетъ о нашествіяхъ или вторженіяхъ въ культурную страну средневѣковой Европы между IV и X столѣтіями, а для восточной Европы, какъ извѣстно, и позже, вплоть до XIV в., — въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о кочевыхъ организованныхъ ордахъ, въ составѣ которыхъ двигалось также многочисленное сдвинутое ими съ мѣстъ земледѣльческое населеніе, каковыми были, по всей вѣроятности, всегда славяне, — въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія. На западной половинѣ полуострова мы слышимъ о постоянномъ

давленіи славянства, вытѣснявшаго своимъ наплывомъ населеніе Далмаціи и Иллиріи. Совершенно напрасно заподозриваетъ Дриновъ подробный рассказъ Константина Багрянороднаго о томъ, какъ произошло окончательное занятіе Далмаціи славянами, какъ Хорваты перебили въ Далмаціи Аваровъ и ею завладѣли, а за Хорватами передвинулись туда и сербы, ихъ соплеменники; какъ Праклій отвелъ имъ въ Солуньской оемѣ цѣлую область, которая стала называться Сербіею; какъ Сербамъ сначала тамъ не понравилось, и они подучили край, лежавшій на юго-востокъ отъ страны, занятой уже Хорватами¹⁾ и пр. и пр. Догадка проф. Дринова, что это, по его мнѣнію, баснословное сказаніе Константина, было имъ сочинено на основаніи только одного филологическаго соображенія, и что городокъ «Сербія» въ южной Македоніи повелъ его къ такой гипотезѣ, является въ нашихъ глазахъ совершенно неудачною. Это значитъ переносить вину съ больной головы на здоровую и обвинять императора, какъ извѣстно, необыкновенно тщательно изучавшаго все свои источники и воспроизводившаго документы византійскихъ канцелярій, въ томъ, въ чемъ погрѣшны сами ученые слависты. Но дѣло не въ этомъ; намъ собственно можетъ быть интересенъ этотъ фактъ исканія земель славянами-земледѣльцами на полуостровѣ именно по тому различію, которое мы можемъ, до извѣстной степени какъ бы оцѣнить при сравненіи съ восточной половиной. Весьма возможно, что въ этой восточной половинѣ славянское движеніе издревле шло самымъ обычнымъ тихимъ путемъ: передвиженія поселковъ по мѣрѣ ихъ разростанія. Только по временамъ, когда набѣгала кочевая орда, поселки эти пустѣли и передвигались на югъ насильственно, образуя вторженіе. Что особенно характерно, это та форма морскихъ нападѣній, къ которымъ обращаются именно славянскія племена, какъ то засвидѣтельствовано византійскими историками съ древнѣйшихъ временъ.

Какъ это удостовѣряется Георгіемъ Писидою и составителемъ второй части Пасхальной хроники, славяне приняли участіе въ осадѣ Константинополя, именно какъ прирожденные моряки: они, на многочисленныхъ одноподеревкахъ, должны были брать Константинополь со стороны моря. Очевидно, такого рода моряки должны были долгое время жить на берегахъ моря и привыкнуть къ идее захвата имперіи морскими нападѣніями, по примѣру Готовъ. О такихъ же морскихъ нападѣніяхъ славянъ слышимъ, какъ извѣстно, и послѣ, и потому, не становится ли очевиднымъ, что движеніе славянства внутрь имперіи продолжалось въ VII вѣкѣ и послѣ того, какъ то дѣйствительно и указывается историками. Отсюда же становится дозволительнымъ и такого рода выводъ, что восточная половина полуострова была занята послѣ-

1) Тамъ же, стр. 124 и слѣд.

довательнымъ движеніемъ славянъ земледѣльцевъ именно въ эту эпоху, съ тѣмъ, что приблизительно въ концѣ VII вѣка оно было почти закончено. Всѣ же остальные передвиженія были, своего рода, привычными разбойничьими нападеніями. Что же касается основныхъ взглядовъ, проводимыхъ славянскими, преимущественно болгарскими историками, какъ, напр., Дриновымъ, то въ этихъ взглядахъ какъ бы скрыто затаенное желаніе затемнить и затушевать одинъ весьма существенный вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли болгары-кочевники, тюрки по происхожденію, къ тому славянству, которое, вслѣдъ за ними, или вмѣстѣ съ ними передвигалось для поселенія на полуостровѣ? Мы разумѣемъ: кто составлялъ изъ этихъ двухъ элементовъ настоящую силу, передъ которой трепетала Византія? Противъ кого подымалась Византія со всеми своими силами при Маврикіи, Пракліи, Фокѣ, Василии Македонини и, наконецъ, при Василии Второмъ Болгаробойцѣ? Очевидно, отвѣтъ будетъ одинъ: противъ той кочевой орды, которая, организовавъ могущественное вторженіе, въ то же время имѣла достаточно силъ, или получала ихъ изъ за Дуная, чтобы выполнить не только рядъ вторженій, нашествій и опустошеній, но и организацію сильнаго и могущественнаго царства, передъ которымъ трепетала Византія. Напротивъ того, во всѣхъ обсуждаемыхъ взглядахъ ясно становится умолчаніе именно объ этомъ основномъ ядрѣ всего движенія. Намъ все говорятъ о славянахъ, и имъ приписываютъ всѣ эти вторженія и всѣ эти звѣрства и жестокости, о которыхъ разсказываютъ византійскіе историки. Правда, эти звѣрства (напримѣръ, сажаніе на козѣ), учиненныя именно славянскими полчищами, засвидѣтельствованы историками. Но, даже самый характеръ набѣговъ и жестокостей явно перенятъ отъ восточнаго тюркескаго народа. Если позволено будетъ, для ясности, прибѣгнуть къ одному любопытному сравненію,—мы его можемъ почерпнуть въ нашей начальной лѣтописи. Она подъ 964 годомъ разсказываетъ о князѣ Святославѣ, когда онъ, возмужавъ, началъ собирать дружину и «легко ходя, акы пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ вари, но потонку нарѣзавъ коншу ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ пекѣхъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъ-кладъ постлави и сѣдло въ головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. (II) посылаше къ странамъ, глаголя: «хочю на вы ити». Спрашивается, кого онисываетъ лѣтописецъ въ данномъ случаѣ: вѣдь не Половца или Печенѣжскаго, а природнаго Варяга, еще къ тому же ославиившагося? И вотъ лѣтописецъ говоритъ, что не только онъ, но и вся его дружина имѣли видъ кочевниковъ. Стоитъ только прочесть, какъ жили Гуны, самъ Атила, какъ Монголы доселѣ въ прокъ готовятъ сушкой мясо, чтобы понять, что въ этой красивой легендѣ заключается нѣкоторое изображеніе кочевого образа жизни дружинъ въ періодъ отъ VIII

по X вѣкъ. Вѣдь и византійскіе историки намъ разсказываютъ, что Святославъ брилъ голову и оставлялъ только на маковкѣ одинъ чубъ. Словомъ, Святославъ хотѣлъ походить на вождя кочевой орды, и мы можемъ повѣрить лѣтописи, что послѣ прохода Венгровъ и ихъ вѣковой борьбы со всѣми странами средней Европы, кочевники могли быть, какъ представители силы, въ извѣстной модѣ, но крайней мѣрѣ, въ такихъ стерахъ, какъ шныя варяжскія дружины; вѣдь говорятъ же намъ тѣ же византійскіе историки о гуннскихъ модахъ въ Византіи? Мы знаемъ о всевозможныхъ варварскихъ модахъ уже во времена Юстиніана.

Нѣсколько мѣстъ «Церемоніала» Константина Порфиророднаго достаточно, чтобы удостовѣрить насъ, что во времена первыхъ болгарскихъ царей — Симеона и Самуила правы, обычаи и одежды болгарскихъ вельможъ носили еще своеобразный кочевой, тиническій характеръ. Послы болгарскіе (II, 47) обмѣниваясь привѣтствіями съ царемъ, царицею, царскими дѣтьми, патриархомъ, магистрами и всѣмъ синклитомъ, на отвѣтъ получали вопросы о здоровьи «духовнаго сына греческаго царя — архонта Болгаріи, архонтиссы, ихъ сыновей, великихъ Боліадовъ (или *Болладовъ*), прочихъ Боліадовъ и всего народа болгарскаго». На торжественномъ ипрѣ въ день Св. Пасхи (II, 52), среди сонма всякихъ чиновъ гражданскихъ и военнаго строя находились и «союзники Болгары», въ числѣ 18, одѣтые въ «собственныя народныя одежды» (*μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν συνημάτων*) или въ «народныя скараманиги» (*μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαρμαγγίων*). И Лиутпрандъ видѣлъ при византійскомъ дворѣ болгарскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, остриженнаго «по венгерскому обычаю», еще въ 968 году.

Между тѣмъ фактически вѣрно, что уже въ началѣ VIII столѣтія вся Македонія, кромѣ, можетъ быть, ея восточной и западной окраины, была сплошь занята славянскимъ населеніемъ. На этотъ разъ прекрасный разборъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній данъ въ той же самой книгѣ проф. Дринова, на ряду съ филологическимъ анализомъ многихъ сообщенныхъ племенныхъ названій. Прекрасно доказывается, что даже горныя части Македоніи въ началѣ IX вѣка были славянскими, что самыя окрестности Салоникъ, во всѣ стороны, были также заполнены славянами. Какъ извѣстно, этимъ объясняется самая миссіонерская дѣятельность Свв. Кирилла и Меодія, уроженцевъ Солуни.

Извѣстно, какъ пало болгарское царство при имп. І. Цимисхиі, какъ были заняты византійскими гарнизонами Дористоль, оба Переяславца, Филиппополь, какъ былъ уведень въ плѣнъ молодой болгарскій царь Борисъ и публично, передъ всѣмъ народомъ, лишенъ багряницы, а затѣмъ, превращень въ магистра императорскаго двора. Этимъ завоеваніемъ Византія ра-

зомъ уничтожила страшную силу кочевыхъ ордъ, пріобрѣтавшихъ въ царствѣ Дунайскихъ Болгаръ единство и главу. Попутно, была прервана въ самомъ началѣ попытка Варяжско-славянскаго царства замѣстить кочевое нашествіе утвержденіемъ своимъ на двухъ окраинахъ: въ Тматорокани и Переяславцѣ, о чемъ мечталъ Святославъ, попытавшійся превратиться самъ въ вождя кочевой орды и кончившій полной неудачей, такъ какъ рассчиталъ безъ хозяевъ степной страны. Но, какъ со временъ того же проф. Дринова¹⁾, въ настоящее время уже вполне принято въ славянско-исторической наукѣ, этимъ завоеваніемъ болгарскаго царства была уничтожена политическая сила только одной восточной половины Балканскаго славянства. Напротивъ того, въ западной части тогоже болгарскаго царства и при томъ именно тамъ, куда была передвинута даже столица его (въ Преспѣ и Охридѣ), независимость болгаръ сохранилась и выработалась въ формѣ народной династіи Шиманидовъ, вышедшей изъ внутренняго переворота 967 года. Эти болгарскіе провинціи, обособившіяся еще въ царствованіе Петра (942—967), вовсе не были завоеваны греками, и именно сюда удалился болгарскій патріархъ, съ начала въ Водену, Преспу и затѣмъ уже на цѣлый рядъ вѣковъ въ Охридъ. Не даромъ эта мѣстность у Георгія Амартола поставлена на ряду съ другими областями Балканскаго полуострова, какъ то передано даже и нашей начальной лѣтописью подъ именемъ *Лухитіи* (Лихида): «Илюрикъ», «Словене», «Лухитія»²⁾. Этотъ историческій фактъ всего яснѣе, на нашъ взглядъ, удостовѣряетъ тѣсныя племенные, иначе говоря, родственныя связи болгарскаго славянства съ славянами Охриды, а, стало быть, и вообще со славянствомъ Македоніи, точнѣе говоря, удостовѣряетъ восточно-болгарское происхожденіе Македонскаго славянства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли бы удержаться Шиманиды въ этой мѣстности, если бы все ея славянское населеніе не пришло сюда прямымъ путемъ изъ той же Болгаріи, на что указываетъ, между прочимъ, и самая формація мѣстности, естественно допускающей постепенный переходъ земледѣльческаго населенія путемъ движущихся впередъ поселковъ, изъ Болгаріи, по прямой линіи на Солунъ и Охридъ. Если тотъ же самый проф. Дриновъ рѣшается утверждать здѣсь существованіе славянства, въ теченіе многихъ вѣковъ до прихода Болгаръ, то этимъ онъ говоритъ, до извѣстной степени, противъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, восточная половина Балканскаго полуострова въ VI, и первой половинѣ VII

1) Дриновъ, М. С. *Южные Славяне и Византия въ X вѣкѣ*, 1876. Schlumberger, G. *L'épopée byzantine à la fin du X-e Siècle*, I, 1906, p. 592 Sq.

2) Было бы любопытною задачею прослѣдить, какая именно часть Македоніи носила названіе *Славинія*, о которой говорятъ и византийскіе хроники и панионскія жизнеописанія свв. Кирилла и Меодія.

столѣтія, находилась въ положеніи страны, совершенно не знавшей покоя; здѣсь немислимо было правильное земледѣліе и, въ особенности, земледѣльческое разселеніе, а, если Дриновъ заранѣе пытается подорвать мысль о томъ, что подобное разселеніе славянъ могло совершиться въ сравнительно короткій періодъ времени, въ какіе нибудь 50, много 100, лѣтъ, то онъ говоритъ противъ очевидности. Не болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ существовали Новороссійскія степи и уже въ средніе XIX вѣка онѣ оказались затинуты земледѣльческимъ наплывомъ. Къ этому надо присоединить еще крайнюю нужду, испытываемую земледѣльческимъ славянствомъ на сѣверъ отъ Дуная, во время переселенія народовъ и послѣдующихъ движеній кочевниковъ.

Несомнѣнно, *историческая этнографія* Славянъ Балканскаго полуострова должна была бы быть положена въ научное основаніе той этнографической статистики, которая нынѣ въ молодомъ болгарскомъ княжествѣ начата и производится, быть можетъ, съ большимъ усердіемъ, но съ весьма слабымъ сознаніемъ ея пользы. Конечно, фундаменты этой исторической этнографіи не могутъ быть сложены разомъ; предстоитъ еще пока подборъ камней и матеріала для этихъ фундаментовъ. Требуется прежде всего пересмотрѣть всѣ римскіе ранніе и поздне-византійскіе памятники, изображающіе битвы съ варварами въ странахъ того же полуострова; далѣе, перелистать всѣ миниатюры рукописей и особенно лицевыхъ хроникъ съ той же самою задачею и вскрыть въ нихъ все то, что можетъ относиться къ Славянамъ, или, въ частности, къ самимъ Болгарамъ. Такая національная задача вполнѣ достойна работы славянскихъ ученыхъ и, конечно, будетъ исполнена со временемъ. Въ ожиданіи же того, мы позволимъ себѣ опубликовать два памятника, относящихся, по нашему мнѣнію, непосредственно къ исторіи болгаръ и воспроизводящіе представителей ихъ племени въ глубокой древности.

Первый памятникъ представляется рельефнымъ изображеніемъ на одномъ изъ золотыхъ сосудовъ знаменитаго клада изъ Недъ-Шенгъ Миклошъ, найденнаго въ 1799 г. въ Венгріи, которому ранѣе было усвоено неправильное названіе: «Клада Атгиль». Намъ приходилось уже два раза говорить объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, съ одной стороны, по его отношеніямъ къ памятникамъ ранняго средневѣковья¹⁾ и въ другой разъ по поводу разбора большаго сочиненія Гамеля: «Древности ранняго средневѣковья въ Венгріи», въ 3 томахъ 1905 г.²⁾ Въ настоящее время, благо-

1) Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго 1892, стр. 33 — 39.

2) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности II. А. II. 1906 г., т. IV, стр. 446 — 466

даря истинной любви къ наукѣ уважаемаго венгерскаго профессора, открыто измѣнившаго свой прежній взглядъ (онъ относилъ кладъ ко времени Аттилы въ своемъ специальномъ сочиненіи объ этомъ кладѣ, изд. въ 1885 году) и нынѣ почти принявшаго¹⁾, вмѣстѣ съ проф. Стрыговскимъ, мнѣніе, по которому кладъ принадлежитъ не Гунамъ, или Аварамъ, но Болгарамъ и относится не къ V вѣку, но къ IX столѣтію, или, точнѣе, ко времени не ранѣе 864 года, когда Болгары приняли христіанство (на нѣсколькихъ предметахъ клада есть кресты, христіанскія изреченія и греческія нѣспонѣнія).

Но если бы и было принято окончательно мнѣніе о времени происхожденія клада, все же по прежнему остается пока неразрѣшеннымъ и не освѣщеннымъ вопросъ о племени, которое заказало для своего вождя, по всей вѣроятности, рядъ погребальныхъ, чисто языческихъ, предметовъ похороннаго значенія, присоединивши къ нимъ и нѣкоторые предметы обиходной книжеской утвари. Остается неизвѣстнымъ, принадлежалъ ли этотъ кладъ самимъ Болгарамъ, или какому либо зависѣвшему отъ болгарскихъ царей славянскому племени²⁾. Однако, уже съ самаго начала тотъ же проф. Гампель отлично угадалъ, что на (избранной нами изъ этого ряда вещей и сосудовъ) одной кружкѣ (№ 2 б по его книгѣ, рис. 3 и 56 а) изображенъ воинъ того самаго племени, которому принадлежалъ этотъ кладъ (попытку проф. Гампеля отнести къ этому племени также фигуру всадника, ѣдущаго на мионическомъ звѣрѣ и стрѣляющаго въ барса, — мы считаемъ недоказанною — это неизвѣстный намъ образъ франской миологии). Воинъ медленно ѣдетъ на конѣ, какъ бы проѣзжая въ нѣкоторомъ триумфальномъ парадѣ. Его тяжелая, грузная лошадь, съ головою, сильно притянутой короткой уздою, идетъ медленнымъ шагомъ; въ правой рукѣ воинъ держитъ короткое конейцо, на верху котораго укрѣпленъ платъ значка, съ двумя развивающимися концами повязки. Лѣвой рукою онъ влечетъ, ухвативъ за чубъ, плѣннаго, со связанными руками, медленно идущаго рядомъ. Отрубленная голова другого плѣннаго подвѣшена къ сѣдлу. Воинъ, чрезвычайно толстый и даже грузный, видимо, невысокаго роста, облаченъ въ своеобразный панцирь, весь устланный небольшими кружечками, каждый изъ нихъ съ дырочкой, черезъ которую, очевидно, эти кружечки паншты на кожаные латы. Проф. Гампель (стр. 111) отлично объясняетъ составъ этого панциря указаніемъ

1) I. Hampel, *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, in 3 Bänden*. I. 1905 г., p. 153 — 161.

2) На одной изъ золотыхъ чашъ клада (см. Hampel, *Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós*, Budapest, 1885 г., стр. 40—51, fig. 31) читается по бордюру надпись *BOYHAA·ZOAPHAN·TEZH·DYGETOIH·BOYTAOYA·ZQAPHAN·TAIROIH·HTZIGH·TAMSH. Кладъ найденъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которые одно время были отвоеваны болгарами у аваръ.

Амміана Марцелліана, знавшаго подобныя панцыри на дѣлѣ. Въ книгѣ XVII, гл. 12, Амміанъ сообщаетъ, что Сарматы носятъ панцыри «изъ

1. Золотая кружка изъ болгарскаго клада, найденнаго въ Н. Ш. Миклошѣ въ Венгріи.

нарезанныхъ и выглаженныхъ кусочковъ рога, нашитыхъ, на подобіе перьевъ, на лыжня одѣянія»¹⁾. Такого рода доспѣхи назывались у насъ въ

1) Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Пер. Ю. Кулаковского и А. Соппи. 1906 г., стр. 191. Въ текстѣ: loricae ex cornibus rasis et laevigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae.

старину *куякомъ* и *колонтаремъ* (последній безъ рукавовъ). На куюкъ металлическія бляхи набирались и нашивались отдѣльно на кожѣ или сукнѣ, или даже на бархатѣ, иногда покрывались еще сверху матеріей. Куюкъ дѣлался обыкновенно раздѣльной съ боку, съ нолами и рукавами, довольно короткими. Принадлежность куюка составляла шапка, обыкновенно, стеганная, конической формы, съ паушиками и затылышками и съ желѣзной носовой стрѣлкой. Въ средневѣковой Европѣ такое вооруженіе называлось «бригандиною». Монгольское названіе *куякъ* обозначаетъ доспѣхъ изъ бляхъ, нашитыхъ на кожу; оно существовало у татаръ и китайцевъ. На нашемъ вошгѣ какъ разъ изображена такая коническая шапка, которой верхъ сдѣланъ или изъ кожи, или бумаги, или даже тонкаго дубка и затѣмъ укрѣпленъ желѣзными ребрами, связанными наверху металлическимъ шнуромъ. Такого рода коническій шлемъ найденъ въ одной изъ половецкихъ могилъ, предметы которой сохраняются въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Устройство подобнаго шлема отлично объясняетъ темное выраженіе «Слова о полку Игоревѣ»: «поскеланы саблями калеными шелома аварьскыя отъ тебе, ярь туре Всеволоде». Въ этомъ текстѣ слово «поскеланы» — разбиты въ щелы совершенно точно отвѣчаетъ половецкому шлему, составленному изъ деревянныхъ дубковъ. Далѣе, на мѣстахъ, гдѣ этотъ куюкъ не покрывалъ тѣла, а именно: на рукахъ до локтя, и на ногахъ отъ колѣнъ до ступни — у нашего воша устроены широкія металлическія латы, состоящія изъ полосъ также прибитыхъ къ кожѣ гвоздиками. На самыхъ ступняхъ надѣты кожаные восточные башмаки. Голова воша украшена особой повязкой, два конца которой развѣваются по вѣтру: эта повязка неопровержимо свидѣлствуетъ о томъ, что мы видимъ передъ собой, если не самого болгарскаго князя, то его военачальника (о существованіи у болгаръ, даже во времена Крума особыхъ военачальниковъ имѣемъ византійскія свидѣтельства). Проф. Гампель считаетъ нашего (въ своемъ большомъ сочиненіи о древностяхъ Венгріи, стр. 161. т. I) воша княземъ племени, по этому противорѣчитъ многое: 1) въ миниатюрахъ Манассіевой лѣтописи¹⁾ мы видимъ въ болгарскихъ отрядахъ и въ русскихъ конныхъ отрядахъ неизмѣнно рядомъ съ княземъ воша, держащаго значекъ²⁾ — небольшое коньцо, а иногда и шку съ краснымъ, или темно-краснымъ нур-

1) В. В. Стасова «Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ» 1902 г., Таблицы 2-я и 3-я.

2) Такого рода знаменосцы въ войскахъ азіатскихъ кочевниковъ могли, однакоже, играть роль начальниковъ. Такъ, по указанію Лаоника Халкокондилы — «о турецкихъ дѣлахъ». Бонн. изд., стр. 230, 16 у Турокъ *ἑπονται οἱ ὑπαρχοὶ παρ' αὐτοῖς σημαφόροι καλούμενοι* и 292, 5 — *ἡρῶνται δὲ ἄρχοντες τῆς πλέως καὶ σημαφόρον παρ' αὐτοῖς καλούμενον* = извѣстнаго гонфалоньера.

пурпурнымъ платомъ (иногда же золотымъ съ красной бахромою). Такого рода значки (*vexilla*) извѣстны въ римскомъ войскѣ исключительно у конныхъ отрядовъ, съ тою, однако, разницею противъ нашего варварскаго значка, что римскій имѣлъ на древкѣ коня еще поперечную палочку, укрѣпленную ниже острія. На эту палочку нашивался платъ, свѣшивавшійся поэтому ровнымъ пологомъ. Низъ этого плата украшался бахромою и, кромѣ того, съ обоихъ концовъ палочки свѣшивались двѣ ленты¹⁾. Этотъ видъ значка появился и въ римскомъ войскѣ, въ видѣ заимствованія изъ восточныхъ конныхъ отрядовъ, какъ то доказывается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Карре, и тотъ же самый значекъ послужилъ впоследствии для выработки византійскаго лабара²⁾. Не вдаваясь, наконецъ, въ излишніе соображенія о томъ племени, которое изображено здѣсь въ лицѣ плѣннаго, ограничимся указаніемъ на его стеганую куртку и такіе же штаны, которые также объясняются восточными легкими панцирями, носившими названіе у насъ въ старину *тепалы*. Предохранительныя свойства подобныхъ кафтановъ заключались, главнымъ образомъ, въ толщину хлопчатобумажной подкладки, простеганной насквозь вмѣстѣ съ покроемъ. Нередко, однако, внутрь подкладки помещали части кольчугъ, панцирей, прямо кускомъ желѣза и проч. Татарское *тегель* — означаетъ стежекъ шитья. Впоследствии тепляемъ назывался кафтанъ съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, подбитый хлопчатой бумагой или пенькой и насквозь простеганный. По длиннымъ усамъ, которые, какъ бы, закручены жгутомъ и подобной же клешнеобразной бородѣ, въ этомъ плѣнникѣ можно, съ извѣстной долей вѣроятія, угадывать вообще Сармата, или даже Дака. Въ заключеніе мы должны сказать, что если настоящая фигура всадника, дѣйствительно, изображаетъ болгарскаго предводителя, то онъ отмѣченъ единственно только повязкою вокругъ головы, а заглазъ и значкомъ въ его рукахъ. Дѣло въ томъ, что на замѣчательной миниатюрѣ рукописи Іоанна Скилицы, въ Мадридскомъ публичномъ музеѣ представлены какъ разъ византійскій императоръ и Кесарь, поднятые оба разомъ на щитѣ войсками. Они держатъ два лабара въ знакъ своего предводительства надъ войсками. Наконецъ, типъ болгарскаго вождя на нашемъ рельефѣ напоминаетъ скорѣе всего армянскую физиономію по

1) Domaszewski, A. v. *Die Fahnen im Römischen Heere*. W. 1885, 5-e Abhandl. d. Arch.-Epigraph. Semin. d. Univ. Wien, p. 76 — 80, fig. 97—100.

2) При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть замѣчательнаго пурпурнаго плата съ сохранившейся даже поперечной въ египетскомъ собраніи В. С. Голенищева. Эта уника представляетъ значекъ предводителя коннаго отряда римскихъ войскъ II или III столѣтія по Р. Х. Платъ украшенъ былъ золотымъ изображеніемъ Викторіи, отъ котораго уцѣлѣла только красочная подмалевка.

большому носу, сдвинутымъ глазамъ и, очевидно, ничего не имѣетъ общаго съ типомъ тюркскимъ, или еще болѣе того монгольскимъ: доказательствомъ этого служи́тъ густая борода, остриженная клиномъ и густые усы. Большія сросшіяся надъ носомъ брови, съ низкими дугами и большія глаза, составляютъ общій красивый типъ X вѣка въ византійскомъ стилѣ и повторяются, затѣмъ, во всѣхъ изображеніяхъ нашего клада.

Слѣдующее по времени изображеніе Болгаръ находится на выходной миниатюрѣ греческой *Исаакъ* библіотеки Св. Марка въ Венеціи за № 17, рукописи, исполненной для царя Василія II Болгаробойцы около 1014 года, т. е. того времени, когда его войны съ Болгаріею почти закончились ея покореніемъ. На этой выходной миниатюрѣ византійскій императоръ изображенъ въ тріумфаторскомъ орнатѣ, онъ стоитъ на кругломъ подиумѣ, или пудингѣ, осыпанномъ жемчугомъ; конь въ правой рукѣ и мечъ — въ лѣвой; золотыя латы до пояса; отброшенный назадъ и застегнутый фибулою посреди груди, пурпурный плащъ — сагій, и наконецъ, военныя поножи — все это представляетъ намъ полководца, празднующаго свою побѣду. Не даромъ поэтому концомъ коня касается онъ согнутой выи одного изъ покоренныхъ, а это коню поддерживаетъ вверху архангелъ Михаилъ въ то время, какъ архангелъ Гавріилъ придерживаетъ на головѣ его императорскій вѣнецъ, на него возложенный незримо самимъ Спасителемъ. По сторонамъ императора шесть небольшихъ иконокъ представляютъ святыхъ Оеодора, Димитрія, Георгія, Проксія, Меркурія и другого Оеодора — все святыхъ воиствующихъ патроновъ греческаго войска. Къ ногамъ императора напидрадами — видны восемь фигуръ — покоренные имъ Болгары. Мы видимъ ихъ старѣйшихъ, навшихъ, или повергающихся на землю, и умоляющихъ его о пощадѣ. При этомъ земномъ поклонѣ они простираютъ впередъ обѣ руки въ знакъ рабской покорности. Фигуры эти, несомнѣнно, типичны и передаютъ намъ многія реальныя черты племени. Самое важное для насъ — это отсутствіе монгольскихъ чертъ въ этихъ головахъ: широкія скуластыя лица, большая шапка волосъ, не рѣдко косматыхъ, на головѣ, густыя и большія бороды то клиномъ, то лопатой, маленькіе глаза — таковы черты этихъ болгаръ, явно уже не кочевниковъ, но славянскаго племени. Любопытно, что всѣ фигуры отличаются тучностью и сравнительно низкимъ ростомъ. Всѣ одѣты въ большіе подпоясанные халаты, при томъ азіатскаго покроя, съ косымъ воротомъ и съ запашкой. Кафтаны длинныя, до ступней и переносаны наборнымъ поясомъ. На всѣхъ кафтанахъ, выше локтя, имѣется особая окружающая руку, нашивка съ жемчугомъ, очевидно, почетная. Только у одного старѣйшины того самаго, на спину котораго поставилъ Василій древко своего коня, имѣется еще особое жемчужное оплечье, прототипъ

извѣстныхъ бармъ и знакъ нѣкотораго патриціанскаго достоинства. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ должно поставить остроумно отысканныя покойнымъ В. В. Стасовымъ два изображенія болгарскихъ воиновъ въ извѣстномъ

2. Василій II-й «Българобойца» и болгарскія депутати. — Миниатюра Греческой Псалтыри въ Библ. ц. Св. Марка за № 17.

Ватиканскомъ Менологiи (№ 1613), играющихъ роль палачей, въ сценѣ мученической смерти Славянъ Адрианоза, казненныхъ болгарскимъ ханомъ Крумомъ въ 814 году. Извѣстно, что Ватиканскiй Менологiй писанъ для того же императора Василія II, по, сравнительно съ венеціанскою Псалтырью, эта великолѣпная рукопись выполнена лучшими художниками своего времени, которые, хотя были по призванію и по характеру своего письма скорѣе иконописцами, однако, стояли еще до извѣстной степени на почвѣ воспроизведенія искусствомъ дѣйствительной жизни. Стасовъ въ своей книгѣ¹⁾ сомнѣвается, какъ назвать людей, совершающихъ казни мучениковъ отсѣченіемъ головы: профессиональные ли это палачи или простые воины, хотя они не имѣютъ ни кольчугъ, ни шлемовъ, а являются передъ нами въ своемъ народномъ костюмѣ. Онъ рѣшается ихъ назвать даже палачами, соображаясь съ тѣмъ, что въ многочисленныхъ сценахъ мученической кончины и различныхъ истязаній святыхъ въ Менологiи являются также самые разнообразныя: армянскіе, мавриганскіе, еврейскіе палачи и что, если существовали палачи византійскіе, то и ханъ Крумъ, подобно вообще восточнымъ владыкамъ, могъ имѣть своихъ болгарскихъ палачей. Не надо, однако, забывать, что въ житіяхъ святыхъ мучителями являются, обыкновенно, воины, согласно съ римскимъ, а затѣмъ, конечно, и византійскимъ обычаемъ. В. В. Стасовъ прекрасно разобралъ болгарскую зимнюю одежду одного воина: его мѣховой кафтанъ — кокухъ надѣтъ, очевидно, по голому тѣлу, шерстью (овечьей) внутрь; шея закрывается мѣховымъ воротникомъ. На головѣ шапка, съ матерчатымъ цвѣтнымъ верхомъ, также мѣховая и съ мѣховою небольшою опушкой. Кафтанъ разлѣзной спереди и застегнутъ особыми петлицами, вѣршѣ, аграфами изъ шнурковъ, принятыми на кафтанахъ древне-русскихъ князей и вообще въ народномъ русскомъ костюмѣ, вплоть до XIV столѣтія. Стасовъ находитъ такія же петлицы въ народныхъ одеждахъ у Поляковъ, Литовцевъ, Словаковъ, Хорватовъ и Венгровъ. Несомнѣнно, эти характерныя петлицы являются принадлежностью одежды древнихъ кочевниковъ и, какъ угадываетъ вѣрно Стасовъ, specially монгольскихъ и тюркскихъ племенъ. На поясѣ Болгарина подвѣшены ножикъ, амулетъ въ видѣ зуба, вѣроятно, коготь и мѣсечекъ. Фигура другого Болгарина одѣта въ богатую цвѣтную матерію, изъ которой сдѣланъ опять такой же разлѣзной напередѣ кафтанъ. Матерія эта византійскаго производства, выткана большими кругами съ розетками въ серединѣ, что показываетъ въ этомъ вошгѣ приближеннаго тѣлохранителя.

1) «Миниатюры рукописей» стр. 12—16.

Слѣдующее по времени изображеніе Болгаръ дается уже въ національной исторической рукописи, извѣстной подъ именемъ *Манассиной лѣтописи*, въ Ватиканской бібліотекѣ. Это есть переводъ на болгарскій языкъ сочиненія Константина Манассіи, написаннаго въ XII вѣкѣ на греческомъ языкѣ, исполненный при болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Александрѣ. Рукопись считается подлиннымъ экземпляромъ и должна принадлежать такимъ образомъ, къ XIV вѣку. Переводъ дополненъ болгарскими вставками изъ древнихъ лѣтописныхъ записей, а рисунки, по своей характерной реальности, имѣютъ весьма важное значеніе. Важность эта сознавалась съ давнихъ поръ, и еще въ 1842 году Московское Общество Исторіи и Древностей хотѣло издать Манассину лѣтопись, но вѣрныя копія ея миниатюръ сдѣланы были только по порученію Стасова извѣстнымъ художникомъ Котарбинскимъ (таблицы I, II и III). Мы не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ покойнаго В. В. Стасова, что рисунки Манассиной лѣтописи такъ чужды византійскаго искусства, какъ онъ предполагаетъ. Въ подробномъ его разсужденіи объ этомъ предметѣ отъ стр. 32 по 47-ю и вновь въ особомъ отдѣлѣ отъ 48 по 49 стр. слѣдовало бы построить все изложеніе обратно. А именно, Стасовъ прежде всего старается доказать, что въ рукописи очень много народныхъ болгарскихъ элементовъ по колориту, по фигурамъ, головнымъ уборамъ, передачѣ реальностей, вмѣсто того, чтобы сперва изслѣдовать общую художественную манеру миниатюръ. Эта общая манера, несомнѣнно, греческая, правда, въ своеобразной славянской передачѣ, и потому самое важное было бы для него изслѣдовать, въ чемъ состоитъ и гдѣ именно ощущается этотъ славянской народный элементъ. Простое сравненіе византійской миниатюры XII—XIII столѣтія съ Манассиной лѣтописью показало бы, что славянская передача была извѣстнымъ упрощеніемъ условной иконописной византійской манеры, а это упрощеніе, въ свою очередь, состояло, по всей вѣроятности, въ подражаніи болѣе древнимъ простымъ образцамъ IX—X столѣтій, которые были подъ силу болгарскому рисовальщику. Вотъ почему эта манера Манассиной лѣтописи является болѣе античною, чѣмъ миниатюры византійскія, даже предыдущаго періода XII—XIII вѣка. Здѣсь фономъ служатъ прямо бѣлый пергаментъ и легко, нѣсколькими контурами, обозначенные горы и холмы: рисунокъ, такимъ образомъ, воистинѣ скульптурный, тотъ, который мы встрѣтимъ впоследствии въ нашей новгородской иконописи и въ древнѣйшихъ русскихъ лицевыхъ рукописяхъ. Не входя, однако, въ неумѣстный здѣсь анализъ стиля, замѣтимъ, что реальная передача различныхъ деталей болгарской древности въ этой рукописи не оставляетъ никакихъ сомнѣній, какъ и для древности русской—изъ Радзивилловой лѣтописи, имѣющей съ Манассиною замѣчательное сходство.

Замѣчательно обильныя изображенія Болгаръ и ихъ войнъ съ Византіею и русскими въ миниатюрахъ Манассіиной лѣтописи не отвѣчаютъ, однако требованіямъ исторической реальности. Для В. В. Стасова казалось достаточнымъ доказать, что эту рукопись иллюстрировали болгарскіе рисовальщики, для того, чтобы утверждать затѣмъ, въ видѣ неизбежнаго вывода, будто бы національный элементъ въ этихъ миниатюрахъ занимаетъ видную и характерную роль. Между тѣмъ, именно это послѣднее обстоятельство требуетъ еще особыхъ доказательствъ. Стасовъ пытался и во всѣхъ другихъ случаяхъ, издавая различные славянскіе и восточные орнаменты, даже разновидности древне-русскаго орнамента, доказывать ихъ племенные, даже мѣстные, особенности и перѣдко доходилъ до явныхъ крайностей, утверждая, напримѣръ, что вся фауна и флора въ орнаментикѣ рукописей болгарскихъ, сербскихъ и пр., чисто мѣстные, національныя, хотя бы, напр., въ этой орнаментикѣ играли видную роль змѣишья плетенія. Между тѣмъ въ такой художественной средѣ, какъ миниатюра, которая наиболѣе является дѣломъ подражанія лучшимъ извѣстнымъ образцамъ и, затѣмъ, усвоенныхъ въ школѣ миниатюристовъ преданій, такъ назыв. національный элементъ можетъ быть вскрытъ только въ результатѣ историческаго разбора всѣхъ другихъ, несравненно болѣе общихъ свойствъ. Для того, чтобы доказать, напр., народность миниатюръ Манассіиной лѣтописи, Стасовъ рѣшился увѣрять, что царь Іоаннъ Асѣня, навѣрное, въ то время, когда заказывалъ иллюстрацію Манассіиной лѣтописи, особенно враждовалъ съ греками и, конечно, велѣлъ рисовальщикамъ и писателямъ прибавить къ рукописи «цѣлую массу своего болгарскаго элемента». Какъ подобныя соображенія можно считать произвольными, такъ и многіе другіе выводы покойнаго археолога излишними, равно и многія его соображенія о народныхъ элементахъ миниатюры. Такъ, желая утвердить свою догадку, что рукопись дѣлана нѣсколькими рисовальщиками, онъ перемѣрилъ на многихъ десяткахъ рисунковъ головы фигуръ, чтобы показать, какъ разнообразны размѣры у различныхъ рисовальщиковъ. Между тѣмъ, и здѣсь, въ этихъ различныхъ манерахъ слѣдовало, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ основномъ вопросѣ: не пользовались ли миниатюристы лѣтописи какими либо оригиналами и образцами. Затѣмъ, Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что особый рисовальщикъ писалъ миниатюры, съ содержаніемъ изъ современнаго ему царствованія (однако, всего только 5 миниатюръ); ко второй группѣ относятся миниатюры, изображающія царей восточныхъ, римскихъ и византійскихъ и событія ихъ времени; къ третьей — картинки сраженій и сцены изъ исторіи разныхъ народовъ, четвертая же группа представляетъ изображенія византійскихъ царей. Если заинтересованный читатель обратится, затѣмъ, дѣйствительно, къ своему оригиналу, то

онъ увидить на протяженіи всей рукописи все одну и ту же манеру, иногда лучше выполненную, иногда похуже, съ фигурами то покрупнѣе, то помельче, то болѣе аккуратно выполненными, то болѣе небрежно, то легкими античными полутонами, то болѣе густыми красками, но рѣшительно не въ состояніи будетъ открыть тѣ четыре загадочныя группы, на которыя онъ дѣлитъ всю лѣтопись. Кромѣ того, мы знаемъ рукописи, подобнымъ образомъ розбитыя по частямъ и выполненныя цѣлою иконописной мастерской: таковъ знаменитый Менологій. Но тамъ вездѣ подписаны имена самихъ мастеровъ, и миниатюры представляютъ своего рода особья, тщательно выполненныя, иконы. Ничего подобнаго нѣтъ здѣсь. Но и самому В. В. Стасову это установленное имъ различіе совсѣмъ не понадобилось, потому что онъ тутъ же рядомъ посѣпшилъ доказать, что даже византійскіе миниатюристы были внимательны ко всѣмъ этнографическимъ особенностямъ и старались передавать ихъ точно и вѣрно. Такимъ образомъ, по соображеніямъ автора, даже болгарскія миниатюры изобилуютъ условными приемами, въ которыхъ отсутствуетъ реальная правда: такъ, напр., царь или князь представляется въ вѣнцѣ, или коронѣ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни: дома, въ сраженіи, во снѣ, даже послѣ смерти. Но нашему, такіе рисунки называются по просту игрушечными, дѣтскими, варварскими, но на подобный игрушечный характеръ мы имѣли случай указать и въ греческихъ иллюстрированныхъ хроникахъ, какъ, напр., въ извѣстной Мадридской рукописи Іоанна Скилицы.

Мы не будемъ повторять Стасова въ тѣхъ обзорахъ реалій лѣтописи, которыя, къ сожалѣнію, исполнены, главнымъ образомъ, для того, чтобы доказать характерныя болгарскія особенности этой иллюстраціи. Стасовъ находитъ тамъ болгарскую національную царскую шапку (въ формѣ митры), которую мы признаемъ только великокняжеской, а не царской или императорской, въ собственномъ смыслѣ слова: находитъ коническія шапки у народа и сблизаетъ ихъ съ банкирскими, киргизскими, черемисскими, мордовскими, бурятскими и гилъакскими колпаками (тюбетейки), которымъ всѣмъ онъ даетъ названіе «азіатскихъ островерхихъ». Эта послѣдняя деталь угадана и этнографически обставлена вѣрно, но ей не достаетъ историческаго объясненія. Далѣе, мы находимъ у Стасова замѣчательный трактатъ о восточномъ характерѣ вооруженій болгаръ, представленныхъ въ Манассиной лѣтописи. Должно признать, однако же, что и для этой части отсутствуютъ важнѣйшія историческія справки, а потому восточный элементъ остается, въ данномъ случаѣ, пока въ области гаданія, а не утвержденія. Къ тому же и сама Манассина лѣтопись, на нашъ взглядъ, вовсе не представляетъ того точнаго воспроизведенія реальной древности болгарскаго народа, какъ о томъ мечтали Стасовъ. Оставаясь въ области традицій, ея рисовальщики, даже въ тѣхъ

случаяхъ, гдѣ они должны были быть самостоятельны, ограничивались, конечно, воспроизведеніемъ безъ разбора всего того матеріала, который имъ, какъ нашимъ иконописцамъ, становился извѣстенъ, при чемъ, не разбирая, откуда этотъ матеріалъ происходилъ и кому принадлежалъ, они использовали его въ предѣлахъ надобности. Вотъ почему, напр., мы встрѣчаемъ въ лѣтописи и маленькіе круглые щиты, естественные и понятные въ рукахъ Варяга, бьющагося мечемъ, и большіе, чуть не въ ростъ человѣка, для предохраненія отъ стрѣлъ и то, и другое въ перемежку. Врядъ ли самыя тонкія ухищренія откроютъ сокровенный и при томъ точный смыслъ изображеній той или другой формы у тѣхъ, или иныхъ отрядовъ. Мы можемъ добавить къ анализу Стасова, что даже и имъ самимъ не все, однако, въ миниатюрахъ лѣтописи точно понято. Такъ, напр., его удивленіе передъ изображеніемъ болгарскихъ горожанъ въ лѣтописи въ длинныхъ, прямыхъ кафтанахъ, основано на томъ, что онъ сравниваетъ ихъ съ двумя палачами Менологія. Конечно, говоритъ онъ, между Менологіемъ и Манассиной лѣтописью лежатъ два столѣтія, а во-вторыхъ, тамъ Болгары изъ народа, и они въ азіатскомъ костюмѣ, а здѣсь, въ Манассиной лѣтописи, это — представители города: купцы или промышленники и проч. Мы должны сказать, что кафтаны этихъ Болгаръ тождественны съ одеждами старѣйшихъ, навиныхъ у погъ Василія II въ Венеціанской псалтыри и поэтому всѣ догадки Стасова о томъ, что горожанъ Манассиной лѣтописи рисовальщикъ одѣлъ, будто бы, въ костюмъ западныхъ областей Болгаріи, гдѣ властвовалъ царь Самуилъ, излишни и исторически не вѣрны. Западные области Болгаріи, средоточіе и столицы Самуила — та же самая Охрида, которая и нынѣ по народнымъ одеждамъ является, такъ сказать, болѣе болгарскою, чѣмъ сама Болгарія. Въ заключеніе долженъ сказать, что во всей лѣтописи отсутствуетъ какое либо изображеніе болгарскихъ женскихъ костюмовъ, и женщины представлены, по словамъ самого Стасова, въ условныхъ костюмахъ, не принадлежащихъ ни къ какой національности, т. е., по нашему, въ условныхъ иконописныхъ типахъ, которые и доселѣ, напримѣръ, царствуютъ въ нашей иконописи. Если же принять во вниманіе, что именно женскіе костюмы, въ силу племенной и личной женской консервативности, составляютъ у народа національную особенность, значеніе Манассиной лѣтописи, какъ источника болгарскихъ древностей, становится очень сомнительнымъ. Если же мы и говорили объ этомъ болѣе подробно, чѣмъ, можетъ быть, эта рукопись заслуживаетъ, то именно потому, что ей придается и совершенно излишнее, съ нашей точки зрѣнія, значеніе и при томъ не только Стасовымъ, но напр. Шлюмбергеромъ въ его сочиненіи объ императорѣ Никифорѣ Фока, воспроизведемъ цѣлые ряды миниатюръ этой рукописи, а вслѣдъ за нимъ и самими болгарами, кото-

рые воспроизвели почти весь этот рядъ рисунковъ, передавши и его рассказъ о событіяхъ въ Болгаріи въ ученомъ сборникѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія ¹⁾).

И такъ, изъ историческихъ источниковъ по народнымъ древностямъ болгаръ и болгарскихъ славянъ, напознанныхъ Македонію, ни одинъ не имѣетъ важнаго значенія, а если и есть иные — мы ихъ пока не знаемъ и болгарской наукѣ предстоитъ не легкая задача ихъ открыть. Но въ изслѣдованіи народной старины и древности есть еще одна область, и весьма обширная, которая можетъ быть использована съ большими результатами, — область народной этнографіи. Болгарская наука, очевидно, это живо почувствовала, такъ какъ уже самые первые ея шаги посвящены этой области въ различныхъ весьма обширныхъ и разнообразныхъ ея отдѣлахъ. Конечно, доселѣ, главный матеріалъ собранъ почти исключительно, по такъ называемому фольклору: народные пѣсни по преимуществу, народные сказки, различные народные обычаи, — таково содержаніе множества появившихся сборниковъ, трактатовъ и руководящихъ статей. Будучи чуждымъ этой области, я не буду говорить объ этомъ матеріалѣ вовсе и предоставляю, въ частности, своему соотечественнику по экспедиціи проф. И. А. Лаврову, намѣревающемуся напечатать въ особомъ томѣ этнографическіе матеріалы по Македоніи, высказаться также и по вопросу объ отношеніи македонскаго матеріала къ собственно болгарскому. Этотъ матеріалъ почти исключительно ограничивается народными пѣснями и сказками, сборники которыхъ даже для самой Македоніи насчитываются въ значительномъ числѣ. За этимъ слѣдуютъ нѣкоторыя публикаціи по изученію обрядоваго и экономическаго быта, а также обычнаго права, но, конечно, главный матеріалъ сосредоточивается на лингвистическихъ наблюденіяхъ по Македонскимъ говорамъ и въ связи съ этимъ всевозможные трактаты и статьи политическаго характера по вопросу о національности македонскихъ Славянъ. По изученію внѣшняго быта: жилищъ, народныхъ одеждъ и ихъ украшеній, народному орнаменту и прочимъ сторонамъ народнаго быта Македонскихъ Славянъ и самихъ Болгаръ, сдѣлано пока весьма мало ²⁾ и то ограничивается, главнымъ образомъ, нѣсколькими иллюстраціями народныхъ костюмовъ въ книгахъ путешествій по Македоніи и отчасти въ Сборникѣ Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія. Между тѣмъ, Болгары вообще и болгарскіе Славяне въ Македоніи представляютъ собою племя, въ высокой степени любопытное для всякаго

1) Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, V, 1891, стр. 233—266.

2) К. А. Шапкарева. *Сборникъ отъ Български народни умотворенія*, VII, 1891. *Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина*, 1888 и слѣд. годовъ. Д. Мариновъ. *Жива старина*, кн. II, 1892, съ рис.

рода научныхъ этнографическихъ изслѣдованій. Прежде всего потому, что это племя отличается замѣчательнымъ архаизмомъ народнаго характера. Въ силу этого архаизма языкъ племени, а равно и языкъ славянъ Македоніи охватываетъ доселѣ, какъ онъ составлялъ въ IX вѣкѣ, самобытное племя, отличающаюся опредѣленную народность. Конечно и на Балканскомъ полуостровѣ многія части племенъ—но не цѣлыя племена—перемѣнились, въ силу своего историческаго существованія, свой народный языкъ и усвоили себѣ языкъ чуждый. Такъ, въ самой болгарской націи, ея верховный туранскій элементъ настолько подчинился славянскому, что совершенно утратилъ свой языкъ и принялъ языкъ покореннаго крѣпостнаго племени. Романскіе языки были усвоены также цѣлымъ рядомъ мѣстностей, подъ условіемъ латинской, а затѣмъ итальянской культуры; огречились многія части Влаховъ и Албанцевъ. И, тѣмъ не менѣе, и Болгарія и македонскіе Славяне удержали во всей силѣ свой основной національный характеръ, конечно, потому, что вслѣдствіе малаго развитія городовъ, восточная половина Балканскаго полуострова всегда жила селами, сохраняла свой языкъ, удерживала свое обычное право и хранила вѣковую обстановку быта. Но даже и въ городахъ Македоніи различныя племена и національности доселѣ живутъ отдѣльными кварталами: въ плоскихъ торговыхъ частяхъ города тѣсно ютятся Греки и рабочій классъ славянскій; въ высокихъ частяхъ и широко живутъ Турки и вообще мусульмане, Албанцы и друг. Не даромъ также изслѣдователи экономическаго быта Болгаріи рѣшаются (конечно, на первый, быть можетъ, весьма поверхностный взглядъ) утверждать, что лѣсной характеръ почвы въ Болгаріи является весьма значительнымъ фактомъ, потому что онъ представляетъ намъ зрѣлище народа, происходящаго изъ пастушескаго быта и принужденнаго отдалиться земледѣлію въ стѣни почвы, ему родной. Исключительно земледѣльческій характеръ Болгарь, отсутствіе у нихъ торговли, обусловливается отсутствіемъ путей и удаленіемъ большихъ центровъ потребленія. Ихъ промышленность исключительно домашняя, отираемая въ нѣдрахъ общины и задруги и слѣдующая патриархальнымъ преданіямъ, сложившимся въ родовомъ быту въ стѣняхъ, а, затѣмъ, окрѣпшая въ ихъ новой осѣдой жизни среди горныхъ склоновъ, ущелій и долинъ Балканскаго полуострова. Отсутствіе всякой безопасности еще болѣе отдалило македонское славянство отъ торговли, отчасти отъ накопленія денежныхъ богатствъ и выработало тотъ необычайно устойчивый характеръ, который отличаетъ это племя и въ его политической жизни и помогаетъ ему выдерживать еще невиданные ужасы организованаго правительствомъ разбойничества.

Мы не памѣрены вовсе, однако, заниматься на страницахъ книги, дающей только отчетъ по археологическому путешествію въ Македонію, раз-

смотрѣніемъ вопросовъ этнографическаго быта македонскихъ Славянъ. Это не только потребовало бы совершенно иныхъ, несравненно болѣе продолжительныхъ и чистыхъ этнографическихъ поѣздокъ, но даже и въ элементарной формѣ и радикально измѣнило бы самое содержаніе книги. Наконецъ, я лично не обладаю необходимымъ знакомствомъ со всѣмъ тѣмъ, что принято доселѣ называть «этнографическими изслѣдованіями быта и вижу въ нихъ пока только любительскія упражненія коллекціонеровъ, занятыхъ сложною статистикою, но мало задумывающихся надъ тѣмъ, чтобы начать наконецъ, дѣйствительно, научное обслѣдованіе этого матеріала. Тѣмъ болѣе, даже въ «Сборникѣ» Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія большинство опубликованныхъ рисунковъ не даетъ даже определенныхъ типовъ полного болгарскаго костюма, а акварельные снимки рассчитаны прямо на украшеніе научнаго журнала. Дѣло въ томъ, что основной смыслъ и интересъ народныхъ одеждъ вообще заключается въ ихъ сравнительно-историческомъ отношеніи къ определеннымъ образцамъ ихъ — древнимъ культурнымъ типамъ. И въ данномъ очень крупномъ вопросѣ, какъ и раньше, по поводу, такъ называемой, доисторической археологіи, столь, пропущенной въ свое время, но нынѣ преждевременно увядшей, такъ и нынѣ, по поводу этнографической статистики приходится говорить то же самое, столько же въ видѣ критики, сколько послышнаго отвѣта на вопросъ. Эта мнимая наука этнографіи, поставленная, будто бы, на основахъ доисторической археологіи, не можетъ работать научно до тѣхъ поръ, пока не превратится въ извѣстной части сама въ науку историческую, или, хотя бы, не займется своимъ матеріаломъ съ помощью сравнительно-историческаго метода. Объ этомъ, конечно, мало кто пока помышляетъ и, чтобы убѣдить въ немъ другихъ, пришлось бы посвятить для доказательства этого положенія цѣлое изслѣдованіе, которое мы и надѣемся сдѣлать, на основаніи болѣе намъ извѣстныхъ русскихъ древностей и предметовъ русскаго народнаго быта, а потому въ настоящемъ случаѣ, ограничимся прямо примѣненіемъ выставляемаго положенія только на одномъ пунктѣ болгарской этнографіи: на разборѣ женскихъ народныхъ одеждъ у Славянъ Македоніи и ихъ уборовъ. Мы опускаемъ при этомъ мужскія одежды потому, что онѣ гораздо болѣе подпадаютъ зависимости отъ чуждыхъ вліяній: албанскаго, турецко-греческаго, куцо-влашскаго и даже сербскаго, тогда, какъ женскія народныя одежды Македоніи, за малыми измѣненіями и если не принимать во вниманіе нѣкоторые преувеличенія мѣстной моды, — на всемъ пространствѣ Македоніи почти однѣ и тѣ же.

Даже и здѣсь, въ народныхъ уборахъ украшенія головы, или такъ называемые, головные уборы играютъ видную роль среди другихъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ различные платки, которыми, такъ или иначе, покры-

вается голова замукиныхъ женщинъ — такъ называемые у насъ *повои*. У Болгаръ мужичи бѣлый платокъ окутываютъ голову, обыкновенно, лѣтомъ на земледѣльческихъ работахъ (см. ниже рисунокъ жнецовъ Нагорича), а поэтому, затѣмъ, его обычно носятъ батраки, старики и бѣдные крестьяне. Напротивъ того: дѣти, молодые, а, затѣмъ, и въ городѣ селяки носятъ разнаго вида шапки, о которыхъ здѣсь не будемъ говорить, а иногда, хотя очень рѣдко, и фески. Напротивъ того, замукиныя женщины всегда покрываютъ голову платками, хотя бы во время работъ и дома, при этомъ или однимъ, окутывая голову по мужескому, или же двумя: однимъ бѣлымъ и

3. Селяки въ с. Постоля.

другимъ цвѣтнымъ, но полосатымъ. Полосатый платокъ складывается обыкновенно на подобіе полотенца, при чемъ полоски идутъ вертикально, и накладывается на голову такъ, что спускается на плеча. Бѣлый же платокъ, на подобіе покрывала, поверхъ него; затѣмъ, есть обычай свертывать полосатый платокъ также въ видѣ жгута и прищипывать его къ самому новоу подъ подбородкомъ. Иногда такимъ образомъ, что лицо снизу оказывается имъ закрыто. Мы уже имѣли случай разсматривать женскіе повои въ историческомъ костюмѣ¹⁾ и установить его обще-восточное происхожденіе. Въ частности, однако, должно сказать, что въ болгарскихъ повоихъ именно форма подвѣснаго полосатаго жгута является наиболѣе замѣчательною, такъ какъ она напоминаетъ собою тѣ драгоценныя подвѣсныя цаты къ иконамъ

1) Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. 1906, стр. 112—114.

Богоматери, о происхожденіи которыхъ мнѣ приходилось говорить еще разѣе.

Самая любопытная замѣна этой подвижной паты въ головныхъ уборахъ является въ видѣ цѣлаго ряда легкихъ металлическихъ блишекъ, нашпигованныхъ на проволоку сплюснutoй книжкой и въ видѣ трехъ такихъ подвижковъ, прицѣпленныхъ къ головному платку. Такого рода подвижныя вязки вѣсятъ сильно, помогаютъ удерживать на мѣстѣ весь головной уборъ, но, въ свою очередь, пуждаются въ особой подкладкѣ, путемъ подвѣшиванія второго платка (см. рис. 4). При этомъ надъ челомъ по головному платку протянута пурпурная челка, или діадема, пурпурнаго цвѣта, вся набранная орнамен-

4. Селяки изъ окрестностей Салоникъ.

томъ, съ бѣлыми звѣздочками по пурпурному полю. Еще сложнѣе, и еще болѣе громоздкимъ и тяжелымъ головнымъ уборомъ является большой затканый всевозможными узорами четырехугольный платокъ, окаймленный густыми кружевными уборами, а внизу широкой, спускающейся на спину полосой бахромы. Этого рода платокъ напоминаетъ собою до извѣстной степени головной уборъ трансевершпокъ въ Римѣ, столь пзлюбленный живописцами. Очевидно, толстая, затканная матерія этого платка, или плата, отвѣчаетъ древнему куску парчи, который удерживается на головѣ тѣмъ, что пришивается, въ свою очередь, къ головному платку. При такомъ головномъ уборѣ полагается, затѣмъ, на самыхъ вискахъ особаго рода жемчужныя дорожки, замѣняющія косы, украшенныя жемчугомъ. Кромѣ того, на

плеча спускаются двѣ ленты, состоящія изъ металлическихъ шнзкъ, подобныхъ же легкихъ бляшекъ. Весьма характерно, затѣмъ, что у дѣтей, въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ подобная форма убора, голова покрывается конической тибетейкой, напоминающей колпаки паней Мордвы и паннхъ Черемисъ. Что касается, наконецъ, металлическихъ уборовъ, то, кромѣ указанныхъ ожерелій, существуютъ еще начельныя металлическія украшенія, а также височныя, но почти исключительно въ видѣ прицѣпленныхъ кистей, съ ажурными буснами къ головному платку, хотя уже нигдѣ не видно, кромѣ обычныхъ серегъ, ни височныхъ подвѣсокъ, ни большихъ среднеазійскихъ кистей съ ворворками, или съ кораллами и бусами.

Основнымъ одѣяніемъ тѣла¹⁾ является затѣмъ длинная бѣлая *рубаша* съ широкими рукавами, или рабочая, и, въ такомъ случаѣ, лишенная по подолу всякихъ украшеній, или же расшитая по вороту, по каймамъ прорѣза на груди, по рукавамъ и подолу обыкновенно черною и цвѣтною шерстью. Рубашка эта подпоясывается съ начала тонкимъ шнуромъ, затѣмъ, поверхность ея надѣвается открытый *жилетъ* или *камзолъ*. Далѣе, широкій, свернутый во много разъ, и полосатый, нестрѣй *поясъ*, и подъ нимъ привязывается, вокругъ тѣла, широкая понева изъ толстой полосатой домашней матеріи крашеной шерсти. Таковъ простѣйшій костюмъ. Слѣдующій вариантъ этого основнаго типа въ современномъ костюмѣ представляется увеличеніемъ жилетки, или камзола, изъ рабочей куртки въ пышную кофту съ полами, достигающими до коленъ и съ широкими рукавами до локтей (*зубунче*). Такого рода верхняя одежда пышно расширяется по *верхней* части рукавовъ, далѣе, снзюнь по переднимъ поламъ и сзади по обѣ стороны сннны, за исключеніемъ ея средины, — обстоятельство очень характерное, которое надобно имѣть въ виду для того, чтобы понять историческое происхожденіе украшеній этой одежды. Если подобная кофта имѣетъ рукава, то никакой шой верхней одежды не полагается, развѣ для зимы, или дождливаго времени. Если же рукавовъ нѣтъ, то надѣвается еще широкій бѣлый сукошый *халатъ*, длиною до коленъ, или безъ рукавовъ, коль скоро есть уже куртка съ рукавами, или же съ рукавами и украшается по вороту, по каймамъ обѣихъ полъ и по низу. Эта одежда называется или просто *сукманъ*, или *кюрдія*.

1) Приводимъ здѣсь, для общей иллюстраціи, снимки народныхъ одеждъ (рис. 3—8) изъ окрестностей Солуни, с. Постоля и Битоля; ниже будутъ помѣщаться снимки одеждъ въ окрестностяхъ Скопле, Охриды и др., характерныхъ для этихъ мѣстностей и представляющихъ своеобразные типы и варианты. Для поясненія и подтвержденія приводимыхъ туземныхъ названій въ концѣ главы помѣщается, въ видѣ приложения, описаніе женскихъ одеждъ въ селахъ близъ Охриды, изъ книги Шапкарева «Сборникъ отъ болгарски народни умотворения», III, 1, 2, VII, 1891, въ переводѣ съ болгарскаго.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности вокругъ Битоля, и селахъ Охриды, къ этому основному славянскому женскому костюму Македоніи добавляется замѣчательный и совершенно оригинальный *поясъ* (рис. 7—8), состоящій изъ нѣсколькихъ очень длинныхъ толстыхъ и крайне твердыхъ полосъ, шитыхъ и вязанныхъ изъ цвѣтной шерсти. Этимъ поясомъ опоясываются постепенно, начиная съ одного конца, и обматывая по нѣсколько разъ талию, такимъ образомъ, чтобы каждая полоса выдѣлялась и выступала ясно, а, главное, чтобы на свободѣ была видна бахромная обшивка полосъ, приходящаяся, главнымъ образомъ, сзади и иногда даже замѣняемая низашемъ изъ бляшекъ. Когда такой поясъ обернуть бываетъ до 6—7 разъ, затѣмъ, спереди выпускается его широкій конецъ, образуя по переду, какъ бы особенно богато орнаментированный передникъ, который приходится, такимъ образомъ, какъ своего рода сѣдло, подъ руками. Подобное же сѣдло изъ цвѣтныхъ полосъ получается и назадъ. Не рѣдко въ этомъ передникѣ устраивается большой карманъ, который обшивается кожей и въ который кладутся всевозможныя вещи, а, затѣмъ, карманъ этотъ пышно орнаментируется включительно до шитя серебромъ и золотомъ. Уже подъ вліяніемъ албанскихъ модъ, которыя, однако, имѣютъ мѣсто не вездѣ, поверхъ этого же пояса спереди пристраивается, или даже подвѣшивается металлическій поясъ, изъ обычныхъ двухъ широкихъ и ажурныхъ бляхъ дурнаго серебра, застегивающихся пряжкой. Въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто подобнаго, сильно уродующаго женщину, пояса, появляется другой широкій поясъ, обыкновенно кожаный съ насаѣчками или съ нашивками, а подъ нимъ особый богатый передникъ, орнаментированный. На ноги надеваются шерстяныя чулки (чорани), украшенные также разнообразными геометрическими орнаментами вышивками и нерѣдко красныя башмаки, тоже мѣстами расшитые. Подобныя же, довольно высокіе чулки, украшенные также вышивками, носятъ и мужчины. Весь этотъ женскій костюмъ, равно, какъ отчасти и мужской и въ Македоніи и въ Болгаріи является домодѣльнымъ, нерѣдко тчется также дома и дома же вышивается, а покупаются только мѣхъ и кожа, да еще, конечно, металлическія бляхи, или монеты, служащія украшеніями. Есть, конечно, множество варіантовъ и костюма и уборовъ по различнымъ мѣстностямъ. Однако, главный типъ остается приблизительно тотъ же самый, и потому мы можемъ приступить къ его краткому историческому разбору, не нуждаясь въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Но предварительно надо сдѣлать одно общее замѣчаніе по поводу самой орнаментации. Уже было не разъ упомянуто, что всѣ болгарскія одежды сдѣланы ли онѣ изъ грубаго полотна, или бѣлой шерсти — часто мужскія, но, главнымъ образомъ, женскія — вышиваются черною шерстью, даже красною,

зеленою шерстью уже въ деталяхъ, или мелкихъ полоскахъ и, при томъ, исключительно геометрическими рисунками, покрывающими коймы и составляющими широкія орнаментальныя полосы. Нерѣдко, среди черныхъ полосъ въ центрѣ ихъ сидятъ бѣлыя звѣздочки, или крестики. Этотъ основной черный цвѣтъ представляетъ собою грубое подражаніе древнему, темно-лиловому (тоже почти черному) пурпуру. Такимъ образомъ, пурпурныя нашивки на подолахъ, паручахъ, рукавахъ выше локтей, на бокахъ и на спинѣ, полосами

5. Селяки въ с. Долна Солня.

по бѣлому кафтану, полосками по чулкамъ и пр. и пр. возстановляютъ ту древнѣйшую орнаментику бѣлыхъ, лиловыхъ, по преимуществу, одеждъ темно-лиловымъ или чернымъ пурпуромъ, которая такъ богато передана намъ контескими некрополями.

Именно въ Египтѣ, гдѣ впервые была выработана орнаментированная туника, съ своими нашивками по вороту, рукавамъ и подолу, не только были пополнены роскошныя образцы, но и создана большая вѣтвь художественной промышленности, такъ какъ этого рода издѣлія сначала самими контескими

торговцами, а затѣмъ, сирійскими и со времени ислама арабами распространены были чуть не по всему древнему міру.

Точнѣе говоря, были запесены, какъ предметъ подражанія въ дѣлѣ роскоши, ко всѣмъ тѣмъ, пачинавшимъ въ то время жить культурною жизнью націй, племенамъ, которыя могли имѣть съ сирійской торговлей прямыя сношенія. Такимъ образомъ, предметы эти шли на одномъ концѣ древняго міра черезъ Кавказъ и по Каспійскому морю во все Поволжье и на другомъ концѣ по всѣмъ берегамъ Африки, вплоть до Геркулесовыхъ Столповъ, т. е. до Гибралтара. Какъ извѣстно, пурпуръ всегда составлялъ, однако, въ древности царскій цвѣтъ и принадлежность царственного облаченія. И вотъ, между тѣмъ, онъ является украшеніемъ, наиболѣе обычнымъ, народныхъ одеждъ въ Македоніи. Мало того, по указанію Верковича¹⁾, есть цѣлая мѣстность, въ которыхъ даже мужчины носятъ «черную параминцу» (верхнюю одежду) очевидно, своего рода, плащъ, накидку, украшенную бахромою. Игители Водены и Острова, говоритъ тотъ же Верковичъ, надѣваютъ длинную до земли шерстяную, черную «багряницу» (по словамъ того же Верковича, въ древнее время, по преданію, она (будто бы) была красная), вышитую гудубыми шнурками, на мѣховой подкладкѣ, съ длинными, открытыми рукавами, висящими позади; подъ багряницею, они надѣваютъ короткую «долому» (куртка), съ такимъ же вышиваніемъ, какъ и багряница. Изъ этого свѣдѣнія слѣдуетъ изъять ошибочную догадку, что эта «черная» багряница въ древнее время была «красная». Въ свое время, на основаніи византійскихъ миниатюръ, мы имѣли случай говорить много разъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя перенесъ византійскій пурпуръ на протяженіи тысячелѣтняго существованія имперіи и отмѣчать особо въ разныхъ случаяхъ тѣ варианты цвѣтовъ пурпура, которые, пачинаая приблизительно съ IX вѣка, существовали въ византійской промышленности одновременно; послаи разные спеціальныя наименованія. Здѣсь же ограничусь краткимъ указаніемъ, что уже въ IX вѣкѣ *коричневый* (шоколадный) цвѣтъ пурпура (натуральный и господствовавшій въ древности) былъ крайне рѣдокъ и оказался замѣненнымъ различными видами *темно-лиловою* пурпура, переходящаго въ черноту. Такимъ образомъ, болгарскія народныя одежды, вырабатывавшія свой типъ приблизительно въ то же время, должны были усвоить именно этотъ черный цвѣтъ, кстати, наиболѣе простой и прочный. Но для насъ въ настоящее время важно, прежде всего, самое названіе верхней одежды «багряницею», а потому и ея, такъ сказать, царственное происхожденіе. Мы находимъ у извѣстнаго византійскаго хро-

1) *Описаніе быта Болгаръ, населяющихъ Македонію*, соч. Стефана Верковича, Москва, 1868, изъ «М. Унив. Извѣстій», № 3, 1868, стр. 7, 14, 20 и др.

инкера Евнанія¹⁾: что, когда Гогои, тѣснимые Гуннами въ 376 году были допущены къ переходу черезъ Дунай, на Оракійскій полуостровъ, то распространились всюду въ большомъ числѣ. Но, прежде всего, были приняты и перевезены подростки (*ἄρστρος ἡλικία*), и заботливо распределены между разными народами; рабы же, и жены ихъ, и дѣти, *одни имѣвшіе царскіе знаки, а другія одѣтыя нынѣ, чѣмъ подобаетъ племнымъ*. . . Изъ этого чрезвычайно характернаго текста мы узнаемъ, что у варваровъ, издавна тѣснившихся около Дуная, было предметомъ моды одѣвать своихъ дѣтей въ царскія одежды и, къ тому же эта мода особенно прививалась у военнопленныхъ и продавшихся въ рабство семей. Насколько, однако, подобный обычай кажется страннымъ современному культурному человѣку, привыкшему къ сложной градаціи сословныхъ различій, видно изъ того, что комментаторы и переводчики этого мѣста старались смягчить, или умалить значеніе термина, употребленнаго Евнаніемъ²⁾. Между тѣмъ его терминъ совершенно ясный и, значитъ, по нашему: царскія регаліи, царскія отличія, или, еще проще, царскія знаки и царскія облаченія. Очевидно, историкъ въ дѣтскомъ костюмѣ не могъ же предполагать полнаго подбора регалій: діадемы, мантіи, жезла, пурпурныхъ саножковъ, а хотѣлъ выразить, что на дѣтяхъ были тѣ или другія принадлежности царскаго сана. Кому остается все-таки непонятнымъ такого рода перемѣщеніе царскаго орната въ народныя уборы, достаточно вспомнить хотя бы о «черевичкахъ», которыя стали носить цѣлый рядъ племенъ, окружившихъ Византію. А, вѣдь, мы знаемъ, что пурпурные башмаки въ самой Византіи были недоступны всѣмъ, кромѣ царя и царицы, даже кесарю. Далѣе, сюда же надо присоединить всѣ впечатныя украшенія въ свадебныхъ обрядахъ, имѣющіе тоже происхожденіе, въ танцахъ и хороводахъ, княжескіе уборы дѣтей у восточныхъ народовъ и множество различныхъ освященныхъ преданіями обычаевъ и обрядовъ, о чемъ говорить подробнѣе было бы здѣсь излишнимъ. Что, затѣмъ, пурпуръ сталъ принадлежностью придворныхъ мундировъ, основнымъ цвѣтомъ дорогихъ тканей, оплечій, нашивокъ и украшеній, говорить было бы излишне.

Если мы, затѣмъ, начнемъ перебирать въ средѣ народныхъ одеждъ типы, наиболѣе приближающіеся къ одеждамъ Македонскихъ Славянъ, то, оказывается, должны ихъ искать, съ одной стороны, въ средѣ малорусскихъ одеждъ, а затѣмъ Поволжья и, въ частности, у Мордвы и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ уѣздахъ. Оговоримся заранѣе, что считаемъ невозможнымъ

1) *Corpus Script. hist. Byl. ed Bonn.* I, p. 50, 16.

2) *Ibid.* переводъ: *Signa regia*, Valesius въ прим. insignia. Текстъ Евнанія имѣетъ: βασιλικὰ πρῶτα.

такъ же устанавливать, такъ сказать, степени родства и пытаться различить, кто родной братъ, а кто двоюродный между этими сходными типами, такъ какъ вопросы близости народныхъ одеждъ еще совершенно не установлены, и мы совѣмъ не знаемъ, что, въ данномъ случаѣ, считать, при сравненіи, основнымъ. Такъ наприм., малорусскія поневы оказываются наиболѣе близки

6. Изъ окрестностей Салоникъ.

къ болгарской женской одеждѣ, но при нихъ отсутствуютъ всѣ характерныя головныя уборы, которые, напротивъ того, встрѣчаемъ или на Волгѣ, или у великоруссовъ. Въ силу этого, имѣющіеся у насъ указанія расположимъ просто въ порядкѣ разсмотрѣнія самыхъ уборовъ и одеждъ. Въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ встрѣчаемъ замѣчательное разнообразіе головныхъ платковъ: голубыхъ, красныхъ, коричневыхъ, при томъ большого размѣра, окутывающихъ голову поверхъ бѣлаго убора, который, у замужнихъ женщинъ изъ подъ низу всегда покрываетъ среднюю голову. Такимъ образомъ, головныя покровы сводятся у замужнихъ, къ двумъ платкамъ, — способу, господствующему

у малороссовъ (наприм. въ Новохоперскомъ уѣздѣ)¹⁾, гдѣ манера надѣванія бѣлаго платка колпакомъ наиболѣе подходитъ къ балканской «чалмѣ». Въ томъ же характерѣ, пожалуй, и особое украшеніе снѣжки, въ видѣ выпущенныхъ изъ подъ колпака цѣлаго ряда широкихъ полосокъ, или шитыхъ лентъ съ ковровымъ рисункомъ. Иногда, тамъ же пестрый платокъ, спущенный на снѣжку, повязывается вокругъ красной четырехугольной шапочки, покрывающей волосы (кика). Тамъ же красныя платки повязываются поверхъ пестрымъ полосатымъ платкомъ, въ типѣ «дамасскихъ»

1) Какъ извѣстно многія, русскія народныя одежды и головныя уборы уже стали въ послѣднее время рѣдкостью и то, что воспроизводится обыкновенными иллюстраціями, является уже безхарактернымъ. Но счастливо, мы еще можемъ пользоваться нѣкоторыми старыми рисунками. Обращаемъ поэтому вниманіе на альбомъ рисунковъ художника Павлова 1863 года въ библіотекѣ нашей Академіи Художествъ за № 8, а равно и другіе альбомы тамъ же.

тканей. При этомъ чисто славянскій головной уборъ, повидимому, предпочитаетъ бѣлые головные платки, перевязанные пестрыми полосатыми платками; тогда какъ собственно татарскіе платки красные съ бахромою, а великорусскій — красные и пестрые платки, однакоже, не вокругъ щекъ и не окутывающіе всю голову, какъ то принято у Татаръ. Не должно только думать, что русскіе красные платки были переняты именно у татаръ: подобнаго рода мнѣнія сложились, прежде всего, потому, что русскіе изслѣдователи (В. В. Стасовъ, В. А. Прохоровъ и др.) а priori считали все татарское первобытно народнымъ, примитивнымъ для самихъ Татаръ; тогда какъ и татарскія народные одежды и уборы, какъ можетъ догадаться всякій путемъ сравненія ихъ, сложились, какъ и русскіе, также исторически въ результатъ усвоенія Татарами и Монголами культурно-историческихъ типовъ. Какъ извѣстное, наибольшее¹⁾ разнообразіе головныхъ уборовъ, въ видѣ разноцвѣтныхъ, сложенныхъ платковъ, окутывающихъ или обвивающихъ голову, а затѣмъ, и шею подъ подбородкомъ, сложенныхъ жгутами, въ разныхъ направленияхъ перекинутыхъ черезъ голову и, главное, набираемыхъ изъ бѣлыхъ полотенецъ и пестрыхъ полосатыхъ, обыкновенно, на востокъ (Дамаскъ) шелковыхъ, принадлежитъ Египту и Сиріи. Народные уборы Сирійскаго побережья представляютъ намъ и большія кики, увѣшанныя рядами монистъ и покрытыя полосатыми платками²⁾, и прямо пестрые платки, обмотанные вокругъ головы и удержанные жгутомъ, свернутымъ изъ того же платка. Платки, прикрытые, или прикрѣпленные сверху, какъ діадемой, особымъ галуномъ (русская «сорока»). Два платка съ кистями и жгутами, пышно окутывающіе голову, обыкновенно красный и поверхъ него снѣгій. Наконецъ, полосатый платокъ, свернутый, своего рода, салфеткою и укрѣпленный на головѣ помощью закалыванія, съ большимъ металлическимъ начельемъ, въ видѣ пояса подвижныхъ серебряныхъ логочковъ, съ подвѣшенными рясами, или монистами³⁾. Подобные же головные уборы, но несравненно въ болѣе тяжелой формѣ и снабженные несравненно большимъ обиліемъ металлическихъ монистъ и пропизей наблюдаются въ русскомъ Туркестанѣ и у Сартовъ. Было бы излишне перебирать всѣ формы тамоншихъ тюбетеекъ и головныхъ платковъ, какъ извѣстно, составляющихъ столь характерные уборы. Если ихъ, однако, нужно въ общемъ перечнѣ упомянуть, какъ особенно раз-

1) Въ Россіи тоже разнообразіе, искусственность и даже причудливость въ повязываніи головы платками и полотенцами (убрусами) наблюдается у Мордвы, въ Тамбовской губерніи и пр.

2) Lortet, Dr. *La Syrie d'aujourd'hui*. P. 1884, fig., pag. 58, 124, 134, 153, 238, 348.

3) Ср. описаніе этого головного убора въ Охридѣ у Шапкарева, К. А.: *Сборникъ отъ Болгарски народни умотворения*, III, 7, 1891, стр. 269 подъ № 7, приводимое ниже въ переводѣ.

витой типъ, то не иначе, какъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что эти уборы идутъ уже не отъ коптскаго оригинала, но отъ арабскаго, доказательствомъ чему служить тѣснѣйшее родство этихъ головныхъ уборовъ въ Туркестанѣ съ народными уборами Марокко. При этомъ, однако, не лишнее съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на томъ обстоятельстве, что иныя туркестанскіе головные уборы, какъ и сирійскіе, ведутъ свое происхожденіе отъ царскихъ и патриціанскихъ уборовъ Византіи. Многіе головные платки, какъ будто подражаютъ тишѣ короны формами своихъ накладокъ.

Одежда македонскихъ славянъ типично земледѣльческая одежда: вся ея роскошь сосредоточивается на ея вышивкахъ, тогда какъ она сама приспособлена для трудовой и земледѣльской жизни и поэтому остается всеблгоу для постоянного мытья. Эта одежда надѣвается одна на другую, не переходитъ, такимъ образомъ во все время года, и, наконецъ, она является одеждой специально трудовой, оберегающей тѣло и согревающей его, но въ то же время свободно охватывающей тѣло, въ отличіе отъ одежды кочевника, плотно прилегающей къ тѣлу по условіямъ его жизни. Болгарскія одежды устриваются специально изъ грубаго льна или конопли или такой же грубой шерсти. Украшенія ихъ исключительно нашивныя, изъ цвѣтной пряжи или изъ цвѣтной шерсти. Можно считать особенно характернымъ то, что все эти украшенія ведутся часто почти исключительно въ одной коптской гаммѣ красокъ¹⁾: темно-лиловая или почти черная, съ бѣлыми звѣздочками по пурпурному полю, или съ пурпурными звѣздочками по бѣлому полю. Напротивъ того, украшенія сербскія приближаются къ тишѣ галуновъ и позументовъ, имѣютъ характеръ нестрѣй, съ преобладаніемъ особенно краснаго цвѣта и къ нему приближающагося желто-оранжеваго. Такое же различіе находимъ, напримѣръ, между южно-русскими вышивками и сѣверными. Древне-русское украшеніе и отчасти современное великорусское особенно облюбовало галуны, позументы, орнаментальную тесьму, часто въ видѣ прістѣжника (покушного) украшенія: таковы кики, сороки, воротники, козырьки и проч.

Основною формою одежды является рубаха, съ длинными рукавами и съ разлѣзомъ на груди, обшитая по подолу, воротнику, прорѣзу и по концамъ рукавовъ (запистья). Поверхъ рубахи македонскіе Славяне надѣваютъ камзолъ, или жилетку, чаще всего доходящій до коленъ и относящійся въ виду мужскаго зинчуна, или камзола, съ половинными рукавами, застегивающійся спереди, обыкновенно, только внизу. Одежда эта столь же обычна въ

1) Обращаю особенное вниманіе этнографовъ на поразительную близость и часто тождество тамбовскихъ вышивокъ съ коптскими.

Малороссін, въ Великороссін и даже у Сартовъ средней Азін, съ тою лишь разницею, что у послѣднихъ она имѣетъ длинныя рукава до колѣнъ. Камзолъ, или зипунъ, убирается весь спереди и съ боковъ вышивками, а равно и по концамъ рукавовъ. Въ соответствии съ этой верхней одеждой, вокругъ тѣла опоясывается родъ поневы изъ толстаго полосатаго сукна, пошитаго полотнищами. Мы встрѣчаемъ этого рода одежду въ большинствѣ мѣстъ самой Сербіи точно такъ же, какъ всѣмъ извѣстно, что такъ называемыя поневы и плахты являются обычной принадлежностью малорусскихъ народныхъ одеждъ¹⁾. Наиболѣе любопытнымъ обстоятельствомъ, которое мы разяснимъ ниже, является одна форма поневы въ видѣ широкаго конца пояса, обернутаго кругомъ тѣла сзади и свѣшаннаго спереди на подобіе передника. Такого рода передникъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сербіи, принимаетъ ромбообразную форму²⁾. Всѣ эти одежды вмѣстѣ образуютъ пока чисто трудовую одежду, и первая надѣтая поверхъ ихъ одежда является уже буржуазною, точнѣе говоря, признакомъ зажиточнаго, не трудового класса. Такого рода одежды у македонскихъ Славянъ носятъ общее наименованіе *сайи* или *саини*, названіе которыхъ быть можетъ, происходитъ отъ древне-итальянскаго наименованія плаща (*sagum* — *σάγιον*), которое затѣмъ у Византійцевъ стало обозначать мантию, сначала императорскую, а затѣмъ, женскую, патриціанскую. Это названіе одежды является весьма важнымъ фактомъ для Македоніи, такъ какъ приблизительно уже около V вѣка оно въ самой Византіи стало уже большою рѣдкостью, своего рода архаизмомъ и, значитъ, могло быть усвоено на Балканскомъ полуостровѣ только въ періодъ VII — IX вѣковъ. Дальше, мы узнаемъ, что македонскіе сайи обычно держатся или просто бѣлаго цвѣта, или же бываютъ двухъ цвѣтовъ зеленаго и краснаго. Эти два цвѣта отличали, какъ всѣмъ извѣстно, знаменитыя византійскія црковныя партіи³⁾. Но, конечно, самымъ замѣчательнымъ уборомъ въ составѣ женскихъ одеждъ

1) Рисунковъ издано сравнительно немного: Карича проф. *Serbia*, 1887, стр. 785, 807. Šarić *Spomen-Knjiga in Bosne*, 1901, лист. 103, 136, 154. Kenner, *Durch Bosnien u. Herzegowina*. 1897.

2) Какъ извѣстно, на сер. цитѣ Бадагоза, представляющемъ Θεοδοσία съ Аркадіемъ и Гоноріемъ, на столѣ Аркадія имѣется широкій, изъ пурпурной пряжи сдѣланный, *clavus* или *тавий*, но въ перекошенной формѣ. Не отсюда ли возникли и патриаршіи *эпиклатіи-пальцы*, которыя можно считать существовавшими уже около IX вѣка и не являются ли пурпурные ромбы балканскихъ одеждъ переживаніемъ тѣхъ же uborovъ.

3) У Конст. Порфир. въ «Церемоніяхъ» упоминаются на дворцовыхъ протоспаоаріяхъ *скарамангін прасингердива*, по поводу которыхъ Рейске *Comment.* p. 675 приводитъ аналогичныя выраженія, подтверждающія, что двойныя ткани были полосатыми. Сербскія народныя вышивки держатся этихъ двухъ цвѣтовъ. Ср. изображеніе женщины въ полосатой — красной съ зеленымъ — поневѣ въ рукописи XIV вѣка Служебника изъ Герцеговины, у Стасова *Славянской и восточный орнаментъ* 1887, табл. XXVIII, 1.

является господствующей въ селахъ около Битоля и Охриды поясъ, о которомъ мы уже вкратцѣ выше упоминали. Поясъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ плетеныхъ широкихъ тесемокъ чернаго цвѣта и совершенно нестибающихся по своей плотности, такъ какъ тесьма сдѣлана въ нѣсколько рядовъ изъ толстой шерсти, сплетенной вязлами на подобіе сноповъ. Нѣсколько тесемокъ такого рода накладываются поверхъ пояса, перекрещиваясь нѣсколько разъ вокругъ тѣла, пока не образуется и спереди и сзади, сзади въ особенности, своего рода горбъ или сѣдло. По переду же выпущенъ большой передникъ, съ широкимъ карманомъ, въ которомъ женщины носятъ всякаго рода вещи.

7. Крестьянка изъ Битоля.

8. Костюмъ сель въ окрестностяхъ Битоля.

Происхожденіе этой формы несомнѣнно историческое; она является подражаніемъ тому придворному женскому убору Византіи, по которому высшій родъ патриціанокъ въ Константинополѣ назывался «опоясанными». Въ сочиненіи Константина Порфиророднаго «О церемоніяхъ византійскаго двора» 50-я глава 1-й книги трактуетъ о томъ, «что слѣдуетъ соблюдать при избраніи опоясанной патриціанки»: передъ этимъ избраніемъ патриціанка получаетъ изъ рукъ самихъ владыкъ далматику, ооракій и бѣлый мафорій, лобызая при этомъ руки государей. Затѣмъ, въ особомъ помѣщеніи, она облачается, па-

дѣваетъ ооракій, сверхъ далматки, а затѣмъ лоръ и прополому. Устраивается торжественный придворный спектакль. Ново-поставленную патриціанку вводятъ въ средину собранія и, — говоритъ Константинъ — она слегка кланяется, «такъ какъ она не можетъ сдѣлать земного поклона по причинѣ лорона и прополомы, багшеобразной короны». Чтобы объяснить все это мѣсто, надо знать, что лорономъ называлось одинаково и у императора, императрицы и въ патриціанскомъ облаченіи широкая, убранныя драгоценными камнями по золотой парчѣ, патриціанская тога, въ видѣ крайне длиннаго полотнища, обертываемаго вокругъ тѣла и переходящаго по поясу концомъ на лѣвую руку. Ооракіемъ же назывался, повидимому, кусокъ парчевой матеріи, интой золотомъ и убранный также драгоценными камнями и имѣвшей видъ овальнаго, заостреннаго кнizu цита, который императрицы, обыкновенно, держатъ передъ собою въ качествѣ параднаго облаченія¹⁾. Очень понятно, какъ говоритъ и Константинъ, что, имѣя подобныя уборы на себѣ, патриціанка уже не можетъ сдѣлать земного поклона, а эта невозможность составляетъ извѣстную, при дворѣ понятную привилегію и достоинство.

Мы имѣемъ рядъ извѣстій о высокой культурѣ Македоніи въ римское время и въ началѣ существованія византійской Имперіи; въ ней рано распространилось христіанство, и, конечно, не напрасно сюда стремились послѣдовательно варвары и кочевники въ теченіе столѣтій. Но страна эта не знала покоя почти полныя четыре вѣка, почти утратила свое прежнее населеніе и, смѣнивъ его на новое, не пріобрѣла населенія цѣльнаго и не получила территориальной независимости. Вмѣстѣ съ мирнымъ, земледѣльческимъ славянскимъ населеніемъ, въ Македоніи явился кочевникъ, природный хищникъ и вымогатель, а въ тоже время въ городахъ уцѣлѣло прежнее культурное и состоятельное населеніе, почти сплошь состоящее изъ Грековъ или отреченныхъ варваровъ, а потому тяготящееся къ Имперіи и враждебное селамъ. Такимъ образомъ, настоящий миръ, а съ нимъ благосостояніе, довольство, обиліе и культурный подъемъ пріобрѣтаются Македоніею только съ началомъ десятаго вѣка, когда Македонія была на время отвоевана у Византіи Болгарскимъ царствомъ и перестала быть мишенью варварскихъ набѣговъ и нашествій. До X стол. центръ тяжести болгарскаго княжества находился на сѣверѣ, въ Добруджѣ, съ Прѣславомъ столицею, и первыя войны болгаръ (вѣрнѣе, б. м., болгарской орды) съ Византіею велись изъ за Румелии²⁾, а не изъ Ма-

1) См. ниже въ перечнѣ «облаченій», кн. II, гл. 41, ed. Bonn. p. 641: «Лороны златотканые 15, ооракіи тѣхъ же лоровъ 12 (Ὀράκια τῶν αὐτῶν λορών αἰ?)».

2) Румелия у Византійцевъ называлась также «Македоніею», и напр. въ рассказѣ о походѣ К. Копронима на τὰς κατὰ Μακεδονίαν Σκλαβνίκας разумѣются, повидимому, горныя мѣстности сѣверной Румелии и Македоніи.

кедонин; княжество основалось въ 679 г., а около 676 года, какъ доказываютъ извѣстія объ осадѣ Салоникъ, уже существовала славянская Македонія, стремившаяся овладѣть Солунью, какъ своимъ естественнымъ центромъ, но славянскій слой, хотя былъ общій на всей восточной половинѣ полуострова, не игралъ еще политической роли, быть можетъ, именно потому, что первое княжество было кочевую ордою, только осѣвшею. Понадобились три вѣка, чтобы ослабѣла и вовсе исчезла орда, и ея тюркское ядро затянуто было славянскимъ наплывомъ, а затѣмъ выработалось славянское царство, сознаніе большого политическаго тѣла, а съ нимъ и нагубныя мечты о завоеваніи Византіи. И Крумъ и Омортагъ по своимъ дѣламъ, и еще болѣе, по ихъ смыслу, были только ханы кочевой орды. Первый князь европейскаго типа былъ Михаилъ-Борисъ (852—888, — 907 г.), принявшій христіанство, истребившій у себя боярство, воевавшій и съ Греками и съ Сербамъ, и съ Франками. Въ его царствованіе Константиномъ и Меоодиємъ изобрѣтена была славянская азбука, создана литература и книжный языкъ, и славянскому населенію Македоніи, среди котораго издавна было распространено христіанство, дарована была литургія на славянскомъ языкѣ. Все это было здѣсь, повидимому (въ Моравіи, напротивъ, политическою и государственною задачею), дѣломъ и задачею чисто народнаго происхожденія и значенія, и стояло, видимо въ связи съ особенно значительною ролью македонскаго духовенства, уже со временъ Юстиніана. Тѣмъ не менѣе, царствованіе Симеона, который былъ самъ книжникъ, создало расцвѣтъ болгарской духовной литературы, составъ которой не вполне извѣстенъ, но, видимо, поражалъ даже современниковъ, сравнивавшихъ Симеона съ Птолемеємъ. Дѣятельность писателей, переводчиковъ и переписчиковъ сосредоточилась уже съ половины X вѣка не въ самой Болгаріи, а именно въ Македоніи, въ Охридѣ. Симеонъ сталъ «царемъ болгарскимъ» и даже «ромейскимъ самодержцемъ», и если не самую корону, то титулъ «василевса» получилъ, конечно, изъ Константинополя, какъ то ясно засвидѣтельствовано въ «Книгѣ объ управленіи» строками предисловія Константина Порфиророднаго ¹⁾. Значеніе славянскаго центра получила западная Македонія съ 963 г., а въ 981 году Самуилъ избралъ. послѣ Преспы, Охридъ своею столицею.

Яркое и притомъ прямое доказательство тождества (или непосредственной, кровной родственной близости) Македонскихъ Славянъ съ Болгарскими

1) Что титулъ «царь» по созвучію происходитъ не отъ *χαισαρ* а отъ *саесаг*, вѣрно, но невѣрно, что это можетъ указывать на латинское происхожденіе (изъ рукъ папы) титула, такъ какъ латинское *произношеніе* его легко могло удержаться на полуостровѣ, если удержались даже множество словъ. О признаніи Греками «царства болгарскаго» см. Иречекъ, *Исторія Б.* стр. 161.

дается во множествѣ мѣстъ въ извѣстныхъ письмахъ Охридскаго Архіепископа грека Теофилакта конца XI вѣка, гдѣ говорится о грубыхъ, невѣжественныхъ, грязныхъ Болгарахъ — («чудовищахъ») жителей Охридской епархіи, и гдѣ среди непрестанныхъ жалобъ нѣсколько малодушнаго, назойливаго и жаднаго грека слышится извѣстный страхъ къ большой, враждебной и неукротимой націи¹⁾. Если Теофилактъ называетъ Охридскихъ Славянъ Болгарами и пишѣтъ, видимо, ихъ не отличаетъ и не выдѣляетъ изъ Болгарской націи или племени, то, конечно, не потому, что въ Охридѣ была ранѣе столица болгарскаго царства, но потому именно, что архіепископъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ постоянныя сношенія, и изъ за кого онъ долженъ былъ переселиться въ Солунь.

Здѣсь не мѣсто перебирать положенія, выработанныя славистикою, въ лицѣ Шафарика, Востокова, Билярскаго и др., относительно *Церковно-Славянскаго* или *Старо-Славянскаго* языка, на которомъ оказались духовныя и богослужебныя книги, принесенныя къ намъ, но любопытно припомнить одну изъ догадокъ знаменитаго Слависта В. И. Григоровича. Разбирая появленіе въ X — XIV вѣкахъ такъ наз. «рецензій», т. е. пересмотровъ Церковно-Славянскихъ рукописей, съ цѣлью ввести измѣненія въ языкѣ, происшедшія отъ времени (а можетъ быть, и отъ переноса книгъ въ нынѣ славянскія страны), и выдѣляя, какъ первую рецензію, и неизвѣстные прототипы — оригиналы Кирилла и Меѳодія, и древнѣйшія рукописи Остромирова Евангелія и пр., Григоровичъ *вторую* рецензію называетъ *охридскою*, по времени и мѣсту учрежденія болгарской патріархіи и архіепископіи (X — XI стол.)²⁾. Если, дѣйствительно, важнѣйшій періодъ болгарской (= церковно-славянской) письменности развивался въ западной Македоніи, не въ собственной Болгаріи (въ придунайскихъ областяхъ), то этимъ могла бы быть объяснена одна характерная особенность этой письменности: ея исключительно религіозное содержаніе и отсутствіе лѣтописей, хроникъ и вообще историческихъ болгарскихъ памятниковъ вплоть до эпохи втораго болгарскаго царства. Славяне Македоніи прожили этотъ двухвѣковой промежутокъ среди непрестанныхъ нашествій и разореній, со стороны Печенѣговъ, Грековъ, Норманновъ, наконецъ Половцевъ. Но и возстановленіе болгарскаго царства въ 1186 г. отозвалось для Македоніи только новыми нападеніями съ сѣвера, затѣмъ ненадолго обрѣла она покой подъ властью болгарскаго царя Калояна, а затѣмъ опять пошла въ общую дѣлежку Латинянъ. При этомъ все высшее

1) О. Успенскаго. *Образованіе втораго Болгарскаго царства*. Одесса, 1879, стр. 2—56.

2) См. дословное заимствованіе изъ курса лекцій Григоровича у А. А. Котляревскаго: *Библіологическій опытъ о древней русской письменности*, въ *Сочиненіяхъ*. IV, 1895, стр. 320—2.

духовенство Охридской архіепископіи назначалось исключительно изъ Грековъ, врядъ ли покровительствовавшихъ распространенію славянскихъ богослужебныхъ книгъ.

Въ дополненіе къ нашему этнографическому экскурсу остановимся въ нашемъ введеніи ненадолго на художественно-историческомъ вопросѣ о древнѣйшемъ орнаментѣ болгарскихъ рукописей. Слѣдшимъ впередъ оговорится, что подобное разсмотрѣніе считаемъ до времени совершенно условнымъ, и временнымъ, такъ какъ въ такихъ незатронутыхъ научнымъ анализомъ сферахъ, каковы болгарскія древности, всякаго рода постановка имѣетъ свое значеніе. Кстати, въ этой постановкѣ нашимъ руководителемъ является незабвенный дѣятель русской археологіи, покойный академикъ О. И. Буслаевъ, и предстоитъ только сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути, имъ уже, если не проложенному, то намѣченному. Въ двухъ своихъ замѣчательныхъ рецензіяхъ: на извѣстное сочиненіе Біолле-де-Дюка о русскомъ искусствѣ и на первый выпускъ изданія В. В. Стасова «Славянскаго и восточнаго орна-

9. Заставка въ «Хиландарскомъ Паремейникѣ», ркп. М. Рум. Библ. № 1685, XII в.

мента по рукописямъ¹⁾, покойный ученый орлинымъ окомъ прозрѣлъ важность болгарскаго рукописнаго орнамента для нашей собственной археологіи: этотъ орнаментъ легъ въ основаніе русской письменности и русскаго историческаго орнамента. Отъ южныхъ славянъ пришли мы и письменность и художественные образцы византійскаго искусства, такъ какъ юго-славянскія формы орнамента являлись историческими посредствующими звеньями нашихъ связей съ византійствомъ. Писецъ Остромирова Евангелія 1056 — 1057 года, украсившій его миниатюрами евангелистовъ, имѣлъ для себя, — говоритъ Буслаевъ, — оригиналомъ не греческую, а болгарскую рукопись, и надъ головою св. Луки подписалъ его имя, хотя по гречески, но съ древнеболгарскимъ юсомъ, очевидно, не понимая ни греческаго письма, ни посового

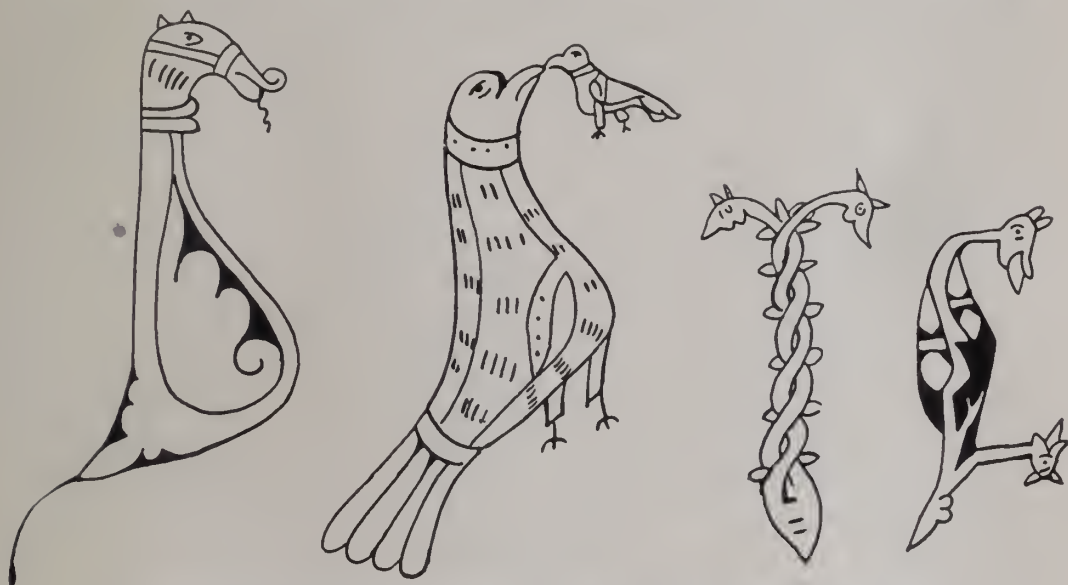
1) «Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго» въ журналѣ «Критическое Обзорѣніе» 1879 г., № 2 и 5. Рецензія изданія Стасова, вып. I, 1884 г. «Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1884 г. май, стр. 54 — 104.

произношенія чуждой русскому языку буквы. Правда, самыя заставки Остромирова Евангелія и Святославова Сборника, по взгляду Буслаева, являются собственно произведеніями византійскаго искусства, а не славянскаго, какъ онъ выражается довольно ясно. Но большинство болгарскихъ лицевыхъ рукописей, заставки и инициалы которыхъ воспроизведены въ изданіи Стасова на первыхъ семи его таблицахъ, по самому своему происхожденію и «по своей чудовищности не имѣютъ ничего общаго съ орнаментомъ византійскимъ и всего скорѣе могутъ быть сближены съ самыми грубыми подѣлками ранняго средневѣковаго стиля, изъ котораго потомъ отъ VII и до X вѣка развивался на Западѣ орнаментъ, такъ наз., *тератологическій*, не только рукописный, но и въ издѣліяхъ каменныхъ, металлическихъ и др.». Въ то же время Буслаевъ считаетъ этотъ тератологическій элементъ восточнаго происхожденія, которымъ объясняется многое въ орнаментѣ болгарскомъ, а затѣмъ и русскомъ. «Начавшееся въ эпоху романтизма чествованіе самородности и первобытности національныхъ посявовъ культуры и теперь еще не перестаетъ оказывать свою силу въ преувеличенной оцѣнкѣ народныхъ и мѣстныхъ основъ письменнаго орнамента; между тѣмъ, какъ въ другихъ областяхъ исторіи, быта и литературы методъ историческаго изслѣдованія и передачи плодовъ ранней культуры открылъ новые пути къ самымъ убѣдительнымъ заключеніямъ». Это заключеніе Буслаева является важнѣйшимъ и лучшимъ свидѣтельствомъ того научнаго поворота, который произошелъ въ его собственныхъ взглядахъ въ послѣдніе годы его историко-археологическихъ работъ. Онъ указываетъ здѣсь, что для всѣхъ варварскихъ европейскихъ народовъ сѣвера неистощимою сокровищницею было христіанство и культура христіанства восточнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ письменность, преданія и античныя греко-восточныя художественныя формы. Правда, Буслаевъ, по необходимости, останавливается на первой стадіи открытаго имъ пути; ему кажется, что само романское искусство есть только искаженіе въ концѣ художественнаго византійскаго оригинала, утратившаго въ этомъ переходѣ въ варварскій стиль свое основное античное изящество. Романскій чудовищный стиль оказался исторически общимъ для самыхъ разнообразныхъ европейскихъ народностей, которыя, благодаря данному имъ художественному упрощенію, могли внести въ орнаментъ свой мѣстный индивидуальный характеръ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Буслаева, чѣмъ снѣннѣе и небрежнѣе была древняя славянская рукопись исполняема, — тѣмъ болѣе теряла она византійское изящество и стиль и, становясь грубѣе, возвращалась въ среду основнаго византійскаго натурализма восточнаго характера и тѣмъ энергичнѣе и оригинальнѣе въ ней вырабатывался ея чудовищный стиль. Болгарскія рукописи XI — XIII вѣковъ вырабатывали, такимъ обра-

зомъ, характерную орнаментальную систему, состоящую изъ переплетеній людей и животныхъ и господствовавшую затѣмъ у насъ, въ Россіи, въ періодъ XIII—XV столѣтій. Главною заслугою изданія Стасова, Буслаевъ считаетъ полученныя черезъ это изданіе свидѣтельства въ области восточнаго орнамента, доказывающія, что восточнымъ элементомъ въ русскомъ рукописномъ орнаментѣ мы преимущественно обязаны вліянію болгарской письменности. Эти общіе свои взгляды академикъ Буслаевъ дополнилъ подробнымъ разборомъ орнаментации древнѣйшихъ болгарскихъ рукописей XI—XIII стол. по первымъ таблицамъ Стасовскаго изданія, сдѣлавши къ тому же много дополненій, на основаніи нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, находящихся въ Московскихъ бібліотекахъ. На основаніи этого разбора уже *Саввина книга* представляетъ замѣтную примѣсь болгарскаго элемента къ византійской основѣ: рисовальщикъ перѣдко стремится тутъ оживотворить геометрическую фигуру буквы, или глазомъ, или превращеніемъ нѣкоторой ея части въ звѣриную голову. Несравненно характернѣе становится болгарскій орнаментъ въ XII вѣкѣ, въ рукописяхъ Охридскаго Апостола, Евангелія и Хиландарскаго Паремейника, находящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Въ рукописи Охридскаго Апостола византійская основа славянскаго инициала разнообразится обыкновенно звѣриными головами, а также змѣиными узорами, которые являются здѣсь какъ бы впервые. Въ этихъ змѣиныхъ узорахъ Буслаевъ не видитъ собственно ничего болгарскаго, такъ какъ сближаетъ ихъ съ византійскими заставками, въ которыхъ змѣиныя сплетенія встрѣчаются во многихъ рукописяхъ. Самой характерною рукописью, содержащей наиболѣе типичныя и разнообразныя звѣриные узоры, Буслаевъ считаетъ Хиландарскій Паремейникъ (рис. 9, 10). «Дальше этого, — говоритъ онъ, — одичалая чудовищность средневѣковаго стиля не пошла ни въ одной изъ славянскихъ рукописей. Тутъ не безпомощная немудрость самоучки, который боязливо и вяло портитъ въ своей убогой копіи красивый образецъ, а смѣлая и бойкая рука отважнаго удалыца, который привыкъ громить классическія сооруженія античнаго міра и ихъ монументальныя развалины и узорчатый щебень пригонять на скорую руку къ своимъ невзыскательнымъ потребностямъ и подѣлкамъ». Буслаевъ видитъ здѣсь одновременно духъ разрушенія старыхъ формъ и созиданіе изъ ихъ обломковъ формъ новыхъ. Онъ прослѣживаетъ весьма внимательно, какъ буквы превращаются въ зубы или жала чудовища, какъ торчатъ онѣ желтой рукой съ пятью пальцами; какъ вытягиваются стволы буквъ и изгибаются на подобіе гусиныхъ шеекъ; какъ листы претворяются въ морду чудовища. Словомъ, эта рукопись представляетъ полное вторженіе болгарскаго самоуправства въ традиціонный строй византійской орнаментики. Ни одна изъ извѣст-

ныхъ рукописей не кишить, — по словамъ Буслаева, — такъ змѣями, какъ эта¹⁾).

При всемъ блестящемъ изложеніи взглядовъ Буслаева и всей тонкости въ характеристикѣ главныхъ болгарскихъ рукописей, особенно аоонскаго Паремейника, наглядно проступаетъ извѣстная недоговоренность, какъ бы прикрывающая историческое противорѣчіе. Такъ, изъ словъ Буслаева мы должны заключить, что древнѣйшія болгарскія рукописи слѣдуютъ вполнѣ византійскимъ образцамъ, а затѣмъ послѣдовательно начинаютъ передѣлывать эти образцы по своему; передѣлка эта завершается въ XII столѣтіи

10. Изъ Паремейника Хиландарскаго м-ря, въ М. Румянц. Публ. Библ. № 1685, XII в.

выработкою «звѣриной» или тератологической системы въ орнаментѣ. И вотъ, между тѣмъ, эта самая система начинаетъ напоминать собою древнѣйшій романскій стиль (VI — X стол.); тотъ стиль, который, по словамъ самого Буслаева, — «мы знаемъ и въ собственно романскомъ стилѣ и въ его вѣтвяхъ: прландскомъ, меровингскомъ, англо-саксонскомъ, карловингскомъ и лангобардскомъ», въ которыхъ онъ самъ указываетъ «очевидное сродство съ звѣринымъ стилемъ славянскихъ племенъ». Между тѣмъ все это противорѣ-

1) Со времени изд. В. В. Стасова наша Публичная Библиотека приобрѣла рядъ листовъ Слѣпченскаго Апостола—почти цѣлую рукопись Г. п. 1, № 101, въ которой можно найти много дополненій и новаго противъ изданія, вмѣстѣ съ вариантами основныхъ типовъ: есть и крылатые драконы, и птицы, и птица, несущая змѣю, и перевитая змѣею, и змѣи, полуподнявшіяся, и пр. Особенно бросается въ глаза желаніе рисовальщика отыскать въ акапсахъ подобіе головы, оживить ее глазомъ и т. д.

чіе розрѣшається внолгѣ ясно и точно тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ византійскаго стиля, болгарскій орнаментъ пользовался еще, какъ основою, стилемъ *греко-восточнымъ*, существовавшимъ на ряду съ собственно византійскимъ искусствомъ и породившимъ то самое романское искусство въ Италіи и Южной Франціи, а затѣмъ и нѣкоторыя его вѣтви въ историческіе періоды, проходимые западнымъ искусствомъ подѣ вліяніемъ греко-восточнаго стиля. Существованіе этого стиля мы наблюдаемъ прежде всего въ замѣчательномъ и цѣльномъ кругѣ древностей лангобардскихъ, имѣющихъ, ближайшее родство и аналогію съ намятниками Сиріи — въ тотъ же періодъ VII—X вѣка. Произведенія греко-восточнаго стиля, въ настоящее время, изучаются нами во множествѣ предметовъ художественной промышленности того

11. Изъ ркп. Апостола Слѣпчен. м-ря въ Рум. Муз. Публ. Библ.

же періода и, въ частности, въ поливной посудѣ, распространенной за тотъ же періодъ времени по всѣмъ берегамъ Средиземнаго, Адриатическаго и Чернаго морей. Наконецъ въ старой Руси этотъ стиль былъ близко извѣстенъ подѣ именемъ «корсунскаго» стиля.

Греко-восточное искусство сформировалось задолго до собственнаго византійскаго и его центромъ была Александрія и искусство христіанскаго Египта или коптское, котораго формы были распространяемы художественной промышленностью Сиріи. На этомъ расцвѣтѣ греко-восточнаго искусства основалась затѣмъ и христіанская культура Малой Азіи, издавна снабжавшая всѣ побережья Чернаго моря и страны Кавказа и южной Россіи своими произведеніями. Вотъ почему и такъ называемый сассанидскій стиль представляетъ тѣсныя связи съ искусствомъ греко-восточнымъ, а когда Исламъ,

въ началѣ VII вѣка, оторвалъ окончательно страны греко-восточной культуры до Малой Азіи включительно отъ Византійской Имперіи и порвалъ общеніе съ остальнымъ христіанскимъ міромъ, то существовавшее въ нихъ грековосточное искусство уцѣлѣло въ безчисленномъ рядѣ мелкихъ кустарныхъ промысловъ, еще и доселѣ питающихъ рынки Востока. Конечно, построеніе исторіи этой параллельной вѣтви искусства христіанскаго Востока принадлежитъ еще будущему, и мы въ настоящее время, затрагивая этотъ совершенно сырой историческій вопросъ, рисковали бы всякаго рода неточностями въ своихъ сближеніяхъ. Однако же, разъ эта половина восточной исторіи обозначилась передъ нами болѣе или менѣе ясно, не принимать въ расчетъ ея фактовъ—значило бы исказить построеніе историческаго процесса. По счастью, въ данномъ случаѣ мы можемъ ограничиться опредѣленными фактическими данными, которыя представляютъ намъ грековосточныя рукописи, орнаменты которыхъ опубликованы въ томъ же изданіи Стасова, отчасти мной самимъ. Культура русскаго и славянобалканскаго юга слагалась, видимо, подъ общимъ условіемъ вліянія основной греко-восточной культуры и именно этимъ, а не вліяніемъ Средней Азіи и Персіи мы должны объяснять господство восточнаго элемента въ нашемъ и балканскомъ орнаментѣ.

На первомъ мѣстѣ приходится поставить орнаментику греческаго Евангелія 967 года въ библіотекѣ Синайскаго монастыря ¹⁾. Орнаментика этой рукописи даетъ какъ разъ тотъ самый тератологическій матеріалъ, который описывается такъ тщательно и характерно Буслаевымъ въ Хиландарскомъ Паремейникѣ. Разница между Синайскимъ Евангеліемъ и Хиландарской рукописью есть разница прекраснаго оригинала и варварской копіи, вычерченной перомъ вмѣсто красокъ и той пестрой декораціи, которую находимъ въ греческой рукописи. Мы видимъ здѣсь также и сплетшихся вокругъ цвѣтка или вѣтки драконовъ и плетеніе змѣй, и человѣческія или птичьи головы на концахъ. Дальнѣйшимъ дополненіемъ того же направленія служить другая Синайская рукопись «Поученіе Θεодора Студита» 1086 года, за № 401 въ той же библіотекѣ. Къ сожалѣнію, мы совершенно не знаемъ того мѣста, изъ котораго происходятъ обѣ рукописи, но считаемъ пужнымъ сказать, что такого рода характерныя по своей орнаментикѣ рукописи между греческими рукописями X—XI вѣка существуютъ далеко не въ единичныхъ экземплярахъ и могли бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Далѣе, орнаментика болгарскихъ рукописей находитъ себѣ весьма близкія аналогіи въ орнаментѣ рукописей Сирійскихъ и Контекскихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться,

1) См. мою замѣтку: «Зооморфическіе инициалы греческихъ и глаголическихъ рукописей X—XI столѣт. въ библіотекѣ Синайскаго монастыря 1903, съ восемью таблицами.

достаточно просмотрѣть даже только таблицы Стасовскаго изданія, за №№ 127, 128, 129 по орнаменту сирійскому и таблицы 133, 134 и 135 орнамента коптскаго. Въ свою очередь, орнаментика этихъ рукописей, ихъ зооморфическіе типы находятъ себѣ ближайшую аналогію въ указанной нами поливной посудѣ, находимой въ развалинахъ Херсонеса, Оеодосіи и восточ-

12. Буквы изъ греч. Ев. Син. Библ. № 213, 967 г. По изд. В. В. Стасова.

наго побережья Кавказа. Конечно, мы не позволимъ себѣ вступать на скользкій путь современныхъ догадокъ объ условіяхъ и причинахъ подобныхъ аналогій между коптскими рукописями, съ одной стороны, и балканскими—съ другой. Въ настоящее время стало нѣкоторой модой подыскивать тѣ, довольно разнообразныя, но совершенно случайныя связи и сношенія, которыя могли существовать между средней Европой и Сиріей въ средніе вѣка, но объяснять путемъ подобныхъ открываемыхъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, случайностей, стилистическія аналогіи памятниковъ такихъ отдаленныхъ мѣстностей, очевидно, нельзя, да, главное, никакой нѣтъ въ томъ и нужды. Мы должны, прежде всего, непрестанно памятовать, что въ IX, X и XI вѣкахъ на ряду съ собственно византійскимъ искусствомъ существовало архаическое теченіе кустарнаго характера, шедшее изъ греко-восточныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, Миклошскій кладъ въ Венгріи—есть именно произведеніе этого кустарнаго греко-восточнаго искусства, сработаннаго мѣстными мастерами восточной Европы по старо-завѣтнымъ образцамъ. Искусство Балканскаго полуострова стояло въ прямой зависимости отъ этихъ кустарныхъ мастерскихъ и само очень рано развило у себя цѣлый рядъ кустарныхъ художественныхъ промысловъ, остатки которыхъ мы знаемъ доселѣ.

Третій періодъ, о которомъ приходится сказать нѣсколько словъ въ видѣ обще-историческаго введенія къ археологической темѣ, начинается для

Македонія вмѣстѣ съ концомъ XII столѣтія, приблизительно съ 1188 года. Съ этого времени Греки почти утратили уже власть надъ Болгаріей, и началось второе болгарское царство. Но для Македоніи эта политическая перестановка не имѣла положительныхъ результатовъ. Только при Іоаннѣ Асѣнѣ II (1218—1241) Македонія была занята Болгарами, хотя столицей этого болгарскаго царства уже было и осталось Тырново, не смотря на присоединеніе къ Болгаріи съ этого времени округовъ Сѣра, Скопія, Прилѣпа и Охриды. Это воссоединеніе Македоніи съ родственной или родною Болгарією имѣло мало значенія, конечно, потому, что оно было кратковременнымъ, такъ какъ уже въ 1242 году Греки заняли всю восточную Македонію, а въ 1254 и Западную, вплоть до Охриды, и попытка Болгаръ возвратитъ Македонію себѣ кончилась тѣмъ, что послѣ трехлѣтняго кровопролитія, она была вновь утрачена въ 1257 году. Такимъ образомъ, характеризовать этотъ періодъ воссоединеніемъ съ Болгарією, очевидно, нельзя, а, между тѣмъ, уже съ 1267 года на Балканскомъ полуостровѣ начинается замѣтное усиленіе Сербіи и обще-европейское движеніе съ запада. А, затѣмъ, въ очень скоромъ времени, а именно въ 1281 году, вся Македонія стала сербскою. Собственно

13. Изъ греч. рки. Θ. Студита, Син. библи. № 401, 1086 г.

съ этого времени и вплоть до 1330 года состоялось большинство построекъ пышныхъ церквей на почвѣ Македоніи, а наступившій въ 1330 году нѣкоторый временный перерывъ, въ видѣ усилговъ Андроника Младшаго, заставившаго Сербовъ уступить ему Охридъ, оказался мимолетнымъ и незначительнымъ. Послѣ знаменитой битвы при Вельбуждѣ въ 1330 году, когда Болгары были поражены на голову Стефаномъ Сербскимъ и убитъ болгарскій царь Михаилъ, власть Сербовъ распространилась на всю Македонію

*

вплоть до крайнихъ западныхъ ея границъ. При сынѣ Стефана, знаменитомъ Стефанѣ Душанѣ (1331 — 1355) византійскія междоусобія усилили власть Сербіи и выдали ей головою даже такіе форпосты Византіи, какъ городъ Серры (1346) и выработали затѣмъ тѣ прерогативы и претензіи на полное господство надъ Балканскимъ полуостровомъ, которыя выразились наиболѣе ярко въ фактѣ вѣнчанія въ Скопій Душана «царемъ Ромеевъ» и пазначенія сына его Уроша кралемъ, т. е. съ точки зрѣнія средневѣковаго титула въ заявленіи правъ Душана на овладѣніе Греческой имперіей. Несомнѣнно, новыя политическія задачи не были національными въ собственномъ смыслѣ слова, уже, между прочимъ, и потому, что титулъ краля сербскаго народа былъ, въ этомъ случаѣ, приравненъ къ придворному титулу кесаря. Такимъ образомъ, величіе новой политической задачи, выработанной среди дипломатическихъ интригъ, значительно ослабляется соображеніями о ея внутреннихъ мотивахъ и случайностью самаго ея возникновенія, какъ справедливо говоритъ проф. Флоринскій ¹⁾. Завоеванія Душана въ Македоніи достались Сербамъ сравнительно легко, а беззащитность покоренныхъ провинцій и отсутствіе солидарности въ ихъ населеніи, крайне разноплеменномъ, облегчали завоевательныя движенія. Македонія была оставлена Византією на жертву завоевателя, и эта легкость пріобрѣтенія византійскихъ областей должна была вызвать у Душана, какъ высокое мнѣніе о своемъ могуществѣ, такъ и рядъ смѣлыхъ замысловъ и, наконецъ, извѣстное увлеченіе «византизмомъ», которое, по словамъ историка, наглядно обнаружилось въ дальнѣйшей его дѣятельности. Но, отсылая всѣхъ интересующихся къ цитированной прекрасной монографіи, нельзя не указать, что въ этомъ увлеченіи «византизмомъ» была одна положительная и важная для славянской національности сторона — увлеченіе культурной стороною умиравшей политически націи, ея образованностью, ея постройками, церквами и монастырями, покровительствомъ Ааону, благотворительностью Хиландару, а также дипломатическими сношеніями и союзами съ западными странами, выгодами торговли и прочими сторонами культурной жизни западныхъ государствъ. Повидимому, отъ этой эпохи и уцѣлѣло большинство памятниковъ церковной утвари, находимыхъ нами въ Македоніи. По смерти Душана началось, какъ извѣстно, раздробленіе царства, междоусобія, а въ 1371 году Македонія подверглась страшному разграбленію со стороны турокъ. Еще строились, по принятому обычаю, церкви и монастыри (монастырь Марковъ, по имени краля Марко, сына Вулкашина, умертвившаго Душанова сына Уроша), а въ 1389 году произошла, какъ извѣстно, битва при Косовомъ полѣ, поведшая затѣмъ къ ту-

1) Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. II, 1882, стр. 103.

редкому завоеванію Македоніи и Болгаріи. Съ концомъ XIV вѣка несомнѣнно заканчивается этотъ послѣдній третій періодъ славянской Македоніи и жизнь въ ней зампраетъ вплоть до настоящаго времени.

Памятники искусства южныхъ славянъ еще только приводятся въ извѣстность и археологія сербская, болгарская и молдовлахійская пока совершенно лишена научной постановки. Памятники едва изучаются ради историческаго интереса со стороны ихъ подписей и мѣстнаго антикварнаго значенія, но никакихъ научныхъ работъ и никакого историческаго подбора памятниковъ въ послѣдовательномъ развитіи формъ, за исключеніемъ одной архитектуры, пока вовсе не сдѣлано. Археологическая наука доселѣ поглощена настолько областью византійскаго искусства, что не въ состояніи выдѣлить силъ для научнаго разбора различныхъ вѣтвей византійскаго искусства. Отсюда, господство общихъ ограниченныхъ взглядовъ на ходъ развитія самого византійскаго искусства въ періодъ его разложенія и созданія новыхъ національных побѣговъ. Если чему и посчастливилось выдѣлиться въ данномъ случаѣ, то единственно архитектурѣ, въ которой уже существуютъ общіе очерки архитектуры грузинской и сербской. Совершенно въ томъ положеніи находятся, напримѣръ, стѣнные росписи юго-славянскихъ церквей; онѣ доселѣ совершенно не опубликованы и даже не сняты фотографически и, поэтому, недавнее изданіе памятниковъ сербской архитектуры и стѣнной росписи архитектора П. П. Покрышкина является истинной заслугой передъ археологической наукой. Съ сожалѣніемъ должны сказать, что и наша собственная поѣздка должна была ограничиться, въ виду недостатка времени, самыми поверхностными снимками встрѣченныхъ нами стѣнныхъ росписей. Снимки сколько нибудь удовлетворительные требуютъ, какъ извѣстно, постройки лѣсовъ и продолжительной выдержки. Такимъ образомъ, интересъ многихъ росписей можетъ быть только засвидѣтельствованъ путешественникомъ, а не представленъ въ ученомъ изданіи. Въ какомъ же вообще положеніи находятся въ настоящее время славянскіе памятники, можетъ показать одинъ избираемый нами примѣръ.

Въ самое послѣднее время опубликована въ прекрасныхъ фототипическихкихъ снимкахъ любопытная лицевая рукопись Сербской Псалтыри первой половины XV вѣка, находящаяся въ Мюнхенской библіотекѣ и имѣющая дополнительную копію того же оригинала въ Бѣлградской библіотекѣ. Ученые сллы, привлеченныя къ изданію этого любопытнаго памятника¹⁾: извѣстный

1) *Die Miniaturen des Serbischen Psalters d. Bibl. in München* v. J. Strzygowski, mit Einleitung v. V. Jagić. Mit 1 Tafel in Farben, — 61 in Lichtdruck u. 43 Abb. *Denkschr. d. K. Akad. d. Wiss. in Wien*. Bd. LII. W. 1906.

славистъ И. В. Ягичъ и проф. Стрыговскій посвятили этимъ миниатюрамъ обширный текстъ на 220 страницахъ, съ объясненіемъ всего содержанія рукописи и ея лицевыхъ изображеній. Но вотъ уже первая миниатюра на первой таблицѣ съ изображеніемъ юноши, умирающаго среди своихъ друзей и смерти, указывающей ему на смертную чашу, оказалась не понятной и необъяснимой, не смотря на цѣлый рядъ сопровождающихъ ее и объясняющихъ надписей. «Си чаша съмертна». И внизу: «Мене плачите се, мене риданте о друзи, се бо въпецаіану прѣдста ми невидимо хинцикъ; истрызае страшнымъ оружіемъ изъ срѣди срѣдичную душу мою, и чашею напои ме яда съмертнаго. Уви миѣ, иѣсть милующаго ме». Примѣчаніе (стр. 10) даетъ слѣдующее объясненіе: «Изображеніе это пока въ области искусства остается безъ аналогій, въ особенности главный мотивъ его, указанный и текстомъ передачи чаши со смертельнымъ ядомъ». Равно, среди извѣстныхъ мотивовъ народныхъ вѣрованій не представляется никакой параллели (ссылка на Бастіана). Оріенталисты и слависты должны дѣлать поиски (Генр. Шенкль указываетъ на рассказъ о чашѣ Сократа). «Напротивъ того, для характеристики смерти могутъ быть указаны слѣды уже въ античную эпоху». Слѣдуетъ обычное указаніе на изображеніе смерти на аттическихъ лекифахъ, этрусскихъ вазахъ и византийскихъ миниатюрахъ. — Возможно, что, дѣйствительно, въ средѣ византийскаго матеріала нельзя найти подобнаго изображенія, но, что касается поздне-греческой иконографіи и славянской въ частности, данная тема является довольно обыкновенной въ извѣстныхъ русскихъ синодикахъ. Синодики, или памятники, кромѣ болѣе или менѣе длинныхъ списковъ именъ различныхъ насельниковъ обители и ея ктиторовъ и благотворителей, начиная отъ царей и царицъ и кончая боярами, дьяками и подъячими — содержатъ обыкновенно статьи о полезности поминовенія умершихъ, о памятованіи смертнаго часа, о загробной жизни и поучительные рассказы о преподобномъ Макаріи, обрѣтшемъ въ пустынѣ черепъ эдлина, объ Андреѣ Юродивомъ и тому подобныя статьи поучительнаго характера, сопровождаемыя иллюстраціями. Одною изъ выходныхъ иллюстрацій является изображеніе боярина, къ которому является смерть; внизу же, рядомъ съ его гробомъ, изображеніе чаши «немимоходной». Къ этой миниатюрѣ присоединено нѣсколько изреченій Іоанна Дамаскина и между ними изреченіе о чашѣ смерти, которой не можетъ миновать ни одинъ человѣкъ, къ которой со страхомъ приближаются молодые и старые, міряне и монахи, къ которой невидимая сила влечетъ и молодость, хотя она и старается пройти мимо нее. За этой миниатюрой слѣдуетъ точно также, какъ и въ Сербской псалтыри, изображеніе гроба и въ немъ тѣло предавнаго тѣла. По тексту изреченій того же Іоанна Дамаскина.

Оставляя пока въ сторонѣ росписи, сохранившіяся въ болгарскихъ церквахъ и въ древнѣйшихъ церквахъ Македоніи, такъ какъ о нихъ будетъ говорить въ своемъ мѣстѣ, остановимся на сербскихъ церквахъ, которыхъ росписи впервые появились въ указанномъ изданіи ученаго архитектора нашей Академіи Художествъ П. П. Покрышкина¹⁾. Рядъ этихъ росписей сталъ извѣстенъ ученымъ уже съ давнихъ поръ, благодаря выставкѣ снимковъ Вальтровича и Милутиновича на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1872 году. Но, къ сожалѣнію, и истиной потерѣ для археологической науки, снимки эти остаются доселѣ неизданными. П. П. Покрышкинъ, какъ архитекторъ, въ своемъ путешествіи по Сербіи работалъ болѣе всего по обмѣрамъ церквей, рисовкѣ орнаментовъ и приготовленію матеріала для чертежей, но въ то же время, обнаруживая истинно научную пылкость, выполнилъ цѣлый рядъ снимковъ съ церковныхъ фресокъ, изданіе которыхъ позволяетъ уже и въ настоящее время говорить не голословно объ этихъ памятникахъ. Несомнѣнно, что ихъ историческое изслѣдованіе явится со временемъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ византійской археологіи: это одна изъ наиболѣе оригинальныхъ и сильныхъ вѣтвей византійскаго искусства. Весьма любопытно, напримѣръ, что въ то время, какъ великая Успенская церковь Студеницкой лавры, построенная Стефаномъ Нѣманею, около 1190 года, характеризуется въ архитектурѣ, какъ памятникъ Лонгобардскаго стиля на почвѣ Далмаціи, — роспись ея, относящаяся къ тому же времени, носитъ чисто византійскій характеръ. Такова, напримѣръ, фреска Распятія, представляющая какъ бы воспроизведеніе хорошей византійской миниатюры. Прекрасною работою греческихъ мастеровъ является и фреска Страшнаго Суда, настолько, что аналогія подобныхъ росписей можетъ быть указываема только въ византійскихъ мозаикахъ, такъ какъ чисто византійскихъ фресокъ этого времени, мы пока не знаемъ. (Грузинскія фрески этого времени и роспись Спаса Нередицы въ Новгородѣ не принадлежатъ къ чисто византійскимъ произведеніямъ). Подобное же мастерство греческихъ образцовъ находимъ въ росписи второй по старшинству сербской церкви монастыря Жича, построеннаго св. Саввою и его братомъ Стефаномъ Первоувѣчанымъ между 1222 и 1228 годами. Остатки замѣчательныхъ фресокъ, изображающихъ 40 мучениковъ и крестный ходъ (таблицы указ. изд. XIX—XXX) блещутъ своими греческими типами и исполненіемъ, напоминая лучшимъ миниатюры. Нагія фигуры 40 мучениковъ особенно любопытны, какъ такого рода ори-

1) Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ» Спб. 1906.

гиналы, отъ подражанія которымъ, ихъ постоянно улучшая, пошло итальянское искусство ранняго Ренессанса. Фигуры эти можно назвать академическими: настолько близко онѣ напоминаютъ господствовавшій нѣкогда въ первой половинѣ XIX вѣка особый вялый, какъ бы ваточный, академическій шаблонъ. Онѣ далеки отъ дѣйствительной анатоміи, отъ рисунка живой натуры, но, несомнѣнно, онѣ передаютъ извѣстное знаніе и умѣніе, точнѣе говоря, нѣкоторую грамотность. Такого же характера и другая сцена, любопытная крайнимъ преувеличеніемъ пропорцій и тѣмъ монументальнымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются всѣ византійскія группы. Какъ извѣстно, наиболѣе блестящимъ временемъ сербской архитектуры является вторая половина XIII и первая половина XIV столѣтія. Эта вторая группа сербскихъ церквей опредѣляется византійскимъ вліяніемъ со стороны архитектурной; по равнымъ образомъ и въ живописи, обильно украшающей храмы этого періода, видятъ также послѣдованіе чисто греческимъ образцамъ. Между тѣмъ, уже, судя по громаднымъ пространствамъ, заполненнымъ этими росписями, какъ въ самой Сербіи, такъ и въ церквахъ Македоніи, мы должны естественно заключить о существованіи чисто сербскихъ мастерскихъ, которыя, очевидно, должны были и слѣдуя греческому образцу, исполнять его, до извѣстной степени, по своему. И вотъ это своеобразное, національное вліяніе на греческой основѣ мы видимъ, напр., во фрескахъ Краліевой церкви въ Студеницѣ, росписанной въ 1314 году (таблицы 56—65). Мы видимъ здѣсь, прежде всего, на основѣ греческаго образца начавшуюся жизнь искусства, личныя попытки оживить группы, мѣстами ихъ расчленивши, размѣстивши рѣже (хотя бы въ ущербъ рисунку, такъ какъ это дѣлается съ греческаго шаблона), равно оживить отдѣльныя фигуры, наклонивши ихъ (хотя бы это было въ толпѣ), разнообразя позыми, напр., таблица 56, гдѣ одна женщина представлена даже опирающей руку на балюстраду и поддерживающей рукою голову въ задумчивости. Особенно замѣтно это по преувеличенію движеній, переходящихъ въ нѣкоторую перевозность, несвойственную византійскому шаблону (таблица 57, фигура Богоматери, она же на таблицѣ 60). Прямо сильное движеніе и красивое, и величественное придано образу Спасителя во фрескѣ Сошествія во адъ. Повидимому, здѣсь даже извѣстные иконные типы подвергаются нѣкоторой переработкѣ, какъ напримѣръ, образъ Одигитріи, стоящей съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ (таблица 61). Всѣмъ извѣстно, что этотъ образъ передали греками во множествѣ всевозможныхъ копій и списковъ и, однакоже, мы лично не помнимъ ни одного, который бы сходилъ съ изображеніемъ Одигитріи въ настоящемъ фресковомъ изображеніи. Здѣсь все иное: и типъ лика Богоматери, и голова Младенца (весьма натуралистичная) и особенная матрональная полнота всей фи-

гуры, и самая складка, значительно упрощенная, зачастую прямо вертикальная, а не изломанная въ причудливыхъ зигзагахъ, какъ то было въ обычаѣ въ чисто греческихъ произведеніяхъ.

Женскій костюмъ ближайшихъ къ Охридѣ селъ ¹⁾.

Прямо на тѣло одѣваютъ *кошулата* — рубашку едва ли не до лодыжекъ и пять, настолько узкую, что носящая ее едва-едва можетъ свободно шагать широкими шагами; изъ толстаго коноплянаго, льнянаго или бумажнаго полотна. Она вышита на рукавахъ вдоль по шву и въ ширину около рукъ разноцвѣтными, красными, черными и др. бумажными или шелковыми вышивками; точно такъ и внизу вышивки на стану. Вышивки по шву шириною въ 2—3 пальца, а около рукъ почти въ пядь. Застегиваютъ ее подъ горломъ серебряными или оловянными пряжками.

1. До недавняго времени и горожанки Охриды вышивали себѣ рубашки, если не на рукавахъ, то по крайней мѣрѣ, внизу на стану; но, какъ городскія, разумеется вышивки ихъ были красивѣе и утонченнѣе, обыкновенно шелковыя съ канителью. Точно такъ вышивали и платки. И нынѣ въ сундукахъ у старыхъ женщинъ имѣются кое-гдѣ такія вышитыя рубашки и платки. Всего болѣе были въ употребленіи вышивки въ Кукушѣ.

Женщины, одѣвающіяся въ народный костюмъ, не носятъ панталонъ, какъ вообще у славянъ.

2. Сверхъ рубашки надѣваютъ бумажный жилетъ — *елеча* въ пѣсияхъ — или *жбунче*, длинную до колѣнъ бумажную одежду съ половинчатыми рукавами.

3. Поверхъ *жбунче* надѣвается *кюрдія*, бѣлая, длинная до колѣнъ изъ шаяка одежда безъ рукавовъ, какъ болгарскій *сукманъ* съ вышивками съ тою только разницей, что она распахивается на двѣ полы, а не какъ *сукманъ* съ распашкой только на груди.

На плечахъ вшиты по одной на каждомъ подпояскѣ дзунци, тесемки изъ шаяка шириной въ два пальца, а длиной въ 1½ локтя, которыя служатъ для подвязыванія верхней одежды и платка, когда женщины занимаются работою, чтобы имъ не мѣшали работать. Кюрдія на груди и на плечахъ вышита разноцвѣтными вышивками и *камеликами* т. е. кусочками краснаго сукна и тонкой желтой жести.

4. Поверхъ-кюрдіи опоясываются совершенно оригинальнымъ поясомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ черныхъ и очень длинныхъ шерстяныхъ веревочекъ сплетенныхъ, а не сученыхъ, собранныхъ вмѣстѣ снопикомъ. Когда ими опоясываются, перекрещиваютъ ихъ на животѣ такъ, что отъ перекрещиванія постепенно образуется спереди словно конскій хребетъ вдоль по животу отъ пупка до самыхъ сосцовъ. Такимъ образомъ этотъ странный поясъ предохраняетъ животъ женщинъ, особенно беременныхъ отъ всякой внѣшней непредвидѣнной опасности, равно какъ и поясицу ихъ отъ простуды. Внутренность подпоясанаго хребта, подъ которымъ образуется довольно объемистая пустота, служитъ для помѣщенія разныхъ вещей ²⁾. За поясомъ у каждой женщины виситъ повѣшенный на цѣпочкѣ ножикъ (сайка), въ пѣсияхъ: *фръшко* или *вершко поже* (наше фряжскіи).

1) Переводъ проф. П. А. Лаврова изъ книги К. А. Шапкарева: *Сборникъ изъ Болгарскіи народни умотворѣнія*, III, 1, 2, VII, 1891, стр. 268 слѣд.

2) Въ поясахъ Болгарскихъ поселянокъ находится всегда по нѣскольку пучковъ базилики, и еще издали чувствуется сильный запахъ этого растенія.

5. Сверх пояса опоясываютъ вышитый передникъ, обыкновенно шерстяной, а иногда и бумажный; а молодыя женщины присоединяютъ и *ал-мани* т. е. шелковые красные платки, а также серебряныя или мѣдныя пряжки, — металлическій поясъ.

Въ Кукушѣ, какъ и въ Охридѣ, до послѣдняго времени женщины носили цѣльный серебряный поясъ изъ нанизанныхъ на ремень небольшихъ пряжечекъ, а спереди двѣ большія. А въ Кукушскихъ селахъ и нынѣ еще ихъ носятъ. Одинъ изъ подарковъ, которые женихъ долженъ былъ дарить невѣстѣ, это такой серебряный поясъ.

6. Затѣмъ слѣдуетъ *джубето*, бѣлая или въ Стругѣ красная верхняя одежда изъ шаяка, безъ рукавовъ, длиною до колѣнъ, подобная юрдин, и только шире ея и съ раскрытыми полами, съ бѣлыми или цвѣтными вышивками изъ шнура и съ вышивками на груди и по швамъ, подъ мышками, и оставленная не запахнутой и не подвязанной чѣмънибудь, иногда только опоясанная передникомъ.

Какъ верхняя одежда послѣ этихъ въ прежнее время была *сая* — въ пѣсняхъ бѣлая сая, а нынѣ ее замѣняетъ джубе, которое повидимому мало или совсѣмъ не отличается отъ нея по формѣ¹⁾.

Цвѣтъ всего мужского или женскаго костюма вообще бѣлый, кромѣ поясовъ, которые всегда бывають черные, а въ Стругѣ и джубе, которое обыкновенно краснаго цвѣта.

7. *Сокай* длинный, какъ доска и болѣе пяди шириной полотняный твердый уборъ, надѣтый на голову словно черезъ (?) (кюляфче), съ поднятымъ на темени гребнемъ вышней въ ладонь²⁾, обернутый въ ту сторону, на которую смотритъ лицо носящей его, подвязанный подъ бородой подвязкой и опущенный сзади вдоль спины до бедеръ, на всемъ нижнемъ концѣ котораго висятъ до самыхъ колѣнъ бумажныя сученыя бахрамы въ 1½ — 2 пяди длины.

8. Другой, подобный сокаю уборъ, называемый *гайтанъ*, носятъ молодыя женщины; онъ отличается отъ сокай только тѣмъ, что сверху до низу убранъ и покрытъ мелкими озерными раковинками и старыми серебряными монетами даже и по бахрамѣ, отчего настолько тяжелъ, что съ большимъ трудомъ держится на головѣ.

Самыя оригинальныя и странныя части женскаго пароднаго костюма — это поясъ, сокай и гайтанъ, подобные которымъ врядъ ли носить какойнибудь другой народъ.

Сокай носятъ и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Призренскихъ селахъ. Но въ послѣднихъ селахъ носятъ и болгарскій сукманъ такой же какъ и въ Болгарии и съ тѣмъ же названіемъ.

9. Поверхъ всего на головѣ надъ сокаемъ носятъ убрусъ — бѣлый толстый, квадратный изъ полотна платокъ, вышитый шириной около 4 пальцевъ вышивкой вдоль по двумъ концамъ изъ разноцвѣтной бумажной или шелковой пряжи или кромѣ того для молодыхъ женщинъ по мѣстамъ вышитый канителью, и тогда въ Стругѣ такой платокъ называется махрама.

Дѣвушки не носятъ ни сокай, ни гайтана, который первый разъ надѣвають невѣстамъ и носятъ его, пока не родятъ, а потомъ сокай.

10. На горлѣ, груди, на ушахъ и на головѣ вѣшаютъ разныя связки старыхъ серебряныхъ монетъ.

11. Шерстяныя чулки, вышитыя разноцвѣтными изъ шерсти, а для невѣстъ и жениховъ изъ шелку вышивками, съ открытыми съ переди верхними частями. На нихъ надѣвають опинци, или молодыя женщины красныя башмаки съ вышитыми фигурами.

Морювки (изъ Моріово) вмѣсто чулокъ носятъ на ногахъ видъ плетеныхъ наголенокъ, т. е. частей чулка безъ ступни.

1) Есть и другая подобная одежда *класиникъ*, общая, мнѣ кажется, для мужчинъ и женщинъ, подобная *джубе*.

2) Въ Преспанскихъ селахъ, особенно въ Перовѣ вмѣсто такого гребня сверхъ сокай есть еще словно два козьихъ рожка. Въ Охридѣ 50 лѣтъ тому назадъ горожанки носили на своихъ головахъ, какъ Битольскія еврейки подъ кисеи калпаки, сдѣланные изъ картона и покрытые бархатомъ, сверхъ которыхъ торчали, какъ рожки, двѣ заостренныхъ шишки (джумка — шишка, желвакъ).

Весь костюмъ мужской или женскій домашняго производства, за приготовленіе котораго никому не платятъ ни гроша, разивъ только сельскому портному для того, чтобы сшить кюрдію и джубе, а также для приобрѣтенія цвѣтной шелковой бумажной или шерстяной пряжи, кусочковъ краснаго сукна и др. подобнаго матеріала, нужнаго для вышивокъ.

12. Въ ушахъ носить серебряныя серьги, длинныя или тройныя, съ серебряными подвѣсками, соединенныя съ задней части шеи одна съ другой серебряной цѣпочкой.

Косы плетутъ мелкими многочисленными косичками, особенно дѣвушки, и украшаютъ ихъ связками старинныхъ серебряныхъ монетъ и другихъ серебряныхъ украшеній, называемыхъ тунтурици.

13. На пальцахъ молодыя женщины, особенно невѣсты и помолвленныя дѣвушки, носятъ по нѣскольку серебряныхъ перстней или простыхъ колецъ изъ свѣтлосіяннаго или крашеннаго въ красную или желтую краску олова.

II.

Оессалоника (Салоники). Судьбы города. Мозаики Ротонды (ц. вм. Георгія). Мозаики св. Софій. Солунскія древнія церкви—нынѣ мечети: ц. вм. Димитрія, ц. Параскевы (Эски-джума), Б. Матери (Казан-джиляръ). Якубъ-паша-джами. Ц. Иліи. Ц. Пантелеймона. Ц. 12 Апостоловъ. Церкви, нынѣ принадлежащія христіанамъ: св. Мины, Николая Ч., Аванасія, Панагій «Декса», Константина и Елены, Б. М. «Панагуды», Θεодоры, Б. М. «Лагудины». Монастырь Чаушъ.

Судьбы Оессалоники¹⁾ столь же трагичны, какъ и самой Византіи, и рисуютъ рядомъ съ нею равный примѣръ города, многострадальнаго и снискавшаго себѣ въ исторіи заслугу стойкой и вѣковой защиты культурнаго центра отъ варваровъ. Извѣстно, что городъ этотъ (сначала звался Therma, затѣмъ Thessalonica) былъ основанъ въ 315 году до Р. Х. Кассандромъ и быстро сталъ чисто греческимъ городомъ по своему населенію. Правда, среди грековъ мѣшалось здѣсь издревле населеніе, пришлое съ Востока (Евреи,

14. Стѣны Оессалоники.

Армяне), какъ во всякомъ торговомъ городѣ на берегахъ Средиземнаго моря, а въ Салоникахъ по преимуществу. Начиная съ 253 и особенно 268 года по Р. Х., городъ становится цѣлью средневѣковыхъ пиратовъ и варварскихъ набѣговъ, наиболѣе страшныхъ между ними — готовъ. Къ 390 году отно-

1) Tafel, Th. I. Fr. *De Thessalonica ejusque agro dissertatio geographica*. В. 1839.

сится знаменитое избіеніе солунскихъ жителей, учиненное Оеодосіемъ въ Ипподромѣ. Все V столѣтіе проходитъ для города въ непрестанной грозѣ. Между VII и IX вѣкомъ насчитывается шесть нападеній на городъ болгаръ и другихъ славянъ: сербы начинаютъ свои походы въ 676 году, болгары съ 750 г. Въ 677 году болгары и другіе славяне присоединяются къ аварскому Хагану, и городъ въ теченіе долгаго времени претерпѣваетъ жестокую осаду съ суши и съ моря и терпитъ отъ пожаровъ, причиняемыхъ машинами, бросающими въ городъ огонь. Всѣ берега Оессалии, Греціи, Эпира и Иллиріи разграблены и опустошены. Городъ, ставшій около VIII вѣка *μεγαλόπολις*, продолжаетъ привлекать хищниковъ и спасается только дарами, присланными изъ Константинополя. Въ то же время Оессалоника получаетъ почетное прозваніе «православною», очевидно, за противодѣйствіе своего клира иконоборческимъ императорамъ. Христіанство, рано утвердившееся въ огреченной Македоніи (около VI вѣка уже вошлѣ), настолько окрѣпло въ VII — VIII вѣкахъ, что именно отсюда явились миссіонеры его для Болгаріи и Моравіи. Къ 886 году, 904¹⁾, 912 относятся нападенія сарацинъ, приходившихъ съ моря. Лѣтописецъ рассказываетъ, что при подобномъ нападеніи сарацины, приди на 50 слишкомъ большихъ корабляхъ, съ 200 воиновъ на каждомъ, атаковали разомъ всѣ городскія ворота метательными машинами, и двое воротъ на восточной сторонѣ были зажжены во вѣшной стѣнѣ. Защитники города должны были удалиться во внутренность, такъ какъ сарацины посылали сверху своихъ судовъ метательные снаряды внутрь города. Вновь городъ выкупленъ въ 1185 году. Ужасы пашествій начинаются съ запада въ видѣ нормановъ изъ Сициліи. Городъ взятъ послѣ общей атаки и совершенно разграбленъ. Въ слѣдующемъ году онъ вновь отвоеванъ Византіею и сицилійскій флотъ разрушенъ бурями. Въ 1204 году Оессалоника, вмѣстѣ съ прилегающей страной, стала королевствомъ для владѣтельныхъ герцоговъ Монферратской марки; это королевство составляло третью часть имперіи. Съ 1328 года Андроникъ Комненъ, овладѣвши Солунью, вручаетъ градоначальство Гвидо Лузіньянскому. Городъ становится въ это время центромъ политическихъ предпріятій, распространяющихся на значительную часть полу-

1) См. Іоанна Каменіата рассказъ о взятіи Оессалоники въ 904 г. 31 Іюня, въ Боннскомъ изд. *Theophanes Continuatus*, 1838, р. 487—600. Этотъ клирикъ повѣствуетъ довольно живо (для Византійца) и краснорѣчиво о взятіи города, избіеніи жителей, уведѣ двадцати тысячъ въ плѣнъ, общемъ ужасѣ и пр., но, кромѣ общаго описанія города, стѣнъ и укрѣпленій, ничего не даетъ для исторіи. Историкъ литературы Крѹмбахеръ, правда, угадываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ этого посланія, что и въ X вѣкѣ «этнографическая группировка Македоніи была та же, что и теперь», но въ дѣйствительности мы узнаемъ только о Другубитахъ и Сагудатахъ и Скивахъ, принявшихъ христіанство: въ риторикѣ византійскаго клирика находимъ обычное безплодіе.

острова. Въ 1331 и 1334 — 40 гг. императоръ проводитъ здѣсь всю зиму. Историческое значеніе города растетъ вмѣстѣ съ появленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, но въ тоже время судьбы ведутъ городъ къ окончательной гибели. Въ 1422 году Солунь уступлена или запродана венеціанской республикѣ. Въ 1430 году 29 марта, послѣ трехдневной осады городъ взятъ Амуратомъ, послѣ того, какъ измѣшники провели турокъ подземнымъ ходомъ въ городъ. Небольшой венеціанскій гарнизонъ бѣжалъ, а 7000 жителей были всѣ проданы въ рабство. Новое населеніе появилось въ городѣ уже по спеціальному выбору турокъ¹⁾. Тяжелая судьба города была, такимъ образомъ, результатомъ его межеумочнаго положенія, созданнаго произволомъ или плохою политикою правителей. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала и до настоящаго времени Салоники носятъ двойной характеръ: торговаго порта и военнаго укрѣпленнаго лагеря. Тяжесть подобнаго положенія, хотя перѣдкаго въ древности, ясна сама по себѣ.

15. С.-в. часть Салоникъ.

Не стоя, такимъ образомъ, ни какъ портовый городъ, ни какъ укрѣпленный лагерь, въ ближайшей связи съ окружающею страной, Солунь была однакоже руководящимъ центромъ для торговыхъ городовъ Македоніи Сѣра, Драмы, Костура, которые тоже были въ Македоніи своего рода греческими факторіями. Напротивъ того, чисто болгарскіе города: Охрида, Куманово, повидимому, мало имѣютъ связи съ Солунью, точно такъ же, какъ и Скопие, Водена, Битоль — города имѣющіе больше стратегическое значеніе, чѣмъ

1) Греческій авторъ 3-го Отрывка «Объ Эпирскихъ дѣлахъ» (Epirotica, ed. Bonn. 1849, p. 244—5) сообщаетъ, что Турки даже силою набрали себѣ женъ изъ христіанокъ, похитивъ ихъ въ Воскресенье по окончаніи соборной службы.

торговое. Сюзунъ была, однако же, центромъ громаднхъ ярмарокъ (Димитріевская, въ октябрѣ) ¹⁾.

Согласно съ своимъ, такъ сказать, административнымъ происхожденіемъ, Сюзунъ, почти на всемъ протяженіи своей исторіи, не имѣла самостоятельнаго характера, не представляла личности, какъ городъ, всегда тяготѣла въ сторону сильнаго, и самое благосостояніе города въ значительной степени зависѣло отъ общаго хода дѣлъ въ имперіи. Такъ, ея соборъ, главныя ея церкви — всѣ относятся къ древнему византійскому періоду, и нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ церквей позднѣйшаго періода этого положенія не мѣняютъ. Что въ періодъ времени до X вѣка Сюзунъ была цвѣтущимъ городомъ и была украшаема на частныя и городскія средства, а также и на правительственныя, — доказывається тѣмъ, что за нею сохранилась своего рода легенда объ ея богатствѣ рѣзными мраморами; не говоря уже объ извѣстныхъ античныхъ декоративныхъ скульптурахъ, отсюда нѣкогда вывезенныхъ (извѣстная Пикапгада съ 1865 года въ Лувръ); повидному, древне-христіанскій періодъ и ранній византійскій VI—IX столѣтіи обильно постройками. Здѣсь найдено много саркофаговъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города, очевидно, составлявшихъ богатый, пока еще не разслѣдованный некрополь (есть извѣстіе, что въ окрестностяхъ города были христіанскія катакомбы). Отсюда вывозилось много мрамора въ Адрианополь съ 1430 года, а затѣмъ рядъ громаднхъ турецкихъ банъ построенъ, очевидно, изъ матеріаловъ разобранныхъ церквей.

Самое расположеніе города отвѣчаетъ типу эллинистическихъ городовъ. Одна прямая большая улица прорѣзываетъ его съ запада на востокъ, отъ воротъ Каламаринъ до Вардарскихъ; ей параллельно идетъ другая прямая улица, отъ Башенныхъ воротъ къ Леникану; и доселѣ же также двѣ параллельныя улицы пересѣкаютъ городъ въ противоположномъ направленіи —

16. Улица въ Салоникахъ.

1) Tafel, I. c., p. 227—230.

поперекъ, теряясь затѣмъ въ мелкихъ переулкахъ, идущихъ на холмъ, который какъ бы прикрываетъ городъ съ сѣвера. На этомъ холмѣ устроена турками большая цитадель, по всей вѣроятности, занимающая мѣсто древ-

17. Угловая башня въ Салоникахъ.

няго укрѣпленнаго лагеря, если не самого укрѣпленія. Городъ, какъ извѣстно, окруженъ стѣнами, но только сухопутными, а берегъ моря былъ защищенъ, повидимому, только въ древности, но отъ этихъ защитныхъ стѣнъ уцѣлѣла лишь большая угловая башня, доселѣ служащая тюрьмою. Городскія постройки въ большинствѣ представляютъ тотъ же характеръ, что и въ совре-

менномъ Стамбулѣ, т. е. состоятъ изъ разныхъ видовъ фахверка, а потому легко горятъ, и пожары въ этомъ городѣ всегда были болѣе разрушительны, чѣмъ даже нападенія непріятелей. При этихъ пожарахъ цѣлкомъ сгорали обыкновенно и церкви, базиличной формы, крытыя стропилами и черепицей, а построенныя изъ бута или даже щебня. Городъ многократно и жестоко страдалъ отъ землетрясеній.

18. Триумфальная арка въ Салоникахъ.

Изъ первыхъ памятниковъ города сохранилось, поэтому, мало, но между

этими остатками выдѣляется знаменитая триумфальная арка, находящаяся въ началѣ главной улицы Via Egnatia, у восточныхъ воротъ города (Кассанд-

ровыхъ или Константинопольскихъ)¹⁾, между Ротондою и Ипподромомъ. Нынѣ уцѣлѣла внолѣ изъ тройной арки лишь средняя, почти въ 10 метровъ ширины, выполненная, очевидно, безъ кружала и опирающаяся на два пилона или столпа, обложенные со всѣхъ четырехъ сторонъ четырьмя поясами мраморныхъ рельефныхъ изображеній битвъ римской Имперіи съ варварами. Арки и скульптуры эти въ настоящее время опредѣленно приписаны имп. Галерію, стало быть между 296 и 311 гг.²⁾ Въ скульптурахъ довольно

19. Триумфальная арка въ Салоникахъ.

живо представлены: вверху триумфъ надъ варварами и самое торжественное шествіе побѣдителя съ отрядами войскъ, толпами влекомыхъ плѣнныхъ, среди которыхъ видимъ и верблюдовъ, ниже битвы римскихъ войскъ съ варварами, завоеваніе страны (одлицтвореніе рѣкъ и горъ и пр.); по самому цоколю на одномъ пилонѣ сохранились въ нишахъ съ раковиннымъ сводомъ окрыленные фигуры, близко напоминающія по стилю своихъ драпировокъ фигуры на пьедесталахъ римской арки Константина.

1) Объ этихъ воротахъ Tafel, p. 99 — 100.

2) Kinch, *L'arc de triomphe de Solonique*. 1890.

На первомъ мѣстѣ и по древности, и по художественному достоинству, и по общенсторическому значенію, слѣдуетъ поставить, конечно, въ Солуни церковь *Св. Георгія* или, такъ называемую, *Ротонду* — цѣль мечеть Орта-кѣй - Джами. Вопросъ о времени происхожденія этой церкви и объ ея мозаическихъ украшеніяхъ можно считать въ настоящее время приблизительно рѣшеннымъ¹⁾: церковь эта цѣлкомъ христіанскаго происхожденія и должна

20. Триумфальная арка въ Салоникахъ.

относиться къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанскаго искусства. Въ прежнее время она носила названіе «старой митрополіи», замѣненной впоследствии «Св. Софіей». Круглая церковь имѣетъ два входа: на югѣ и западѣ.

1) Texier et Popplewell Pullan, *Architecture byzantine*, pl. XXX — XXXIV. Bayet et Duchesne, abbé, *Mission au mont Athos*. Archives des missions scientifiques et littéraires. III-e s., v. III, 1876, p. 201 sq. Bayet, Ch. *Recherches p. s. à l'histoire de la peinture en Orient*. Bibl. d. Ec. franç. d'Athènes et de Rome, X, 1879, p. 85—86. Millet, G. *L'art byzantin*. Histoire de l'art, publ. par André Michel, I, 1905, p. 165 — 166.

Толщина стѣлъ 18 фут., вышина 50, діаметръ церкви 80 фут. Стѣны пробиты шестью пирами, крытыми коробовымъ сводомъ. Средняя пира, противъ входа, пробита и оканчивается абсидою, выходящей снаружи церкви и имѣющей пять оконъ. Такимъ образомъ общій планъ церкви приближается къ обычному типу круглыхъ римскихъ зданій, и сравнительно съ нимъ, планъ церкви въ Босра, на краю Гаурана и Аравіи, является гораздо болѣе сложнымъ, такъ какъ тамъ круглое зданіе вписано въ четырехъ угольникъ и имѣетъ даже три абсиды. Церковь Георгія можетъ быть называема въ точномъ смыслѣ слова Ротондою и покрыта вся цѣлкомъ, кромѣ абсиды, однимъ куполомъ. На этомъ основаніи Ротонда Георгія можетъ быть сопоставляема съ

21. Церковь св. Георгія («Ротонда») въ Салоникахъ.

Ротондою Св. Гроба, церковью Антиохіи и, еще болѣе того, церковью Вознесенія на Элеонѣ, а относить ее приходится или къ второй половинѣ IV вѣка или не позже средины V-го столѣтія.

Церковь замѣчательна, главнымъ образомъ, своими мозаическими росписями шеп и купола. Что было въ среднѣмъ куполѣ, того не знаемъ, но что тамъ была нѣкогда также мозаика, показываютъ слѣды сохранившейся каймы средняго медальона. Байе предполагаетъ, что, на подобіе Равеннскихъ мозаикъ, въ среднѣмъ куполѣ былъ центральный медальонъ, содержавшій въ себѣ изображеніе Спасителя или евангельскую сцену.

Сохранившаяся мозаическая роспись въ шепѣ купола во многихъ мѣстахъ, составляющихъ почти одну треть всей мозаики, осыпалась и замѣнена масляной раскраскою по штукатуркѣ въ повѣйшее время. Нѣкогда эта рос-

пись имѣла 8 отдѣлений, повторявшихъ дважды 4 архитектурныхъ композиціи въ противоположащихъ тяблахъ¹⁾). Въ настоящее время одного отдѣленія болѣе не существуетъ, въ прочихъ мозаика въ верхнихъ частяхъ и въ нижнихъ разрушена и замѣнена живописью. Далѣе фигуры святыхъ покрашены, вѣрнѣе замалеваны, и видны только тѣневыми абрисами. При числѣ фигуръ 17 только надъ 12 сохранились подписанныя ихъ имена. Композиція представляетъ монументальныя и роскошно убранныя алтарныя части храмовъ: декоративность этихъ композицій не позволяетъ положительныхъ заключеній, на сколько ихъ рисунокъ передаетъ дѣйствительную конструкцію алтарныхъ частей въ древне-христіанской базиликѣ, но тѣмъ не менѣе отношеніе къ реальной основѣ несомнѣнно здѣсь существуетъ и должно быть принимаемо въ расчетъ при нашихъ сужденіяхъ объ архитектурѣ V и VI столѣтій. Пред-

22. Внутренность церкви св. Георгія въ Солуни.

ставляемый нами въ точной передачѣ рисунокъ одного изъ такихъ отдѣленій въ краскахъ позволяетъ судить въ подробностяхъ объ ихъ декораціи. Трудно сказать и здѣсь не мѣсто разбирать, на сколько вся эта декоративная композиція воспроизводитъ собственную обстановку древне-христіанскаго алтаря. Однако, главныя черты этой обстановки, въ видѣ киворія по сре-

1) Всѣ мозаическія композиціи нами воспроизведены здѣсь въ книгѣ по исполненнымъ экспедиціею фотографіямъ, но четвертая выполнена была также съ натуры акварелью художникомъ Д. К. Крайневымъ и воспроизведена поэтому цвѣтною автотипіею по способу «трехъ красокъ».

днѣ, ишии позади его, раковиннаго свода надъ пирамидальнымъ верхомъ киворія, достаточны для этого указанія. Киворій стоитъ здѣсь обыкновенно, на повышенной нѣсколькими ступенями солеѣ; онъ устроенъ въ видѣ балдахина на четырехъ, шести или восьми колоннахъ. Съ потолка его спускается подвѣсная большая лампада. Но, къ сожалѣнію, нижняя часть этого киворія почти во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, или разрушена, или занята фигурою святого, и потому мы не можемъ сказать, что именно помѣщалъ мозаичистъ на мѣсто обычнаго престола. Однако, въ томъ именно случаѣ, гдѣ лѣвая часть внутренности киворія въ мозанкѣ оказывается сохраненною, тамъ мы видимъ во-первыхъ: приподнятую на одну треть вышины завѣсу, а внизу, на подѣ киворія, небольшой круглый столъ (повидимому, онъ весь реставрированъ) съ лежащею на немъ книгою. Стало быть, и здѣсь имѣла мѣсто символическая декорація экзедры и хоровъ, изображенныхъ въ Равенскомъ Баптистеріи. Это тѣ-же уготованные престолы съ книгою Евангелія, которые ставились въ торжественные дни собраній въ церквахъ востока, въ знакъ певидимаго присутствія Главы церкви. По сторонамъ киворія стоятъ обыкновенно, въ данномъ случаѣ, въ молитвенномъ положеніи, какъ служители церкви — святые. Разрушеніе мозаики именно въ нижнихъ частяхъ крайне затрудняетъ для насъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ далеко простирается повышенная солея и гдѣ начинаются изображенные по обѣ стороны алтарной ишии, боковые корридоры, обходящіе затѣмъ эту ишию, полукругомъ. Возможно, что рисовальщикъ передаетъ здѣсь только декоративную роспись алтаря, точно такъ же, какъ и второй этажъ всей конструкціи, который, состоя изъ многоугольнаго открытаго портика по срединѣ, и двухъ крытыхъ кунолами киворіевъ, уже почти навѣрное, есть настѣнная живописная декорація.

Переходя теперь къ фигурному содержанію мозанкъ, напомнимъ, что именно эта часть покрыта грубой мусульманскою размалевкой и остается пока недоступна для изслѣдованій. Равнымъ образомъ никакого заключенія доселѣ не было получено изъ разбора самыхъ изображеній и даже самый подборъ святыхъ ипчѣмъ пока не объясняется. Порядокъ фигуръ слѣдующій по отдѣленіямъ: 1. Романа пресвитера и Евкарпія воина, мѣсяца декабря. 2. Космы и Даміана мѣсяца сентября. 3. Онисифора воина и Порфирія мѣсяца августа. 4. Льва воина мѣсяца іюня и Филимона свирѣлышника мѣсяца марта. 5. Отдѣленія пѣтъ. 6. Филиппа епископа мѣсяца октября и Өеріи воина мѣсяца іюля. 7. Василиска воина мѣсяца апрѣля и Приска воина мѣсяца октября и 8. Ананія пресвитера мѣсяца января и Аристарха мѣсяца апрѣля. Слѣдуетъ прибавить, что названные въ надписяхъ мѣсяцы празднованія святыхъ не совпадаютъ даже со святыми X вѣка. Такимъ

образомъ мы, вѣроятно, еще не скоро будемъ знать, на чемъ основанъ выборъ святыхъ и какая тема руководила всею композиціею.

23. Мозаика въ церкви св. Георгія («Ротонда») въ Салоникахъ.

Но главный интересъ мозаики сосредоточивается не въ сюжетѣ ея, а въ стилѣ архитектурной декораціи и только отчасти въ стилѣ фигуръ, на сколько мы въ состояніи рассмотреть его черты сквозь грубую размазку.

Если мы сопоставимъ эту декорацію съ росписями римскихъ катакомбъ, которыми онѣ отвѣчаютъ хотя-бы по мѣсту росписи, то мы прежде всего

24. Мозаика въ церкви св. Георгіа («Рогонды») въ Солунѣ.

замѣтимъ исчезновеніе основныхъ греческихъ формъ росписи. Мы не имѣемъ здѣсь ни пейзажа, ни ландшафта, ни живописной перспективы, ни воздушныхъ полей съ ихъ трельяжами, вѣтками, рѣющими птицами, пастушьими сценами, жанровыми картинками. Мы находимъ здѣсь, напротивъ того: слож-

ную постройку и, не смотря на массу колонн и причудливыя аркады, видимъ все таки монументальное построение, со сложными и тяжелыми римскими карнизами. Это построение болѣе всего напоминаетъ намъ дворецъ Діоклетіана въ Спалато¹⁾, базилику Константина въ Римѣ и причудливую архитектуру Аравійской Петры. Даже церковь Сергія и Вакха въ Константинополѣ и тѣмъ болѣе Св. Софія Константинопольская отличаются сравнительною простотою конструкціи, конечно, между прочимъ, въ зависимости отъ того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ только декорацію, а тамъ дѣйствительную архитектуру, выдолбленную въ камняхъ. Здѣсь, въ отличіе отъ дѣйствительной архитектуры, мы видимъ крайне повышенныя аркады на несоразмѣрно тонкихъ и высокихъ колонкахъ, и хотя, съ одной стороны, можемъ объяснять это расчетомъ декоратора, при размѣщеніи архитектурныхъ формъ въ выгнутомъ сводѣ, все-же не можемъ отрицать здѣсь известной моды или вкуса, который въ послѣдствіи выразился и въ самой архитектурѣ. Достаточно, на примѣръ, просмотрѣть миниатюры Ашбергемскаго Пятикнижія, чтобы убѣдиться въ существованіи характерной манеры донельзя вытягивать аркады на тоненькихъ колонкахъ въ живописи V, VI столѣтій. Крайне сложные, пышно разукрашенные карнизы въ Солунской мозаикѣ напоминаютъ исключительно римскія зданія III и IV вѣка по Р. Х. Круглые киворіи, опирающіеся на витыя колонки, встрѣчаются только въ греческихъ рукописяхъ VI, VII столѣтій. Такимъ образомъ, весь архитектурный ансамбль данной мозаики, быть можетъ, воспроизводитъ одно изъ роскошныхъ зданій Константинова вѣка, если не самую базилику Іерусалимскую. Особенно характерной деталію служатъ многочисленные пояски, по 4 и по 5-ти на каждой колоннѣ, осыпанные по краямъ жемчугомъ. Промежутки между архитектурными композиціями заполнены орнаментальнымъ восходящимъ стеблемъ съ акапоовыми разводами, обычнаго греко-римскаго типа. Эта форма стародавняя и встрѣчается уже въ римскихъ катакомбахъ II-го столѣтія, но еще въ чисто греческомъ пошибѣ изящнаго стебля, быть можетъ, морского растенія, на примѣръ, напируса. Въ тяжелой римской формѣ она является въ катакомбахъ уже только въ IV столѣтіи²⁾. Затѣмъ изъ прежнихъ декорацій попали сюда павлины и птицы, размѣщенные по зданію. Главная же черта всей архитектурной декораціи состоитъ въ обильныхъ украшеніяхъ изъ драгоценныхъ камней, разсыпанныхъ по карнизамъ, поясамъ колоншоекъ, аркадъ, кессонамъ и балдахинамъ киворіевъ³⁾. Среди камней, по тяжелому римскому

1) Beylié, de, L. L'habitation byzantine, 1902.

2) Wilpert, Mgr. *Die Malereien der Katakomben Roms.*, 1904, pl. 134.

3) Ibid., Катак. Понціана, конца V вѣка, табл. 255.

вкусу, преобладают красные камни, а жемчугомъ обнизаны пояски пирамидальныхъ верховъ на киворияхъ.

Изображенныя въ мозаикѣ святыя представлены здѣсь исключительно

25. Мозаика церкви св. Георгія («Ротонды») въ Согуни.

въ позѣ молящихся по древне-христіанскому обычаю, съ руками, слегка поднятными и поднимающими въ свою очередь пышную далматику¹⁾ или длинную мантию-хламиду, застегнутую на правомъ плечѣ. Въ далматикахъ пред-

1) Ibid. табл. 188, 217—8, 250.

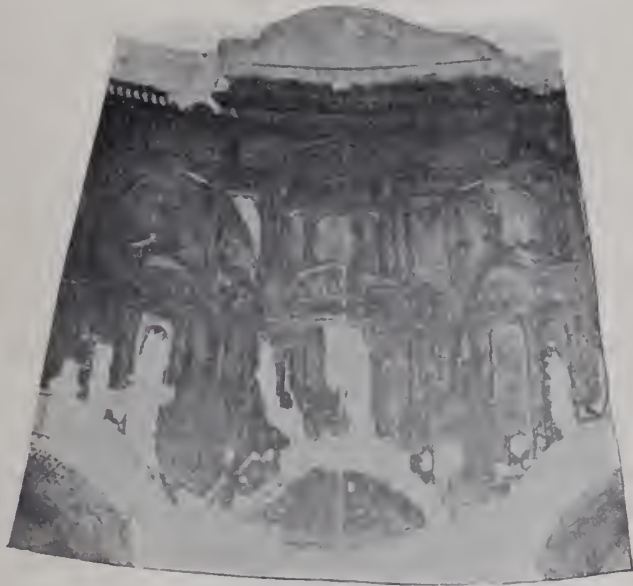
ставлены пресвитеры, въ патриціанскихъ хламидахъ — прочіе святыя. Всѣ стоятъ лицомъ къ зрителю, но уже не среди райскихъ деревьевъ, какъ, напримѣръ, въ римскихъ катакомбахъ¹⁾ или равеннскихъ мозанкахъ, но, какъ было говорено выше, среди алтарей. Повидимому, обычай изображать святыхъ въ гиматіяхъ и мантияхъ и хламидахъ, т. е. въ одеждахъ патриціанскихъ установился уже въ началѣ IV вѣка. Не смотря на варварское обезображеніе, фигуры святыхъ выступаютъ съ высокимъ достоинствомъ, и хотя лица ихъ въ большинствѣ замазаны, далматики перечерчены и удвоены или даже утроены въ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе, немногіе, пощаженыя турецкой размазкой куски, свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи искусства. Композиція фигуръ полна натуральности и благородства. Головы и руки моделированы сильнымъ рельефомъ; цвѣтъ тѣла живой и теплый; особенно хороши полутоны одеждъ. На нашемъ рисункѣ красками, съ акварели, исполненной художникомъ Крайневымъ, легко видѣть, что одежды фигуръ разнообразились именно въ полутонахъ: свѣтло-зеленый, свѣтло-лиловый, свѣтло-коричневый и т. д.

Однако, главный интересъ настоящихъ мозанкъ сосредоточивается, конечно, въ той архитектурной декораціи, которая служитъ фономъ для этихъ фигуръ и повторяется восемь разъ въ кругъ ротонды. Изъ этихъ восьми архитектурныхъ композицій только четыре варианта, прочія же четыре — ихъ повторяютъ. Каждое мозанческое отдѣленіе представляетъ какъ бы внутренность пышной христіанской базилики, при этомъ въ главной ея части, т. е. алтарной. Святыя стоятъ собственно по сторонамъ алтаря или киворія. Но подъ этимъ киворіемъ, обыкновенно, нѣтъ престола, за исключеніемъ двухъ композицій, въ которыхъ вмѣсто престола изображенъ низенькій палой, на которомъ лежитъ раскрытое Евангеліе. Киворій поставленъ на ступеньчатомъ возвышеніи или солеѣ (три ступени). Въ одномъ случаѣ на солеѣ поставлена невысокая ажурная баллюстрада, внутри которой представленъ святой епископъ стоящимъ. Впрочемъ, именно эта часть мозанки, равно какъ и вообще нижняя часть композицій, были нѣкогда особенно разрушены, а затѣмъ еще болѣе были искажены реставраціею, покрывшею масляными красками даже части мозанкъ. Затѣмъ несомнѣнно, вся эта архитектурная декорація воспроизводитъ, въ условной, слегка фантастической формѣ, аркады и портнки, обходящія кругомъ алтарную абсиду. Далѣе, верхніе боковые нефы или хоры, хоры алтарные, поднимающіеся надъ киворіемъ; наконецъ, верхъ этихъ портиковъ условно или декоративно снабжены ицинами и куполами, а затѣмъ и вся конструкція дана не въ тяжелыхъ строительныхъ фор-

1) Ibid. табл. 138.

махъ, по въ легкихъ декоративныхъ поясахъ, карнизахъ, колонкахъ, пилястрахъ и проч. и проч. При этомъ купола орнаментированы рубинами, сапфирами и жемчугомъ; карнизы поясами ововъ, киматіями, а фризы—по пурпурному фону — плывущими лебедями. Еще пынше раздѣланы киворіи и алтарныя абсиды; крыши киворіевъ изъ металлическихъ чешуекъ, а своды абсидъ по раковинной чашѣ украшены на подобіе хвостовъ павлина. Тутъ же, для приданія церковнаго характера всей декораціи, разставлены высокіе свѣщники, повѣшены пурпурныя завѣсы, лампы и поставлены фигуры птицъ и драгоцѣнныя вазы.

Вся эта декорація носитъ ясно характеръ Константиновской эпохи. Это прежде всего именно та, еще чисто языческая, греко-римская архитектура, которую въ монументальныхъ сооруженіяхъ мы знаемъ во дворцѣ Спалато, въ базиликѣ Константина, а въ декоративной формѣ находимъ въ баптистеріи Равенны, погребальныхъ пещерахъ Петры, но прежде всего въ извѣстномъ Календарѣ 354 года, который иначе называется Календаремъ Константина. Орнаментація аркадъ и вообще рамокъ этого Календаря, хотя

26. Видъ мозаикъ церкви св. Георгія до послѣдней реставраціи.

она болѣе всего остального, т. е. болѣе, чѣмъ фигуры и письмо, потеряла въ концѣ, уже по тому одному, что совершенно утратила краски, является весьма характерною. И по отношенію къ этому характеру является вполне вѣрнымъ замѣчаніе заслуженнаго изслѣдователя этого памятника¹⁾, что народная культура выражается въ орнаментикѣ болѣе чѣмъ въ литературѣ и пластическомъ искусствѣ вообще. Орнаментъ, дѣйствительно, приготавливаетъ искусство (какъ то ясно показываетъ, напримѣръ, готическій стиль), но также орнаментъ и

1) Josef Strzygowski. *Die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354*. Berlin. 1888, p. 105—6.

удерживаетъ элементы разложившагося художественнаго стиля долго послѣ того, какъ само искусство уже обратилось въ развалину. Вполнѣ раздѣляя поэтому мысль названнаго изслѣдователя, что декорація Константиновскаго Календаря есть переживаніе античнаго искусства, мы, однако же, можемъ къ этому прибавить, что это переживаніе, разлагая самый стиль древности, рождаетъ новый. Нарожденіе этого новаго стиля совершается путемъ внесенія въ античную схему восточныхъ элементовъ: сухая линія римскаго свода покрывается здѣсь поясами драгоценныхъ камней, обильно рассыпанными на пилястрахъ и колоннахъ. Съ той же самой точки зрѣнія, являются ложными и всѣ тѣ заключенія историковъ искусства, по которымъ древне-христіанскій и ранній византійскій стиль не заключаютъ въ себѣ ничего новаго противъ антика и потому не должны быть называемы византійскими. Въ повѣйшее время снова высказана та же самая тенденція и именно по поводу мозаикъ Георгія Солунскаго¹⁾. Изслѣдователь старается увѣрить насъ, что онъ не находитъ въ этомъ памятникѣ ничего собственно византійскаго: эти волшебные дворцы, какъ онъ выражается (тогда какъ это не дворцы, а только базилики), чисто античнаго происхожденія, точно такъ же, какъ и самыя фигуры святыхъ, съ ихъ красивыми клавами и величавыми позами, чисто античнаго стиля. Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не признаетъ, что само византійское искусство начиналось въ IV и V вѣкахъ своего рода «ренессансомъ» греческаго искусства и, по всей вѣроятности, мало интересуется тѣмъ вопросомъ, гдѣ же собственно начинается, такъ называемое «византійское» искусство. Вопросъ, на который наименѣе даютъ отвѣтъ тѣ самыя нѣмецкіе историки, которые стараются увѣрить, что Св. Софія Константинопольская ничѣмъ не отличается отъ термъ Каракаллы.

Наконецъ одну любопытную деталь мы должны указать на нашемъ акварельномъ рисункѣ. Два боковыхъ киворія, или балдахина, поставленные на четырехъ столбахъ, въ видѣ открытаго портика, оказываются здѣсь *позолоченными* сверху или *съ наружной стороны*, какъ образецъ византійскихъ куполовъ и, кромѣ того, покрытыми особой орнаментацией изъ сѣти ромбовъ, съ драгоценными камнями внутри — рубинами и сапфирами; подъ киворіями подвѣшены лампады. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и фронтонъ средняго портика вмѣстѣ съ карнизомъ также густо позолоченъ. Все это не только черты орнаментики, но и исторической архитектуры временъ Константина и перваго шествія восточныхъ вкусовъ въ западную архитектуру, начиная съ Діоклетіана и кончая Юстиніаномъ. Но именно въ настоящемъ рисункѣ мы видимъ

1) Kurt, J. *Die Mosaiken der christlichen Aera. I. Die Wandmosaiken von Ravenna.* 1903, p. 16.

эту орнаментацию во всемъ ея богатствѣ и, такъ сказать, во всей ея свѣжести. Золотые плоскіе купола, золоченые, крытые чешуйчатыми плитками, шатровые киворіи, обиліе рубиновъ и сапфировъ и красные фоны все это носитъ такой специфическій характеръ, что должно быть названо особою, весьма неподовѣчной, модой, просуществовавшей не болѣе полвѣка.

Мозаическая роспись реставрирована масляною краской въ 1889 году итальянцемъ Роззи. При этомъ все отдѣленіе надъ алтаремъ исполнено живописью; проходящая подъ мозаиками баллюстрада вся написана и при томъ очень грубо. Фотографіи сохранившихся мозаикъ до 1889 года, а равно и собственное наблюденіе надъ мозаиками, намъ показали, что справа отъ алтаря верхняя часть отдѣленія вся написана заново. Третье отдѣленіе, идя по тому же направленію, фигуры поновлены, внизу слѣва и справа такъ же дополнено живописью, то же въ четвертомъ и пятомъ отдѣленіи; въ шестомъ и седьмомъ — верхняя часть древняя. Такимъ образомъ, кромѣ немногихъ частей, почти вездѣ низъ дописанъ въ 1889 году.

Ротонда извѣстна также въ исторіи христіанскаго искусства и своимъ мраморнымъ амвономъ, который, будучи нѣкогда вынесенъ мусульманами на дворъ мечети, простоялъ такъ около тысячи лѣтъ, подвергаясь непогодѣ и варварскому обращенію магометанъ съ фигурами, а затѣмъ былъ, какъ извѣстно, изданъ учеными французской миссіи и нынѣ перенесенъ въ Константинопольскій Музей. Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи V вѣка, относимомъ, по характеру его скульптуры, къ малоазіатской школѣ, трудно судить въ виду крайней степени разрушенности памятника. Во всякомъ однако случаѣ, даже поверхностное сравненіе фигуръ и особенно драпировокъ на его рельефахъ, съ барельефами триумфальной арки въ той же Солуни, показываетъ, какой сильный шагъ къ паденію былъ сдѣланъ въ теченіе времени, протекшаго отъ вѣка Константина. Подмѣчать черты художественнаго упадка въ первой половинѣ V вѣка — не лишнее. въ цѣляхъ настоящаго пониманія Юстиниановской эпохи.

Въ видѣ такого же рода неопредѣленныхъ обломковъ представляется мозаическая роспись шести глубокихъ нишъ церкви, нѣкогда нынѣ украшенныхъ мозаиками по коробовымъ сводамъ. Къ сожалѣнію, повѣйшая размалевка до такой степени прикрыла то немногое, что нынѣ уцѣлѣло отъ древней мозаики, что изящество ея нѣкоторыхъ частей по неволѣ пропадаетъ для зрителя; лишь въ третьей нишѣ направо отъ входа сохранилось болѣе другихъ: тамъ по серебряному фону исполнены превосходнаго, еще античнаго вкуса, различныя птички, голуби, перенелки, утки, корзины съ плодами, все это въ живыхъ формахъ и еще античною лѣпки. Грубѣе выполнены въ другой нишѣ ковровые рисунки съ кругами, подѣленными на

сегменты, по коймы этих ковровъ съ разводами и вязлами, внутри которыхъ сдѣланы птицы въ живыхъ позахъ, прекрасной работы. Во дворѣ церкви Св. Георгія имѣется на мѣстѣ прежняго христіанскаго фіала — турецкій и два портика входныхъ, которыхъ колонны имѣютъ кубовыя капители, также турецкаго происхожденія; но въ полу этихъ портиковъ, набранныхъ изъ обломанныхъ плитъ, имѣются куски орнаментальныхъ плитъ. Два куска плиты, съ профилированными византійскими бордюрами, представляютъ, внутри

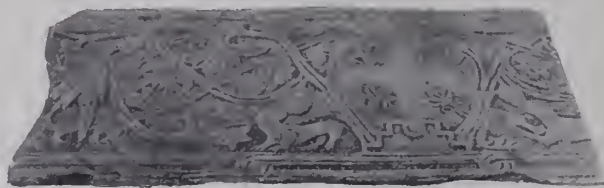

27. Мозанка въ нишахъ Ротонды.

разводовъ, зайцевъ, птицъ, клюющихъ грозди винограда, еще хорошаго времени, т. е. между XII и XIV вѣкомъ; третья — тоже обломанная, со стертымъ рельефомъ геральдическаго льва, позднѣйшаго времени.

Хотя мы не знаемъ, въ концѣ концовъ, какое содержаніе имѣла мозаическая роспись купола ротонды, но уже самый декоративный фризъ ея находитъ себѣ, какъ было говорено, ближайшую аналогію въ Равеннскомъ баптистеріи. И дѣйствительно, если мы исключимъ изображенія святыхъ, то наши декоративныя композиціи представляютъ, какъ было говорено, внутренность церквей и ихъ алтарныхъ частей. Фризъ Равенскаго баптистерія представляютъ, какъ

было нами раньше указано, церковныя хоры или верхнія палаты базиликъ, въ которыхъ на тронахъ или креслахъ помѣщались для всеобщаго обозрѣ-

28. Плита въ церкви св. Георгія въ Солуни.

нія наиболѣе священныя утвари и предметы почитанія въ церкви. Нѣчто подобное есть и здѣсь въ видѣ наоя съ евангеліями.

Исключительно декоративныя темы врядъ ли были бы возможны въ росписи церкви, а потому онѣ естественно наводятъ на мысль, что Ротонда

Солуни первоначально вовсе не имѣла значенія церкви, а была, всего скорѣе, зданіемъ декоративнаго характера. Сравнивая его съ различными современными ему зданіями, мы нападаемъ на мысль: не была ли ротонда св. Георгія такою же *усыпальницей*, какъ напримѣръ, извѣстный мавзолей Констанція въ Римѣ. Извѣстно, что мавзолеи въ видѣ круглыхъ зданій, пробитыхъ внутри поясомъ глухихъ нишъ для постановки въ нихъ фамильныхъ склеповъ, появились въ Римской имперіи со временъ Августа. Ихъ главными представителями являются знаменитый мавзолей Цециліи Метеллы и «громада Адриана» — замокъ Св. Ангела. Но за воротами Рима, въ различныхъ мѣстахъ, уцѣлѣло еще въ руинахъ нѣсколько подобныхъ же массивныхъ сооружений II—IV вѣковъ. Изъ нихъ Торре Пишьятара содержала нѣкогда въ себѣ извѣстный саркофагъ Елены, матери Константина. Подобное же назначеніе имѣла руина Tor dei schiavi. Внизу этой башни есть подземная крипта¹⁾, а по круглому потолку имѣются слѣды росписи. Извѣстно затѣмъ, что внутри мавзолея Елены впоследствии времени, т. е. уже въ XVI вѣкѣ, изъ сосѣднихъ катакомбъ Петра и Марцеллина вынутыя монны этихъ святыхъ поставили въ особо устроенной по этому случаю «церкви». Наконецъ, знаменитый круглый храмъ Ромула на Римскомъ форумѣ, какъ извѣстно, есть тоже мавзолей 309 года, воздвигнутый сыну Максентія Ромулу, съ монументальнымъ входомъ и большими полукруглыми по сторонамъ входнаго портика экседрами. Въ верхнемъ поясѣ этого храма можно видѣть такой же рядъ полукруглыхъ небольшихъ оконъ, какъ и въ храмѣ Георгія Солунскаго.

Святая *Софія Солунская* представилась намъ, къ сожалѣнію, уже въ видѣ колоссальной руины, стоящей посреди полуразрушенныхъ кварталовъ, кучь мусора и камня, и въ состояніи полного запущенія со времени страшнаго пожара 1890 года, 22 Августа.

Фотографіи нашей экспедиціи отъ № 27 по 41-й представляютъ это состояніе съ достаточною ясностью, въ особенности, если эти 14 номеровъ сравнить съ фотографіями мѣстныхъ фотографовъ, снятыми до пожара. Кучи мусора, кирпичей и камня покрываютъ доселѣ окружающую мѣстность, такъ что во дворъ Св. Софіи и ко входу приходится идти внизъ, и покатоСТЬ эта мѣстами сильная и на столько крутая, что, очевидно, мѣсто Св. Софіи будетъ долго представлять собою пріемникъ дождевой воды, а входы скоро очутятся подъ землею. На рисункѣ (№ 29) можно видѣть остатки византийскихъ входныхъ пропилеевъ или воротъ съ колоннами напередѣ и рѣзными

1) Подъ Солунскою Ротондою была, кажется, крипта или подземелье, судя по свидѣтельству аббата Беллэ отъ 1772, но уже въ его время ставшее недоступнымъ (il y avait aussi de beaux souterrains, dans lesquelles on ne peut plus entrer), см. Tafel, l. c., p. 346.

кубовыми капителями. Было бы весьма желательно разобрать кучу мусора на этомъ мѣстѣ и добиться настоящаго плана и рисунка этихъ любопытныхъ прошлеевъ. Находившійся ранѣе за этими прошлеями огороженный западный дворъ мечети стоялъ, конечно, на мѣстѣ древняго атриума и сохранялъ отъ него нѣкоторыя части древней настилки; въ настоящее время передняя часть его мусульманской колоннады¹⁾ полуразрушена, разрушенъ фонтанъ и сгорѣли всѣ деревья, росшія во дворѣ и различныя жилия помѣщенія мусульманскаго происхожденія. Въ настоящее время всѣ входы, кромѣ одного,

29. Развалины на западной сторонѣ Софін Солунской.

и всѣ окна внизу загорожены и забиты досками или завалены и забраны камнями. Входятъ въ мечеть на сѣверо-западномъ углу ея по кучамъ битаго камня, въ безпорядкѣ насыпаннаго на полахъ. Такъ какъ пожаръ, по рассказамъ, начался внутри самой мечети, отъ загорѣвшихся въ ней различныхъ пожитковъ, которые были свалены жителями мусульманскаго квартала, то особенно пострадали: эта самая внутренность и боковыя ея части. Сѣверный

корридоръ весь законченъ дымомъ; штукатурка обвалилась во многихъ мѣстахъ и въ главномъ нефѣ; многія колонны потрескались и драгоценныя пестрые мраморы ихъ барабановъ ломаются кусками. Абсиды закончена дымомъ до неразличимости, и мозаическаго изображенія Богородицы, во время нашего посѣщенія, нельзя было рассмотреть, ни простымъ, ни вооруженнымъ глазомъ. Каменная эстрада для чтецовъ, посредникъ мечети, потрескавшейся во многихъ мѣстахъ, стала уже недоступною, и мало поврежденными остались только мембиръ и амвонъ изъ пестраго зеленаго мрамора, прислоненный къ сѣверному столбу главнаго нефа. Весь полъ мечети покрытъ камнями и мусоромъ, среди котораго ребятки ищутъ кубики золотой мозаики.

Какъ оказалось изъ разспросовъ на мѣстѣ, о реставраціи церкви и даже о какомъ бы то ни было ея исправленіи мало думаютъ и турецкая администрація и само мусульманское населеніе: для обоихъ эта задача явна непо-

1) Кузинери въ своемъ путешествіи, т. I, стр. 44, v. Tafel p. 110 видѣлъ по фасаду храма *восемистолпный портикъ*, въ которомъ четыре колонны были изъ verde antico и четыре изъ бѣлаго мрамора.

сильная. Если-же и подымается объ этомъ рѣчь со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ правительственныхъ архитекторовъ, то только по поводу разныхъ случаевъ, напримѣръ, прибытія русской экспедиціи, когда возникаетъ надежда на полученіе субсидій отъ русскаго правительства на реставрацію бывшей Св. Софіи Солунской. Если подобныя надежды нельзя не называть химерою, то все-же нельзя не пожалѣть, что при данномъ положеніи дѣла, зданіе Св. Софіи угрожаетъ послѣдовать обычной участи руинъ: врядъ-ли это зданіе простоитъ болѣе полулѣта, такъ какъ потре-скавшіяся колонны и своды начинаютъ уже угрожать обваломъ и самымъ стѣламъ.

30. Дворъ мечети Софіи Солунской до 1890 г.

Какъ иѣтъ худа совѣтъ безъ добра, такъ и въ настоящемъ случаѣ пожаръ мечети послужилъ во-первыхъ: къ открытію греческимъ ученымъ Папагеоргіемъ мозаичныхъ надписей, которыя были расчищены отъ копоти и краски напѣонеромъ нашей Академіи Художествъ В. Н. Бобровымъ; во-вторыхъ: къ изслѣдованію Св. Софіи англійскими архитекторами Шульцемъ и Барнслеемъ и въ третьихъ: къ изслѣдованію мозаичныхъ надписей нашимъ ученымъ Я. П. Смирновымъ, которое привело, наконецъ, крупный историческій памятникъ къ настоящей научной постановкѣ¹⁾. Нашъ собственный осмотръ собора, капителей, мозаикъ и исполненіе фотографическихъ снимковъ были также значительно облегчены тѣмъ, что вслѣдствіе пожара и уничтоженія оконъ въ верху, соборъ въ настоящее время имѣетъ такъ много

31. Софія Солунская до 1890 г.

1) О времени мозаикъ Св. Софіи Солунской въ «Византійскомъ Временникѣ» 1898 года, № 3. Е. К. Рѣдина: «Мозаика купода Св. Софіи Солунской (къ вопросу о времени ея)», съ пятью таблицами рисунковъ въ «Византійскомъ Временникѣ» 1899 года, № 3. Я. П. Смирнова: «Еще о времени мозаикъ Св. Софіи Солунской» въ «Византійскомъ Временникѣ» 1900 года, № 1». См. тамъ же и литературу предмета.

свѣта, какъ, конечно, онъ никогда не имѣлъ со времени своего построения. Мало того: благодаря этой массѣ свѣта, льющагося во все раскрытыя верх-

32. Софія Солунская до пожара 1890 г.

нія арки, выступаетъ красота византійской архитектуры, всегда помраченная вѣковыми пристройками, клѣтками и подклѣтками, отовсюду, вокругъ главнаго зѣна, нагроможденными. Хотя Софія Солунская вовсе не Юстиніанова времени и вовсе не копія Софій Константинопольской, тѣмъ не менѣе, при данныхъ условіяхъ, впечатлѣніе ея архитектуры было таково-же,

какъ и самой Софій Константинопольской: и здѣсь поражаетъ величавая широта кунюла и могучій сводъ, покрывающій виму и алтарную шшу. Столь же

33. Внутренность храма Софій Солунской.

34. Алтарь Софій Солунской.

сильное впечатлѣніе производятъ раскрытые пылѣ верхніе хоры по тремъ сторонамъ церкви съ 4-мя аркадами въ каждой, опертыми въ западной части на три колонны и со столбомъ посреди двухъ колоннъ на сѣверной и южной

сторонахъ. Сквозь эти хоры видны теперь голубое небо, аркады западнаго фасада и боковыя стѣны и легкая декорація сѣверо-западнаго и юго-западнаго хора, образуемаго двойною аркой, опертой на тонкую колонку. Капитальный интерес имѣетъ также рѣзба капителей, которыя, къ сожалѣнію, могли-бы быть сняты только при помощи лѣсовъ вполнѣ удовлетворительно. Одна характерная капитель (рис. 36) съ развѣвающимися, какъ-бы отъ вѣтра листьями въ аркадѣ нижняго сѣверо-западнаго угла, особенно для насъ любопытна и даже важна своимъ указаніемъ на время. Капитель эта не можетъ быть ранѣе начала VII столѣтія и по грубости своей обработки относится, всего вѣроятнѣе, къ серединѣ VII вѣка, что показываетъ, что и самая церковь Св. Софіи была построена не ранѣе того-же времени; а это вполнѣ совпадаетъ съ выводами Я. И. Смирнова на основаніи надписей алтарной мозаики. VII-му вѣку соответствуютъ и кубовыя капители хоровъ, украшенныя рѣзбою, мелко раздѣланныхъ и плотно прилегающихъ къ кубу акаантовыхъ листьевъ. Разслѣдованіе мозаикъ и ихъ надписей, произведенное доселѣ Я. И. Смирновымъ, Е. К. Рѣдинымъ, въ дополненіе прежнихъ наблюденій Байе и др. не можетъ быть, къ сожалѣнію, дополнено съ нашей

35. Детали храма Софін Солоунской.

36. Капитель Софін Солоунской.

стороны новыми данными. Постройка особыхъ лѣсовъ требовала много времени и средствъ, а успѣе различить что-либо простымъ глазомъ или въ бинокль, снизу или съ хоровъ приводили только къ безплоднымъ догадкамъ. Мы даже не рѣшаемся заносить сюда изъ своей записной книжки мелкихъ

догадокъ о фигурахъ и жестахъ апостоловъ купольной мозаики и пробовать повѣрять ихъ догадками Е. К. Рѣдина, такъ какъ въ данномъ случаѣ усиленные наблюденія на мѣстѣ вовсе не подкрѣпляются снятыми фотографіями. Какъ извѣстно, турки намазали поверхъ каждой фигуры апостола, чтобы ее скрыть, деревья, и если на самой мозаикѣ эти намалеванныя деревья просвѣчиваются и позволяютъ различать мозаическій рисунокъ, то на фотографіи они ложатся густымъ непрозрачнымъ пятномъ.

Можно считать окончательно установленнымъ фактъ исполненія мозаикъ алтаря Св. Софій въ 780-хъ годахъ (къ тому-же времени приблизительно можно было-бы отнести и самое построение церкви). Этотъ фактъ доказывается надписями на стѣнахъ алтаря, нынѣ съ достаточною точностью, прочтенными и съ полной вѣроятностію объясненными:

$\frac{P}{I}$ Χριστῆ βοήθει Θεοφίλου Τακτινοῦ ἐπισκόπου.

въ монограммахъ сѣв. стѣны: Κύριε, βοήθει Κωνσταντίνου δεσπότης.

» » южной » Κύριε, βοήθει Εὐσέβητος δεσπότης.

Этимъ надписями дата мозаической росписи опредѣляется очень точно по годамъ правленія Константина и Ирины (Константинъ VI † 15 іюля 797 года) и солунскаго архіепископа Теофила, участвовавшаго въ VII Вселенскомъ Соборѣ (787 годъ). Весьма любопытна и вполне вѣроятна догадка Я. И. Смирнова, что ко времени этихъ надписей относилась собственно прежняя мозаическая роспись алтаря, представлявшая «Славу Креста». Слѣды этого креста имъ открыты среди золотыхъ кубиковъ фона теперешняго мозаического изображенія Богородицы. Такимъ образомъ, алтарная мозаика была рѣдкостнымъ памятникомъ иконоборства, воспроизводившимъ излюбленную эмблему Константинова вѣка. Если затѣмъ, для опредѣленія времени купольной мозаики, также имѣются надписи, исполненныя въ рамкахъ среди цвѣточной гирлянды, опоясывающей всю купольную мозаику, то, къ крайнему сожалѣнію, надпись эта оказывается неполной, такъ какъ самая интересная ея часть, а именно дата, представляется лишь одною начальною цифрою ζ, т. е. количествомъ лѣтъ отъ сотворенія міра. Какая тому могла быть истинная причина, судить объ этомъ можно разнѣ, и возможна, между прочимъ, и такая догадка (Я. И. Смирнова), что ремесленникъ мозаичистъ, приготовляясь набирать надпись по лежавшему передъ нимъ шаблону, «плохо рассчиталъ, при посадкѣ кубиковъ въ цементъ, разстояніе между буквами нижней строки, а между тѣмъ у него было оставлено только два равныхъ поля для помѣщенія въ нихъ надписей и потому онъ, замѣтивъ свою ошибку, съузилъ три послѣднія буквы, но этимъ дѣло не исправилъ и интереснѣйшія для

пасъ буквы опустили вовсе». Возможно, однако, что эти интересныя буквы, дополняющія число лѣтъ, были помѣщены гдѣ-либо въ сторонѣ, напримѣръ,

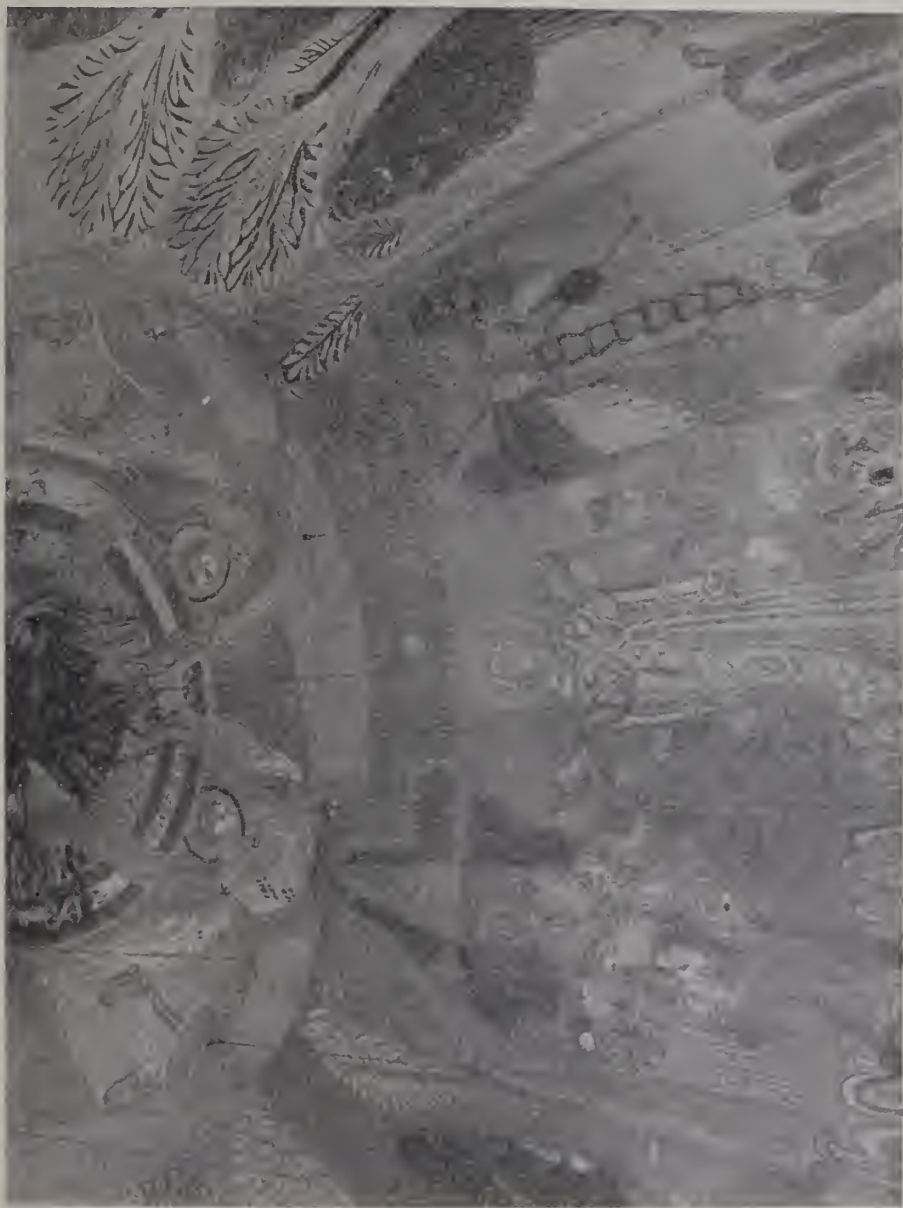
37. Мозаика въ куполѣ Софїи Солуньской.

подъ ногами Божіей Матери, гдѣ теперь внутри гирлянды есть промежутокъ съ перевязанными па-крестъ лентами. Но догадки объ этомъ, пока не будетъ вполне расчищена, высвѣтлена и удовлетворительно снята фотографическимъ способомъ вся мозаика, приходится считать излишними. Итакъ, раскрытая доселѣ надпись: † Μηνὶ Νοεμβρίῳ ἰνδικτίονι τετάρτῃ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου σ. [ἐ] πὶ Παύλου τοῦ ἀγιωτάτου [ἡμῶν] ἀρχιεπισκόπου ἐγένετο σ]ὺν Θ[ε]ῷ τὸ ἔργον τοῦ [το] сообщаетъ намъ только то, что мозаика выполнена при святѣйшемъ солунскомъ архіепископѣ Павлѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 4-го индикта, но годъ отъ основанія міра остается неизвѣстнымъ. Отыскать же епископа Павла оказалось не легко, хотя и приходилось искать, начиная съ VII столѣтія, такъ такъ счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра ранѣе этого времени въ надписяхъ не употреблялся, и вотъ, когда Лоранъ указалъ на упоминаніе солунскаго епископа Павла въ 649 году, Я. П. Смирновъ принялъ это мнѣніе Лорана «какъ окончательное», хотя, такимъ образомъ, время исполненія купольной мозаики совпадало со временемъ построенія самого зданія, а между тѣмъ нѣсколькими страницами ранѣе онъ же, охотно и съ большою послѣдо-

вательностью на этотъ разъ, принималъ, что купольная мозаика можетъ быть почти одновременна съ Богоматерью абсиды [какъ, очевидно, исполненная въ эпоху послѣ иконоборческаго періода]. Весьма естественно, что такого рода заключеніе о времени происхожденія купольной мозаики должно было вызвать пересмотръ вопроса, такъ какъ оказывалось, что самый стиль мозаики шелъ совершенно въ разрѣзъ не только со сложившимися представленіями о стилѣ VII вѣка, но даже и съ самыми памятниками, которыхъ для этого времени имѣется не мало. Имѣть надобности разбирать мнѣнія о стилѣ купольной мозаики, высказанныя Лабартомъ, Гершпахомъ и Байе, можно только подивиться, какъ могли ранѣе, на основаніи безобразнаго рисунка въ изданіи Тексье, видѣть въ этой мозаикѣ простое и весьма изящное исполненіе рисунка, спокойныя величавыя монументальныя позы, ландшафтыя аксесуары (?), въ то же время возвышенность идеи, индивидуальность типовъ и выраженій». Е. К. Рѣдинъ, въ своей статьѣ, вѣрно указываетъ позднѣйшій характеръ самой композиціи «Вознесенія» (что потомъ признаетъ и Я. И. Смирновъ) и затѣмъ близкое сходство въ позахъ фигуръ съ позднѣйшими мозаиками и фресками: церкви Св. Марка въ Венеціи и Св. Георгія въ Старой Ладогѣ. Затѣмъ, ограничивая свой анализъ художественныхъ формъ мозаики наилучше сохранившеюся фигурою Богородицы, Е. К. Рѣдинъ указываетъ въ ней чрезвычайное удлиненіе самой фигуры и преувеличенность пропорцій; продолговатое лицо, тонкій удлиненный овалъ, длинную тонкую шею; общую тонкость и худобу фигуры; блѣдное лицо и закрытые глаза; одежду, испещренную многочисленными складками, въ видѣ тѣней или полостей». Сравнивая этотъ образъ съ фигурами орантъ въ Кіевѣ, Равеннѣ, Никее, онъ находитъ здѣсь «нижнее художественное исполненіе». Все это совершенно вѣрно и наблюденія того-же рода приходили на мысль, по всей вѣроятности, не одному Е. К. Рѣдину. Отсюда, однако, далеко до настоящаго научнаго анализа художественнаго стиля и манеры и, слѣдовательно до научнаго заключенія о времени самой мозаики. Такого рода научный анализъ можетъ быть выполненъ лишь въ результатѣ основательнаго разслѣдованія памятника, освобожденія мозаики отъ турецкихъ намалевковъ и промывки ея. Въ настоящее же время достаточнымъ будетъ указать на крупный историческій интересъ этого памятника и рекомендовать его вниманію реставраторовъ, которые именно при настоящемъ состояніи церкви могли бы найти вполне удобный случай къ очисткѣ мозаикъ. Мозаика въ куполѣ исполнена крайне грубо и небрежно, лишена изящества, прежде всего, въ самомъ рисункѣ и еще болѣе того въ краскахъ отличается неуклюжими позами и жестами и не представляетъ никакой индивидуальности въ типахъ и выраженіяхъ. Но она имѣетъ свой крупный историческій интересъ,

такъ какъ является памятникомъ періода бѣднаго художественными произведеніями.

Композиція Вознесенія, какъ уже доказано проф. Рѣдинымъ и прип-
нято Я. П. Смирновымъ, стоитъ ближе къ памятникамъ позднѣйшаго вре-

33. Изображеніе Б. М. и ангеловъ въ «Вознесеніи» — мозаика Софій Софуськой.

мени. Однако, достаточно обратить вниманіе на пропорціи фигуръ по отно-
шенію другъ къ другу, напримѣръ: на большія фигуры Богоматери и Апо-
столовъ и маленькій кругъ съ фигурою Спасителя (не болѣе $\frac{3}{4}$ размѣра про-

чихъ фигуръ), чтобы убѣдиться, что въ данномъ случаѣ есть большая разница съ прежнимъ рисункомъ. Очевидно, этотъ уменьшенный размѣръ для возмущающагося (удаляющагося) Спасителя есть особая натуралистическая черта, которая вовсе не свойственна позднѣйшей живописи, повторяющей одну и ту же пластическую композицію, а напротивъ того, оригинальная черта, свойственная еще древности. Далѣе: промежуточные пальмы между фигурами относятся къ деталямъ древняго византійскаго искусства, за періодъ VI—IX столѣтій и въ мозаикахъ XI—XII вѣковъ мы ихъ нигдѣ не найдемъ въ такомъ изобиліи. Но мы обратимъ вниманіе лишь на одну необыкновенно характерную деталь мозаической композиціи, всѣми изслѣдователями ея доселѣ незамѣченную: облачную кайму подъ ногами Богоматери и Апостоловъ, перерѣзашую бордюромъ-гирляндой. Дѣло въ томъ, что по рисунку Тексье (именно въ этомъ случаѣ крайне неправильно), эта облачная кайма представляется какою-то чудовищно-причудливою холмистою почвой, состоящею изъ ряда чередующихся красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ и золотыхъ валиковъ, на которыхъ стоятъ апостолы (см. таблицы 40 и 41). Получается, стало быть, впечатлѣніе какой-то удивительно причудливой почвы, которую проф. Рѣдшигъ принимаетъ за изображеніе скалъ, «образовавшихся изъ красныхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ породъ, съ сердцевинной то золотой, то голубой. Между тѣмъ изъ такихъ обыкновенно цвѣтовъ набираются въ римскихъ мозаикахъ, начиная съ мавзолея Констанціи, именно облака, во время заката окрашенные во всѣ цвѣта радуги. Здѣсь облака представлены клубящимися надъ горизонтомъ въ вертикальномъ направленіи и, очевидно, странность этого представленія является единственною причиною того, что о немъ ничего не говорятъ. Между тѣмъ этотъ облачный поясъ или кругъ представляетъ весьма осмысленную деталь, хотя совершенно не оправдываемую историческими обстоятельствами событія. А что въ данномъ случаѣ представлены именно облака, а не земная почва, достаточно обратиться къ самой мозаикѣ или даже къ снимкамъ, чтобы видѣть, что ноги апостоловъ помѣщаются въ срединѣ этихъ валиковъ, а не поверхъ ихъ, какъ представлено у Тексье. Наконецъ, древность мозаики, въ предѣлахъ перваго тысячелѣтія, доказывается также и стилемъ ея. Фигура Спасителя отличается крайне укороченными пропорціями, *невозможными* въ эпоху послѣ X вѣка. Она помѣщена на золотой радугѣ, среди голубо-бирюзоваго круга, съ синими коймами. Одежды Спасителя золотыя, съ красными контурами. Онъ благословляетъ именованію, держа лѣвой рукою зашнурованный свитокъ, упертый на колѣна. Подъ ногами его полукруглый омфаль—пурпуръ съ золотомъ, который собственно и несутъ два ангела. Этотъ омфаль близко напоминаетъ собою щитъ, на которомъ возносили провозглашеннаго императора. Богоматерь изображена въ

сѣро-лиловатыхъ одеждахъ съ крайне преувеличенными пропорціями ногъ и очень укороченнымъ бюстомъ. На ногахъ ея падѣты красно-пурпурныя сандаліи; голова крайне мала; пояса совершенно не видно, равно нѣтъ и полотца. Нимбъ блѣдно-лиловаго цвѣта. Фигура эта напоминаетъ гораздо болѣе типы Богоматери въ римскихъ мозаикахъ VII—IX столѣтій, чѣмъ византійскіе XI—XII вѣковъ: прежде всего, здѣсь нѣтъ совсѣмъ обычныхъ для Богоматери одеждъ: синяго хитона и темно-лиловаго маорія. Очевидно, лиловатая окраска одеждъ относится къ тѣнямъ точно также, какъ въ одеждахъ апостоловъ верхнія бѣлая (сѣроватая) расцвѣчена сѣро-лиловыми и свѣтло-зеленоватыми тѣнями. Ангелы, несущіе Христа, представлены въ голубоватыхъ хитонахъ и пепельно-пурпурныхъ гиматіяхъ, съ пурпурными крыльями, шрафированными золотомъ и голубоватыми полосами, что вмѣстѣ образуетъ родъ радуги въ темныхъ тонахъ. Равно и оба ангела, стоящіе по сторонамъ Богоматери, изображены въ сѣро-лиловыхъ одеждахъ, съ темно-пурпурными крыльями, мелко штрихованными золотомъ. Обѣ эти фигуры могутъ назваться сравнительно красивыми и имѣютъ живыя позы, отчасти въ зависимости отъ ихъ обращенія къ «мужамъ галилеянамъ». Апостолъ Петръ изображенъ въ коричневомъ гиматіи, держа крестъ въ рукахъ. Его характерная голова передана даже съ темно-краснымъ загаромъ лица, свойственнымъ рыбаку. За нимъ слѣдуетъ молодой неизвѣстный апостолъ, далѣе апостолъ среднихъ лѣтъ, съ бороною, подобный лицомъ Павлу, взмахнувши рукою на голову, созерцаетъ Вознесеніе. Слѣдомъ за нимъ молодой апостолъ, какъ-бы чѣмъ то сокрушенный и не слыша призыва ангела, представленъ на ходу. Всѣ они въ бѣлыхъ (сѣроватыхъ) одеждахъ, имѣющихъ красно-коричневые контуры. Тоже самое видимъ по другую сторону отъ Богоматери: обычная фигура апостола Павла съ продолговатой головою, сильно развитымъ надъ нею черепомъ, высокимъ, взъиздымъ лбомъ. Далѣе молодой апостолъ, изображенный съ крестомъ. Вновь апостолъ съ рукою на головѣ. Всѣ фигуры — разнообразно поставленныя (выразительность и разнообразіе этихъ фигуръ указывается и г. Байэ) и съ опредѣленными экспрессіями въ каждой. Уже эта одна общая всѣмъ фигурамъ, натуралистическая черта могла бы напоминать намъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ древнѣйшаго періода византійскаго искусства, когда оно даже въ монументальныхъ композиціяхъ еще преслѣдовало задачи живописи, а не иконописи въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Быть можетъ, даже въ предѣлахъ этихъ задачъ искусство первыхъ девяти вѣковъ христіанства было несравненно болѣе слабо и по временамъ даже безпомощно, но это было переживание необыкновенно могучаго типа, продолжавшаго жить на греческомъ востокѣ, не смотря на измѣнившееся направленіе жизни. Этому переживанію греческаго антика на-

стоящія фигуры обязаны своимъ интересомъ, которому суждено только уси-
литься, когда мозаики будутъ расчищены.

Что купольная мозаика св. Софіи Солунской принадлежитъ IX вѣку, въ настоящее время, благодаря указанію г. Пападопуло-Керамевса на епископа Павла Солунскаго, которому адресовано одно изъ писемъ патріарха Фотія между 882 и 885 годомъ, нынѣ не оставляетъ сомнѣнія. Тотъ-же епископъ Павелъ подписался на 6-мъ засѣданіи Константинопольскаго собора въ мартѣ 880 года, а 4-й годъ индикта, ближайшій къ этимъ годамъ, есть 886. Итакъ, остается ожидать того времени, когда мозаики будутъ очищены и промыты и будетъ научно разобрать ихъ стиль. Періодъ искусства VIII и IX столѣтія остается намъ доселѣ весьма малозвѣстнымъ, прежде всего, за отсутствіемъ намятниковъ, а затѣмъ и потому, что памятники этого времени исключительно ремесленного характера. И такъ какъ памятниковъ съ художественнымъ достоинствомъ за это время мы не знаемъ, то блестящія произведенія X вѣка, по необходимости, пришлось называть «эпохою процвѣтанія», а періодъ VIII—IX столѣтія считать эпохою упадка. Состояніе искусства въ различныя эпохи оцѣнивается по передачѣ имъ формъ человѣческой фигуры, конечно, въ зависимости отъ сравненія этихъ формъ съ антикомъ, какъ высшимъ (доселѣ) образцомъ. На второмъ мѣстѣ ставится орнаментъ и вообще декоративная сторона искусства и уже на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ краски. Легко можно себѣ представить, какъ при подобной условности нашихъ современныхъ понятій о ходѣ искусства, ошибочны и всѣ наши заключенія о такъ называемыхъ *эпохахъ упадка*. Было-бы, можетъ быть, вполне послѣдовательно устранить, хотя на время, самый терминъ: «эпоха упадка», оставивъ, напротивъ того, выраженіе «эпоха процвѣтанія» для тѣхъ временъ, когда памятники обильны и отличаются хорошей работой.

Мы имѣемъ въ Римѣ рядъ мозаикъ IX столѣтія: въ церкви св. Пракседы (817 — 824), роспись алтарную и триумфальной арки и роспись капеллы Св. Зенона; церкви св. Цециліи (того-же папы Пасхалія); церкви св. Марка (827—844) и церкви св. Маріи Навичелла. Изъ этихъ мозаическихъ росписей только одна послѣдняя, по своей крайней грубости, заслуживаетъ названіе памятника эпохи упадка. Всѣ прочіе, такъ или иначе, не лишены своеобразнаго достоинства, хотя всѣ относятся къ ремесленнымъ работамъ. При ихъ оцѣнкѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя особенно сложными являются въ ремесленныхъ работахъ. Такъ, напримеръ, ремесленная работа пользуется черѣдко старинными шаблонами и при томъ не для всего произведенія, но нѣкоторыхъ его частей. Въ мозаикахъ церкви Св. Марка въ Римѣ образъ Спасителя, изображенный въ медальонѣ на триумфальной аркѣ, вѣка на два старше типа Спасителя въ алтар-

ной мозаикѣ той-же церкви. То же самое мы можемъ сказать о мозаикѣ въ придѣлѣ Св. Зенона или въ такъ называемой *канеллѣ колонны* въ церкви Св. Пракседы. Образъ Спасителя въ медальонѣ, несомнѣй ангелами, въ сводѣ этой канеллы относится, по малой мѣрѣ, къ VI столѣтію, тогда какъ фигура Спасителя въ алтарной мозаикѣ представляетъ уже типъ IX вѣка: въ первомъ случаѣ — мы имѣемъ юношескій типъ лица, близкій къ равенскому, слегка опушающую щеки бороду, античную драпировку одеждъ и еще античную лѣпку тѣла. Напротивъ того, алтарная мозаика лишена уже всякой лѣпки и моделировки; фигура дается въ видѣ однообразно расцвѣченной поверхности, подѣленной контурами и для оживленія лицевой маски дѣлается только рѣзкая тѣнь мускуловъ или пятно румянъ на щекахъ. Рисунокъ фигуры начинаетъ отличаться крайнею неправильностью. Того же рода декоративное исполненіе фигуръ находимъ въ алтарной мозаикѣ церкви св. Цециліи, но рисунокъ, не смотря на утрировку пропорцій, отличается здѣсь сравнительною правильностью и, очевидно, выполненъ по хорошему шаблону. Иного рода фигура самого Спасителя, поражающая уродливостью головы и благословляющей именословно десницей. Фигура эта взята въ колоссальныхъ размѣрахъ и скопирована, очевидно, съ какого-нибудь постоянного шаблона, при чемъ голова Спасителя, по всей вѣроятности, измѣнена или переделана.

Въ настоящее время сравненіе купольной солунской мозаики съ римскими возможно только въ самыхъ общихъ чертахъ. Это сравненіе удостоверяетъ насъ въ томъ, что солунская мозаика дѣйствительно исполнена въ стилѣ IX вѣка, поскольку этотъ стиль представленъ мозаиками римскими, съ тою, однако-же, разницею, что греческая мозаика представляетъ несравненно болѣе жизненныхъ формъ, а римскія мозаики, напротивъ того, несравненно схематичнѣе. Очевидно, и здѣсь дѣйствовали общія причины, по которымъ вообще греческое мастерство художественнѣе, ближе къ жизни, болѣе интересуется натурою, тогда какъ римское всегда имѣетъ характеръ копій и чуждо всякой моделировкѣ. Изъ общихъ признаковъ стиля замѣтимъ преувеличенную стройность фигуръ, усиливаемую тѣмъ, что бюсты фигуры всегда крайне уменены. Рисунокъ фигуръ правиленъ только въ предѣлахъ обычныхъ, такъ сказать, статуарныхъ положеній; тогда какъ всякое иное положеніе или движеніе съ живымъ жестомъ исполняется обязательно съ крайними неправильностями. То-же самое долженъ сказать о драпировкахъ, по весь рисунокъ обычныхъ апостольскихъ облаченій представляетъ крайне простую несложную и ясную схему: здѣсь вовсе нѣтъ еще той причудливой игры, мелкихъ складокъ, перегибовъ, заливокъ и ломанныхъ угловъ, ласточкиныхъ хвостовъ, которую находимъ въ византійскомъ искусствѣ X и XI столѣтій. Вся драпировка ближе къ скульптурѣ, чѣмъ въ живописи. Тотъ же характеръ отноше-

ний замѣчается въ общемъ рисунокъ лицъ и тѣла: достаточно сравнить хотя-бы одну болѣе ясную фигуру Богородицы съ обыкновенной византійской Богоматерью XI и XII вѣковъ, чтобы увидѣть всю разницу. Этому скульптурному характеру отвѣчаетъ общій блѣдно-сѣроватый цвѣтъ въ солунскихъ мозаикахъ, обусловливаемый обильнымъ употребленіемъ мрамора и шифера. Однако, это обиліе безцвѣтнаго шифера вызывается вкусомъ къ скульптурной, призрачной фигурѣ и только отчасти обычаями мозаическаго мастерства.

Мы нашли всю внутренность храма Солунской Софіи засыпанною кучами мусора, но на одномъ углу ея стоялъ еще драгоцѣнный по древности, хотя грубой работы, амвонъ, который также является памятникомъ современнымъ эпохѣ построенія или украшенія храма¹⁾.

39. Амвонъ въ Софін Солунской.

При настоящемъ состояніи греко-восточной археологій оказывается крайне труднымъ во всякомъ большомъ городѣ Ближняго Востока получить полныя свѣдѣнія о его памятникахъ. Зачастую только случайность паталкиваетъ путешественника на какую-нибудь древнюю церковь. Главная причина этого обстоятельства въ отсутствіи интереса къ своимъ памятникамъ, къ древности. Та же самая задача оказалась затруднительною и въ Солуни. Дѣло въ томъ, что историческія свѣдѣнія о церквахъ Солуни относятся къ такому періоду, который имѣетъ, повидимому, весьма мало общаго съ современнымъ состояніемъ.

Въ Житіяхъ святыхъ и Менологіи Василія II упоминаются слѣдующія церкви (см. списокъ у Тексье, стр. 122): *апостола Андрея* (по словамъ Димитцы (стр. 351), церковь эта упоминается еще въ X вѣкѣ), *Божіей Матери Одигитріи*, *Николая Ч.*, *Миры*, *Іоанна Предтечи*, *Агафона*, *Филокала*, *Анатта* и *Θεοдула*, *Емекониды*, *Іосифа*, *Марка*, *Матроны*, *Алфея*, *Александра*, *Анисіи*, *Амвросія*, *Ананіи* и *Азарія*, *Давида*, *Долмина*, *Фантина*, *Флорентія*, *Павла*, *Порфирія*, *Θεσσαλονικіи Мученицы* (7 ноября). Мы приводимъ этотъ списокъ ради того только, чтобы обратить вниманіе на его древне-христіанскій составъ и на то, что изъ всѣхъ этихъ церквей мы можемъ указать только на одну, которая сохранилась: церковь Б. М. Одигитріи, нынѣ по народному — солунскому прозвищу *Лао-Оди-*

1) Ср. Bocca di pozzo въ Латеранскомъ монастырѣ въ Римѣ, конца VIII в. у Cattaneo *L'architettura in Italia dal s. VI al 1000*, 1888, p. 149, fig. 85, въ главѣ о *итало-византійскомъ стилѣ*.

гитріи или, какъ пишче сокращенное, *Лаудины*. Не знаемъ также и тѣхъ церквей, которыя насчитываетъ Димитца (стр. 351): *Святыхъ Безтѣлесныхъ Силъ* у сѣверной стѣны; *Б. М. Нерукотворной* (вѣроятно, «Нерукотворенной Иконы» Богоматери); *Божіей Матери Милостивой* и *Б. М. Персіотиссы*¹⁾. Солунь настолько часто страдала отъ пожаровъ, что древнѣйшія церкви, имѣвшія почти исключительно форму базиликъ (какъ и церкви современныя въ греческихъ городахъ), всегда устранявшіяся съ деревянными стропильными крышами, горѣли заурядъ съ домами, которыми онѣ были облѣплены вплотную. Итакъ въ этомъ списокѣ церквей нельзя разсчитывать найти ни одной среди существующихъ и, какъ увидимъ, большинству сохранившихся въ Солуни церквей и затѣмъ обращенныхъ въ мечети, нынѣ приписываются иныя посвященія.

Тексъе насчитываетъ между Солунскими мечетями слѣдующія тринадцать, которыя, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, превращены изъ церквей въ мечети: 1) Большая мечеть *Касиміе*, — бывшая базилика св. вм. *Димитрія*, обращенная въ мечеть въ 898 году Гиджры; 2) *Ески-Джума* — (мечеть съ 832 г. гиджры) имя, которое онъ объясняетъ названіемъ Пятницы, почему Ески-Джума является древнею церковью святой Параскевы-Пятницы; 3) *Санкіе-Джамии* (и Сакіе-Джамии) — бывшая церковь Св. Пантелеймона, при Тексъе бывшая въ развалинахъ, а нынѣ одна изъ лучшихъ мечетей города; 4) *Акли Меджидъ-Джамии* — по Тексъе, греческая церковь, обращенная въ мечеть, неизвѣстнаго имени. Мы, осмотрѣвъ мечеть, нашли въ ней только турецкую постройку съ нѣсколькими древними колоннами. 5) *Карали-Джамии* — по словамъ Тексъе, древняя церковь, но мы, осмотрѣвши ее, нашли, что нынѣ это цѣлкомъ турецкая постройка, подпертая деревянными столбами, небольшая и бѣдная, но помѣщенная на холмѣ, гдѣ, вѣ-

40. Церковь въ Салоникахъ.

1) Гдѣ именно въ Солуни находилась древняя церковь «Маріи Богородицы», указываемая глухо въ нижнихъ, приморскихъ частяхъ города, или даже у самого морского берега, не знаемъ, но церковь заслуживаетъ быть упомянутою уже ради ея крипты (*στοῦ τῆς ὑπόγειας*), въ которой начиналось празднованіе великомученику Димитрію 25 окт. въ канунъ праздника и устраивался крестный ходъ къ церкви великомученика. См. Tafel, p. 111—3.

роятно, была древняя церковь; къ ея террасѣ спереди прислоненъ мраморный амвонъ съ рознятыми мраморными же ступенями (смотри ниже). 6) *Сатти-Джами* — и 7) *Амджа Имаретъ-Джами* — памъ неизвѣстныя; 8) *Соффефенди-Джами* — и 9) *Ики Шерифъ-Джами*. Затѣмъ слѣдуетъ въ списокъ Тексье три мечети, всѣмъ извѣстныя, какъ греческія церкви: 10) *Сарали-Джами или Ески-Джами* въ участкѣ Ески-Сарай — церковь Иліи; 11) *Соуксу-Джами* — церковь 12 Апостоловъ и 12) мечеть *Казанъ-Джилляръ* — изданная у Тексье въ рисункахъ, бывшая ц. Богородицы, но по ошибочно прочтенной у Тексье надписи, опредѣленная у Тексье, какъ церковь святыхъ Вардія и Маріи; во времена Тексье была уже въ видѣ развалинъ, какъ нашли ее и мы. Наконецъ, неизвѣстная памъ 13) *Фатае-Джами* — будто бы древняя церковь Панагіи. Вмѣстѣ со *Св. Софіей* и *Ромондою* (имени Св. Георгія) — число церквей, пересчитанныхъ у Тексье (быть можетъ, имъ не осмотрѣнныхъ) какъ превращенныхъ въ мечети — 15; но памъ изъ этого числа стали извѣстны и нами осмотрѣны только 10 (см. ниже), а прочихъ пяти мы не нашли. Но въ тоже время въ Солуни нашлась замѣчательная мечеть, бывшая древняя церковь, подъ названіемъ 11) *Якубъ-Паша-Джами* — находящаяся за копакомъ влѣво отъ 12) *Саатли-Джами*, изъ которыхъ послѣднюю, можетъ быть, можно отождествить съ мечетью Сатпи-Джами, упоминаемою у Тексье, хотя она тоже турецкой постройки. Такимъ образомъ, изъ списка Тексье мы не выдали собственно только трехъ, но объ одной изъ нихъ онъ самъ отзываясь, что она ничѣмъ не замѣчательна, а объ другой — что это галлерея съ минаретами. Такимъ образомъ, можно считать, что большинство церквей, обращенныхъ въ мечети и бывшихъ при Тексье, сохранилось и нынѣ почти цѣлкомъ.

Конечно, большинство сохранившихся (хорошо построенныхъ и сколько-нибудь поддерживаемыхъ) древнихъ церквей въ Солуни должно являться нынѣ въ видѣ мечетей, однако, древнія церкви сохранились еще и въ рукахъ православнаго населенія¹⁾ и дѣйствительно, мы получили отъ мѣстнаго причта довольно длинный списокъ церквей и параклисовъ и святыхъ источниковъ въ Солуни, между которыми оказались также и древнія или, по крайней мѣрѣ, сохранившія въ себѣ различныя остатки древнихъ церквей.

По этому списку православныя церкви Солуни суть слѣдующія:

Во имя: 1) *Вм. Мины* — большая церковь со многими древностями, нами ниже подробно описываемая.

2) *Св. Николая Чудотворца* — церковь, находящаяся по близости отъ

1) По свѣдѣніямъ путешественниковъ, и въ XVII вѣкѣ насчитывалось около 25 церквей въ Солуни, стало быть, число, приблизительное къ современному. Tafel, I. с. p.

Б. М. Лагудины, по народному названію «Св. Никола Сирота» (*Димитца*, стр. 252). Церковь древняя, замѣчательно сохранившаяся.

3) *Церковь Николая Чудотворца* — большая, совершенно новая, перестроенная и увеличенная въ повѣйшее время. О предметахъ старины въ церкви см. ниже.

4) Церковь во имя *Св. Анастасія Александрійскаго* — на главной улицѣ. О многихъ предметахъ древности, въ ней находящихся, см. ниже.

5) *Священномученика Ипатія или Б. М. Праворучицы* — (*Панагіа Декеа* по народному произношенію *вм. Δεξιá*). О замѣчательныхъ предметахъ древности въ этой церкви см. ниже.

6) *Церковь Равноапостольныхъ Константина и Елены*. Церковь Константина находится у русскаго посольства, имѣетъ много древностей (см. ниже).

7) *Церковь во имя Срътенія Господня* — церковь нынѣ совершенно новая, но въ ея стѣны вдѣланы разные замѣчательные барельефы и фрагменты.

8) *Церковь Св. Θεодоры* — новая, но съ любопытными старыми иконами.

9) *Церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы*. Любопытныя древнія иконы. Церковь извѣстна подъ народнымъ прозвищемъ «*Панагуды*».

10) *Церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы* — въ народѣ слышущая подъ именемъ *Великой Панагіи*; вмѣстѣ съ церковью Св. Миши является главною православною церковью въ Солуни, заново перестроена. (См. ниже).

11) *Церковь Великомученика Георгія* — рядомъ съ Ротондою. Любопытный образецъ небольшихъ приходскихъ церквей, возникшихъ повсюду на мусульманскомъ востокѣ въ возмѣщеніе отобранныхъ мусульманами храмовъ обыкновенно рядомъ съ ними же, коль скоро и самое христіанское населеніе не было истреблено.

12) *Б. М. Одиитріи* — любопытная церковь, въ солунскомъ просто-народѣ извѣстная подъ именемъ «*Лагудины*» или «*Лагудіаны*».

13) *Церковь въ монастырь Чаушъ* — замѣчательная своими древностями (см. ниже).

14) *Церковь во имя Св. Троицы*, — въ дачномъ предмѣстьѣ Салоникъ-Кала-Марин — церковь совершенно новая.

15) *Церковь во имя Вознесенія* — новая.

16) *Церковь во имя Параскевы* — на кладбищѣ, новая.

17) *Церковь во имя Благовѣщенія* — на кладбищѣ, новая.

18) *Церковь во имя Вм. Димитрія* — сгорѣла. Димитца насчитываетъ въ исторіи три церкви во имя Вм. Димитрія: первая — маленькая, вторая и

третья — современная базилика. По всей вѣроятности, эта указанная намъ солунскимъ причтомъ церковь была тоже возмѣщеніемъ знаменитой базилики послѣ ея обращенія въ мечеть (Касиміе).

19) Шесть параклисовъ: 1) во имя *Преп. Антонія*, 2) во имя Священномученика *Харалампія*, близъ главной улицы, — вся новая; 3) церковь во имя *Спаса Преображенія*; 4) церковь во имя *Преображенія Господня*; 5) еще церковь *во имя Преображенія* и 6) церковь *Божіей Матери Милостивой* (Елеусы).

Священныя источники отчасти при тѣхъ же церквахъ: *Оеодоры*, *Божіей Матери Милостивой*, *Параскевы*, *Лаудины*, *Св. Павла*, *Благовѣщенія* и пр.

Церковь
великомуч.
Димитрія.

Церковь во имя *св. Димитрія* была построена на мѣстѣ погребенія и древнѣйшаго ораторія пилрійцемъ Леонтіемъ въ 413 году, надъ тѣломъ мученика, положеннымъ въ ней въ серебряной ракѣ съ изображеніемъ великомученика и подъ сѣбною серебрянаго же киворія ¹⁾, поддерживаемаго шестью колоннами и окруженнаго по низу шестью преградами, также по-

41. Церковь великомученика Димитрія въ Салоникахъ.

крытымъ серебромъ. Въ 690-хъ годахъ въ церкви произошелъ сильный пожаръ, киворій почти расплавился, и затѣмъ церковь была возобновлена или была построена въ видѣ великолѣпной базилики въ VII вѣкѣ, черезъ 10 лѣтъ послѣ пожара ²⁾. Тафель подробно доказываетъ, что современная мечеть Касиміе и есть именно эта постройка, начала VII столѣтія; такъ

какъ, по его мнѣнію, если-бы эта церковь когда-либо тоже разрушилась или сгорѣла, мы бы узнали о томъ отъ какого-либо составителя дополненій къ житію великомученика. Между тѣмъ извѣстно только, что въ 1185 году, при

1) Разсужденія Тафеля, повторенныя не разъ въ его книгѣ, о томъ, что вмѣсто *κιβώριον* въ текстѣ *Житія* должно было стоять *κιβώτιον* (такъ названо въ одномъ синаксарѣ, Tafel, p. 122—3), совершенно на этотъ разъ неудачны, такъ какъ имѣется описаніе этого киворія, стоявшаго на колонкахъ, имѣвшаго шесть сторонъ и пр.

2) Реставрація киворія, приложенная къ изданію Тексъ на основаніи описанія киворія въ житіи Св. Великомученика, совершенно не отвѣчаетъ стилю времени.

нападеніи Нормановъ, церковь была ограблена, и иконостасъ ея подверглась искаженію. Подобное разореніе (уцѣлѣли только колоннады и стѣны) выпало, конечно, на долю базилики и въ 1430 году, при взятіи города Солуни, когда она была возвращена христіанамъ (имъ было оставлено *четыре* храма). Въ 1480 году базилика была реставрирована Лукою Спандони, но уже въ 1481 — обращена въ мечеть. Церковь эта, до извѣстной степени, какъ-бы раздѣляла судьбы своей Солуни, благодаря популярности ея великомученика. Великолѣпный надгробный памятникъ XV вѣка, пристроенный у западнаго угла главнаго нефа, въ стилѣ венеціанскаго мавзолея, остается доселѣ свидѣтельствомъ близкихъ связей Солуни позднѣйшаго времени съ Адриатическимъ побережьемъ¹⁾.

Доселѣ пять нефовъ базилики представляютъ удивительную архитектурную красоту, хотя базилика затемнена, благодаря тому, что окна частью полуразрушены и за-

брапы досками, а боковыя галлерей заложены. Базилика покрыта нынѣ размаляванными темною краской стропилами; боковыя нефы грубо оштукатурены и содержатся съ большою небрежностью; полъ въ нихъ представляетъ грубую настилку изъ кусковъ; по низу стѣнъ еще видны древнія окна, но нѣсколько оконъ вновь, безъ соблюденія всякой симметріи, нарублены. Въ особенно жалкомъ состояніи находятся хоры, отведенные и

42. Внутренность церкви св. великомуч. Димитрія въ Солуни.

нынѣ для женщинъ и, вѣроятно, по этому случаю покрашенные по капители и частью по колоннамъ въ розовую краску. Огватительный видъ по-

1) Пышная двуязычная надпись 1481 г. приведена у Тафеля, стр. 122—3.

добныхъ румянъ турецкаго ветхаго хозяйства, среди господствующаго въ базиликѣ запустѣнія, ободранной штукатурки, вѣкового, не убранаго мусора, столь-же вѣковой пыли, наводитъ уныніе, послѣ мимолетнаго восторженнаго впечатлѣнія. Эта турецкая штукатурка не только безобразитъ собою зданіе, но даже скрываетъ древнюю архитектуру, не позволяя, напримѣръ, судить о томъ, какъ была освѣщена древняя церковь. Такъ, напримѣръ, мы не въ состояніи рѣшить, были-ли некогда окна по сѣверной сторонѣ нефа, или тамъ и ранѣе были глухія аркады, какъ теперь, тогда какъ по западной и южной стѣнамъ нефа подъ крышею идетъ рядъ часто пробитыхъ полукруглыхъ оконъ. Колонны средняго нефа поставлены на пьедесталы или базы, четырёхугольные и восьмиугольные, также и на хорахъ. Въ боковыхъ нефахъ

43. Колоннада церкви великом. Димитрія.

колонны не имѣютъ базъ и утверждены въ самой настилкѣ. Капители хоровъ и боковыхъ нефовъ всѣ имѣютъ видъ транецій или кубовъ, во вкусѣ VII столѣтія. Колонны главнаго нефа имѣютъ прекрасныя, но наборныя и разнообразныя капители: и коринтскаго ордена II—III столѣтій послѣ Р. Х., и коринтскаго типа, съ орлами по угламъ, сравнительно недурной рѣзьбы VI вѣка, но, къ сожалѣнію, обитыя мусульманами, и знакомый намъ типъ капители съ глубоко высѣченною листовою акапоевъ, на которыхъ верхи листьевъ, какъ бы развѣянные вѣтромъ, приподняты надъ тѣломъ капители и загнуты въ сторону (см. рисунокъ 45). Такого рода капители мы знаемъ изъ второй

половины VI вѣка въ Равеннѣ, Іерусалимѣ и пр.¹⁾ Прежней облицовки мраморами стѣнъ боковыхъ нефовъ базилика Димитрія не сохранила, и облицовка уцѣлѣла только въ главномъ нефѣ, въ поясѣ аркадъ, съ лицевой стороны, тамъ, гдѣ она была слишкомъ мелка и гдѣ ее нельзя было спрятать, не разрушивши самаго зданія. Облицовка эта, состоящая изъ мраморной и мозаической инкрустаций, представляетъ верхній бордюръ въ видѣ ломанаго пестраго карниза, который мѣстами уже сильно разошелся, вынатылся и

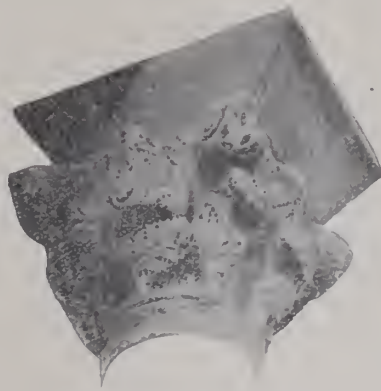
1) См. общія указанія о капителяхъ въ ст. г. Габріэля Милле *L'art byzantin*, въ I т. *Histoire de l'art* изд. Андре Мишеля, р. 153—5, fig. 92 изъ Эски-джума (см. ниже).

угрожаетъ распаденіемъ. Облицовка алтаря вся сорвана, но его пять арочныхъ оконъ, прорѣзывающія нишу во всю ширину, съ 4-мя промежуточными колоннами, мощными и высокими, имѣютъ доселѣ величавый видъ. Та же самая абсида снаружи крайне обезображена всякими пристройками. Боковыя части церкви находятся въ столь же жалкомъ состояніи. Въ сѣверо-восточномъ углу церкви есть, напримѣръ, боковая камера для жертвенника, нынѣ совершенно темная, наполненная летучими мышами и всякимъ мусоромъ, оставленнымъ здѣсь жившими бѣженцами. Среди всего этого сора видишь пзящій косякъ античной работы надъ дверью. Скевоплакій на южной сторонѣ, во времена Тексы былъ покрытъ еще облицовкою изъ пестрыхъ мраморовъ, а полъ — мозаикой, съ обычными византійскими украшеніями: мы этой части увидать не могли. Въ самомъ нефѣ въ полу, близъ алтаря, нашли мы орнаментальныя плиты отъ разобранныхъ амвоновъ и иконостасной преграды, съ профилями и висящими ромбами и медальонами.

По лѣвую сторону отъ церкви, проведя насъ какими-то темными камерами, дервиши, владѣющіе мечетью Касимъ, показали намъ, внутри совершенно темнаго сводчатаго помѣщенія, большую каменную плиту сѣраго известняка: по ихъ словамъ и по утвердившемуся мѣстному преданію, эта плита прикрываетъ, будто-бы, мощи великомученика, сюда перенесенныя. На плитѣ видѣли мы поставленный плохой образъ лампадки, что показываетъ, что дервиши не упускаютъ случая собирать съ паломниковъ лепту на содержаніе могилы великомученика. Новѣрять правдоподобность этого отождествленія плиты съ мощами Димитрія, на основаніи существующихъ до-

44. С.-з. уголъ церкви великомуч. Димитрія въ Солуни.

45. Капитель церкви великомуч. Димитрія.

полней въ житияхъ и разсказахъ, не считаемъ нужнымъ за безрезультат-
постью подобныхъ гаданій, пока нельзя сдѣлать настоящихъ поисковъ: воз-
можно, что эта плита, дѣйствительно, надгробная¹⁾, но прикрываетъ совер-
шенно иного, неизвѣстнаго покойника. Мощи великомученика хранились
иногда, подъ киворіемъ, въ особой кринѣ, положенными въ священной
ракѣ²⁾.

Уже древнѣйшая (по Тафелю, стр. 121—вторая) церковь вм. Димитрія
имѣла мозаическія украшенія³⁾, изъ которыхъ упоминается одно изображеніе
чудеснаго исцѣленія, которое находилось на наружной стѣнѣ. Слѣдующая
постройка (по Тафелю, самаго конца VII вѣка) содержала въ себѣ мозаиче-
ское изображеніе славянскаго нашествія и осады, о чемъ говоритъ писатель
VIII вѣка.

Мечеть
Эски-Джума.

Мечеть *Эски-Джума* — древняя церковь *Св. Параскевы* — Пятницы,
длинною 70 футовъ и на половину того шириною, представляетъ вели-
чественную базилику, съ замѣчательно широкимъ среднимъ нефомъ и узкими
боковыми. Характеръ постройки настолько мало выдаетъ церковное ея на-
значеніе и настолько еще напоминаетъ римскія судебныя базилики, что при
видѣ ея становится вполне понятно появленіе различныхъ догадокъ о языче-
скомъ ея происхожденіи. Церковь расположена сравнительно въ глухомъ
кварталѣ и потому не вполне застроена, а съ западной стороны вполне сво-
бодною стоитъ высокая стѣна, иногда пробита пяти арками (теперь за-
ложены и частью намалеваны). Въ передней сторонѣ паронка еще виденъ
высокій карнизъ. Входя въ церковь боковымъ, крытымъ сводами, ходомъ
на рѣзныхъ пилястрахъ, между которыми иногда были три открытыя
аркады, нынѣ забранныя, въ южную часть церкви по ея среднѣ. Церковь
имѣетъ два паронка, изображенные и описанные Тексье. Внутренній пар-
онкъ высокою почти равенъ церкви. Столь же грандіозное впечатлѣніе пред-

1) Подъ 26 октября записано греческое Слово или «Память о бывшемъ по царскому
повелѣнію, перенесеніи изъ Фессалоникъ (иконы или плиты) славнаго и побѣдоноснаго Дми-
митрія, прежде лежавшей на его гробѣ, полною мира, и покрывавшей его», изданное г. А. И.
Попадопуло - Керамевсомъ въ *Ἀρχαῖα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*, IV, p. 238—246,
1897. Дѣло это состоялось при Мануилѣ Комнинѣ, во время войнъ Византійцевъ въ Сициліи,
въ 6657 году.

2) Врядъ-ли, однако, воспроизведена именно эта рака въ ковчежцѣ, хранящемъ ча-
стицу мощей вм. Димитрія (и другія мощи, съ бюстомъ неизвѣстнаго святого) и представляю-
щемъ на верхней дощечкѣ великомученика (IX—X в.) въ ризницѣ собора въ Гальберштадтѣ.
См. Schlumberger, *L'Épopée byzantine*, II, 1900, p. 505, 525 fig.

3) Въ текущемъ году въ церкви вм. Димитрія, дѣйствительно, открыты мозаики, (пока
не знаемъ ни эпохи, ни ихъ содержанія) и для срисованія ихъ нынѣ отправленъ Русскимъ
Археологическимъ Институтомъ въ Константинополь его рисовальщикъ художникъ
Н. К. Ключевъ.

ставляетъ ансида, открывающаяся всею своею шириною въ средній нефъ и освѣщенная тремя большими окнами. По 12 колоннъ изъ различныхъ пестрыхъ мраморовъ поддерживаютъ раздѣленную арками стѣну средняго нефа и украшены великолѣпными капителями композитнаго коринтскаго ордена первой половины V столѣтія¹⁾, быть можетъ происходящими изъ какого-либо иного болѣе древняго зданія, если только мы не будемъ принуждены согласиться, что самая церковь Ески-Джума относится къ тому же V столѣтію цѣлкомъ, хотя послѣднее обстоятельство мало вѣроятно по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ кубы, помѣщенные на этихъ капителяхъ, какъ пилы сводовъ, по своей орнаментациі, видимой на рис. 46 относятся ко времени не ранѣе VI вѣка. Далѣе, рѣзба на пилястрахъ въ боковомъ наонкѣ также относится къ тому же времени и совершенно того же характера рѣзбы. Полъ базилики весь сохранился отъ древности и состоитъ изъ монументальныхъ плитъ бѣлаго мрамора. Пространство базилики имѣетъ слѣдующія измѣренія: средній нефъ отъ осей колоннъ — 17 метровъ 0,72, боковой — 6,55 метра, ширины — всего нефа до стѣнъ — 36 метровъ; наонкъ въ ширину — 5,62 метра, южный входъ — ширины 3,64; главный нефъ открывается 13 аркадами съ обѣихъ сторонъ на хоры. Въ полу мечети вставлена панисъ. Съ боку мечети пристроенъ турецкій фонтанъ изъ одной острокопечной арки съ двумя или тремя византийской работы, въ которой можно еще различить грифона. Земля около мечети сильно поднялась и внутри ее сходятъ уже по ступенямъ и пологому склону; въ мечети сыро и она грозитъ въ будущемъ разрушеніемъ. Съ сѣверо-западной стороны мечети имѣется два тюрбе шейховъ, оба поздне-

46. Капитель въ Эски-джума.

47. Капитель во дворѣ Эски-джума.

1) Проф. Стрыговскій придаетъ этой формѣ капители названіе «Оеодосіевой», потому что, по его предположенію, она распространилась въ царствованіе Оеодосія Младшаго (408 — 450).

турецкаго происхожденія, но убранные древними карнизами, происходящими изъ византійскихъ церквей.

Догадки о томъ, что церковь Св. Пятницы или Эски-Джума была, въ языческую эпоху храмомъ Веперы, и именно Веперы Термэи (Thermaea), были послѣдовательно приняты первыми описателями Салоникъ: Божуромъ, Кларкомъ, Ликомъ¹⁾, но пока ничѣмъ не подтверждаются.

Казан-
Джилар-
джамѣ.

Церковь Богоматери обращенная въ мечеть подъ именемъ *Казан-Джилар-Джамѣ* помѣщается внутри нищенскаго, а потому необычайно многолюднаго квартала и представляетъ красивую, мѣстами прямо изысканную, руину, облѣпленную со всѣхъ сторонъ убогими хибарками евреевъ. Уже во времена Текесѣ эта мечеть представляла собою руину и тогда уже была лишена снаружи всякой штукатурки и побѣлки (быть можетъ, снаружи и не была никогда оштукатурена). Красота ея архитектурныхъ профилей, гзымзовъ и валиковъ, образующихъ чрезвычайно любопытныя и живописныя формы, обратила на себя вниманіе англійскаго архитектора, снявшаго ея планъ, разрѣзъ и виды сторонъ (таблица 50 по 51). Надпись на мраморномъ косякѣ входной двери гласитъ, что *сіе бывшее мірскимъ мѣсто освящено нынѣ какъ храмъ во имя Пресвятой Богоматери Христофоромъ, славнѣйшимъ царскимъ протоспаваріемъ и катепаномъ Ломбардинъ, его супругою Марією и дѣтьми его Никифоромъ и Анною, въ сентябрь, XII индиктіона, въ 6537 году*, что составляетъ годъ, соответствующій 1028-му году — году смерти Константина Порфиророднаго. Катепанъ Христофоръ оказывается здѣсь нынѣ историческимъ дѣятелемъ, какъ преемникъ Болнисса, энергическаго предводителя греческихъ войскъ въ Южной Италіи²⁾.

Въ планѣ мечеть представляетъ вполне типичное византійское купольное зданіе X—XI вѣка, характерное развѣ только по массивной толщинѣ стѣнъ и столбовъ. Спереди во всю ширину церкви отдѣленъ наосъ въ три метра шириною, стало быть, очень узкій, а нынѣ къ тому же совершенно затемненный, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано, въ современную мечеть Казан-Джиларъ ведетъ лѣстница изъ крутыхъ ступеней, собранныхъ, между прочимъ, изъ различныхъ кусковъ мрамора. Но, когда изъ наоса вступимъ въ среднюю часть храма, получается изысканное впечатлѣніе небольшого, но стройнаго

1) Выдержки у Тателѣ, стр. 172 — 173.

2) Надпись издана Мюрдманомъ въ *Revue Arch.* 1878, Sépt. Снимокъ и подробности о войнѣ въ соч. G. Schlumberger, *L'Épopée Byzantine*, III, 1905, p. 51 — 53, fig. Надпись у Кирхгофа С. I. Gr. n° 8705: ἀγερῶδη ὁ πρὶν βέβηλος τόπος εἰς ναὸν περιβλεπτον τῆς Θεοτόκου παρὰ Χριστοφόρου τοῦ ἐνδοξοτάτου βασιλικοῦ (πρωτο) σπαθαρίου κ(αὶ) κατὰπονολάγου (?) Βαρδίας κ(αὶ) τῆς συνβίου αὐτοῦ Μαρίας κ(αὶ) τῶν τέκνων αὐτῶν Νικηφόρου, Ἀννης κ(αὶ) Κατακχλῆς, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ ἐνδ' (ἐκτιῶνος) ἱβ', ἔτει 6537.

Годъ 6537, мѣсяць Сентябрь. = Сентябрю 1028 года.

нѣкоторою новостью или малою для насъ извѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, большинство византійскихъ церквей X—XII столѣтій извѣстны намъ или въ облицовкѣ тесаннымъ камнемъ, какъ видимъ въ древнихъ церквахъ Греціи, или покрыты турецкою штукатуркой, безпощадно уничтожающей для глаза древною профилевку. Здѣсь, напротивъ того, лицевой фасадъ представляетъ весьма живописную руину и заслуживаетъ точнаго воспроизведенія въ архитектурномъ рисункѣ, каковаго мы въ будущемъ ожидаемъ отъ архитектора П. П.

50. Казан - джилар - джами.

51. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ.

Покрышкина, (которому мы обязаны планомъ, какъ и всѣмъ послѣдующими планами). Нижній ярусъ фасада состоитъ изъ трехъ арокъ широкихъ и тяжелыхъ, а верхній — изъ трехъ же арокъ высокихъ и легкихъ, обрамленныхъ трехступенчатыми откосами. Ныгѣ эти аркады представляютъ три глухія ниши въ нижней части и 3 открытыя окна вверху. Но еще болѣе разнообразна орнаментация южнаго фасада, производящаго сильное впечатлѣніе, благодаря тому, что онъ открытъ на широкій дворъ, хотя застроенный еврейскими лачугами. Мы видимъ здѣсь рядъ смѣло разработанныхъ аркадъ, глухихъ и открытыхъ, обрамленныхъ уступчатыми откосами и выдающимися полу-колонами на переднихъ нишахъ, поднимающимся до верху, безъ всякихъ наглавниковъ и среди этой массивной, напоминающей романскія зданія, конструкции, тонкій мраморный, далеко выступающій, карнизъ. Благодаря также тому, что широкіе кирпичи превосходнаго обжоба, густого красно-

кирпичнаго цвѣта, окружены плотною массою окрашеннаго розоватаго цемента, образуется слегка пестрое, но живое впечатлѣніе постройки. Сѣверный фасадъ, засыпанный вплоть до верха арокъ нижняго этажа, представляетъ еще болѣе живописную руину, которая, благодаря разрушенію, а также турецкой передѣлкѣ, даже кажется другою конструкціею.

Мечеть по прозвищу *Якубъ-Паша*, находящаяся въ центральной части Солуни по близости отъ конака и Саатли-Джами, по уже въ возвышенной части города, отличается замѣчательною щеголеватостью своихъ пяти куполовъ, придающею ей, не смотря на турецкую штукатурку, архитектурную красоту. Кирпичная кладка арочной орнаментации куполовъ, а частью боковыхъ фасадовъ и самой апсиды, напоминаетъ во многомъ перковь 12-ти Апостоловъ, но уже представляетъ, сравнительно съ мечетью Казанъ-Джидляръ, формы болѣе обычные или даже банальныя. На западной сторонѣ мечети новый турецкій навѣсъ покрываетъ небольшой портикъ. Всѣ стѣны не только густо оштукатурены, но и росписаны блѣдно-розовою краской во вкусѣ новаго Стамбула. Все же характерность архитектурныхъ наружныхъ формъ выступаетъ въ глухихъ аркадахъ, красивыхъ куполахъ восточной части и сильно выступающаго посрединѣхъ подокружій апсиды. Окна апсиды замурованы, но еще видны мраморные пояса, проходящіе по восточной сторонѣ черезъ всѣ три выступа. Когда всѣ эти аркады были открыты, въ видѣ оконъ, обрамленныхъ мраморными пилястрами, все это было въ новомъ щего-

Якубъ-Паша
джами.

52. Якубъ-Паша-джами въ Солуни.

53. Восточная сторона Якубъ-джами въ Салоникахъ.

ляра къ церкви 12-ти Апостоловъ и, повидимому, принадлежитъ еще къ XII или, въ крайшемъ случаѣ, къ первой половинѣ XIII вѣка. Главное отличие представляетъ характерная и солидная конструкція церкви, въ которой купола не выдѣлены изъ общей массы такъ, какъ въ церкви 12-ти Апостоловъ. По паронку помѣщены два небольшихъ купола безъ всякаго освѣщенія и промежъ нихъ крестовые своды; заканчивается же паронкъ простымъ коробовымъ сводомъ. Внутри церковь отличается замѣчательнымъ обиліемъ свѣта, по всюду въ ней бывшіе мраморные карнизы сплошь замазаны. Съ западной стороны церкви имѣется большой фонтанъ, съ навѣсомъ на древнихъ колоннахъ. На углу его врыта древняя канитель.

Древняя церковь пр. Іліи, сохранившаяся въ мечети подъ прозвищемъ Церковь Іліи въ Солуни. Ески-Сарай, находится за конакомъ [намъ конакъ называли «старымъ»].

Тексье называетъ мечеть «Саралджами», можетъ быть, тоже имя, тогда какъ на планѣ она названа «Саатлиджами». Не смотря на всѣ распросы, намъ такъ и не удалось узнать дѣйствительнаго имени мечети, но, въ концѣ концовъ, оно не играетъ и большой роли, такъ какъ мечеть не можетъ быть смѣшана съ другою: настолько она характерна. Это небольшая церковь съ куполомъ, съ полукруглыми боковыми нефами и съ двумя паронками прекрасной конструкціи, оба на четырехъ колоннахъ, и съ хорами на западной сторонѣ, открывающимся внутрь церкви широкою тройною аркадою на двухъ колоннахъ. Любопытно и освѣщеніе церкви: въ восточной сторонѣ окна въ два пояса, одно полукруглое и два круглые по сторонамъ и три четыре-угольные внизу: на южной и сѣверной сторонахъ пять полукруглыхъ оконъ.

55. Церковь пророка Іліи въ Солуни (мечеть Ески-Сарай).

Тексье увѣряетъ, что онъ видѣлъ на камнѣ, «отдѣленномъ отъ этой церкви», надпись съ 6562 годомъ, соответствующимъ 1012 году отъ Р. Х. Мы считаемъ въ общемъ почти несомнѣннымъ, что церковь относится къ XI — XII столѣтіямъ.

Церковь св.
Пантелей-
мона.

Не менѣ изящна архитектура большой мечети Исакие-джами, предпола-
гаемой древней *церкви св. вм. Пантелеймона*: стоя среди обширнаго сада,

56. Церковь св. Пантелеймона (Исакие-джами) до ея передѣлки.

мечеть еще издали является монументально величавымъ и даже импозант-
нымъ представителемъ ранней солунской архитектуры. Здѣсь еще господ-
ствуетъ широкій стиль XI — XII столѣтій, съ покойно массивнымъ бараба-

57. Церковь св. Пантелеймона (Исакие-джами) въ Салоникахъ.

номъ средняго купола
и съ грузнымъ полу-
кругомъ могучаго сво-
да надъ среднимъ не-
фомъ. Такой, отчасти
тяжелый характеръ
основнаго и массив-
наго средняго столба
церкви какъ бы об-
легчается высокою и
утопченною, чисто ви-
зантійскою структу-
рою оконъ, пробитыхъ

въ барабанѣ купола, и въ видѣ тройчатой аркады, прорѣзывающихъ арку среднего нефа. Весь остальной корпусъ храма, кромѣ входовъ, почти лишешный просвѣтовъ, остается намѣренно грузнымъ и глухимъ, и раздѣланъ только аркадами, оживляющими поверхность. Внутренность храма оперта на четыре стройныхъ колонны, которыхъ гармоническое впечатлѣніе нарушается нѣскольکو малыми для нихъ капителями, при которыхъ получилась сѣуженная, какъ бы сдвленная шейка при переходѣ отъ столба колонны къ капителю. При этомъ рисунокъ самыхъ капителей кажется какъ бы обезображеннымъ: повидимому, что то здѣсь сѣзано уже при Туркахъ. Возможно также, что, при самой византійской постройкѣ, употребили сборный матеріалъ: такъ, капители кажутся намъ гораздо ранѣе самаго зданія, и ихъ острая листва покрываетъ всю корзину капители сплошной сѣтью или рѣшеткою, не позволяюще различать отдѣльных листьевъ акаюа. Надъ сѣтью только между поясами отдѣляются [слабо, потому что концы сбиты] свѣшивающіеся концы листьевъ. Подобный пошибъ капителей знаемъ въ Византіи уже съ VII—VIII столѣтій.

58. Церковь св. Пантелеймона въ Салоникахъ.

Бывшая церковь 12-ти Апостоловъ, нынѣ мечеть Соук-су, не даромъ пользуется и въ ученомъ мірѣ и въ самой Содуніи большою извѣстностью: церковь сразу привлекаетъ туриста, подходящаго къ ней глухими восточными переулками, какъ неожиданное изящное явленіе. Весь корпусъ древней церкви сохранился (благодаря бѣдности квартала) не только въ первоначальной конструкціи, но и въ своемъ простомъ кирпичномъ уборѣ, иштукатурка на этотъ разъ не закрыла ни выложенныхъ въ толщѣ стѣнъ аркадъ, ни нестрой смѣны слоевъ кирпича и кладки, ни кирпичныхъ колонокъ, столбиковъ и зигзаговыхъ выпусковъ подъ камарами. Но, кромѣ того, вся поверхность стѣнъ въ этой церкви украшена весьма затѣйливо разными орнаментальными выкладками, расположенными, согласно архитектурной конструкціи стѣнъ, аркадъ и поясовъ. Орнаментика очень проста и незамысловата: пояса, зигзаги, ромбы, кресты, меандры и пр.

Церковь
12-ти Апосто-
ловъ.

59. Церковь 12-ти Апостоловъ (нынѣ Соукъ-Су) въ Салосикахъ.

60. Церковь 12-ти Апостоловъ.

Какъ извѣст-
но, въ паронкѣ
храма, на капи-
теляхъ, въ лю-
нетахъ и надъ
дверью находят-
ся монограммы
и надписи, кото-
рыя съ совер-
шенною точ-
ностью называ-
ютъ *Нифонта*
патріарха и
ктитора, во-
торая это до

трехъ разъ (во время на-
шего осмотра, надписи и
монограммы оказались
отчищенными отъ по-
крывшей ихъ побѣлки
Я. П. Смирновымъ).
Не можетъ быть сомнѣ-
нія въ томъ, что подъ
Нифонтомъ разумѣется
здѣсь первый констан-
тинопольскій патріархъ
этого имени, бывший па-
тріархомъ въ 1312—
1315 годахъ, а не вто-
рой Нифонтъ, бывший въ
1481—1512 годахъ.
Равно, можно съ досто-
вѣрностью принять ¹⁾,
что первый Нифонтъ
былъ строителемъ, а не
возобновителемъ церкви,

1) Н. П. Милукова, *Христiанскія древности западной Македоніи*. Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—, IV, 1, 1899, стр. 6—8, 121 и др.

такъ какъ типъ и архитектурная конструкція храма указываютъ именно на 13—14 столѣтія, какъ время построенія его. Иное дѣло — орнаментация храма узорами кирпичной кладки: для хронологическаго приуроченія церкви на основаніи узоровъ, мы имѣемъ пока слишкомъ мало указаній въ точно определенныхъ памятникахъ. Уже на абсидахъ церквей св. Луки Оокидскаго (начала XI столѣтія) и св. Никодима въ Лоппахъ (до 1044 года) выложены въ кирпичѣ цѣлыя орнаментальныя композиціи. Повидимому, въ Македоніи эта форма орнаментации держалась особенно долго.

Солунскій храмъ св. Апостоловъ снимали и чертили пенсионеры нашей Академіи Художествъ гг. Лазаревъ-Станицевъ, Векшинскій и, кажется, также г. Бобровъ: было бы въ высшей степени желательно и для исторіи и для самой архитектурной практики издать нѣкоторые снимки, принадлежащіе нашей Академіи Художествъ.

Прочія солунскія мечети, нами видѣнныя, не показались намъ особенно любопытными. Такъ *Акче-меджидѣ* представляетъ новую постройку, но съ древними колоннами, и во дворѣ мечети имѣется выдолбленная византійская капитель. Карали-Меджидѣ — тоже турецкая постройка, съ деревянными столбами, но на холмѣ и въ старомъ видѣ, а къ одной сторонѣ мечети приставленъ византійскій амвонъ, весь мраморный и съ мраморными же, хотя рознатыми ступенями (см. рис. 62: выш. 1,30, шир. 0,84).

61. Церковь 12-ти Апостоловъ въ Салоникахъ.

Приступая къ обзорѣю современныхъ солунскихъ церквей, мы, по особей случайности, можемъ начать съ церкви св. Миши, одной изъ наиболѣе видныхъ городскихъ церквей и одной изъ самыхъ древнихъ. Церковь эта помѣщается между пристанью и базаромъ, въ узлѣ мелкихъ улицъ, окружающихъ базаръ, близко отъ главной артеріи Солуни, и состоитъ, наряду

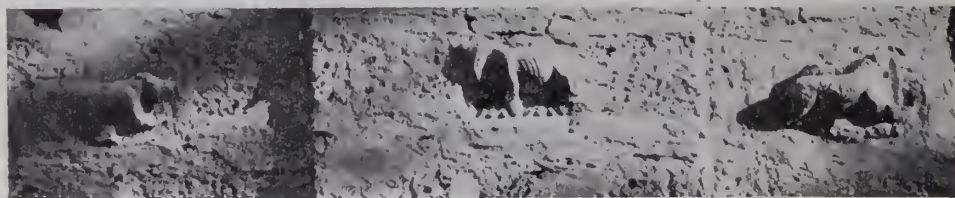
Церковь св.
Миши.

съ церквами Панагін и Николая Чудотворца, въ наибольшемъ почетѣ у греческаго торговаго населенія. Въ прошломъ вѣкѣ эта церковь, существовавшая уже въ девятomъ вѣкѣ, сгорѣла и была восстановлена, но при этомъ подверглась полной перестройкѣ. Тѣмъ не менѣе, когда мы ее осматривали въ 1900 году, она сохраняла замѣчательныя древности. Сама церковь имѣла ¹⁾ обычный типъ греческой большой базилики, грубо сложенной и на половину смазанной съ двумя рядами деревянныхъ столбовъ внутри; укра-

62. Фрагментъ близъ Карали-джами въ Салоникахъ.

шеніемъ стѣлъ служила ординарная прослойка кирпичами въ два или три ряда. Иконостасъ представлялъ только иконы двадцатыхъ годовъ, но въ алтарѣ было устроено деревянное горнее мѣсто, въ срединѣ котораго стояло великолѣнное епископское сѣдалище или кресло, изъ массивныхъ плитъ серпентина или даже verde antico; сѣдалище это имѣло внутри ступени и, очевидно, въ древности служило *амвономъ*. Его лицевая сторона (на рис. 67 оно приставлено къ стѣлѣ именно этою стороною) раздѣлана аркадами, а на боковыхъ плитахъ высѣчены монограммы имени Спасителя въ кругахъ, обставленные съ обѣихъ сторонъ кипарисами. Амвонъ, видимо, относится къ VII—VIII вѣкамъ и стоялъ некогда вѣроятно на особомъ повышенномъ подиумѣ, какъ и амвонъ Софін Содуньской.

63. Рельефы, вставленные въ стѣну церкви св. Мины въ Салоникахъ.

Далѣе, на углу храма во дворѣ стояла канитель тоже этой древнѣйшей эпохи. Однако, ни колонны, ниже базъ не сохранилось.

Но, взаимѣ того, сохранилось много древностей иной позднѣйшей эпохи, не менѣе важныхъ. А именно, на стѣнахъ, въ разныхъ мѣстахъ ока-

1) Говоримъ: «имѣла» и «сохраняла» и прочее, потому что два года назадъ, во время большого пожара, по словамъ газетъ, эта церковь опять сгорѣла, и что представляетъ теперь, не знаемъ.

записъ вложенными отдѣльные рельефы или куски неизвѣстнаго орнаментальнаго фриза: отдѣльныя фигуры животныхъ и птицъ вмазаны въ стѣну ограды, по стѣнѣ западнаго лицеваго фасада, частью на восточной сторонѣ и въ надворномъ сараѣ. Рельефы имѣютъ въ длину отъ половины до трехъ четвертей аршина въ ширину и одного аршина въ длину. Такимъ образомъ, скульптуры эти являются камнями въ кладкѣ, обдѣланными съ передней стороны въ видѣ рельефа. Но рельефы уже были сильно изуродованы, когда попали сюда въ стѣну: отбиты ноги, головы, обѣченъ фонъ, состоящій изъ крупной листвы акашоувъ; только въ одномъ случаѣ возлѣ самаго рельефа сохранилась выдающаяся челоуая (*модильонъ*) пальметка ппаястра или вышукнаго камня, бывааго въ срединѣ (окошнаго?) арочнаго свода. Въ одномъ случаѣ (рис. 66) камень имѣетъ какъ будто бы видѣ канители, но настолько грубой, что нельзя утверждать этого положительно. Поэтому мы не могли составить рѣшительнаго заключенія о первоначальной роли камней въ древнемъ разобранномъ храмѣ.

Еще меньше можно гадать о первоначальной орнаментальной темѣ, которая содержалась въ этихъ рельефахъ. Изъ дюжины сохранившихся рельефовъ пять представляютъ обычный типъ византійской птицы, или клюющей плоды на вѣткѣ или обчищающей себѣ перушки: птица типична и по стильнымъ формамъ, такъ какъ это та самая тяжелая перепелка, которую мы привыкли видѣть въ византійскихъ миниатюрахъ, начиная съ десятаго вѣка. Но затѣмъ мы находимъ здѣсь: барана, собаку или волка, медвѣдя (дважды), льва, льва, терзающаго лань, и голову въ шлемѣ (последнюю тему мы нашли на одномъ изъ храмовъ Аоона)¹⁾. Конечно, этихъ скульптуръ нельзя смѣшивать съ античными барельефами, напр. фигуркою Мелеагра, тоже вмазанной въ стѣну сарая рядомъ съ прочими. Наконецъ, на одной плитѣ мы находимъ изображеніе средневѣковаго фантастическаго звѣря, извѣстнаго подъ именемъ *аспида*.

Если бы мы встрѣтили эти рельефы въ какомъ-либо романскомъ зданіи, врядъ-ли они обратили бы на себя особенное вниманіе. Но въ византійской церкви это первоклассная рѣдкость, имѣющая притомъ принципиальное историческое значеніе по вопросу о самомъ происхожденіи такъ называемаго звѣринаго стиля въ романскомъ искусствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, періодъ европейскаго звѣринаго стиля укладывается въ какіе-нибудь три-четыре вѣка: съ IX по XIII вѣкъ включительно. Здѣсь и ломбардскій стиль, и древности варварскихъ народностей Европы, и роман-

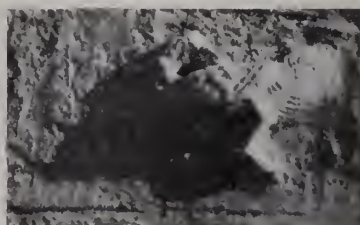
1) На стѣнѣ Хиландарскаго собора, см. *Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ*, 1902 г., стр. 39.

скій періодъ, съ его національними початками и зародками, и тяжелыми горельефами страшнѣ, украшающихъ порталы величавыхъ, но мрачныхъ соборовъ. Пока исторія этого звѣрнаго стиля не начертана даже приблизительно, и исторія искусства въ этотъ періодъ разорвана еще ложнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ, а самое положеніе историческаго періода является крайне одностороннимъ и къ тому же лишено всякаго научнаго значенія, такъ какъ мы не знаемъ ни начала, ни источниковъ этого звѣрнаго стиля.

Говорить, какъ то было ранѣе, о римскомъ происхожденіи этого стиля

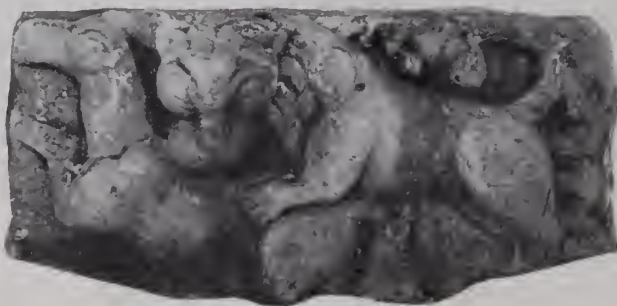

64. Рельефъ (медвѣдь) въ стѣнѣ церкви св. Мины.

65. Плита на стѣнѣ церкви св. Мины.

уже нельзя, а всякія указанія на Востокъ, на арабо-византійскія и персидскія вліянія, безъ точной датировки прогрессивно развивающихся формъ, остаются пока малозначительной фразею. Нельзя же, дѣйствительно, придавать серьезнаго научнаго значенія отдаленнымъ намекамъ на памятники Иншевин и Персеполя, и совершенно очевидно, что настала пора разобраться

66. Плита въ стѣнѣ у церкви св. Мины въ Салоникахъ.

въ громадной массѣ средневѣковыхъ рельефовъ всякаго рода, содержащихъ въ себѣ на громадномъ пространствѣ и за цѣлыя столѣтія, цѣльное и характерное содержаніе, извѣстное подъ именемъ звѣрнаго стиля.

Въ настоящемъ вопросѣ ¹⁾ о солунскихъ рельефахъ звѣрнаго стиля приходится идти путемъ исключеній. Во первыхъ, мы можемъ исключить всю область *варварскихъ древностей* этого стиля, относящихся исключительно къ сферѣ народныхъ уборокъ, мужскихъ и женскихъ, украшенныхъ темами этого рода. Затѣмъ, мы можемъ равно отдѣлать *поливную посуду* ²⁾ гревосточнаго происхожденія, *восточныя ткани* съ рисунками, серебряныя *блюда и сосуды* такъ называемаго сассанидскаго стиля, персидскія, арабскія, *дальше средневѣковыя aquamanilia* и пр. и ограничиться исключительно *рельефами*. Наконецъ, и по этой послѣдней сферѣ мы должны и можемъ сдѣлать важное художественно-историческое ограниченіе. Дѣло въ томъ, что звѣрный стиль еще въ раннюю эпоху слился съ орнаментациею ременныхъ плетеній: извѣстно, что концы этихъ плетеній въ рѣзныхъ издѣліяхъ и въ орнаментальныхъ пищаляхъ получили звѣрную форму головъ, хвостовъ (лошадныхъ, змѣиныхъ, драконовыхъ — все равно, — намъ не стоитъ нужды нынѣ разбирать эти типы), а съ другой стороны правильные (геометрическихъ формъ) узоры плетеній наполнились темами звѣрнаго стиля: сценами охоты, птицами, монетами и т. д. Но для этихъ орнаментаций, покрывающихъ собою тяги арокъ, колонки и наличники порталовъ, стѣнки амвоновъ, попки церемониальныхъ мечей, даже древка процессіональныхъ крестовъ, очевидно, существовалъ источникъ совершенно особый художественный источникъ, и археологическія обозрѣнія, смѣшивающія эти типы съ нашими рельефами, лишаются тѣмъ самымъ руководящаго начала.

67. Амвонъ въ церкви св. Мины въ Солунѣ.

1) Научная постановка вопроса о звѣрномъ стилѣ вообще требуетъ возможнаго расширенія горизонтовъ, иначе говоря—пересмотра всего историческаго пути, которымъ прошелъ этотъ стиль изъ древности античной и греко-азіатскаго искусства до средневѣковой Европы, но мы надѣемся сдѣлать это обозрѣніе въ другомъ мѣстѣ и по такому отдѣлу (русскихъ курганныхъ древностей), который стоитъ въ срединѣ этого движенія.

2) Однако большія и плоскія блюда грековосточной работы съ поливными украшениями, представляющія птицъ, грифовъ, грифона бьющагося съ змѣею, и пр. послужили оригиналами для рельефовъ, такъ какъ именно эти блюда вставлялись въ видѣ челоуыхъ украшеній, надъ замками арокъ по церковному фризу въ Греціи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Италіи, въ Испаніи и пр.

Такимъ образомъ, становится возможнымъ выдѣлить звѣрные рельефы средневѣковой, такъ называемой романской архитектуры въ особый, хотя мелкій, художественный типъ. Этотъ типъ одиночныхъ рельефовъ, одиночныхъ плитъ, съ рѣзною лицевою поверхностью, уже съ достаточною давностью (со временъ Комона) указанъ подъ названіемъ *briques historiées*, а въ качествѣ его прототипа представлены штампованные и покрытые цвѣтною поливою (синею или зеленою, откуда древнерусскія *цѣпины*) восточные образцы, какъ древнѣйшіе въ Ниневіи и Вавилонѣ, такъ и позднѣйшіе арабскіе и персидскіе. Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ источниковъ типа, получается нѣкоторое опредѣленіе его техническихъ особенностей и его художественнаго содержанія: дѣйствительно, штампованныя плитки не могутъ представлять особенно высокаго рельефа и должны ограничиваться одною фигурою, рѣдко двумя, и притомъ почти исключительно изъ животнаго міра, такъ какъ человѣческая фигура не подходитъ къ размѣрамъ обличовочнаго изразца или плиты камня въ кладкѣ. Однако, такъ какъ эти фигуры звѣрей размѣщаются въ рядъ по стѣнѣ, онѣ могутъ быть связаны темою охоты или даже сказочною фабулою, но это послѣднее является крайнею рѣдкостью. Въ большинствѣ случаевъ, отдѣльныя фигуры животныхъ представляютъ орнаментальныя плитки, назначенныя замѣнять собою всякаго рода украшенія арокъ, оконъ, междустолпій, подвѣсочныхъ фризовъ и пр.

Въ этомъ послѣднемъ тѣсномъ значеніи наши рельефы имѣютъ нѣчто общее напр. съ *александрійскими процессами львиныхъ украшеній* въ оконныхъ поясахъ, тимпанахъ арокъ, въ формѣ львиныхъ рельефовъ (стукровъ) на цвѣтномъ фонѣ, въ видѣ животныхъ, фигурокъ и пр., какія находимъ въ Равеннскомъ баптистеріи. Прототипомъ такой орнаментаціи являются также извѣстныя амвоны св. Амвела (566—9) и Деодата (597 г.), съ отдѣльными тяблами нашо, въ которыхъ размѣщены агнцы, птицы, даже рыбы и пр.; эти декоративныя тябла стали довольно обычнымъ украшеніемъ бронзовыхъ литейныхъ, рѣзныхъ или эмальированныхъ дверей съ X вѣка, преимущественно въ XI и XII столѣтіяхъ (см. ниже разборъ орнаментальной двери въ Охридѣ).

Рельефы лангобардской архитектуры ¹⁾ (періода съ начала VIII стол. по начало XI вѣка) также могли бы быть разсматриваемы какъ оригиналы средневѣковой орнаментаціи, но эти рельефы настолько тѣсно связаны съ плетеніями, геометрическими орнаментальными фигурами, а также архитектурными расчлененіями фризовъ аркадами, тяблами и пр., что полной аналогіи мы здѣсь, очевидно не находимъ.

1) Cattaneo, L'architettura in Italia dal secolo VI al 1000 circa. V. 1888.

Не находя такимъ образомъ совершенно одинаковыхъ памятниковъ въ этомъ предыдущемъ періодѣ, мы затѣмъ какъ бы разомъ встрѣчаемъ яркіе факты употребленія рельефныхъ плитъ въ видѣ украшенія стѣнъ *въ срединѣ двенадцатаго столѣтія*, притомъ въ памятникахъ романской архитектуры, столь раздѣленныхъ другъ отъ друга странъ, какъ средняя Россія и сѣверная Италія. Мы разумѣемъ съ одной стороны *храмы Павін (1155 г.) и Пармы (1196 г.)* и съ другой — *Дмитровский соборъ* во Владимірѣ и *соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ*, относимые къ 1194 г. — первый, и къ 1234 году — второй. Но, какъ мы уже не разъ говорили и съ пужными подробностями, два русскіе собора являются въ своемъ родѣ единственными памятниками по небывалому богатству скульптуръ, разсыпаннымъ по всеѣмъ сторонамъ соборовъ. На соборахъ въ Павін и Пармѣ мы находимъ скульптуры архитектурно сосредоточенными въ нѣсколько фризозъ, протягивающихся отъ различныхъ поясовъ порталовъ средняго и боковыхъ.

Здѣсь въ квадратныхъ и четырехугольных плитахъ тонкою рѣзбою поверхность представлены львы, сфинксы и грифы, пары птицъ, стилизованныя чудовища, птица пещущая рыбу, крылатый амуръ, ѣдущій на львѣ, св. Георгій, убивающій дракона, всадники, охотники, асиды и василескы и пр. и пр.; все это въ тяжелыхъ романскихъ формахъ стили, съ дѣтски реальною и вмѣстѣ грубою выдѣлкою деталей и подробностей, свойственныхъ варварскому искусству. Но самая манера рѣзбы и моделировка фигуръ, а также ихъ общій рисунокъ еще приближаются къ античнымъ (можно было бы сказать: этрусскимъ) образцамъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ рельефами Владиміро-Суздальскихъ соборовъ. Стѣны этихъ соборовъ, какъ извѣстно, прямо почти вымощены рельефными плитами, размѣщенными въ очевидномъ декоративномъ порядкѣ, который съ извѣстной ясностью обнаруживаетъ также условный смыслъ, существованіе опредѣленной внутренней темы или задачи въ этой группировкѣ. Мы имѣли уже случай не разъ ¹⁾ описывать и объяснять декоративныя темы Дмитровскаго собора и по прежнему удерживаемъ цѣлкомъ схему данныхъ нами ранѣе объясненій. Дѣйствительно, если нѣтъ никакой нужды гадать, подобно мѣстнымъ археологамъ, о сокровенномъ смыслѣ рельефовъ Дмитровскаго собора, то съ другой стороны нельзя и отрицать, что помѣщенные поверхъ рельефныхъ фризозъ, представляющихъ животныхъ,

1) О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства въ «Памятникахъ древней письменности и искусства», вып. 132, 1899 года. «Русскія древности въ памятникахъ искусства», вып. IV, стр. 18—59. См. Д. Н. Березкова: о храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества (12—13 в.) 1903 г., стр. 2—3, 17, 19, 97, 100. О распространенности каменныхъ храмовъ въ Суздальскомъ краѣ въ до-монгольскій періодъ свидѣтельствуетъ перечень 17-ти церквей.

птицъ, монстровъ, даже деревья, изображенія Спасителя, Богоматери, Соломона и Давида, имѣютъ опредѣленное значеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, общій видъ нагроможденныхъ уже безъ всякаго порядка на стѣну рельефныхъ плитъ въ соборѣ Юрьевѣ-Польскѣ, обнаруживаетъ одно весьма простое, но слишкомъ существенное обстоятельство, котораго слѣдуетъ держаться прежде всего при сужденіи объ этой декораціи, а именно: при взглядѣ на этотъ соборъ совершенно ясно, что рельефныя плиты, которыми вымощены стѣны этого собора, собраны отовсюду изъ разобраннаго ранѣе древняго собора или даже двухъ церквей. Прежде эти плиты были расположены въ извѣстной декоративной системѣ: внутри аркадъ, по тягамъ сводовъ, въ капителяхъ пилястръ, консоляхъ колонокъ и пр. и пр., а затѣмъ, будучи оторваны отъ этихъ своихъ декоративныхъ формъ, послужили, согласно установившейся еще въ Греціи привычкѣ, украшеніями стѣнъ. На соборѣ Юрьевѣ-Польскѣ, это обстоятельство наблюдается очень легко, но его гораздо труднѣе отличить въ рельефахъ Дмитровскаго собора, такъ какъ тамъ декоративная сторона самого собора выполнена и сохранена цѣликомъ, и, очевидно, только внутренность аркадъ, наполненныхъ рельефами, представляетъ сборъ разобранныхъ ранѣе памятниковъ.

Самый подборъ темъ этого звѣриаго стиля во Владиміро-Суздальскихъ храмахъ представляетъ уже значительныя отступленія отъ церквей Италіи. Такъ, кромѣ того, что здѣсь повторяются обычныя эмблематическія темы: грифъ, сфинксъ, химера, аспидъ, василискъ, драконъ, сирена, а равно: пары грифѣвъ, львовъ, птицъ, барановъ и пр. и пр. Здѣсь мы находимъ рядъ условныхъ растительныхъ орнаментовъ въ видѣ Древа Жизни особеннаго средне-вѣковаго типа. Равно и самый пошибъ скульптуръ рѣзко отличается отъ античной манеры собора въ Павіи: какъ мы уже писали ранѣе, фигуры не имѣютъ здѣсь округлой моделировки, а выполнены на одной поверхности, причемъ контуры насѣчены въглубь легче или сильнѣе и этимъ ограничивается вся сила рельефа, такъ что рука, положенная на груди, не приподнята надъ нею, а вырѣзана въ этой груди внутри и оказывается какъ бы углубленною въ тѣло. Сухая, мелочная рѣзба и сложная композиція при варварскомъ преувеличеніи извѣстныхъ деталей, по которымъ дѣтская манера различаетъ породу животнаго, атрибуты святыхъ, полъ и возрастъ и пр. указываетъ вполнѣ очевидно, какъ мы уже объ этомъ писали, нѣмецкую передачу устарѣлаго римскаго оригинала; такимъ образомъ скульптуры Владиміро-Суздальскихъ церквей примыкаютъ по стилю къ средне-вѣковымъ памятникамъ южной Германіи ¹⁾, а не къ Италіи.

1) Наиболѣе близки скульптуры на замкѣ Тироли въ Тироли, по порталамъ, начала XII вѣка, въ видѣ отдѣльныхъ плитъ, съ изображеніями: кентавра, василиска и аспида,

Ясно, что между Владиміро-Суздальскими соборами и Ломбардскими (Павія, Парма, Верона и Комо) долженъ быть третій связующій ихъ членъ и, очевидно, принадлежащій греческому востоку. Въ настоящее время становится уже возможнымъ помѣнить нѣсколько памятниковъ, принадлежащихъ этому греческому Востоку и относящихся къ періоду XI—XIV столѣтій. На первомъ мѣстѣ мы поставимъ любопытныя известковыя плиты, найденныя въ Херсонесѣ Таврическомъ. Три такихъ плиты, длиною 60 сант. и отъ 40 до 50 сант. вышины украшены изображеніями льва и другихъ животныхъ, простою грубою рѣзбой.

Въ церкви XIII—XIV ст. въ Оеодосіи, въ карантинѣ А. Л. Бертье-Делагардъ нашелъ размѣщенныя по полю абсиды рядъ плитъ съ погрудными изображеніями апостоловъ, *тождественнаго* стиля и техники съ суздальскими рельефами. На Кавказѣ въ Аши проф. Н. Я. Марръ открылъ храмъ XII вѣка, покрытый *романскими* скульптурами звѣрнаго стиля.

Иной византійскій характеръ носятъ орнаментальныя плиты изъ мрамора, замѣчательной работы, хотя нѣсколько сухой рѣзбой, на церквахъ Аоніи («древняя Митрополія»), въ Артѣ (фотографія Я. П. Смирнова) въ соборѣ г. Софіи въ Болгаріи и въ Софіи Трапезундской.

Внутри церковь святаго Мины имѣетъ мало любопытныхъ древностей: есть запрестольный крестъ, поставленный на особомъ пьедесталѣ, украшенномъ надписью, но въ самомъ иконостасѣ всего образа новыя или поповленныя. А такъ какъ въ новой греческой иконописи, наблюдается исключительно лишь ея натуралистическое разложенье, то и въ образахъ этой церкви мы не нашли другихъ чертъ кромѣ натуралистическихъ. Здѣсь есть образъ Божіей Матери Горгушкоосъ, ласкательно охватившей Младенца, сидящаго у Нея на лѣвой рукѣ. На особомъ аналоѣ внутри полузакрытый образъ святаго Спиридона. Далѣе любопытенъ образъ св. Анны съ Успеніемъ святой въ срединѣ и житіемъ вокругъ.

Любопытная церковь Святого Николая Чудотворца, по прозванію Церковь Николая Чудотворца. святой Никола Сирота (Ὁ ὁρφανὸς ἄγιος Νικόλαος) представляетъ наилучше сохранившуюся византійскую церковь Солуни, постройки XIII—XIV вѣка, по своимъ размѣрамъ, мало прельщавшая мусульманъ, не пожелавшихъ превратить ее въ мечеть. Уже самый входъ во дворъ этой мечети обрамленъ двумя колоннами, поставленными у стѣны, по переверну-

льва, химеры, монстровъ различныхъ, но также борцовъ, двухъ птицъ по сторонамъ чаши, овна, волка и пр. См. Lind, K. *Atlas Kirch. Denkm. d. Mittelalters im Oest. K. u. in chemal. Lomb. Ven. Königreiche. Von d. K. K. Central-Commission.* Wien. 1872, fol. Taf. XII, 69. Ср. ibid. скульптуры въ Каринтіи: Taf. II. 8, въ Venzone XII в. и пр.

тыми низомъ кверху и увѣчанными, вмѣсто капители. однимъ кубовымъ верхомъ, украшеннымъ рѣзбою: крестомъ, въ кругу среди двухъ кривовъ. Дворъ представляетъ обширную пустырь, среди котораго выдается маленькая церковка, окруженная спереди грубо сложеннымъ открытымъ паронкомъ,

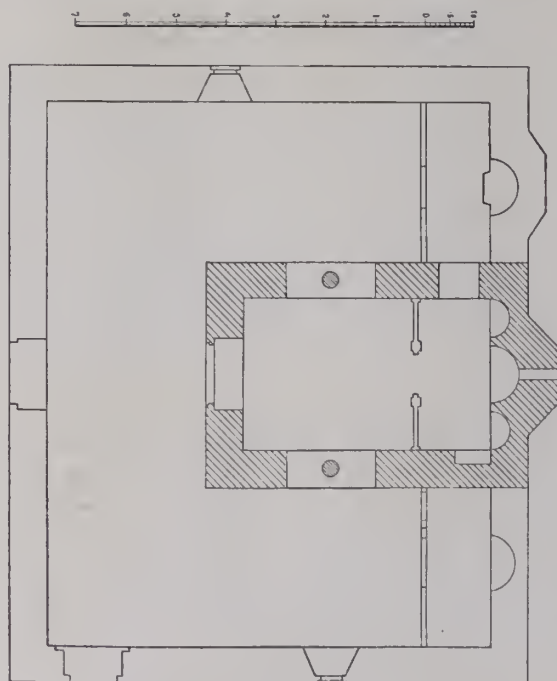

68. «Малая» церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

69. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

вѣрше навѣсомъ, на деревянныхъ столбахъ; съ восточной же стороны выступающая одною полукруглой абсидою, все это простой и грубой кладки.

70. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни.

Единственныя украшенія находятся на восточной сторонѣ и представляютъ орнаментальную кирпичную кладку, въ видѣ зигзаговъ и ромбовъ и рѣшетокъ по карнизу абсиды и по небольшимъ окнамъ восточной стороны.

Церковь необычайно малыхъ размѣровъ, ее обходитъ по тремъ сторонамъ внутренній притворъ или паронкъ, почти весь расписанный и уставленный по стѣнамъ стасидіями. Поверхъ стасидій стоятъ рядами старыя иконы съ облупившимися ликами. Правая сторона паронка отдѣлена

деревянною стѣною, а вверху прикрыта рѣшетчатымъ мушарабіемъ — это древній бабинъ — гипкей. Старый священникъ подтвердилъ мнѣ, что и до-

сель женщины становятся въ ихъ церкви за этой рѣшеткой. Въ этомъ притворѣ есть придѣлъ святаго Пантелеймона. Нарокъ покрытъ по стропиламъ черепичною скатною крышею и сохранился цѣликомъ отъ XV вѣка. Стѣнная роспись, сохранившаяся отъ того же времени, представляетъ во первыхъ: житіе Николая Чудотворца, житіе св. Герасима, евангельскія притчи, нѣсколько евангельскихъ сценъ, бесѣду съ Самаритянкой и изображенія нѣсколькихъ святыхъ: Елены, Екатерины во весь ростъ, но прикрытыхъ стасидіями. Средняя часть церкви сохранила древній иконостасъ съ мраморными балюстрадами, колонками, на нихъ поставленными и мраморнымъ же антаблеманомъ, украшеннымъ рѣзбою. Промежутки между колошнотъ закрыты мѣстными иконами на лицо, а изнутри алтаря заграды досками. На иконѣ Божіей Матери съ Младенцемъ въ алтарѣ, написанной на другой сторонѣ иконы Спаса, читается надпись, къ сожалѣнію, полуразрушенная въ самомъ концѣ, гдѣ читалось имя вкладчика и дата.

71. Роспись церкви Николая Чудотворца въ Салоникахъ.

На западной сторонѣ изображено житіе Николая Чудотворца въ двѣнадцати отдѣленіяхъ, а въ нарокѣ подрядъ св. Савва, Ефремъ, Павелъ Песовѣдникъ, житіе Евфрасія. Въ одномъ отдѣлѣ нѣсколько сценъ евангельскихъ исцѣленій: разслабленнаго, хромого, страдающаго водянкой и бесѣда Христа съ Самаритянкою. Многія сцены прекраснаго письма конца XIV, первой половины XV вѣка, которыя являются даже близкими къ миниатюрамъ прекраснаго Евангелія Пантелеймоновскаго монастыря на Афонѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что фрески сильно пострадали отъ турецкаго варварства; многіе лица изуродованы, у нихъ выткнуты глаза и еще болѣе страдаютъ отъ столь же варварскаго обхожденія нащенскаго клира.

72. Церкви св. Николая въ Солуни.

Любопытны и двѣ колошны, сохранившіяся въ нефѣ церкви, на которыхъ поставлены несоразмѣрно большія и сильно обколоченныя капители, взятые изъ другихъ древнѣйшихъ церквей. Колошны эти, по всей вѣроятности, принадлежать VII, VIII вѣку. Ихъ кубовая покрывка украшена рѣзьбою и монограматическими крестами въ кругахъ.

Большая или главная церковь *Николая Чудотворца*, вновь выстроенная на старомъ мѣстѣ, сохранила много прекрасныхъ старыхъ иконъ, перенесен-

ныхъ, однако, на хоры церковныя. Между ними икона Страшнаго Суда замѣчательно мелкой работы, размеромъ не болѣе трехъ четвертей аршина, но съ полной выпискою деталей, съ изображеніемъ восьми отдѣловъ ада и прочее.

Главной древностью церковной является здѣсь ковчежецъ главы святаго Евстаѳія Плакиды, имѣющій форму черепа изъ ковannaго серебра, украшеннаго финифтью и драгоценными камнями по филиграневому или сканному рисунку въ видѣ различныхъ разводовъ кривовъ и травъ, наведенныхъ въ фонахъ зеленою и голубою финифтью. Вся эта серебряная обложка выполнена изъ отдѣльных пластинокъ, перепнутыхъ и связанныхъ между собою припаянными шарнирами. Фонъ пластинокъ слабо позолоченъ и, кромѣ финифти, нѣкоторыя части наведены чернью, равно какъ и самая подпись, именуемая игумна

73. Серебряный ковчегъ для храненія ковчежца главы св. Евстаѳія Плакиды въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни.

74. Ковчежецъ главы св. Евстаѳія въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни.

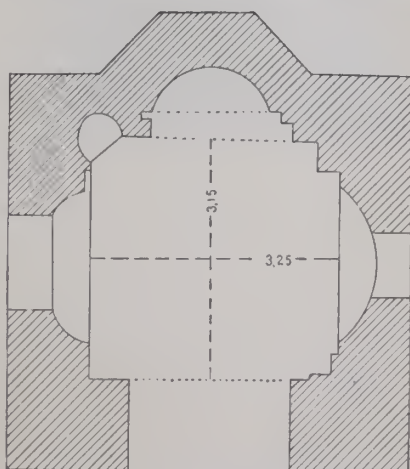
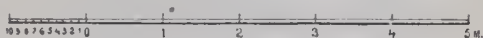
и іеромонаховъ, украсившихъ эту раку въ 1730 году, исполнена также чернью. Въ общемъ весь рисунокъ выполненъ по восточнымъ, преимущественно персидскимъ, образцамъ, доселѣ живущимъ въ Турціи. Столь же любопытна серебряная коробка съ крышкою, украшенная по низу чеканными изображеніями, относящимися къ святому Евстафію, а поверхность восточными разводами, въ которой въ церкви хранятъ этотъ ковчегъ.

Церковь во имя святого *Аѳанасія* Александрійскаго, находящаяся на главной улицѣ Солуни, содержитъ въ себѣ, кромѣ сохранившихся отъ древней постройки, колоннъ и капителей, также древнее Евангеліе XI вѣка, икону Одигитріи съ надписью этого имени обычнаго типа, также на южномъ углу замѣчательныя рельефныя изображенія Одигитріи, стоящей съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Рельефъ относится къ очень позднему времени и во всякомъ случаѣ не ранѣе XIV вѣка, такъ какъ отъ предыдущаго хорошаго періода едва удержана только схема драпировки фигуры, но въ плохой и сухой передачѣ. Что въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе — это манера плоскаго ремесленнаго исполненія рельефа, въ которомъ едва и очень слабо намѣчены контуры рисунка, какъ бы жилами на поверхности фигуры; манеру эту любопытно сравнить съ техникою западныхъ средневѣковыхъ рельефовъ того же времени. Къ сожалѣнію, рельефъ густо покрытъ масляною краскою, вышина его 0,93, ширина 0,30.

Близъ главной же улицы Солуни мы посетили церковь св. Харалампія, XVIII вѣка, также наполненную старыми иконами, которыми мы не имѣли

75. Рельефъ въ церкви св. Аѳанасія въ Солоникахъ.

76. Церковь Спаса Преображенія въ Солуни.

однако, достаточно времени заняться. Самый иконостасъ имѣть иконы, помѣченныя 1790 годомъ.

По близости отъ той же церкви проишли въ параклисъ Спасителя Христа или Спаса Преображенія, крохотную церковь, но покрытую куполомъ (см. рис. 76 планъ, снятый П. П. Покрышкинымъ), и представляющую любопытную комбинацію двухъ полукружій, замѣняющихъ боковые нефы. Сѣверное полукружіе служитъ входомъ, правое освѣщается окномъ. Отъ древней росписи здѣсь уцѣлѣло изображеніе Спаса Пантократора въ куполѣ, Архангеловъ и Пророковъ. Ничего древняго въ иконостасѣ и ризницѣ нами не найдено.

Церковь Панагіи Дексы.

Церковь эта обычнаго солунскаго типа, перестроенная въ XIX столѣтіи, но, быть можетъ, на старомъ основаніи, съ остатками декоративныхъ рѣзныхъ плитъ въ полу, получила свое наименованіе отъ чтимой здѣсь издревле иконы Богоматери Праворучицы — *Панагіи Дексы* вмѣсто: *Дексим*.

77. Икона Божіей Матери «Декса» въ церкви того же имени въ Солуни.

Икона Панагіи Дексы есть ничто иное какъ переводъ извѣстной иконы Богоматери Милостивой или Киккской, которой даже наименованіе по гречески написано надъ иконой. Высота иконы 1 метръ 5 сант., ширина — 0,63. Икона прекрасная, лучшаго греческаго письма, яркаго и сочнаго, повидимому произведеніе Кипрской школы XV вѣка. Облаченіе Богоматери краснаго цвѣта въ глубокихъ тонахъ. Отлично выписано смуглое лицо Богоматери и Младенца, но дурно нарисована фигура послѣдняго. Съ правой стороны отъ Богоматери въ полѣ написана также фигура евангелиста Луки, пишущаго образъ Богоматери. По отношенію къ прозвищу иконы должно замѣтить, что воплѣ аналогичная икона, по

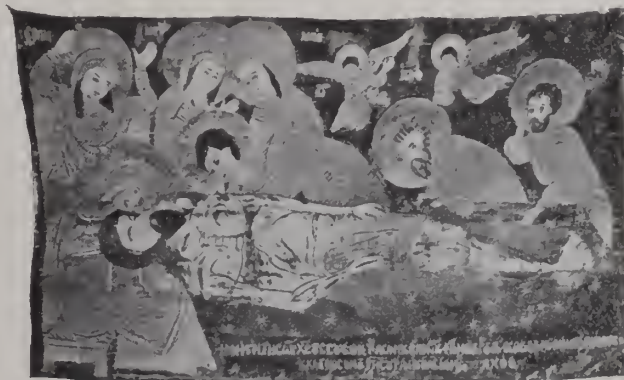
съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и написанная именемъ Киккѳотиссы, находится въ церкви св. Константина и Елены въ той же Солуни.

Прочія иконы церкви относятся уже по большей части къ XVII столѣтію, а любопытный рядъ иконъ 1820-хъ годовъ мѣстнаго издѣлія снабженъ подписями именъ живописцевъ и вкладчиковъ. Было бы весьма желательно дожидаться отъ мѣстныхъ любителей какого-либо описанія этихъ иконъ и имъ подобныхъ старыхъ въ Солунскихъ церквахъ. Путешественнику

заниматься описаніями немислимо, такъ какъ многія иконы укрѣплены въ иконостасахъ, забраны досками, и разсмотрѣніе ихъ надписей потребовало бы слишкомъ много времени.

Въ той же церкви имѣется шитая на красномъ атласѣ шелками, золотомъ и серебромъ большая плащаница (1,47 м. дл. и шир. 1,17 м.). Плащаница окаймлена орнаментальной широкой полосой съ 4-мя эмблемами Евангелистовъ по угламъ. Среднее изоб-

браженіе представляетъ Спасителя, положеннаго на золотомъ платѣ, въ синеѣ препоясанн; въ головахъ Его сидящая Богоматерь обнимаетъ Его голову, выше женщины, воздвигшая обѣ руки надъ головой по надписи «Саломія»; да-

78. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагін Дексы.

лѣе, Марфа и Марія плачущія; Іоаннъ, преклонившійся къ тѣлу; Іосифъ, поднимающій платъ и Никодимъ у ногъ Спасителя. Длинная надпись внизу указываетъ на 1679 годъ.

Церковь эта, находящаяся въ восточной части города, близъ нынѣшняго помѣщенія русскаго посольства, сохранила нѣсколько надписей въ правомъ нефѣ и въ алтарѣ, положенныхъ въ полу (изданныхъ) и нѣсколько орнаментальныхъ плитъ изъ бѣлаго мрамора, а также древнихъ иконъ, изъ которыхъ одна икона Божіей Матери Киккской съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ была уже упомянута ранѣе. Подобная же церковь во имя Сръггенія Господня, стѣны которой представляютъ нѣсколько вложенныхъ барельефовъ и фрагментовъ¹⁾. Орнаментация плиты представляетъ, кромѣ обычной каймы, любовитныя формы плетеній, соединенныхъ съ причудливыми рисунками птицъ. Далѣе въ стѣны вдѣланы часть нишастра съ барашей головой, нишастровая канитель растительной формы, фигура неизвѣстнаго святого (апостола). На западной стѣнѣ вдѣлана плита размѣромъ 1,33 и 0,66 съ рельефнымъ изображеніемъ Богоматери Заступицы (Оранты) въ формѣ пло-

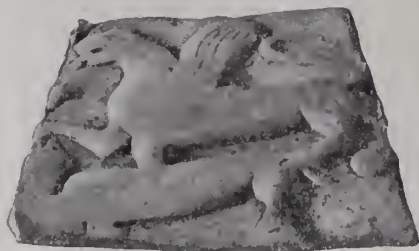
Церковь св. Константина и Елены.

1) Одна плита орнаментальнаго характера издана въ книгѣ П. Н. Милюкова Христіанскія древности западной Македоніи, 1899, рис 3. Издатель сближаетъ плиту по времени съ надписью, вдѣланной надъ входомъ въ церковь 1272 года.

скаго рельефа, съ сухими повышенными контурами, ремесленной работы позднѣйшаго времени.

Церковь
Богоматери
Панагуды.

Церковь съ этимъ прозваніемъ, какъ оказалось по справкамъ, освящена во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, и очевидно ея прозвище есть простонародное сокращеніе древняго греческаго имени. Современная церковь мало сохранила однако отъ древней постройки, а ея иконостасъ почти вся принадлежитъ 20-мъ годамъ XIX столѣтія. Въ полу церкви вѣдлана замѣчательная, но полустертая византійская плита XIII—XIV вѣка, съ изображеніемъ грифа, терзающаго какое то неизвѣстное животное съ длиннымъ туловищемъ. Среди любопытныхъ образцовъ иконостаса должно упомянуть

79. Плита въ церкви Божіей Матери
Панагуды.

на первомъ мѣстѣ рядъ типическихъ иконъ 20-хъ годовъ, ведущихъ свое очевидное начало еще отъ Критской школы XVI—XVII столѣтій, введшей въ греческую иконопись живописныя формы итальянской манеры (преимущественно венеціанской школы), расширенія одежды, красновато-оливковую карнацію и прочее. Изъ этого ряда иконъ въ церкви въ одномъ изъ приделовъ обращаетъ вниманіе образъ Спасителя—Великаго Архіерея въ саккосѣ и омофорѣ, расширенъ золотомъ по зеленому шелку. Тамъ же мѣстная икона Богоматери, писанная по итальянски съ лилейнымъ жезломъ въ рукахъ и съ Младенцемъ, стоящимъ съ лѣвой стороны и держащимъ земной шаръ. Рядъ другихъ иконъ, какъ напримѣръ Крылатаго Іоанна Предтечи, Спаса Вседержителя, Рождества Богородицы, Николая Чудотворца помѣчены 1819-мъ и 1820 годами и греческими надписями, номинающими сотрудниковъ этого церковнаго обновленія.

Независимо отъ интереса, представляемаго самою церковью съ ея иконостасомъ, Панагуда сохраняетъ двѣ замѣчательныя древности: чтимую мѣстную икону Божіей Матери съ прозвищемъ Панагуды и великолѣпную плащаницу, которая одна заслуживаетъ пріѣзда путешественниковъ въ Солунь для посѣщенія этой церкви.

Независимо отъ интереса, представляемаго самою церковью съ ея иконостасомъ, Панагуда сохраняетъ двѣ замѣчательныя древности: чтимую мѣстную икону Божіей Матери съ прозвищемъ Панагуды и великолѣпную плащаницу, которая одна заслуживаетъ пріѣзда путешественниковъ въ Солунь для посѣщенія этой церкви.

Икона Божіей Матери (рис. 80) имѣетъ въ вышину 1 метръ, 17 и въ ширину 0,85 м. Стоитъ у лѣваго клироса, писана на толстой дубовой доскѣ, въ послѣднее время поповлена въ иконописномъ родѣ и представляетъ вариантъ Иверскаго типа Богоматери. Икона вся обита чеканной серебрянною басмою, не вполне однако сохранившеюся и потому перебитою въ рисунокъ. Въ прежнее время руки Богоматери и Младенца были открыты для прикла-

диваній; въ настоящее время они прикрыты также серебромъ. Нимбы Богоматери и Младенца также позднѣе остальной ризы. Икона замѣчательна этою самою чеканною ризой, сохранившеюся очевидно отъ XIII—XIV вѣка и представляющей великолѣпные разводы и арабески греко-восточнаго характера XIV—XV столѣтій, повидимому, отъ другой несравненно большихъ размѣровъ мѣстной иконы. Рисунокъ этихъ арабесокъ удостовѣряетъ насъ, что мы, къ сожалѣнію, очень мало знаемъ греко-восточное искусство въ послѣднія времена Византіи, которое между тѣмъ куда болѣе было разнообразно противъ шаблоннаго искусства XI—XIII вѣка. Очевидно, вся эта чеканная риза съ чудными по своей мелочности и своему изяществу и необыкновенному разнообразію арабесками, составляла иѣкогда только фонъ и коймы большой великолѣпной мѣстной иконы. Икона разрушилась, фонъ эти были содраны и отданы въ мастерскую, гдѣ простой мѣдникъ выдѣлалъ на этихъ фонахъ, выдавливая ложками контуры одеждъ Богоматери и размѣстивъ все это на настоящей иконѣ. Такимъ образомъ вышло, что одежда Младенца иѣтъ не выдѣляется отъ

80. Икона Б. М. въ церкви Божіей Матери Панагуды.

одежды Богоматери. Она сдѣлана изъ того же куска и на ногахъ у Младенца видны продолженіе контуровъ одежды Матери. Очевидно, древнѣйшая икона была, прежде всего, гораздо больше. Ея контуры одеждъ можно наблюдать на лѣвой сторонѣ настоящей фигуры въ видѣ тонкихъ прожидокъ, весьма искусно размѣщенныхъ среди разводовъ тончайшей работы. Тамъ же помещенъ и одинъ титулъ древней иконы Богоматери **Η | ΕΛΠΙΣ | ΤΩΝ | ΑΠΕΛΠΙΣΜΕΝΩΝ |** «Надежда отчаявшихся».

Планица церкви Панагуды¹⁾ (рис. 81—84) имѣетъ въ длину 1,75 м., шир. 0,62 м., окаймлена позднѣйшею каймою изъ темно-малиноваго атласа взамѣтъ старой, разрушившейся около 50 лѣтъ тому назадъ, по словамъ священниковъ. Можно предполагать съ большою дозою вѣроятности, что эта исчезнувшая кайма была нѣкогда снабжена соответственными надписями, и можно поэтому сожалѣть объ исчезновеніи документа первостепенной важности для такого также первокласснаго памятника древности. Другая внутренняя кайма, узкая, орнаментирована крестами въ кругахъ, шитыми также золотомъ и серебромъ. Но главную драгоценностью являются три вышитыхъ посреднѣйшѣ иконныхъ изображенія, изъ которыхъ два крайнія представляютъ Причащеніе въ двухъ видахъ, а третье въ срединѣ — положеніе во гробъ и плачъ надъ тѣломъ Иисуса вмѣстѣ съ литургическимъ поклоненіемъ тѣлу. Срединная сцена входитъ въ ту серію планницъ, о которой мы уже говорили въ примѣчаніи подробно въ своемъ мѣстѣ. Однако, данное изображеніе по той древности, какую мы этому памятнику приписываемъ, заслуживаетъ вполне нашего вниманія. Во первыхъ, тѣло Господа положено здѣсь на складномъ, драгоценномъ матрацѣ, облачено препоясаніемъ, а голова заключена внутри крестнаго нимба. По угламъ изображенія четыре Евангельскія эмблемы, съ надписями именъ. По одну сторону тѣла стоятъ два архангела съ рипидами и два ангела, плачущіе и несущіе покровы. По другую сторону представлены херувимы и серафимы по двое. И такъ въ этой сценѣ мы имѣемъ одной изъ древнѣйшихъ изображеній литургическаго характера. Согласно съ этимъ, и разбитое на два поля Причащеніе въ двухъ видахъ, въ обычной композиціи (но не съ Петромъ и Павломъ во главѣ).

На одной сторонѣ Спаситель причащаетъ отъ тѣла кускомъ аггоса, который Онъ передастъ въ руку апостолу Петру, взявъ его изъ корзины съ наръзанными кусками. За апостоломъ Петромъ пятеро другихъ апостоловъ, между которыми легко узнать Андрея по косматой шевелюрѣ и безбородаго апостола Оому. На другой сторонѣ Спаситель, взявъ въ обѣ руки металлическую небольшую чашу и придерживая ее лѣвою за ручку, причащаетъ апостоловъ, между ними первымъ юнаго Іоанна, за которымъ тоже видны пя-

1) Эта замѣчательная планница, снятая нами фотографически, была упомянута и достойнымъ образомъ оцѣнена нами въ соч. «Памятники Христіанскаго искусства на Афонѣ», 1902, стр. 266, но фотографіи съ ней не могли быть тогда изданы, а въ 1904 г. архитекторъ de Thougnеau, по этому указанію, снялъ и выѣтъ съ извѣстнымъ византийцемъ Габріэлемъ Милле издалъ въ *Bulletin de correspondance hellénique* въ 1905 г. въ трехъ прекрасныхъ гелиографияхъ со статьею: *Un chef d'oeuvre de la broderie byzantine*, p. 259—268. По вопросу о положеніи нашей планницы въ средѣ этихъ древностей см. переченъ, нами данный въ указ. книгѣ, нѣтъ, однако, на половину уже увеличившійся новымъ матеріаломъ.

теро другихъ. Спаситель стоитъ при этомъ передъ престоломъ четырехугольной формы, покрытымъ нарчевою тканью съ нашитыми по сторонамъ крестами и угловыми гаммами. Престолы состоятъ изъ четырехугольной доски, утвержденной на широкой деревянной или каменной поскѣ. По сторонамъ Спасителя стоятъ два ангела, одинъ съ риндою въ правой рукѣ, а другой въ соотвѣтствіи — въ лѣвой. — по той, очевидно, причинѣ, что церковныхъ риндъ за престоломъ полагается двѣ и ихъ нужно было распределить на повторенное дважды число ангеловъ. Самое замѣчательное въ этой плащаницѣ — необыкновенное изящество рисунка, почти никогда не встрѣчающееся въ произведеніяхъ тканей и вышиванья, развѣ въ немногихъ образцахъ, составляющихъ историческіе вклады царей и царицъ. Настоящій рисунокъ на-

81. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагоды въ Салоникахъ.

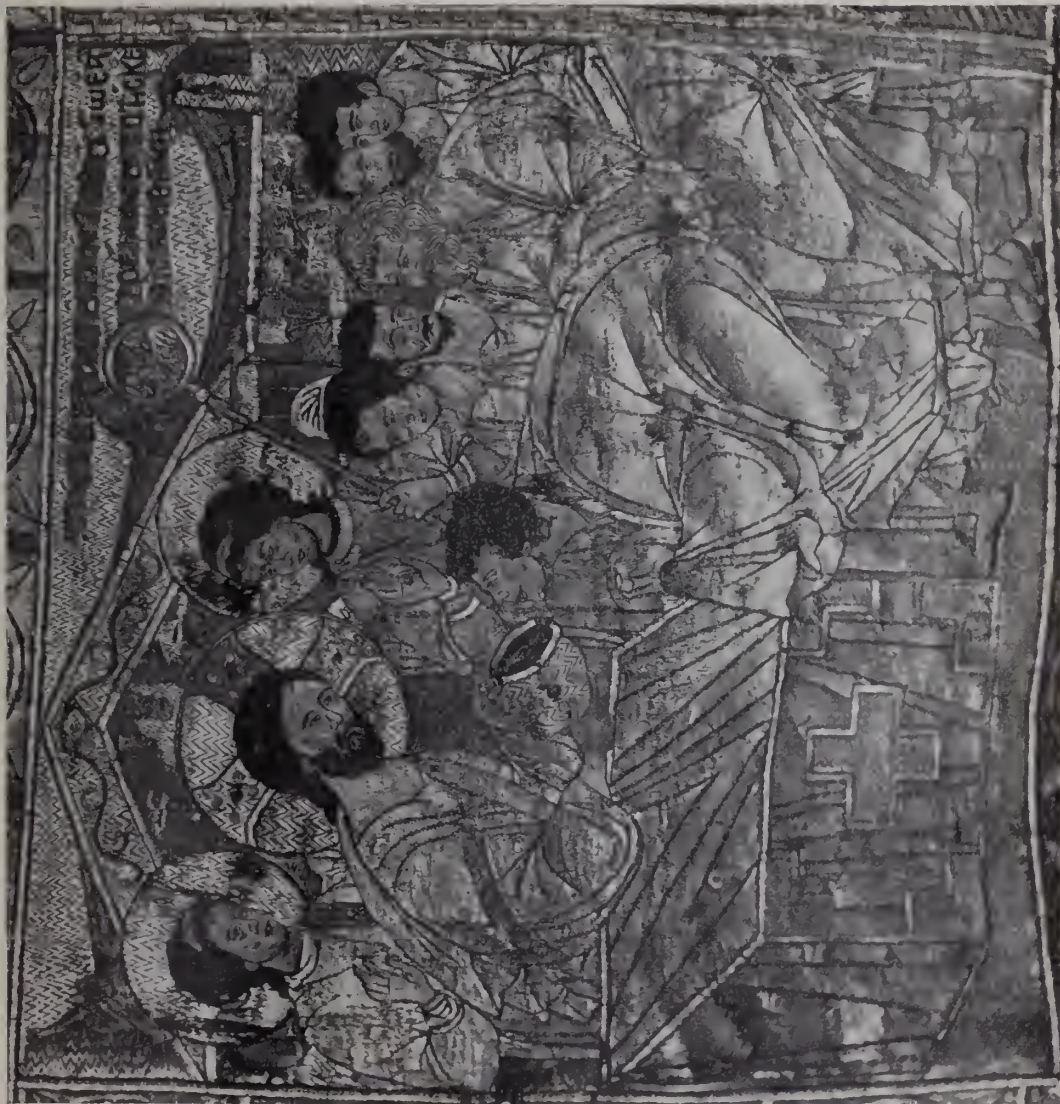
ходитъ себѣ правда нѣкоторыя аналогіи въ памятникахъ греко-славянскаго шитья XIV—XVI вѣка. Наиболее характерное во всемъ этомъ рисункѣ — древне-византійскіе типы, почти аттическіе лицъ какъ молодыхъ,

82. Средняя плащаница въ церкви Божіей Матери Панатуды.

такъ и старыхъ. Между ними ликъ Христа еще приближается къ мозаическому типу XII—XIII столѣтій по пышной темно-каштановой шевелюрѣ волосъ на головѣ, спадающихъ на шею и округлой бородѣ безъ раздѣленія при узкомъ продолговатомъ овалѣ лица. Столь же замѣчательны характерныя

античные овалы ангельских лицъ. Болѣе слабы и схематичны драпировки и складки одеждъ. Фоны исполнены золотымъ зигзаговымъ шитьемъ, контуры же краснымъ шелкомъ, а архитектурныя детали серебромъ и зеленымъ шелкомъ. Лица и тѣло передаются палевымъ шелкомъ, при чемъ контуры исполняются коричневыми цвѣтами и краснымъ; волосы раздѣляются

83. Плащаница церкви Божіей Матери Панагоды въ Салоникахъ.

желто-золотистымъ шелкомъ, а контуры прядей — краснымъ и коричневымъ точно такъ же раздѣляются глаза. Контуры одеждъ исполняются краснымъ и малиновымъ шелками. Самая парча выполнена сплошными золотыми нитями и по этому фону зигзагами раздѣлана серебромъ. Такимъ образомъ здѣсь примѣнены всевозможные виды и формы шитья золотомъ и серебромъ

и въ рѣшетку и плетенку, и косое шитье, и зигзагъ и пр. и пр. и мѣстами перехвачено очевидно для крѣпости свѣтло-зеленоватымъ шелкомъ.

Песравленно менѣе значительна сохраняющаяся въ церкви Панагуды ениграхиль XVII—XVIII столѣтій, исполненная также по малиновому атласу шелками, золотомъ и серебромъ. Рисунокъ очень грубъ, фигуры снабжены славянскими надписями.

84. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ.

Церковь св.
Оеодоры.

Церковь во имя Св. Оеодоры, бывшая некогда при монастырѣ, въ которомъ будто бы подвизалась святая этого имени еще въ X столѣтіи. По соображеніямъ арх. Антошина («Поездка по Румелии», стр. 104) изъ двухъ святыхъ Оеодоръ, именуемыхъ Солунскими, мощи, почитаемыя въ этой церкви принадлежатъ святой Оеодорѣ, подвизавшейся въ X вѣкѣ. По календарю арх. Сергія, подъ 5 апрѣля почитается Св. Оеодора, жившая въ Солунскомъ монастырѣ и

умершая въ 892 году; при жизни стала извѣстна послушаніемъ въ исполненіи паложенной на нее строгою игуменіею эпитиміи, а именно: терпѣніемъ не говорить съ дочерью, живя съ нею въ одной кельѣ, въ теченіе 15 лѣтъ, а по смерти своей мироотченіемъ. Въ церкви Св. Ѳеодоры при насъ уже все было новое и только въ полу заложены оказались различные куски надписей. Иконостасъ написанъ былъ также заново, а старинный оказался разбитымъ, и изъ него одна любопытная икона Спаса Вседержителя изъ верхняго пояса иконостаса съ четырьмя эмблемами по угламъ небеснаго круга, въ которомъ вписано погрудное изображеніе Спаса, относится еще къ XVII вѣку. Икона эта, имѣя полтора метра вышины и по изображенію и по темно-коричневому писму съ краснымъ хитонѣмъ Спаса и золотистымъ гиматіемъ, любопытна для сравненія съ одной стороны съ византійскими мозаиками, а съ другой — съ русской иконописью.

Церковь, извѣстная подъ именемъ Лагудины или Лагудіаны, была посвящена собственно во имя Божіей Матери Одигитріи, какъ значится въ спискѣ, переданномъ мнѣ въ Сѣверѣ и какъ объясняется въ то же время у Димитія (стр. 352). Но церковь уже не сохранила этой древней иконы Богоматери, и всѣ ея иконы чисто ремесленной работы, относятся къ XVIII и даже къ XIX вѣку, но вокругъ церкви сохранилось извѣстное число древнихъ остатковъ прежней базилики: дворъ церкви доселѣ обложенъ цѣлымъ десяткомъ древнихъ мраморныхъ колоннъ и на углу стоитъ опрокинутая капитель VII—VIII вѣка. Въ полу передъ алтаремъ вложена орнаментальная плита, происходящая отъ иконостасной преграды или отъ баллюстрады фѣала; въ сторонѣ имѣется древнее агіасма — святой источникъ.

Церковь
Божіей Ма-
тери Лагу-
дины.

Въ сѣверо-восточномъ углу города, тамъ, гдѣ постепенный подъемъ городской мѣстности заканчивается выступающими каменными террасами, стоитъ древній монастырь Чаушъ. Въ древности монастырь носилъ имя Влательскаго и заслужилъ недобрую славу участіемъ въ сдачѣ города Амурату, которому былъ во время осады открытъ водопроводъ, снабжавшій городъ водою изъ мѣстныхъ источниковъ, находящейся по близости Хартаптекой горы. На этой же горѣ мусульмане заложили свою цитадель, примкнувъ ее къ городскимъ стѣнамъ. Монастырь не окруженъ стѣнами и не имѣлъ ихъ въ древности, и какъ при архимандритѣ Антошиѣ (стр. 156), такъ и теперь въ немъ нѣтъ никакого братства, а живетъ только одинъ игуменъ съ нѣсколькими рабочими, скорѣе на правахъ арендатора этого участка. Прежній страхъ и привычка скрывать отъ дикихъ турокъ все монастырское имущество уже не въ такой силѣ какъ раньше (чаще всего — этотъ страхъ мнимый и прикрывается собою желаніе скрыть отъ чужихъ извѣстности церковное имущество, которое можетъ быть съ выгодною продано) и мы могли поэтому

Монастырь
Чаушъ.

обозрѣвать весь монастырь, видѣть святую чашу, которой не показали Антошину, но такъ и не добились того, чтобы намъ показали древнія рукописи, которыя видѣлъ Антошинъ (стр. 157). Монастырскія зданія не велики, за-

85. Монастырь Чаушъ.

ключаются въ малень-
кой церковкѣ и нѣ-
сколькихъ домикахъ,
грубо построенныхъ
и прилѣпленныхъ къ
скалѣ. Вокругъ церкви
лежатъ нѣсколько ка-
пителей, изъ коихъ
двѣ, наилучше сохра-
нившіяся мы сфото-
графировали (см. рис.
86). Обѣ эти ка-
пители имѣютъ видъ
кубовыхъ транеій съ

закругленнымъ абакомъ, и одна изъ нихъ орнаментирована акафоами, просвер-
леннымъ рядомъ точекъ. Эта манера орнаментации, начавшаяся въ VI—VII

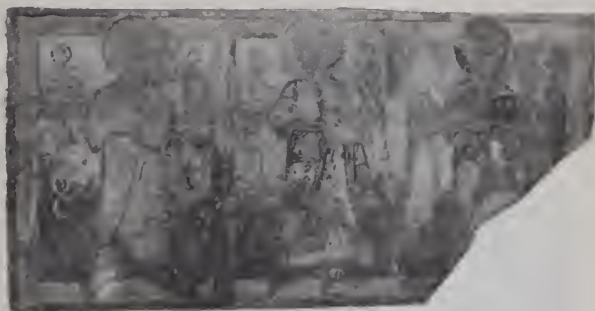

86. Капитель въ монастырѣ Чаушъ.

вѣкѣ, повидимому, прекратилась около X, но сказать на этомъ основаніи, къ
какому вѣку принадлежитъ подобная капитель въ Чаушѣ—мы не рѣшаемся.
Другая капитель орнаментирована 1) по абаку іоническими валютами и по

трапеции византийскими крестами среди грубых акавовъ. На панъ взглядъ, эта капитель не можетъ быть ранѣ XII вѣка. Церковка чрезвычайно мала, такъ что въ ней едва можетъ помѣститься какой-нибудь десятокъ молебниковъ. Она построена Иоанномъ Каптакузеномъ или, вѣрнѣе, при Иоаннѣ Каптакузенѣ, стало быть, въ срединѣ XIV столѣтія, по мѣстному преданію. Иконы въ церкви оказались позднѣйшаго времени, плохой сохранности. Но одна изъ нихъ представилась сравнительною рѣдкостью. Нѣкогда въ доску этой иконы была вправлена посредниѣ нынѣ исчезнувшая икона Богоматери, по всей вѣроятности, чтимая чудотворная. Нынѣ, вмѣсто того, въ икону эту вправлена вкладная иконка Спаса Вседержителя съ архангелами ему преклоняющимися. Икона эта, несомнѣнно, XV столѣтія. Большая иконная доска, въ которую эта икона вправлена, представляетъ въ трехъ рядахъ поясныя изображенія Спаса Вседержителя съ Евангелиемъ, благословляющаго именованію, двухъ архангеловъ по сторонамъ Петра и Павла и великомучениковъ Георгія и Димитрія и, по всей вѣроятности, муч. Проконія.

Замѣчательная рѣдкость, хранящаяся въ монастырѣ и неизвѣстно откуда сюда попавшая, есть большая эмалевая икона на мраморѣ апостоловъ Іакова, Филиппа и Луки¹⁾. Мраморная доска имѣетъ въ длину 1 м. 5, въ ширину — 0,68 м. и толщины — 0,4 м. На подобіе перегородчатыхъ эмалей, фигура выполняется здѣсь по углубленному лотку, на которомъ контуры рисунка, фигуры и драпировокъ (не многихъ) оставлены въ видѣ толстыхъ перегородокъ. Затѣмъ внутренность была занолнена цвѣтными эмалевыми по-

87. Эмалевая плита въ Чаушѣ.

рошками, которые, будучи расплавлены, образовали собственную эмаль. Что это не была простая цвѣтная паста, только высушенная въ холодномъ видѣ, а сама расплавленная эмаль. — доказательствомъ служить ея сохраненіе доселѣ во многихъ частяхъ. Однако же полное доказательство могло бы быть получено только путемъ анализа сохранившихся кусковъ. Кайма иконы выполнена изъ цвѣтного городчатого орнамента, красныхъ и черныхъ шапекъ. Фигуры выполнены по византийскимъ типамъ X—XI столѣтій: у ап. Луки бѣлая и голубая одежда; то же у Филиппа; у Іоанна хитонъ голубого

1) П. Н. Милюкова, стр. 9.

цвѣта. Нимбы были иѣкогда пурпурныя, но почти утратили цвѣтъ. Большія уставныя буквы именъ—синяго цвѣта, на фонѣ, который также былъ цвѣтнымъ, но какого цвѣта, теперь сказать трудно. Икона эта могла быть выполнена въ періодъ между XII и XIII столѣтіями и врядъ ли много позднѣе этого періода. Не смотря на все крайнее разрушеніе иконы, вещь имѣетъ капитальный интересъ по своей рѣдкости, а главное, потому, что даетъ намъ иѣкоторое понятіе о той полихроміи, къ которой стремились византійскіе вкусы лучшаго времени. Эта мраморная плита представляетъ, очевидно, лишь четвертую часть полной серіи апостоловъ иконостасной преграды, изображенныхъ по сторонамъ центральной фигуры Спасителя. По всей вѣроятности, этотъ рядъ апостоловъ былъ помѣщенъ тотчасъ выше антаблемана иконостасной преграды, т. е. въ первомъ ряду, такъ называемаго, темплона, подъ серією праздниковъ. Чтобы объяснить себѣ этотъ рядъ, припомнимъ статуи апостоловъ, украшающія доселѣ иконостасную преграду церкви Святого Марка. Доказательства такого размѣщенія данной плиты и другихъ отсутствующихъ досокъ можно видѣть и въ размѣрахъ буквъ въ именахъ апостоловъ, написанныхъ по древнему типу X—XI столѣтіи сверху внизъ.

Намъ показали также и святую куну или чашу Тайной Вечери, хранящую въ особомъ ковчегѣ и служащую предметомъ паломническаго по-

клоненія. Чаша эта серебряная (въ поддонѣ ея будто бы вложены кусочки тыквенной чаши Тайной Вечери), какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ 88, исполнена не ранѣе XVIII вѣка, быть можетъ, сначала въ видѣ благочестиваго воспоминанія о Тайной Вечери, или для теплаго вина, но въ формѣ необычной и получила наименованіе *ἀγισκοῦπη*. Внутренняя накладная пластика изображаетъ Спасителя по грудь, благословляющаго именословно правою рукою, а въ лѣвой держащаго потиръ; затѣмъ по круговой каймѣ въ

88. Чаша въ ризницѣ м-ря Чаушъ.

медальонахъ представлены грубо апостолы и архангелы. Въ чашу наливаютъ освященную воду и пьютъ на здоровье.

Чаушская обитель существовала уже въ X стол., какъ указываетъ Преосв. Порфирій ¹⁾, такъ какъ извѣстный Іоаннъ Пвиръ, строитель Пвер-

1) *Путешествіе въ Метеорскіе монастыри*. 1896, стр. 340.

скаго монастыря на Аѳонѣ, выпросилъ себѣ эту обитель взамѣнъ Аѳонской. Тогда звалась она Влантіонъ, а названіе Чаушъ получила, говорятъ, послѣ 1430 г., когда, пощаженная Муратомъ, получила отъ него будто бы стражу изъ чаушей.

Именно этому монастырю принадлежитъ церковь во имя Б. М., слывущая у Солунянъ подъ названіемъ *Б. М. Лаудіаны* или *Лаудины*, по согласнымъ показаніямъ Тафеля (стр. 140) и Дмитцы (стр. 352), — древняя церковь Богоматери Одигитріи, извѣстная уже Евстацію. Прозвище это составилось изъ сокращенія имени Лао-Одигитріи и подъ этимъ именемъ она была занесена въ нашъ списокъ солунскихъ церквей. Въ ней почитается древняя икона Б. М. «Ходатайцы» или «Заступицы», — *μεσίτρια* (иначе ее зовутъ почему то «Гулайца», которая, по мнѣнію того же ученаго іерарха ¹⁾, относится, вѣроятно къ XIV вѣку и писана не грекомъ, а славяниномъ, такъ какъ лики иконъ не греческіе. Въ церкви имѣется святой источникъ — *ἁγίασμα*.

1) Ibid. стр. 337.

III.

Городъ Серры. — Митрополія и прочія городскія церкви. — Монастырь Іоанна Предтечи на Мениклеѣской горѣ.

Городъ Серры (слав. *Сѣръ*) явился для нашей экспедиціи своего рода повтореніемъ Солуни по обилію и разнообразію археологическихъ находокъ, а также и по интересу этнографическому. Правда, городъ (около 27 тыс. жителей) этотъ почти на половину греческій, т. е. среднее сословіе въ немъ болѣе или чистые греки, или огреченные валахи и сравнительно большіе квар-

89. Улица въ городѣ Сѣрѣ.

талы въ верхней части города принадлежать мусульманамъ (до 13 т.), но есть и славяне, нынѣ уже перестающіе говорить по гречески и считать себя за грековъ, какъ было во времена проф. В. И. Григоровича. Въ нашу бытность въ этомъ городѣ опъ къ тому же былъ оживленъ въ одинъ день ярмаркою, когда намъ трудно было даже пробираться среди толпы по улицамъ. Но и въ остальные дни нашего двухнедѣльнаго пребыванія, городъ представлялъ оживленіе, не свойственное обыкновеннымъ восточнымъ городамъ и напоминавшее намъ только что покинутый Солунь. Видимо, городъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ для всей

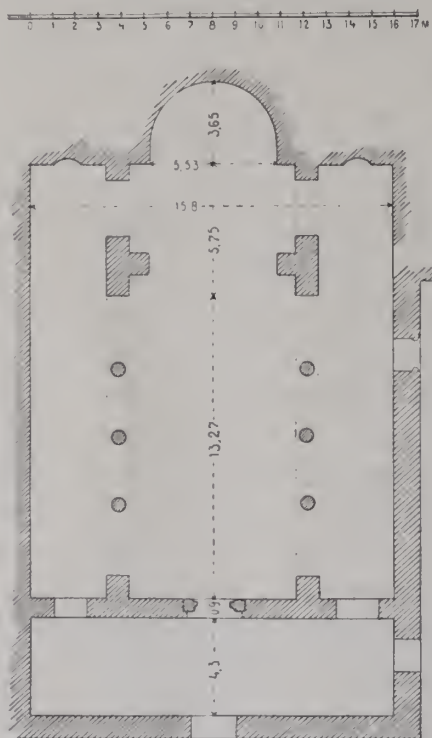
южной Македоніи. Кромѣ того, опъ лежитъ въ мѣстности, почти совершенно обезпеченной отъ грабежей и насилій албанскихъ, а потому спокойной. Все

простое населеніе города, кромѣ извѣстной части ремесленниковъ, суть болгары, рѣдко и мало враждующіе съ греками. Съ другой стороны, и сами здѣшніе греки болѣе просвѣщены и лучше устроились въ торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ, напримѣръ, въ юго-западной Македоніи, а потому о какой либо враждѣ, въ наше, по крайней мѣрѣ, время, не было слышно. Такимъ образомъ, городъ показался намъ идеальнымъ мѣстопробываніемъ въ несчастной Македоніи. Мы могли свободно ходить по всему городу и даже по самымъ глухимъ мусульманскимъ кварталамъ въ одиночку, развѣ только вызывая праздное любопытство дѣтскаго населенія города, обитающаго здѣсь исключительно на улицахъ. Городская мѣстность также поставлена самою природою въ великолѣпныя условія климата и удачнаго расположенія (по общему правилу древнихъ греческихъ городовъ) на подобіе амфитеатра, обиліемъ по соседству чуднаго камня для постройки и прекрасною водою. Въ среднѣйшій городъ имѣется крытый базаръ, въ которомъ однако хотя мало оказалось восточныхъ рѣдкостей, но значительное количество монетъ и также фальшивыхъ, такъ какъ городъ является излюбленнымъ пунктомъ для наѣздовъ европейскихъ антикваровъ. Сравнительно небольшая часть города раздѣлана въ томъ особенномъ европейскомъ вкусѣ, который, подобно Смирнскому, сочетаетъ нѣкоторое наружное щегольство съ пристрастіемъ къ восточной обособленности: идя по глухой улицѣ, видишь въ стѣнахъ нарядные входы съ щегольскою дверью, но жилище, по прежнему, скрыто отъ посторонняго взора высокими заборами. Городъ носитъ древній характеръ даже въ своемъ расположеніи, въ дѣленіи на кварталы, по своему культурному уровню, по многимъ стариннымъ домамъ, чистенькимъ мостовымъ, стариннымъ базарамъ и старымъ церквямъ. Не даромъ существуетъ онъ уже двѣ тысячи лѣтъ, нося все одно и тоже имя: Siris, Segrae, Σιρρις, Σιρρις, Σιρρις, Сересь, Серры, Сѣръ. По существованію города, видимо, было всегда крайне тревожнымъ и тяжелымъ, о чемъ можно найти много свѣдѣній и у византійцевъ ¹⁾.

Главнымъ памятникомъ древности является *митрополиа*, большая базилика, посвященная великомученику Θεодору Тирону или, быть можетъ, также и Θεодору Стратилату. Время основанія храма (между XI и XIII стол.) въ точности неизвѣстно, и Стефану Душану принадлежитъ, повидимому, только возобновленіе или передѣлка храма послѣ взятія имъ города въ 1345 году. Въ 1849 году страшный пожаръ, опустошившій весь городъ, истребилъ церковь и она доселѣ еще остается исправленною паскоро и не приведенною въ должное состояніе. Какъ обыкновенно на Востокѣ бываетъ, громадныя

1) Нѣкоторое описаніе города дано въ «Путешествіи по долинамъ Струмы и Месты» въ Сборникъ за народни умотворенія за 1894, стр. 469 слѣд.

кучи мусора, скопившіяся вокруг базилики, вмѣсто того, чтобы быть вывезенными на подводахъ, были прикрыты каменной мостовою и утверждены въ видѣ террасъ на разныхъ уровняхъ, которыя въ концѣ концовъ настолько окружили и стѣснили церковь, что ея боковой портикъ представляетъ зіяющее продолговатое углубленіе среди двора, въ которое спускаются по особо устроеннымъ лѣстницамъ. Чрезвычайная сырость никогда не просыхающаго зданія, базилики, ея паронка и портика разрушаетъ сохранившіеся мозаики, уцѣлѣвшую серебряную утварь и древнія ткани; лѣтняя температура въ церкви напоминаетъ воздухъ ледяныхъ погребовъ.

90. Соборъ въ Сѣрѣ по плану арх. П. П. Покрышкина.

и весь верхъ церкви, какъ то указано въ надписи, выложенной кирпичемъ, относится къ 1720 году. Портикъ опущенъ частью на древнихъ мраморныхъ колоннахъ, частью же на деревянныхъ; по стѣнамъ его и надъ ведущими въ него лѣстницами, а также и на стѣнахъ самой церкви, и въ поду вставлено нѣсколько древнихъ фрагментовъ и плитъ отъ разобранаго фіала изъ бѣлаго мрамора, а также и мраморнаго амвона. Авторы новѣйшей французской монографіи о митрополитѣ Серрѣ представили весьма внимательно выполненные рисунки этихъ плитъ ¹⁾, но, тѣмъ не менѣе, эти рисунки не позволяютъ судить по ихъ пошибу о времени исполненія. На нашъ взглядъ, плиты эти шконнымъ образомъ нельзя сравнивать съ фіаломъ Афонской Лавры и тѣмъ болѣе

узкій дворъ, расположенный съ южной стороны базилики, самъ представляетъ, какъ сказано, насыпную террасу, возвышающуюся надъ боковымъ портикомъ или, точнѣе, навѣсомъ, съ южной стороны церкви, и въ портикъ надо сходить двумя лѣстницами. У западнаго угла этого портика или открытаго паронка стоитъ каменная колокольня, афонскаго четырехсторонняго типа съ прорѣзными аркадами наверху. Какъ эта колокольня, такъ

и весь верхъ церкви, какъ то указано въ надписи, выложенной кирпичемъ, относится къ 1720 году. Портикъ опущенъ частью на древнихъ мраморныхъ колоннахъ, частью же на деревянныхъ; по стѣнамъ его и надъ ведущими въ него лѣстницами, а также и на стѣнахъ самой церкви, и въ поду вставлено нѣсколько древнихъ фрагментовъ и плитъ отъ разобранаго фіала изъ бѣлаго мрамора, а также и мраморнаго амвона. Авторы новѣйшей французской монографіи о митрополитѣ Серрѣ представили весьма внимательно выполненные рисунки этихъ плитъ ¹⁾, но, тѣмъ не менѣе, эти рисунки не позволяютъ судить по ихъ пошибу о времени исполненія. На нашъ взглядъ, плиты эти шконнымъ образомъ нельзя сравнивать съ фіаломъ Афонской Лавры и тѣмъ болѣе

1) Perdrizet, P. et Chesnay, L. *La métropole de Serrès. Mon. et Mém. publ. par l'Acad. d. S. Fond. E. Piot.* X, 2, P. 1904, fig. 8—17.

относить къ XI вѣку. Сухая неуклюже-ремесленная и грубая рѣзба этихъ плитъ, исполненныхъ уже безъ всякихъ образцовъ, требуетъ относить ихъ, по крайней мѣрѣ, къ XIV столѣтію (см. фот. № 154).

На восточной стѣнѣ митрополіи видна вдѣланная рельефная плита съ изображеніемъ по грудь Богоматери, молящейся съ воздѣтыми руками, грубой и поздней работы. По сторонамъ читается надпись $\overline{\text{MP}} \overline{\text{ΘΥ}} \text{ Π ΠΟΝΟΛΥΤΡΕΑ}$ ($\eta \pi \sigma \nu \lambda \acute{\upsilon} \tau \rho \iota \alpha$ = «разрѣшительница скорбей» ¹⁾).

Внутренность церкви представляетъ еще стоящими на мѣстахъ большія монументальныя колонны, а высокая, крытая коробовымъ сводомъ, церковь не лишена нѣкоторой грандіозности по впечатлѣнію: будь церковь болѣе освѣщена и лучше вентилирована, она могла бы считаться замѣчательнымъ памятникомъ, но нынѣ она представляетъ собою обветшалое, запущенное зданіе. Чтобы разобраться въ различныхъ его частяхъ, потребовалось бы обить штукатурку во многихъ мѣстахъ и различить очевидно разнообразныя по времени кладки. Алтарная часть церкви сохранилась еще отъ древности съ своей широкою аркой и широкимъ полукружіемъ алтарной ниши. Въ немъ есть и горнее мѣсто о трехъ ступеняхъ.

Но самое замѣчательное въ церкви это сохранившіеся въ абсидѣ, въ среднемъ ея поясѣ, подъ живописнымъ изображеніемъ Вседержителя (1850 года) мозаики, вѣриге, мозаическій фризъ, обходящій полукружіе абсиды и

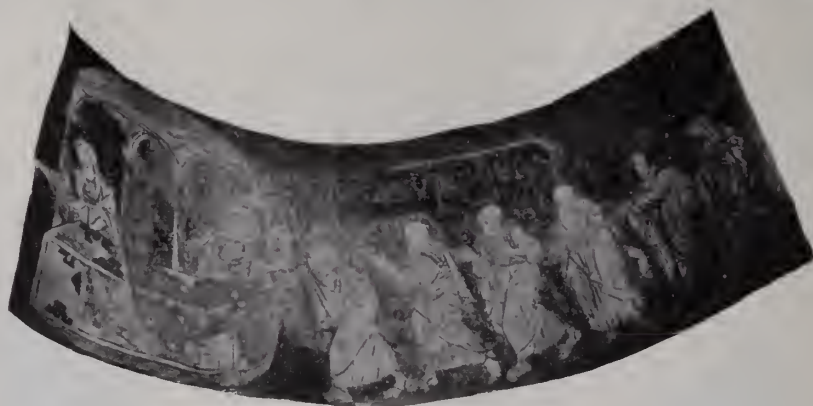
91. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра.

представляющій *Причащеніе Спасителемъ апостоловъ* подъ двумя видами, въ двухъ симметрическихъ сценахъ, изъ шести фигуръ каждая. Извѣстно,

¹⁾ См. снимокъ въ той же монографіи: *La métropole de Serrès* par P. Perdrizet et L. Chesnay, p. 17.

что эта символично-декоративная сцена представлена главнымъ образомъ двумя памятниками Россіи: св. Софіи Кіевской и Михайловскаго монастыря ¹⁾ въ Кіевѣ же, 1037 и 1108 годовъ. Другія изображенія Причащенія находятся: въ Евангеліи Нац. Библ. въ Парижѣ № 74, но большая часть принадлежитъ къ позднѣйшему времени, а именно фресковой живописи церквей: въ Солуни, Афинахъ, Грузіи, Мистрѣ, въ южной Италіи, а также на шитыхъ покрывахъ и плащаницахъ, о которыхъ мы уже говорили ²⁾.

Чтобы установить какой либо взглядъ на нашу мозаику, необходимо предварительно дать себѣ отчетъ въ ея состояніи. Авторы французской монографіи описываютъ это состояніе весьма жалкимъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, значительная часть фигуръ подкрашена масляной краской, потому что лики осыпались или частью, или даже цѣликомъ. Они наблюдали мозаику съ небольшихъ лѣсовъ, вышиною въ 6 метровъ, и ихъ фотографія даетъ вполнѣ

92. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра.

возможность различить части мозаики, разрушенныя и дополненныя краскою. Съ своей стороны, мы снимали мозаику дважды: безъ лѣсовъ снизу и получили изображеніе, конечно, въ ракурсѣ, но, тѣмъ не менѣе, достаточно ясное и позволяющее судить о реставраціи. Кромѣ того замѣтки, сдѣланныя нами на мѣстѣ, приводимъ здѣсь вкратцѣ. Для слѣва направо, двѣ крайнія фигуры слѣва сплошь замазаны краскою. Слѣдующіе четыре апостола сохранились; изъ нихъ первый наилучше: это особенно счастливо сохранившаяся фигура апостола Андрея, за исключеніемъ ступней и ногъ. Слѣдующая фигура ап. Луки также хорошо сохранилась, кромѣ слѣдковъ. У слѣдующихъ двухъ апостоловъ обезображена живописью часть фигуръ отъ коленъ и головы.

1) Кіевскія мозаики: изд. Рус. Арх. Общ. 1874—1887 таб. 5 въ л. *Русскія древности съ пам. иск.* IV, рис. 96—99, 148.

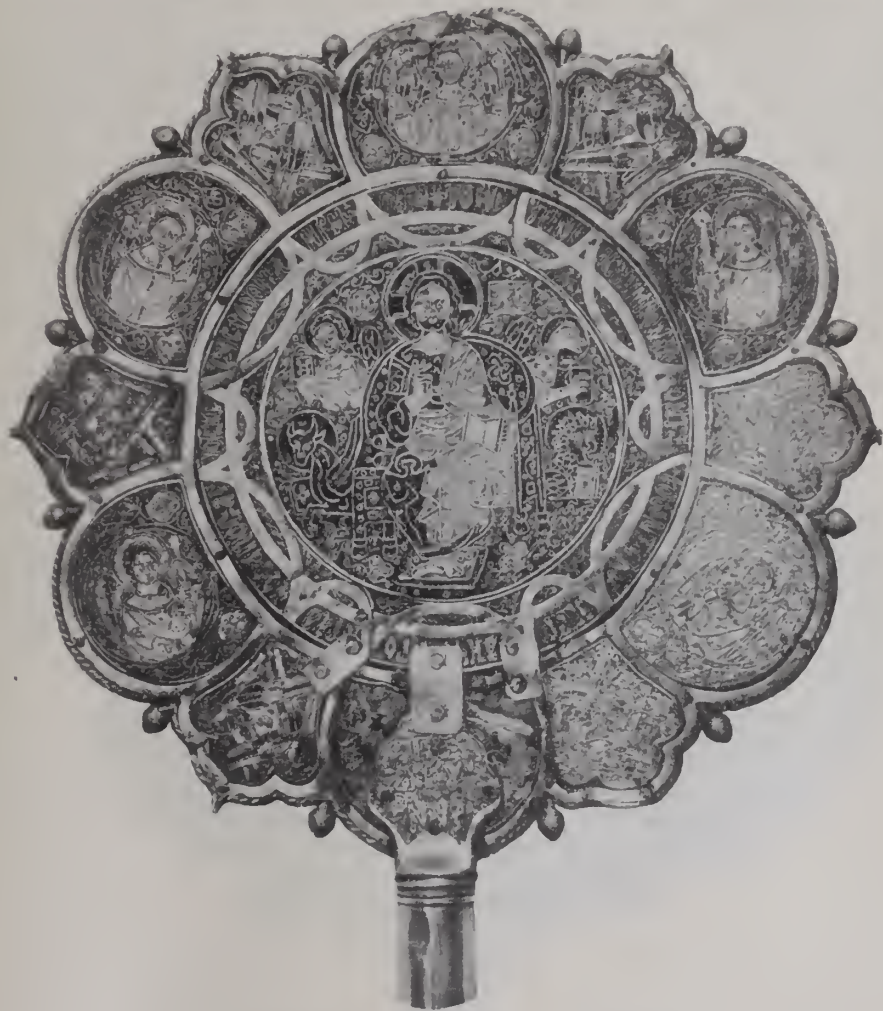
2) *Памятники христіанскаго искусства на Афонѣ*, 1902, стр. 258—281.

Куполь киворія весь исполненъ краскою, и отъ самого киворія сохранились капители и части колоннъ. Престоль наполовину разрушенъ. Фигура Спасителя сохранилась только правая, и то отъ плеча внизъ, все остальное и вся лѣвая фигура сохранились только въ кускахъ. Чаша, которую держитъ Спаситель, также задѣта была разрушеніемъ и хотя она, повидимому, представляетъ дѣйствительно потиръ, т. е. чашу на особой ножкѣ, за которую держитъ ее Спаситель, но съ полной увѣренностью форму ея себѣ представить нельзя. Два ближайшіе апостола справа сохранились сравнительно полно, за исключеніемъ у перваго всей части отъ колѣнъ внизъ, а у втораго различныхъ частей фигуры. Въ фигурѣ третьяго апостола сохранились только различныя части: лѣкъ, лѣвая нога и часть одеждъ дополнены красками. Отъ фигуры четвертаго апостола сохранился только кусокъ, а пятаго и шестого не сохранилось совсѣмъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сравнивать лишь весьма немногія аналогичныя фигуры. Общее сравненіе настоящей мозаики съ обѣими кѣвскими представляетъ намъ самый ея рисунокъ несравненно болѣе слабымъ, менѣе характернымъ, болѣе вялымъ и шаблоннымъ. Стоитъ только сравнить аналогичную фигуру хотя бы того же ап. Андрея съ фигурою апостола Петра въ Кѣвской Софій, чтобы убѣдиться во первыхъ, въ томъ, что шаблонъ, имѣвшійся для Македонской мозаики, несравненно грубѣе, схематичнѣе, а, главное, онъ ремесленно запутанъ, тогда какъ въ Кѣвской мозаикѣ при всемъ схематизмѣ ея исполненія, при всей сухости передачи, самый рисунокъ, сравнительно говоря, еще высокаго характера. Если затѣмъ мы сравнимъ между собою обѣ кѣвскія мозаики, отстоящія другъ отъ друга всего только на какія нибудь 70 лѣтъ, мы найдемъ именно въ рисунокѣ чрезвычайно замѣтную разницу. Шаблоны Кіево-Софійской мозаики могутъ быть названы древними, даже сравнительно съ рисункомъ мозаики Михайловскаго монастыря. Въ Софій фигуры коротки, драпировки ихъ искусны, осмысленны и правильны, хотя, конечно, сухи, жестки, угловаты и причудливы. Напротивъ того, даже общій характеръ стіля Михайловскихъ мозаикъ уже несравненно ниже Софійскихъ; какъ мы уже имѣли случай говорить, здѣсь нѣтъ прежней цѣльности въ манерѣ составленія апостольскихъ группъ: мастеръ этого шаблона стремится замѣнить недостатокъ стіля и строгаго рисунка натуралистическою постановкой; пропорціи фигуръ утрированы до крайности; головки несоразмѣрно малы, какъ и руки и ноги; драпировки окончательно спутаны или громоздятся безформенными массами. Въ то же время Михайловская мозаика въ техническомъ отношеніи страдаетъ излишнимъ обиліемъ камня и шифера и потому отличается общимъ господствомъ сѣраго, мертвенно-безцвѣтнаго тона. Переносъ эти особенности сравненія рисунка и красокъ на мозаику митрополіи Сергѣя, мы легко можемъ заключить, что эти мозаики не могутъ

относиться къ XI вѣку: въ нихъ нѣтъ ни того прекраснаго рисунка, который отличаетъ собою византійскія работы этого вѣка, ни тѣхъ блестящихъ глубокихъ тоновъ красочной гаммы, какіе мы для этого времени знаемъ. Словомъ, эта мозанка временъ упадка и скорѣе всего второй половины XIII столѣтія. Она не можетъ быть съ другой стороны произведеніемъ XIV вѣка, такъ какъ въ ней, въ особенности въ драпировкахъ ея фигуръ, а частью также и въ лицахъ, гдѣ они сохранились, еще чувствуется вполнѣ ясно господство древнихъ шаблоновъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ разрушеніемъ византійскаго стиля, которое наблюдается, напримѣръ, въ датированной мозанкѣ Ватопеда и выражается въ новомъ, несравненно болѣе упрощенномъ схематизмѣ драпировокъ. Кромѣ указаннаго достоинства въ изображеніи апостольскихъ фигуръ македонской мозанки, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе также живая группировка самой композиціи, невозможная для XIV вѣка.

Въ алтарѣ и въ ризницѣ митрополіи оказался рядъ предметовъ древности и старины, имѣющихъ не мало интереса. Между ними на первомъ мѣстѣ мы поставимъ пару рѣдкостныхъ серебряныхъ *рипидъ* (рис. 93 и 94), наведенныхъ финифтью. Здѣсь на тонкую серебряную дощечку наложены и прибиты рядъ пластинокъ, выполненныхъ перегородчатой финифтью по золоченному серебру. При исполненіи финифти, поле каждаго лоточка или пластинки сдѣлано слегка шероховатымъ, съ цѣлю способствовать удержанію финифтянаго слоя на широкомъ полѣ. На этомъ фонѣ выложены изъ золоченныхъ лепточекъ орнаментальныя или фигурныя рисунки. Но затѣмъ, на подготовленныхъ такимъ образомъ лоточкахъ выполнена уже не эмаль, а такъ называемая финифть, которая, ничѣмъ не различаясь въ своемъ составѣ отъ перегородчатой эмали, представляетъ совершенно иную техническую обработку, о которой умѣстно сказать именно въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ наши рипиды пока являются намятникомъ своего рода переходнымъ отъ эмали къ финифти. А именно: мы находимъ въ этой Technikѣ и собственные перегородочки, поставленныя на ребро и принаишныя къ лотку, и также плоскіе, принаишныя къ лотку жгутики скани, только не сученой, а изъ гладкой, тонкой проволоки. Далѣе, эмалевый порошокъ насыщается здѣсь сравнительно въ небольшомъ количествѣ чтобы, при расплавленіи, только покрыть поверхность лоточка, не заполняя ее до верха перегородочекъ. Цвѣта эмали выбраны болѣе элементарныя, и между ними отсутствуютъ полутоны. Мы находимъ здѣсь бѣлый цвѣтъ, желтый, черный (темно-лиловый) для передачи пурпура, синій, голубой и бирюзовый. Когда порошокъ расплавленъ, то онъ рѣдко переходитъ предѣлы перегородочекъ, сдѣланныхъ изъ тонкой проволоки, и цвѣта часто смѣшиваются, образуя заливы. Кромѣ того фоны заполняются иногда однимъ сплошнымъ тономъ, не вы-

дѣлая выполненныхъ на нихъ особо рисунковъ. Но главное отличие получающейся здѣсь финифти отъ эмали состоитъ въ томъ, что порошокъ насыпается здѣсь мелко и при томъ одинъ разъ, такъ что расплавленный слой не поднимается до краевъ перегородочекъ и не заполняетъ предназначеннаго для каждаго цвѣта углубленія. Поэтому, финифть исполняется безъ всякой шли-

93. Ринида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра.

фовки поверхности, такъ какъ подобной ровной поверхности уже нѣтъ, и эмаль лежитъ собственно въ различныхъ ямкахъ и внутри лоточковъ тонкимъ слоемъ, какъ бы паведеннымъ на донышко лоточка. Отсюда наше характерное выраженіе: «шаводить финифть».

Сюжеты, изображенные на обѣихъ ринидахъ, относятся къ опредѣленной сферѣ символически-литургическихъ сюжетовъ. На одной ринидѣ

изображенъ въ среднѣ Спасъ Вседержитель на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, благословляющій десницею и окруженный четырьмя эмблемами евангелистовъ въ кругу. Вокругъ него по вѣшной каймѣ рипиды изображены архангелы, съ мѣрами въ рукахъ и шестикрылые серафимы. Вокругъ по каймѣ внутреннихъ медальоновъ написано (вокругъ Спаса Вседержителя) греческое: τὸν ἐπινίκιον ὕμνον ᾄδοντα, βοῶντα, κεκράγοντα καὶ λέγοντα. ἅγιος, ἅγιος ΚΣ Σαβαώθ. πλήρης ὁ οὐρανὸς τ (вокругъ Спаса Эммануила): νὸς καὶ ἡ γῆ τῆς δόξης σου. ὡσαννὰ ἐν τοῖς ὑψίστοις. εὐλογούμενος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυ. ὡσαννὰ ἐν τοῖς ὑψίστοις. На другой рипидѣ, въ среднѣ медальонъ изображенъ Спасъ Эммануилъ, благословляющій обѣими

94. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра.

руками именованно. Его погрудное изображеніе заключено внутрь восьми-конечной звѣзды, по образцу средняго изображенія «панатій». Авторы французской монографіи, издавшіе издѣліе, по своимъ тонкимъ полутонамъ не вполне вѣрную акварель съ одной изъ рипидъ, присоединили прекрасныя снимки надписей, но по чему-то не разсмотрѣли на самыхъ рипидахъ

внизу, на пластинкѣ, которою ручка рипиды прикрѣплена къ ея кругу, совершенно ясную надпись: ΓΕΝΝΑΔΙΩ. Угадывая въ общемъ довольно вѣрно, что рипиды относятся къ XVI вѣку, они по поводу ораря, находящагося въ этой же ризницѣ и исполненнаго при митрополитѣ Геннадіи, и иконы двухъ святыхъ Θεодоровъ съ надписью вкладчика, на ней изображеннаго, того же митрополита, заключаютъ, что и эти рипиды могли бы быть вкладомъ того же благочестиваго іерарха. Издаваемый нами фотографическій снимокъ (но не рисунокъ) съ достаточной ясностью представляетъ написанное имя и не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію въ томъ, что настоящая пара рипидъ, дѣйствительно, выполнена по заказу митрополита Геннадія.

Въ ризницѣ митрополіи хранится также замѣчательное блюдо артосной панагіи (рис. 95), съ изображеніемъ въ срединѣ «Панагіи» съ Младенцемъ (Божіей Матери Ораниты съ поднятыми руками и Младенца въ лонѣ ея мафорія, благословляющаго обѣими руками). Изображеніе чрезвычайно утрированное и плохо выполненное. Вокругъ по каймѣ рѣзная по серебру надпись, которая читается слѣдующимъ образомъ: сіе чаше сътвори жунапъ митрѣ великыкомъ жунапа его пѣга ради душе родители ему проданъи брилигъ дрьгоушигъ и бадѣ (?) и крѣсти ныгѣ...

95. Славянскій дискосъ въ ризницѣ собора въ Сѣрѣ.

Другое серебряное блюдо нѣмецкой работы XVI

вѣка съ эмблемою Евангелиста Іоанна и по каймѣ съ различными эмблематическими монстрами: химерами, аспидомъ, василискомъ, дивными людьми и пр. и пр.

Потиръ XVII вѣка (рис. 96) серебряный позолоченный, покрытый превосходною сканью, а по низу греческой надписью.

Крестъ воздвизальный (рис. 97) золоченаго серебра XVII вѣка, любопытный не по изображеніямъ, чрезвычайно грубымъ, но по скани, покрывающей бока креста и всѣ фоны; сканью исполнены также всѣ надписи на

крестѣ. Прочіе серебряныя предметы церковной утвари: серебряное блюдо митрополита Григорія 1654 года, чіалъ серебряный 1665 года и большія блюда съ изображеніями Оеодора Тиропа и Оеодора Стратилата 1721 года любопытны единственно своими греческими надписями, сообщенными въ точныхъ снимкахъ въ указанной французской монографіи. Кромѣ того имѣются въ ризницѣ кацея дурного серебра XVIII вѣка большого размѣра; два кинжала въ серебряныхъ ножнахъ, съ изображеніемъ Св. Оеодора Стратилата грубой и поздней работы, выдаваемые ризничими за мечи самихъ Оеодоровъ. . .

96. Потиръ въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

Гораздо болѣе любопытны уцѣлѣвшіе въ ризницѣ епитрахили (рис. 98), орарь, воздухи и куски древнихъ облачений. *Орарь* ризницы, вкладъ того же митрополита Геннадія, представляетъ чередованіе господскихъ праздниковъ съ изображеніями святыхъ по двое. Далѣе имѣется *омофоръ* митрополита Патраса Оеофана 1612 года и *епитрахиль* 1646 года митрополита Сергѣя Данила. Исполненіе послѣдняго очень грубо, но въ то же время любопытно по различнымъ подробностямъ натуралистическаго характера, внесеннымъ въ обычную иконописную редакцію 12 господскихъ праздниковъ. Далѣе любопытенъ также «эпигонатій» съ изображеніемъ въ срединѣ «Панагій» съ Младенцемъ, по сторонамъ Святыхъ и Пророковъ, се предвозвѣстившихъ: между ними можно различить царей Давида и Соломона.

Одинъ паручъ съ изображеніемъ Архангела и надписью. Четыре крестообразныхъ куска (рис. 99), происходящихъ видимо отъ различныхъ саккосовъ и четыре же узкихъ полосы отъ коймъ саккоса съ погрудными изображеніями апостоловъ. Всѣ эти куски относятся къ XVII столѣтію, снабжены греческими надписями и любопытны по нѣкоторымъ деталямъ новой греко-славянской иконописи въ изображеніяхъ праздниковъ Срѣтенія, Успенія, Благовѣщенія, Крещенія, Преображенія, Вознесенія, Входа въ Іерусалимъ, Рождества, Сошествія во адъ, Пятидесятницы.

Церковь Святыхъ Таксіарховъ или архангеловъ Михаила и Гавріила, находящаяся подъ цитаделью Стефана Душана, хранитъ мощи святыхъ Трифона и Параскевы въ ковчежцѣ, имѣющемъ финикійскій окладъ позднѣйшаго времени. *Церковь со имя святыхъ Антонія и Марины* также хранитъ замѣчательный эпигонатій или *паницу* XVII вѣка, шитую по темно-коричневому шелку съ золотомъ и изрѣдка серебромъ и изображающую Бого-

матерь съ Младенцемъ на престолѣ, окруженную 7 пророками и греческой надписью, заимствованной изъ текста: «свыше пророци Тя предвозвѣстиша»

97. Крестъ въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

и пр. Въ церкви *Панагии* хранится образъ Панагии съ именемъ Левкаиды 1842 года. Близъ митрополіи, надъ выходящимъ изъ подъ скалъ сильнымъ

воднымъ источникомъ, построена церковь, возобновленная въ 1876 году, *Фотиніи* Самарянъши, любопытная и сама по себѣ и по отношенію къ святому источнику. Въ полу церкви вдѣланы мраморныя плиты, орнаментированныя рѣзбою, позднѣйшей эпохи. Въ иконостасѣ нѣсколько старинныхъ иконъ, между ними образъ Св. Фотиніи, афонской работы XVII столѣтія, и образъ Пророка Іллы, возносящагося на колесницѣ, помѣщаемый обычно среди мѣстныхъ иконъ у сѣверной или южной двери въ греческихъ церквахъ Балканскаго полуострова. Сторожиха церкви повела насъ затѣмъ въ не-

98. Эпитахия въ ризницѣ собора г. Сѣра.

извѣстную модельню, чтобы показать большую *икону Одигитріи* съ надписью этого имени (обычнаго типа) и другія старинныя иконы XVII вѣка. Мы осмотрѣли равнымъ образомъ рядъ новыхъ церквей города во имя: св. Власія, Богоматери Элеусы, св. Пантелеймона, Кипріака, Варвары Великомученицы, Аонасія патріарха Александрійскаго, Георгія «живоноснаго источника», въ которыхъ мы, однако, или не встрѣтили ничего любопытнаго кромѣ надписей, или предметы старинны сравнительно недалеко, но выдаваемые за древность. Мы побывали также въ греческомъ госпиталѣ, въ вестни-

болѣ котораго видѣли уже извѣстныя издавна мраморныя урны, обломки греческой стелы и великолѣпную стелу съ двумя портретами хорошаго греческаго времени.

Части города Серръ, расположенныя по амфитеатральнымъ уступамъ, надвигающихся съ сѣверо-востока горныхъ отроговъ, отличаются замѣчательной живописностью, и въ нихъ также расположено нѣсколько небольшихъ, но любопытныхъ своею старою конструкціей церквей. Такова напр. маленькая церковь Іоанна Предтечи (рис. 100), вся живописно заросшая,

вмѣстѣ съ обширнымъ монастырскимъ дворомъ, деревьями. На самой вершинѣ, наконецъ, того холма, на которомъ нѣкогда была цитадель города (Кала) есть также руина древней церкви, которая была нѣкогда вся разобрана для постройки стѣны и только средняя часть которой уцѣлѣла, оставленная за ненадобностью.

99. Древнее шитье въ соборной ризницѣ г. Сѣра.

Трудно было бы забыть, но столь же трудно описать все очарованіе Мениклей-
дороги изъ Серръ въ монастырь Іоанна Предтечи на Мениклейской горѣ. Въ І. Предтечи.
монастырь этотъ собственно нѣтъ дороги, какъ въ большинствѣ горныхъ
мѣстностей Македоніи, прежде всего, потому, что путь здѣсь заключается
въ постоянныхъ перевалахъ съ одного холма на другой, изъ одного ущелья
въ другое; идти и ѣхать верхомъ, или разными тропами, или даже безъ

нихъ, руководясь горными привычками и наглядною туземцевъ. Къ тому же большинство горныхъ поверхностей здѣсь еще остается совершенно необработаннымъ, по осени лишено растительности и пустынно, и по дорогѣ встрѣчаются только стада, принадлежащія куцовлахама. Поднимаясь на высокіе

100. Церковь Іоанна Предтечи въ Сѣрѣ.

перевалы, на высоту тысячъ и болѣе футовъ, видишь дивныя картины сосѣднихъ планий. Верховой путь въ монастырь утомителенъ и беретъ не менѣе 4—5 часовъ съ ранняго утра. Лишь въ самомъ концѣ пути, спускаемся, наконецъ, въ одно заросшее лѣсомъ ущелье, на этотъ разъ прямо направляющееся на сѣверъ. Въ его верховы устроенъ монастырь. По самой срединѣ ущелья дорогу внезапно прерываетъ колоссальная скала, остатокъ обрываемой весенними водами горы. Вся мѣстность, очевидно, принадлежитъ монастырю и только потому сохранила свое лѣсное убранство. Бѣгуницѣй внизу, подъ горной тропинкою, ручей идетъ отъ могучаго источника,

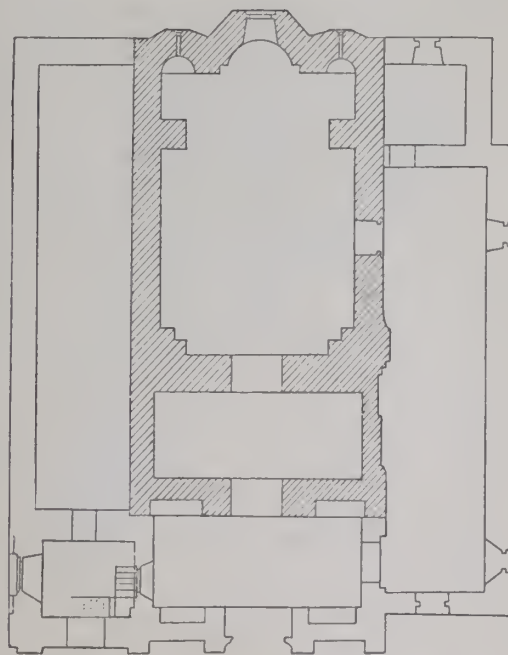
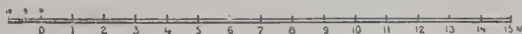
и надъ мѣстомъ, гдѣ онъ пробивается изъ подъ земли, и поставленъ самый монастырь. У стѣнъ монастыря нынѣ расположенъ дачный поселокъ, растущій подъ покровомъ монастыря и общающійся нѣкогда превратится въ балканскій курортъ, когда найдетъ капиталистъ, рѣшающійся пожертвовать на время большою суммою денегъ для устройства чуждаго мѣста. Монастырь устроенъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья и притомъ въ его вершинѣ, за которою начинается уже крутой подъемъ, выводящій въ различныя ущелья, на значительно болѣе высокѣ, направляющіяся какъ бы лучами въ разныя стороны на сѣверъ. Мѣстность указана, такъ сказать, самою природою, вѣроятно, задолго до появленія христіанства въ странѣ и стала мѣстомъ христіанской Ошваиды, по всей вѣроятности, въ очень отдаленныя времена. Первое извѣстіе объ этомъ монастырѣ относится, однако, только ко временамъ царя Андроника Старинаго, когда монастырь былъ поднятъ уже изъ развалинъ и переустроенъ митрополитомъ Зихненскимъ Іоакимомъ. Извѣстно, что оба Андроника были ктиторами монастыря. Обители благотворили извѣстный Оеодоръ Метохитъ и Іоаннъ Кантакузенъ. Такимъ образомъ, это была видная обитель еще въ эпоху

X—XII вѣка, и потому вполне понятно, что Стефанъ Душанъ, завладѣвшій мѣстностью въ 1345 году, уже въ октябрѣ этого года, тотчасъ послѣ своего вѣнчанія на Ромейское царство, далъ монастырю хрисовулъ съ различными дарами и вкладами. Церковь монастыря (рис. 101) построена около 1340 года и представляетъ небольшое, но весьма пропорціональное византійское зданіе, къ сожалѣнію, чрезвычайно затемненное позднѣйшими боковыми пристройками, а спереди каменнымъ паронкомъ, построеннымъ въ 1849 году. Далѣе, церковь эта, будучи построена уже на нѣкоторомъ склонѣ холма, на которомъ расположенъ монастырь, надъ серединою уцѣлѣя, мало видна съ монастырскаго двора. Да и весь монастырскій дворъ загороженъ мелкими постройками: монашескихъ келій, архондарика,

101. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

фіала на мраморныхъ колоннахъ, игуменской кельи, спнода и проч. Въ монастырѣ и теперь около 20 монаховъ, исключительно грековъ; даже и между послушниками монастыря мы встрѣтили только сербовъ патриархистовъ, но не болгаръ. Вся внутренность двора заросла вѣковыми деревьями, шпалерами винограда и заросцями маленькими садиками, до которыхъ греческіе монахи большіе охотники. Войдя внутрь паронка, не безъ любопытства можно разсматривать его свѣжую роспись. Здѣсь, по афонскому преданію и обычаю, все направлено къ монашескому поученію: изображенъ крылатый Іоаннъ Предтеча, Богоматерь — Живоносный Источникъ, Лѣтвица Климаса, Страшный Судъ; передъ входомъ «Денсусъ»,

102. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

браженъ крылатый Іоаннъ Предтеча, Богоматерь — Живоносный Источникъ, Лѣтвица Климаса, Страшный Судъ; передъ входомъ «Денсусъ»,

книгоры: митрополитъ Геннадій и Андроникъ Палеологъ. Церковь имѣетъ затѣмъ внутренний паронкъ, сохранившій роспись отъ начала XVII вѣка, по затѣмъ и главный нефъ церковный и весь алтарь по стѣнамъ и сводамъ росписаны сплошь еще по византійскому обычаю, очевидно, въ старину, намъ точно неизвѣстную, пожалуй, не ранѣе XVII вѣка. Письмо въ значительной степени сходитъ съ росписью бокового паронка, на которомъ читается надпись, что онъ украшенъ за счетъ Киръ Георгія Маврудн Загори Саракина Пасхали и пр. и пр. при митрополитѣ Даниилѣ въ 1630 году. Тамъ представлено: житіе Іоанна Златоуста, притчи, различные отшельники и святые. Возможно, однако, что въ самой церкви нѣкоторыя части росписи старше, а другія переписаны въ позднѣйшее время. Заниматься росписью болѣе подробно мы не имѣли возможности, такъ какъ церковь настолько темна, что потребовалось бы прибѣгать къ особому ея освѣщенію и весьма затянуть исполненіе фотографическихъ снимковъ, безъ которыхъ самыя занятія живописью остаются совершенно безплодными.

Въ монастырской ризницѣ хранится рядъ любопытнѣйшихъ предметовъ древности и старины даже среди тѣхъ, которые обыкновенно показываютъ пріѣзжимъ, и въ шкафу ризницы имѣются другіе предметы не менѣе значительные. Между показанными предметами мы ставимъ на первомъ мѣстѣ двѣ серебряныя *рипиды* совершенно того же самого типа и характера, фактуры и исполненія, хотя гораздо болѣе простыя по своимъ финижнымъ украшениямъ, чѣмъ пара рипидъ въ митрополіи Серръ.—На одной изъ рипидъ (рис. 103) въ срединномъ медальонѣ изображенъ по грудь, въ богато орнаментированномъ саккосѣ, съ крещатымъ омофоромъ и въ митрѣ съ драгоценными камнями, «Исусъ Христосъ Великій Архіерей», какъ гласитъ самая надпись, благословляющій именованно. Кругомъ греческая надпись на слова: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Савоохъ, исполнь небо и земля» и проч. — вокругъ по каймѣ архангелы и серафимы. Всѣ фона раздѣлены или орнаментальными финижными щитками или сканными вѣточками. На другой рипидѣ (рис. 104) въ срединномъ медальонѣ представленъ «Исусъ Христосъ Эммануилъ» (по надписи), также благословляющій обѣими руками именованно среди круга архангеловъ, держащихъ рипиды. Щитокъ, прикрѣпляющій стержень древка къ рипидѣ, такъ же, какъ и въ предыдущей парѣ митрополіи Серръ, орнаментированъ надписью, которая называетъ имена «Феодора и Георгія» 1592 года, а на другой содержитъ въ монограммѣ титулъ митрополита.

Въ ризницѣ сохраняется также замѣчательный серебряный крестъ 1732 года съ наведенными финишью рѣзными изображеніями; имѣется также большой афонскій крестъ и крестъ вкладъ Богдана воеводы Молдавскаго 1594 года. Великолѣпный потиръ (рис. 105), украшенный сканью и финишью

по ножкѣ, снабженъ также въ среднихъ щиткахъ чеканными монограммами, называющими вкладчиковъ, также, повидимому, конца XVI столѣтія. Любопытнѣйшій предметъ, найденный нами въ ризничномъ шкафѣ, есть дарохранительница въ видѣ однокупольной церкви, изъ листового серебра, съ алтарной шириней и двумя четырехгранными выступами для боковыхъ алтарныхъ

103. Эмалевая ризница въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

ширнѣ (рис. 106). украшенная рядами оконныхъ аркадъ (готическаго пошиба), въ которыхъ круглыя мелкія стекла наведены разноцвѣтною флишфтью. На правой сторонѣ этой модели читается крупная надпись, указывающая вкладъ въ монастырь Іоанна Предтечи 1721 года. Такимъ образомъ, вѣдь эта вхо-

дять въ серію любопытныхъ предметовъ кустарнаго греко-восточнаго искусства второй половины XVI вѣка и первой половины XVII.

Нельзя не отмѣтить здѣсь проявленія просвѣщеннаго либерализма со стороны греческаго монашества монастыря Іоанна Предтечи. Ризничій рас-

104. Ризида въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

крылъ для насъ всѣ шкафы ризницы и предоставилъ осматривать все ихъ содержаніе. Правду говоря, въ нихъ оказалось мало предметовъ, имѣющихъ историческое значеніе для современной археологической науки. Большинство предметовъ относилось къ XVIII или XIX столѣтію и не выходило изъ раз-

ряда промышленныхъ издѣлій обычныхъ на церковныхъ базарахъ и въ лавкахъ, заведенныхъ греческимъ востокомъ по образцу русскихъ, и отчасти даже русскаго издѣлія. Несчастный греческій востокъ можно поминуть здѣсь словомъ сожалѣнія, что, живя подъ гнетомъ турецкини, православный востокъ наводняется бракомъ русскихъ церковныхъ «товаровъ» того жалкаго ремесленного пошиба, который изготовляется въ громадномъ количествѣ московскими промышленниками и убиваетъ послѣдніе остатки греческаго художественнаго мастерства русскимъ «синодальнымъ» вкусомъ. Послѣ издѣлій этого рода съ удовольствіемъ смотришь даже кустарныя издѣлія афонскихъ монаховъ, тѣмъ болѣе—албанскихъ серебрянниковъ. Такъ, въ этомъ шкафу, среди различныхъ потировъ и дискововъ работы англике съ херувимами, мы увидали

105. Потиръ въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ Сѣра.

106. Дарохранительница въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ г. Сѣра.

два афонскихъ напрестольныхъ креста, рѣзныхъ изъ дерева и оправленныхъ въ серебряную наведенную финифтью оправу. Такъ пріятно послѣ дурной машинной работы русскихъ промышленниковъ посмотрѣть на умѣлую ручную технику славянскихъ мастеровъ Балканскаго полуострова. Однако, сколько нибудь значительныя и интересныя вещи оказались совсѣмъ не здѣсь. Одинъ изъ монаховъ, догадливый, какъ грекъ, видя наши успія пайти что либо еще любопытное въ ризницѣ, повелъ насъ съ собою и въ какомъ то закоулкѣ церкви показалъ любопытную шитую икону Іоанна Предтечи (рис.

107), изображеннаго по обычаю крылатымъ и благословляющимъ правою рукою; возлѣ ногъ Іоанна поставлена чаша съ его усѣченною главою, а съ

107. Мелкіе предметы древности въ м-рѣ Іоанна Предтечи.

правой стороны изображено деревцо, у корня котораго лежитъ сѣкира. По сторонамъ Предтечи написаны имена вкладчиковъ: Оеодана іеромонаха и Макарія іеромонаха. Но вокругъ этой иконы кромѣ того укрѣпленъ рядъ древнихъ крестовъ, папугій, образковъ, складней, перстней, тѣлышковъ, тѣлыныхъ крестовъ и даже поясныхъ украшеній и бляхъ, очевидно, пожертвованныхъ различными вкладчиками чтимой иконѣ ихъ популярнаго патрона. Правда,

большинство этихъ папугій греческаго и русскаго издѣлія XVII вѣка и къ тому же времени относятся образки и складни. Двѣ большія бляхи, отъ какой то великолѣпной иконы представляютъ погрудное изображеніе Спаса Вседержителя съ финифтью.

IV.

Скопје и его округъ.—Нерезскій монастырь.—Церковь с. Люботина.—Монастырь Марковъ.—Церкви с. Кучевица.—Народныя одежды.—Монастырь арх. Михаила.—Монастырь Матка.—Куманово.—Церкви с. Нагорича.—Монастырь Матейцы.—Приштина.—Церковь Грачаницы.

Мы прибыли въ Скопје 16 августа, т. е. въ ту пору года, когда города Македоніи становятся не привлекательными и тяжелыми для прїѣзжаго. Въ эту пору года вся растительность Македоніи выгораетъ, и потому немудрено, что самый городъ съ его вѣковыми кучами мусора, страшной пылью, сбившейся на улицахъ на четверть аршина вглубь, съ его единственной замощенной улицей, рядомъ пустырей въ самомъ центрѣ, пересохшимъ Вардаромъ, зловонной падалью, здѣсь никогда неубираемой, и убогимъ восточнымъ типомъ построекъ, напоминающимъ базарные кварталы Стамбула, производилъ угнетающее впечатлѣніе. Нельзя было скрыть отъ самого себя и въ разговорахъ услылаго впечатлѣнія, производимаго мыслью, что Скопје, уже чисто славянскій городъ Македоніи, послѣ Битоля ея главный центръ,

108. Видъ г. Скопје.

средоточіе болгарской интеллигенціи, куда шже по культурѣ собственно греческихъ городовъ Македоніи. Все, на что ни взглянешь вокругъ, говоритъ противъ этой славянской культуры. Уже нѣтъ домовъ прежней щеголеватой кладки изъ тесаного камня, какими тщеславится Греція и греческіе города Балканскаго полуострова. Нѣтъ вовсе сколько нибудь разумно расположенныхъ улицъ: все здѣсь живущее напоминаетъ какую то усеб-

нуюся орду, построенную тамъ и сямъ, безъ всякаго порядка, смысла и резона, по долинѣ. Что то похожее на осадокъ орды, представляютъ собою и другіе восточные города, но въ нихъ, по крайней мѣрѣ, есть любопытная паутина круговыхъ линій, обходящихъ со всѣхъ сторонъ ядро крѣпости, есть разнохарактерныя кварталы. Ничего подобнаго нѣтъ въ Скопїи, и пайтись въ нѣмъ лабиринтѣ его улицъ безъ помощи туземца совершенно немыслимо. А между тѣмъ большинство этихъ улицъ образуется деревянными лавками, или даже, точнѣе, ларями, которые ставятъ на пустырѣ, по своему произволу, столь же подвижныя, какъ и они сами, коммерсанты. Но проходитъ годъ, и рядомъ съ ларемъ строится домъ, столь же хилый и убогій по самому дешевому способу постройки — фахверка: возникаетъ улица, и вотъ, если посравнить подобное расположеніе восточно-славянскаго города съ греческимъ, хотя бы самоновѣйшимъ, однако расположеннымъ не только архитектурно въ видѣ амфитеатра, но и въ высшей степени гигиенично и цѣлесообразно, какъ не удавалось расположить часто даже европейскіе города, а тѣмъ болѣе старыя европейскія столицы, то невольно приходитъ на умъ сравненіе двухъ культуръ, и не въ пользу славянской. Обвинять въ этомъ турецкій гнетъ нѣтъ никакого основанія. Во первыхъ, турецкіе кварталы, какъ вездѣ, такъ и здѣсь выдерживаютъ свой оригинальный, чисто восточный характеръ и если этотъ характеръ или даже окаменѣвшій типъ не отличается щегольствомъ, выставкою, не лѣзетъ въ глаза, а, напротивъ того, скромнѣе и строгѣе, простѣе и цѣлесообразнѣе, то, должно сказать, турецкая часть балканскихъ городовъ производитъ лучшее впечатлѣніе. Въ Скопїи самыя базары какъ бы пострадали отъ славянской примѣси, и сравнивать ихъ даже съ базаромъ въ какомъ нибудь Сѣрѣ было бы къ ихъ невыгодѣ. Здѣсь, чтобы войти въ лавку, надо или черезъ невылазную грязь, или по какимъ то мосткамъ, жердочкамъ и камушкамъ подняться на нѣсколько ступенекъ, чтобы ступить на крыльцо и шаткій порогъ убогой лачуги и, съ трудомъ откинувши перекошенную стеклянную дверцу, влѣзть внутрь затемненной хибарки. Здѣсь лавки только бакалейныя, портняжныя, сапожныя, желѣзниковыя, крамарей, даже часовниковъ мало. Мы пошли въ болгарскую книженицу. Право, это была сквернѣйшая холодная лавченка, скорѣе нашъ овощный ларь со всякимъ книжнымъ мусоромъ на полкахъ. Здѣсь не было даже изданій Софїи, все больше лубочная печать, всевозможныя брошюры патріотическаго характера и жалкіе учебники народныхъ школъ. По первому звуку о нашемъ приходѣ въ лавку — какъ же мало здѣсь жизни и живыхъ звуковъ — стали появляться одинъ за другимъ болгарскіе народныя учителя, все сплошь незрѣлая молодежь, врядъ ли что разумѣющая, кромѣ патріотическихъ приказовъ и возгласовъ. Говорятъ — впрочемъ это все слова

сербовъ, которыя требуютъ повѣрки, — Скопје имѣло когда то сербское большое населеніе или даже была населена сербами; до извѣстной степени можно повѣрить, что здѣсь была сербская колонія. Мы увидимъ впоследствии, что подъ городомъ есть рядъ чисто сербскихъ поселеній и большихъ сербскихъ селъ; что касается настоящаго времени, сербскихъ домовъ здѣсь насчитывается не болѣе 50 и совсѣмъ нѣтъ даже сербской церкви. Извѣстный Гончевичъ политикующій сербскій туристъ, говоритъ въ своей книгѣ¹⁾ на стр. 182 слѣдующее: «Скопле (по турецки Искитъ) — городъ въ 22.000 жителей; около 11.000 составляютъ сербы (изъ нихъ 3.500 магометанъ) 1.200 цыганъ, 3.500 албанцевъ и 6.000 турокъ. Сербы говорятъ довольно чисто по-турецки, изъ нихъ многіе обогарены и увлечены болгарскою пропагандою». Эта выдержка даетъ наилучшій случай достойно оцѣнить слѣдую сербскую политику, которая доселѣ, отрицая всякую дѣйствительность, безумно фантазируетъ тамъ, гдѣ пора бы было стать на ноги на реальной почвѣ. Очевидно, въ Скопји никогда не было значительнаго числа сербовъ, но извѣстное число, хотя ограниченное, было, и никто другой, скажемъ съ удареніемъ, какъ именно эта сербская часть славянскаго населенія, составляла его культурную сторону, и доселѣ сербскіе дома часто лучшіе дома и держатъ въ своихъ рукахъ промысловую, промышленную и производительную стороны окрестнаго хозяйства. Что значительная масса сербовъ послѣ Косова боя перешла въ исламъ, фактъ тоже общезвѣстный, но поминать о немъ въ данномъ случаѣ при подсчетѣ сербскаго населенія въ современныхъ городахъ Македоніи по малой мѣрѣ странно. Въ данномъ случаѣ примѣняется русская пословица: «что съ возу упало, то пропало» и послѣ перехода въ исламъ славянинъ совершенно исчезаетъ для своей родины. Но главное, что становится прямо забавнымъ, это — отсутствіе болгаръ въ городѣ по показаніямъ Гончевича и жалобы того же путешественника на торжество, великую радость и издѣвательства ловкихъ болгарскихъ агитаторовъ, овладѣвшихъ городомъ. Откуда, скажешь себѣ, могли бы они взяться, если бы основное населеніе города не состояло изъ болгаръ? Но, конечно, въ этомъ городѣ, бывшемъ центрѣ сербскаго королевства, столицѣ Стефана Душана, сербы составляли основной буржуазный слой населенія, тогда какъ болгары долгое время были исключительно, говоря по нашему, простымъ народомъ и потому, кромѣ самой политической стороны дѣла, современное болгарское господство (точнѣе было бы сказать: верховенство) является результатомъ господства демократіи, начавшагося нынѣ въ Македоніи подъ прикрытіемъ знамени ислама. Тотъ же Гончевичъ свидѣтельствуетъ, что гарнизонъ Скопји

1) «Старая Сербія и Македонія» 1899 года.

простирается до 7.000 человекъ, и дѣйствительно городъ является, подобно Битолю, своего рода вооруженнымъ турецкимъ лагеремъ, вокругъ котораго едва ли не въ каждой лачугѣ организуется революціонная дѣятельность болгарскихъ четъ. Первое время насъ провожали по городу сербскіе учителя, отлично говорящіе по русски, а затѣмъ, въ свою очередь, болгарскіе и мы имѣли возможность посѣтить большинство убогихъ церквей города, нынѣ нерешедшихъ исключительно въ болгарскія руки, настолько, что сербы даже не имѣютъ постоянной службы, а лишь временно, по праздникамъ, и въ часы послѣ службы болгарской. Но если болгары одолѣли въ политикѣ, выставивъ массу взамѣнъ интеллекта и имуществъ, то они мало подняли культурный цензъ въ городѣ. Въ частности, наше посѣщеніе церквей въ Скопѣ дало сплошь только отрицательные результаты: церковь во имя *Вознесенія* построена вновь на старомъ основаніи и не сохранила въ себѣ ничего древняго и даже ничего стариннаго, но сберегла всю ветость, какая только нашлась. Ветхія, полуосыпавшіяся иконы плохого греческаго письма, иногда даже со славянскими надписями, но въ большинствѣ съ греческими, не могли заинтересовать по крайней мѣрѣ насъ, искавшихъ историческихъ памятниковъ и въ этой области¹⁾. Множество надгробныхъ плитъ сороковыхъ годовъ XIX вѣка, которыя, можетъ быть, заинтересуютъ этнографа. Церковь великомученика *Димитрія* и большая церковь во имя *Богоматери*, построенная также въ повѣйшее время, даже съ портиками въ арабскомъ вкусѣ, но вполнѣ на греческій манеръ и очевидно греческими руками. Все въ этихъ церквахъ носитъ приниженный, узко-служебный характеръ отъ банальныхъ иконостасовъ, съ иконами плохого письма, до базарной московской утвари, какъ и русскія церкви послѣдняго времени, сооружаемыя подъ исключительнымъ руководствомъ нашего духовнаго клира.

Между тѣмъ, городъ Скопѣ, вдвинутый въ уголь колоссальной и богатѣйшей по своему плодородію долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ эту долину впадаетъ горный проходъ изъ старой Сербіи, игралъ роль еще во время

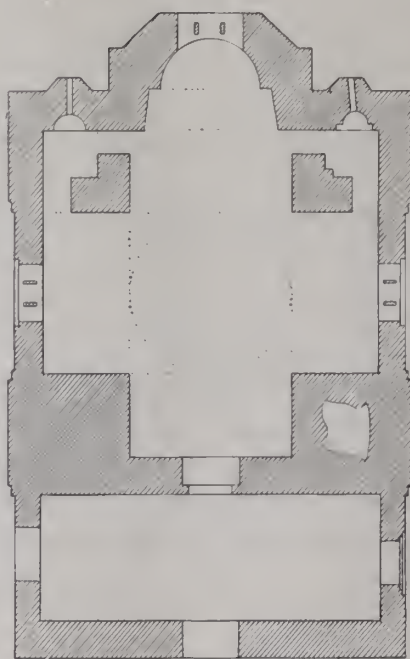
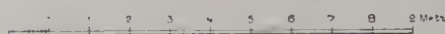
1) Въ видѣ простой догадки считаемъ нужнымъ сообщить о существованіи иконы Богоматери съ надписью: **Н ΣΚΟΠΟΤΗΣΣΑ** и о возможной принадлежности ихъ именно городу Скопѣ (по др. греч. Σκοῦποι у римлянъ Scopi, виз. Σκοῦποιον у Прокопія IV, de aed. и Σκώτια (τὸ) у Анны Комниной IX, p. 253), если только это прозвище не есть эпитетъ въ значеніи «покровительницы» или «блустительницы» — отъ σκεπή, σκοπῆ, σκοπία и σκοπιάζειν, хотя возможно было бы и совмѣщеніе того и другого смысла, какъ игра словъ въ имени бывшей чудотворной иконы г. Скопѣ. Иконы, мною видѣныя: въ лавкѣ антиквара въ Венеціи въ 1896 г. и въ текущемъ 1908 году въ складѣ при церкви о. Торчелло, относились къ позднѣйшей греческой иконописи: одна изображала Божию Матерь съ сложенными на груди руками, грубаго письма и съ надписью: **Н ΚΝΑ Η ΣΚΟΠΝΟΤΗΣΣΑ**.

древняго болгарскаго царства. Въ 1002 году здѣсь царь Самуилъ былъ разбитъ Императоромъ Василіемъ Болгаробойцемъ. Василій, взявши Видинъ, захватываетъ неожиданно Самуила близъ Скопін. Городъ сдается грекамъ измѣною. Самуилъ, положившійся на рѣчное половодье, былъ застигнутъ неожиданно греческими войсками, перешедшими въ бродъ рѣку, такъ что былъ взятъ цѣликомъ весь лагерь и царская палатка. Префектъ Скопін Романъ, предавшій городъ, былъ сынъ Петра болгарскаго царя и братъ Бориса. Такимъ образомъ, городъ перешелъ во владѣніе грековъ надолго и, если не считать нѣкоторыхъ усилій воинственнаго народа, напримѣръ, при Петрѣ Дѣяні въ 1040 году, когда затѣвалось возстановленіе болгарскаго царства отчасти въ той же Скопін, то это пораженіе Самуила повело за собою покореніе на періодъ въ 200 лѣтъ. Но и въ средніе XII столѣтія при Исаакѣ Ангелѣ мѣстность города Скопін продолжала служить поприщемъ борьбы грековъ и славянъ изъ за владѣній Балканскимъ полуостровомъ. Въ 1180 году Скопиемъ овладѣваетъ на нѣкоторое время сербскій король Неманя. Однако и самая исторія этого города совершенно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что это былъ всегда городъ славяшскій. Именно здѣсь болгары провозглашаютъ царемъ Петра Дѣяна. Здѣсь же въ 1073 году болгарская знать, подъ предводительствомъ Георгія Войтаха, объявляетъ царемъ Константина Бодина, (названнаго Петромъ). Окрестности Скопін послѣдовательно раззоряются славянами, безсильными противодѣйствовать греческимъ войскамъ. Черезъ сто лѣтъ спустя послѣ Немани, Скопиею овладѣлъ сербскій краль Милутинъ, а въ 1336 году Стефанъ Душанъ основалъ здѣсь свою столицу. Однако, уже въ 1348 году вновь появились здѣсь войска Іоанна Кантакузена, а различныя опустошенія окрестностей не прекращались въ теченіи всего этого времени. Кромѣ греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ войскъ и четъ, сюда доходили и Печенѣги.

Такимъ образомъ, если вся Македонія вообще заслуживаетъ имя многострадалной, то Скопие по преимуществу, а если всякаго рода неурядицы, грабежи, убійства были здѣсь и до турокъ, то подъ турецкимъ владычествомъ этотъ неконный безпорядокъ выросъ въ нѣкоторый страшный кошмаръ, давящій здѣсь жизнь и приизвившій ее до рабскаго отчаянія. Къ тому же здѣсь кромѣ Скопін никогда не было городской и промышленной жизни, и все благосостояніе округа всегда сосредоточивалось исключительно въ земледѣліи. Но, если не было городовъ, то были и остались громадныя богатыя села, на средства которыхъ были воздвигнуты великолѣпныя церкви и, если въ настоящее время это округъ *чисто болгарскій* съ немногими вкрапленными въ него сербскими селами, то въ культурномъ отношеніи онъ можетъ назваться уголкомъ старой Сербіи.

Нерезь.

Весьма характернымъ селомъ является Нерезь, расположенный отъ города въ полутора часахъ ходьбы пѣшкомъ, уже на легкомъ повышеніи земли къ начинающимся отсюда холмамъ. Въ срединѣ очень большого и, главное, очень длиннаго села, въ ущельи, стоитъ прекрасная по виду, но крайне запущенная пятикупольная церковь. Изъ словъ представителей причта мы поняли, что церковь не имѣетъ нынѣ особаго священника, и за церковью смотритъ только простой пономарь. Въ окнахъ выбиты мѣстами стекла;

109 Нерезскій монастырь по плану П. П. Покрышкина.

внутри, въ особенности въ паронкѣ, самая грубая деревенская мазя покрываетъ стѣны; церковныя книги представляются въ видѣ ветхихъ (и древнихъ) рукописей, валяющихся на окнахъ, отчасти и прямо на полу; такая же ветхая утварь и всѣ облачѣнія. Какая причина этой бѣдности, мы такъ и не поняли изъ разговоровъ, но именно ей церковь обязана сравнительно большою сохранностью. Церковь эта построена въ 1164 году, какъ гласитъ о томъ великолѣпно высѣченная надпись на косякѣ главной входной двери по мрамору: «Сей храмъ святого и славнаго великомученика Пантелеймона сооруженъ (изукрашенъ) иждивеніемъ господина Алексѣя Комнина и сына порфирородной госпожи Θεοδωры въ сентябрѣ мѣсяцѣ 13 индикта 6673 года при игуменѣ монахѣ Иоанникіѣ» Ἐκκλησιάρχῃ ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος

Παντε[λε]ήμονος ἐκ συνδρομῆς κυρῶ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ υἱοῦ τῆς Πορφυρογεννήτου κυρᾶς Θεοδώρας μὴ (vi) Σεπτεμβρίῳ ἔνδ' τῷ ἔτους ςχοθ' ἡγουμενεύοντος Ἰωαννικίου μοναχοῦ. И такъ постройка эта имѣла мѣсто въ царствованіи Мануила и на средства того самаго Алексѣя Комнина, который впоследствии, будучи императоромъ, въ 1181 году пожаловалъ посохъ съ крестомъ Саввѣ Сербскому Епископу (не знаменитому Саввѣ, который былъ около 1221 года). Извѣстна затѣмъ своего рода исторія въ Константинопольскомъ патріархатѣ, по случаю намѣренія Андроника женить Алексѣя Комнина, незаконнаго сына Мануила, на Иринѣ, дочери Андроника отъ Θεοδωры:

известно также, что именно архіепископъ болгарскій совершилъ эту кровосмѣнительную свадьбу. Церковь имѣетъ тотъ же самый (рис. 109) характеръ, что въ Кучевнштахъ, и даже абсида ея представляетъ нѣкоторую орнаментацию (рис. 110 и 111)

въ кирпичной кладкѣ.

Но кладка эта, за исключеніемъ куполовъ оконъ, ихъ аркадъ и обрамляющихъ полуколонокъ, грубая и неправильная и, кромѣ того, разрушеніе обезобразило наиболѣе красивыя двойныя и тройныя аркады боковыхъ стѣнъ и абсиды. Въ темномъ нар-

110. Церковь Нерезскаго монастыря, 1164 г.

онкѣ церкви вложена римская плита надгробнаго характера съ изображеніемъ возлежащихъ за широкимъ. Далѣе, орнаментальная плита (рис. 112), вышиною около полутора аршинъ, вся подѣленная на 4 ряда полей, по четыре въ каждомъ ряду, внутри которыхъ вырѣзаны рельефомъ фигурки птицъ, очищающихъ себя перья клювомъ, зайцевъ, поѣдающихъ

111. Церковь Нерезскаго монастыря.

112. Мраморная плита въ Нерезкомъ м-рѣ.

грозди, далѣе деревьевъ и орнаментальныхъ звѣздъ и кружковъ. Очевидно, это плита отъ разобраннаго амвона. По сухому стилю фигуръ и самой рѣзьбы, плита эта не можетъ быть ранѣе XII — XIII столѣтія, т. е. отно-

сится, по всей вѣроятности, ко времени основанія церкви. Церковный иконостасъ заполненъ плохими позднѣйшими иконами, изъ которыхъ нѣкоторыя, постарше, почерпнѣли до неразличимости и требуютъ настоятельно расчистки: другія—новѣйшаго грубаго мастерства. Но съ правой стороны иконостаса, въ верхнемъ его поясѣ оказывается вдѣланнымъ въ стѣну великолѣпный фасъ рѣзного амвона или киворія. Въ настоящее время, какъ видно на рис. 113, этотъ рѣзной фасъ служитъ кѣтомъ для малярнаго образа великомученика Пантелеймона. Но самый киворій или амвонъ относится ко времени

113. Часть рѣзнаго амвона въ иконостасѣ Нерезскаго монастыря.

основанія церкви и представляетъ, вмѣстѣ съ киворіемъ Софїи въ Охридѣ и церкви въ Калабакахъ въ Оссалин, остатокъ замѣчательнаго произведенія греческаго искусства на востокѣ. Въ настоящемъ случаѣ орнаментанія киворія выполнена вся тонкою, сухою, но характерною и стильною рѣзьбою. Карнизъ покрытъ рѣзными пальметками, а весь передъ киворія, обрамленный по аркадѣ узорчатымъ плетеніемъ, раздѣланъ потомъ разводами изъ подобныхъ же пальметъ и по срединѣ парюю великолѣпныхъ фазановъ, приближающихся къ священной чашѣ. На кубовой капители и на капителяхъ полуколонокъ та же рѣзьба изъ пальметокъ безъ монограммы (о самихъ амвонахъ подобнаго рода будетъ сказано ниже по поводу амвона Охридскаго).

Селеніе Люботинъ или Любитень, какъ его называли намъ сами жители, Люботинъ. находится отъ Скопіе въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ верховой ѣзды, среди пологихъ холмовъ и на краю обширнаго, раскинутаго по нѣсколькимъ логамъ села, котораго значительная часть захвачена уже албанцами. Церковь эта представляетъ собою въ настоящее время полную руину, и понадобится уже

немного времени на то, чтобы она превратилась въ окончательную развалину. Внутренность ея раскрыта, главный куполъ обвалился и лишенъ крышки, другія части уже стали сильно осыпаться, и съ наружной стороны церкви, какъ видно на рис. 115, засыпана до половины мусоромъ, такъ что самый входъ въ нѣкоторыя двери сталъ невозможенъ. Сводовъ надъ серединою и нефами или пѣтъ, или они пробиты и даютъ доступъ дождю. Внутренніе столбы, скрѣпленные уже давно большими дубовыми брусьями, расшатаны и еле держатся, одинъ изъ нихъ покачнулся и въ ближайшемъ будущемъ долженъ упасть. Но внутри внимательная рука сербовъ села доселѣ вычищаетъ мусоръ, удаляетъ

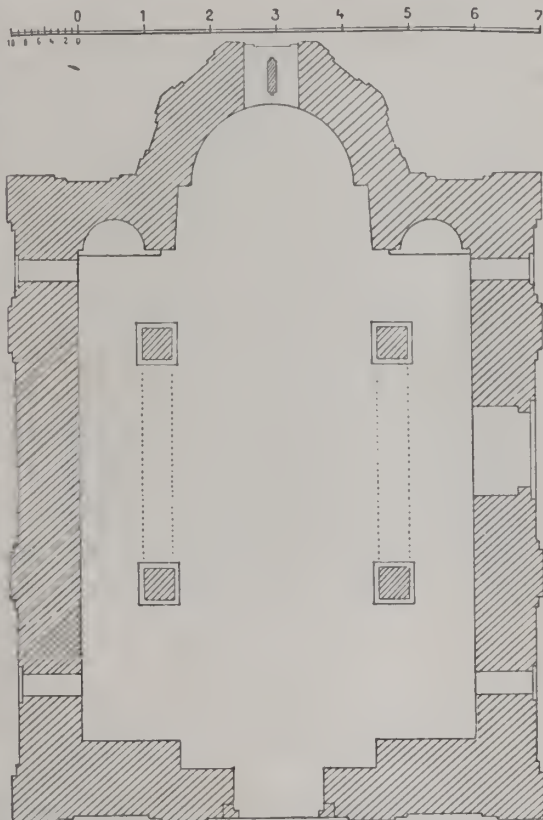

Рис. 114. Церковь сел. Люботина. Планъ архит. И. И. Покрышкина.

камни и дѣлаетъ возможнымъ осмотръ церкви. Когда мы пріѣхали туда, нѣкоторая часть этихъ сербовъ собралась къ церкви и вступила съ нашими спутниками въ обычный разговоръ, наполнившійся жалобъ, какъ только узнали, что мы русскіе. Но затѣмъ сюда же собрались и албанцы, съ недоумѣніемъ, а, слѣдовательно, по восточному понятію, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ слѣдившіе за нашими археологическими поисками. Надъ главнымъ входомъ, на широкой плитѣ имѣется здѣсь надпись, свидѣтельствующая о томъ, что храмъ построенъ во имя Николая Чудотворца, благодаря рвенію и средствамъ госпожи Дешицы, во дни краля Стефана Душана, въ 1337 году. Надпись (рис. 116) читается такъ: *сѣидасе сии*

божьи храмъ сто великаго оца Николы подвигомъ и трудомъ изде дѣлице въ дни stefana красть душане и дрѣжане снѣ старши боико и матковѣ и други снѣ звечанъ ситницомъ въ лѣтъ 6845). Здѣсь мы находимъ уже, такимъ образомъ, сербскую передѣлку греческаго зодчества. Какъ общую

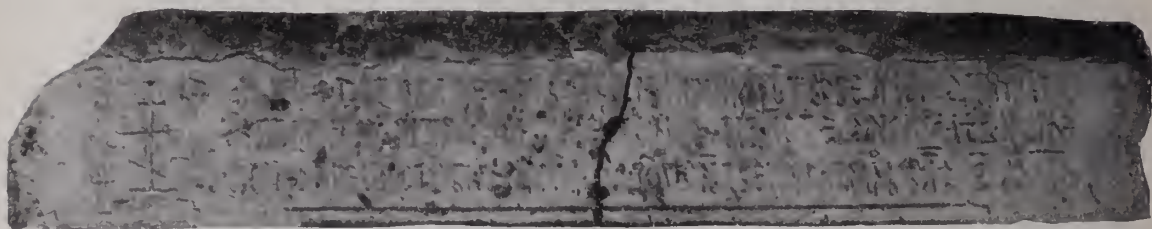
черту слѣдуетъ отмѣтить: существованіе одного купола, подтянутый характеръ арокъ и сводовъ, многогранную форму абсиды и, наконецъ, орнаментацию изъ кирпичной кладки на восточной сторонѣ (см. рис. 115).

115. Церковь села Люботина.

Самое однако любопытное въ церкви — это ея живописная роспись ¹⁾, сохранившаяся до настѣ, хотя въ общихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, большинство фресокъ окончательно испорчено разрушеніемъ; очевидно, во всемъ селѣ только лѣшивъ ихъ не уничтожаетъ. Албанцы прокалываютъ глаза у всѣхъ фигуръ, находящихся внизу, а потому наиболѣе пострадавшю фрескою ока-

зывается наиболѣе интересная въ историческомъ отношеніи: «Денусъ», во весь ростъ, съ изображеніемъ въ сторонѣ краля Стефана Душана, его супруги,

116. Надпись надъ входомъ въ церковь с. Люботина.

сына Уроша и мѣстно чтимыхъ святыхъ. Фреска эта, какъ обычно, помѣщается на лѣвой сторонѣ главнаго нефа въ нижнемъ поясѣ. По сторонамъ ея изображены во весь ростъ святые Стефанъ, Романъ и Лаврентій (мѣсто которыхъ обычно на нижней стѣнѣ жертвенника или алтари) и, въ соотвѣ-

1) См. подробное описаніе ея въ соч. П. Н. Милюкова, стр. 108—112.

ствіе имъ, на другой сторонѣ—Свв. Проконій, Меркурій, Ермолай и Пангелей-монъ. На противоположной стѣнѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ изображены святые: Спиридонъ, папа Сильвестръ, Григорій Богословъ и Николай Чудотворецъ. Затѣмъ, въ главномъ же печѣ, на западной сторонѣ по низу изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ и святые Косма и Даміанъ; въ верхнемъ поясѣ евангельскія событія; начиная слѣва отъ входа: Вознесеніе Божьей Матери, бракъ въ Канѣ Галилейской, Иисусъ учанцій во храмѣ, бесѣда съ Самаритянкой, Исцѣленіе слѣпного и бѣсноватаго, Исцѣленіе кровоточивой. Уже въ алтарной части приходится: Явленіе женамъ мироносицамъ и Воскресеніе Господне. Алтарная часть представляетъ по росписи обычныя формы: святителей Петра, Кирилла, Григорія Богослова, Аонасія, Іоанна Милостиваго. Выше: Причащеніе апостоловъ подъ двумя видами. Это въ главной алтарной нишѣ; въ боковыхъ нишахъ по низу изображено: слѣва, въ жертвенникѣ—святители Петръ и Аонасій по сторонамъ Младенца, лежащаго въ чанѣ, къ которому Петръ прикасается пожемъ. Справа святые Исавръ и Викентій. Поверхъ этихъ изображеній, въ алтарномъ сводѣ изображена Богоматерь на престолѣ съ Младенцемъ и два архангела по ея сторонамъ; въ лѣвой нишѣ—образъ отрока Эммануила по грудь, благословляющаго; въ правой—по грудь же Богоматерь въ типѣ Оранты или «Заступницы», а надъ этимъ изображеніемъ помѣщенъ Нерукотворенный образъ—Святое Чреніе, т. е. отпечатокъ Нерукотвореннаго образа на керамидѣ или черенидѣ кирпичнаго цвѣта, поддерживаемой двумя ангелами.

Интересъ этихъ изображеній по ихъ оригинальному натурализму, напоминающему средневѣковую итальянскую живопись, не малый, но, къ несчастію, фрески до такой степени исколоты, обколочены и обезображены, что ихъ воспроизведеніе совершенно немыслимо въ фотомеханическомъ снимкѣ: единственно одна передача въ краскахъ въ акварельномъ снимкѣ могла бы дать удовлетворительное изображеніе. Самая любопытная черта въ этихъ фрескахъ есть соединеніе древняго греческаго оригинала въ типахъ и ликахъ съ подробностями натуралистическихъ сценъ, которыя здѣсь имѣютъ мѣсто. Сцена брака въ Канѣ Галилейской раздѣляется на двѣ, между собою соединенныя, картины. Слева представленъ большой парадный столъ на рѣзныхъ фигурныхъ ножкахъ, уставленный чашами и покрытый парѣзаннымъ хлѣбомъ, пожами и ложками; края стола съ той стороны, гдѣ сидятъ за нимъ пирующие, прикрыты наколотыми на пего штыми полотенцами, замѣняющими роль салфетокъ. На почетномъ мѣстѣ во главѣ стола сидитъ Иисусъ Христосъ въ большомъ креслѣ; подойдя къ Нему, говорить Ему на ухо съ большимъ оживленіемъ и, какъ бы умоляя Его, Богоматерь. За столомъ сидятъ женихъ и невеста въ брачныхъ, т. е. патриціан-

скихъ одеждахъ. Женихъ въ княжескомъ вѣнцѣ и кафтанѣ съ широкими бармами, невѣста съ бармами и въ высокой башнеобразной коронѣ, сзади ихъ двѣ служанки, а возлѣ нихъ еще, тоже на почетномъ мѣстѣ, посаженный отецъ въ парчевой мантии и въ колпакѣ, окутывающемъ голову. Далѣе, Спаситель, стоя, благословляетъ рядъ большихъ узкогорлыхъ амфоръ, въ которыя прислужники льютъ воду. Изображеніе краля и двухъ женскихъ фигуръ по его сторонамъ мало уже сохранило деталей; ясно различается митра,

117. Вознесение Божіей Матери въ росписи церкви Люботина.

какъ вѣнецъ на головѣ краля; высокая башнеобразная, расширенная сверху и усыпанная по верху жемчугомъ, корона княгини, покрытая драгоценными камнями, оплечья и надѣтыя на нихъ дивитисіи съ лоропами, переброшенными черезъ лѣвую руку. На западной сторонѣ отлично сохранилось Вознесение Божіей Матери (рис. 117): представленъ большой открытый саркофагъ; надъ нимъ, наклонившись, два юныхъ апостола (одинъ изъ нихъ держитъ

рѣчь къ группѣ апостоловъ) и одинъ съдой апостолъ, наклонившись, указываетъ на лежащія тамъ покровы; слѣва группа апостоловъ съ Павломъ во главѣ; наверху, въ небесахъ, въ голубомъ кругу Богоматерь съ распростертыми руками, сидящая на радугѣ, возносится двумя ангелами.

Марковъ монастырь.

Въ глухомъ ущельи, но въ густо населенной, по причинѣ необыкновеннаго плодородія, мѣстности, въ трехъ — четырехъ часахъ разстоянія ѣзды отъ Скопіе, лежитъ монастырь Марковъ, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ (благодаря имени, легендамъ и преданіямъ) историческихъ святынь Македоніи. Продолжительная и трудная, но постояннымъ подъемамъ и спускамъ, поѣздка въ этотъ монастырь вела насъ (быть можетъ, по пути, случайно и не особенно удачно выбранному) черезъ всю долину Скопіе и мимо деревень Хаджово, Грачево, Любошъ, Дрейчаны (Арпаутское село), Батишцы (Арпаутское село), Сужица (Болгарское село, по турецкій чифтликъ). На этомъ пути особенно поражало насъ феноменальное богатство почвы въ Скопійскомъ округѣ, образующемъ какъ бы нѣкоторую чашу, ежегодно наполняемую плодородными наносами съ горъ. Здѣсь повсюду, почти въ каждомъ ущельи и на каждомъ предгорьи, есть деревни и села, которыя поражаютъ русскаго туриста, непривычнаго у себя къ подобному зрѣлищу. Большіе, прочно построенные двухъ-этажные дома съ высокими двухъ-этажными сараями, засыпанные полбою, заваленные павозомъ, съ крѣпкими частоколами и тынами,

съ вѣковыми садами и богатыми огородами, все это до верха полныя хозяйственныя чашы. И какой дорогой предметъ этого хозяйства — македонскій табакъ, первый табакъ въ мірѣ по цѣнѣ и достоинству! Для этого табаку при домахъ сдѣланы сараи, длиною во много сажень, и вся ихъ внутренность завѣшана сверху до низу и отъ одного угла до другого въ 4 и въ 6 рядовъ отъ полу панунами. А какіе высокіе растутъ рядомъ табаки, какая кукуруза, какія колоссальныя дыни, рядомъ въ банитанахъ! Земля зачастую прямо пурпурная, пышная и легкая, какъ будто вся изъ растительнаго перегноя или же темно-красная, мѣстами темно-малиновая, почти шоколадная, чрезвычайно плодородная глина, а въ долинахъ слои пла и кремнистаго неска, на которыхъ еще сильнѣе растутъ овощи. И вотъ среди этого жирнаго обилія, на этой богатѣйшей нивѣ-почвѣ, гдѣ каждый крестьянинъ изображаетъ изъ себя богатаго фермера, турецкій гнетъ питасть и поддерживаетъ несконнаго врага — арнаута. Самое любопытное — это наблюдать сравнительно даже наружный характеръ арнаутскихъ и болгарскихъ селъ. Болгарскія села состоятъ изъ ряда подобныхъ богатыхъ фермъ: въ нихъ хозяинъ и весь его домъ, отъ мала до велика, всѣ сами работники, все плотныя, высокія, выработанныя вѣковымъ трудомъ фигуры, но на всѣхъ лицахъ этихъ рослыхъ, могучихъ фигуръ написанъ тупой страхъ, покорное уныніе, и при встрѣчѣ они обнаруживаютъ почти рабскую безсловесность. Вы едва добьетесь на свой вопросъ «да» или «нѣтъ», нечего и спрашивать о дорогѣ — вамъ никогда не покажутъ; рядомъ арнаутское село — здѣсь зачастую домъ, кромѣ лошадей и домашняго скота ничего въ себѣ не содержитъ, хотя теперь и арнауты начинаютъ мало по малу сами заниматься земледѣліемъ — такъ много уже арнаутовъ сюда набралось. Но иные дома — каменные крѣпостцы, въ которыхъ феодалу можно отстрѣливаться мѣсяцами отъ всей округи возставшей на разбойничковъ; окна въ этихъ крѣпостцахъ видны только подъ крышей; всѣ подступы къ дому укрѣплены или обстрѣливаются изъ дома, и эти разбойничьи гнѣзда достаточно объясняютъ намъ тупой страхъ и унылое равнодушіе ко всему на лицѣ болгарина. Здѣшнія богатыя земли все турецкіе чифтлики, и отъ этихъ богатствъ весьма малая доля приходится на долю самого землевладѣльца.

Все это объясняетъ намъ, съ одной стороны, царское богатство монастырей и церквей вокругъ Скопїе, построенныхъ въ XIV, XV и началѣ XVI вѣка, въ эпоху ли кратковременнаго процвѣтанія и политической самостоятельности, или даже подъ турецкимъ гнетомъ, но когда по крайней мѣрѣ здѣсь въ округѣ никто не видалъ албанцевъ. Нынѣ всѣ эти богатыя церкви являютъ видъ печальныхъ развалинъ и содержатся лишь на убогіе гроши, собираемые столь же убогимъ духовенствомъ. Подѣзжая къ Мар-

кову монастырю, видимъ у самой тропинки стоящую руину небольшой церкви, грубо сложенной изъ кирпича и щебня и лишенной крыши, но восходящей, судя по фрескамъ изъ протоевангелія, доселѣ покрывающимъ ея стѣны, къ срединѣ XVI вѣка.

Марковъ монастырь лежитъ въ глубинѣ большого воднаго ущелья, занимая его склонъ къ глубоко текущему ручью съ правой стороны. Монастырь доселѣ огороженъ стѣнами, хотя грубо сложенными изъ битаго щебня, но содержимыми въ полномъ порядкѣ. Массивныя ворота входа, устроенныя внутри небольшого домика съ жилищемъ привратника наверху, ведутъ внутрь опрятнаго дворика, на этотъ разъ, какъ и въ греческихъ монастыряхъ, заботливо прибраннаго. Монастырь имѣетъ не много монаховъ и послушниковъ, которые всѣ охотно дали себя снять у цер-

ковной стѣны. Монастырская церковь исполнена, повидимому, почти цѣликомъ въ 1345 году: по надписи, списанной Сречковичемъ надъ входомъ изъ притвора внутрь церкви, она построена въ этомъ году. Надпись гласила слѣдующее: «изволеніемъ Отца и воплощеніемъ Сына и сошествіемъ Святого Духа обо-

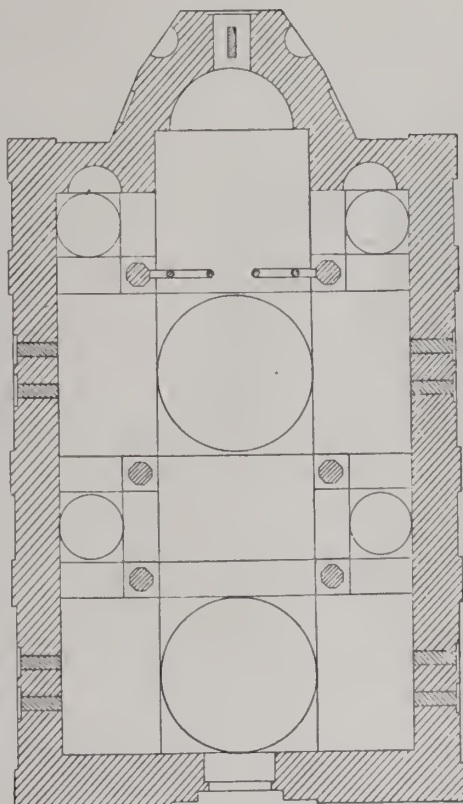
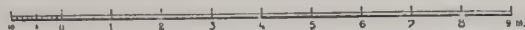

118. Марковъ монастырь.

вше сей свѣти и божествени храмъ святаго и великомученика Христова Побѣдоносца Димитрія, съ усердіемъ и потщаніемъ благовѣрнаго Краля Вльканшина и благовѣрній кралице Елены и съ превозлюбленіемъ ею штерма и синомъ благовѣрнымъ кралѣмъ Маркомъ и Андреянемъ, Иванинемъ и Димитромъ вл. . . . сыже монастырь наче се здати въ лѣто 6853 (1345) въ дни благовѣрнаго цара Стефана и христолюбиваго краля Марка». Видъ монастырской церкви съ южной стороны (рис. 118) представляетъ щеголеватое зданіе, установившагося сербскаго типа, напоминающаго и церкви старой Сербіи и Хиландаръ на Афонѣ съ однимъ куполомъ и характерною раздѣлкой тремя аркадами (сильно повышенными) сторонъ главнаго нефа и одною аркадою для притвора внутренняго. Затѣмъ въ этихъ аркадахъ красиво продѣланы арки для оконныхъ отверстій, изъ которыхъ нижнія съ

самого начала устроены слѣжными и орнаментированы сплошною кирпичною кладкой. Алтарная часть представляетъ выпускъ въ три грани (планъ — рис. 119) съ подобными же орнаментальными аркадами въ два пояса. Поверхъ всего зданія возвышается приподнятый, весьма стройный, купольный барабанъ о восьми граняхъ, орнаментированный подобными же аркадами и очень узкими оконными же отверстиями. Кладка храма прекрасна выполнена изъ тесаннаго камня, перемежаемаго рядами, тремя или четырьмя или даже двумя, кирпичной кладки, а западная сторона кромѣ того орнаментирована въ рѣшетку по оконнымъ аркадамъ.

Напротивъ того, внутренность церкви съ самого начала производитъ тягостное впечатлѣнiе своимъ убожествомъ и совершенными разрушенiями древности. Тотъ же Сречковичъ въ притворѣ церкви съ лѣвой стороны видѣлъ фреску, изображавшую, по надписямъ, краля Вулкашина и сына его Марка, ктитора монастыря. Но, увы, въ настоящее время ни фресокъ, ни надписей или пѣтъ, или не видно. По грубо оштукатуренной стѣнѣ паронка все размаловано масляною краскою какимъ то досужимъ маляромъ, Ди-

119. Марковъ монастырь. Планъ II. II.
Покрышкина.

митріемъ грекомъ изъ Константинополя, или болгаринемъ, обучившимся малярному ремеслу. При этомъ размалованъ даже самый входъ, мраморный портикъ нестро росписанъ подъ мраморъ, и косякъ раскрашенъ розетками, и написаны панели на высотѣ полутора сажень отъ земли. Безобразіе этой размаловки сверху подъ нестрый мраморъ даетъ крайне противное впечатлѣнiе своею нестрою, въ особенности, когда размотришь, какъ щегольски и со вкусомъ было раздѣлено все, даже начиная съ притвора, въ древности. Повсюду мраморные наличники, косяки и колонны, и всѣ детали отличаются превос-

ходнымъ стилемъ и вкусомъ XIV вѣка, который для Сербіи является, какъ извѣстно, эпохою процвѣтанія и политическаго и культурнаго. Еще болѣе возбудило сожалѣнія подобное уродованіе древняго памятника, когда стало ясно, что оно было вызвано, главнымъ образомъ, политическою враждою мѣстнаго болгарскаго прічта къ остаткамъ древней сербской культуры. Повидимому, прекрасно сохранившаяся ктиторская фреска была уничтожена, какъ памятникъ сербскаго владычества въ этихъ мѣстахъ, именно болгарскимъ патриотизмомъ. Уничтожена или, будемъ надѣяться, только скрыта отъ взоровъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ церкви, подъ грубою намазкой масляною краской, мы сами легко различили одну голову въ царской коронѣ и другую голову архангела и рядомъ еще голову въ вѣнцѣ неизвѣстной фигуры. Возможно, что въ разныхъ мѣстахъ сохранились хотя куски древнихъ фресокъ и только прикрыты новою росписью масляными красками впредь до открытія ихъ въ болѣе счастливыя времена. Церковный иконостасъ, хотя по всей деревянной работѣ относится уже къ XVII вѣку, но также прикрывается собою первоначальную иконостасную преграду. Во первыхъ, самыя царскія двери, состоящія изъ двухъ частей низкой двухстворчатой двери, съ двумя арочными полями, на которыхъ, очевидно, было изображено Благовѣщеніе, и каймою изъ мелкихъ орнаментовъ, а также и вѣчающаго эти двери орнаментальнаго балдахина, въ видѣ, однако, одной дощечки, орнаментированной какъ самая дверь, относятся навѣрное къ XIV столѣтію, точнѣе говоря, къ основанію храма. Памятникъ этотъ детальный, но заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія, въ виду крайней рѣдкости подобнаго устройства. Дѣло въ томъ, что такихъ низенькихъ, оканчивающихся оваломъ, царскихъ дверей, сохранилось не мало въ старинныхъ русскихъ церквахъ, но имъ обыкновенно недостаетъ указываемаго верха. Верхъ этотъ, вдѣланный подъ самый косякъ, не приходится вплотную надъ царскими дверями, а оставляетъ пространство въ ширину не менѣе аршина, которое, образуя своеобразную пустоту или промежуткъ, закрывалось, по требованіямъ литургіи, особою небольшою завѣсой. Равнымъ образомъ, съ другой стороны алтарной преграды (рис. 120) мы находимъ все древнее устройство въ видѣ двухъ орнаментальныхъ колонокъ о восьми граняхъ, съ украшенными рѣзбою капителями. Кромѣ того, какъ оказывается, цѣль весь каменный иконостасъ, только прикрытый позднѣе обычнымъ деревяннымъ сооруженіемъ. Далѣе, у престола сохранилась любопытная плита, вложенная у самаго входа между царскою дверью и престоломъ, съ вырѣзаннымъ на ней сербскимъ орломъ въ геральдической формѣ, среди двухъ орнаментальныхъ же львовъ. Форма, имѣющая также свой интересъ по отношенію къ нашему двуглавному орлу. Въ церкви сохранилась мѣстами и древняя роспись, главнымъ образомъ, въ алтарной

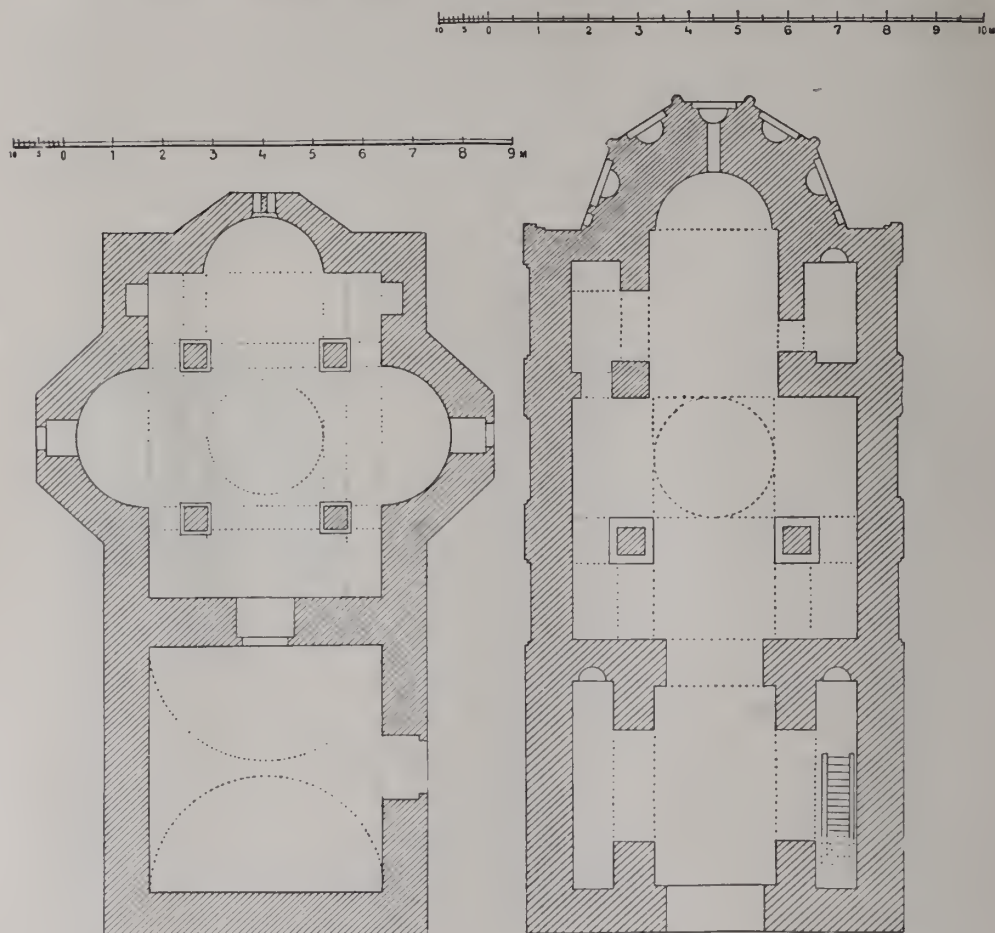
части. Верхняя ея часть представляет по сторонамъ большого декоративнаго окна «Причащеніе» подъ двумя видами. Въ данномъ случаѣ любопытно, что вмѣсто диска, на престолѣ, нарисована большая плоская чаша, или, точнѣе, широкое блюдо, съ парѣзанными треугольными кусочками артоса. Надписи надъ этою фрескою—греческія **Η ΜΕΤΑΔΟΣΗΣ** и пр. Слѣдующая фреска по правую сторону представляет Тайную Вечерю **Ο ΔΙΠΝΟΣ**, также весьма поздняго перевода: представленъ полукруглый столъ, за которымъ возсѣдѣть по срединѣ его (а не съ лѣваго края) Спаситель, а у Него на правой рукѣ, склонившись, положить голову молодой Іоаннѣ. Съ другой стороны, представлено явленіе Спасителя двумъ женамъ мироносицамъ, также съ греческой надписью: **ΧΕΡΕΤΕ**. Ниже, съ правой стороны, въ рядѣ двѣ фрески со сценами изъ акаонста Пресвятой Богородицы: на тему: «Взбранной воеводѣ побѣдительная»: престолъ съ богатою индѣею, на немъ поставлена икона Одигитріи, по сторонамъ патріархъ съ кадиломъ и сзади него клиръ и царь со свитою; слѣва около той же иконы царца съ вельможами, надпись: Поюще Твое Рождество, хвалимъ Тя вси, Богородице» (Икосъ 12). По правой сторонѣ явленіе ангела Богоматери возлѣ киворія съ надписью по-верхъ (Икосъ D): «Ангель предстатель съ небесе посланъ бысть рещи Богородицѣ» и рядомъ же ангель, стоящій передъ Богоматерью, сидящею въ большомъ креслѣ и пр. Въ главномъ куполѣ сохранилось также изображеніе Вседержителя. Вся эта роспись носитъ вообще характеръ хорошей греческой работы, хотя и снабжена славянскими надписями, и было бы весьма желательно ея сохранить, о чемъ мы и пытались сдѣлать нѣкоторое соотвѣствующее внушеніе монастырскому игумну, который, однако же, оказался еще грамотнымъ человѣкомъ. Въ монастырѣ мало даже богослужебныхъ книгъ, и вмѣсто нихъ еще употребляются старыя рукописи, валяющіяся по окнамъ и даже поламъ.

120. Иконостасъ въ монастырѣ Марковѣ.

На сѣверо-востокъ отъ Скопѣе уходитъ глубокое, обставленное высоко- Кучевишта. кими горами и весьма водное ущелье, мѣстами расширяющееся и образующее плодородныя долины, мѣстами занятое горными селами и доводящее до глубинъ этой части Македоніи, нѣкогда занятыхъ сербскими поселенцами и еще сохранившихъ исконное населеніе. Въ одной изъ подобныхъ долинъ лежить сербское (по болгарскому выраженію—«сербоманское» населеніе) село Кучевище (Кучевишта), съ двумя купольными церковками (планъ 121 и 122) позднѣйшаго времени, не позже, однако, XV вѣка, любопытной, главнымъ

образомъ, своею пестрою, но уже чисто деревенски грубой орнаментациею западнаго фасада различными кирпичными узорами: въ сѣтку, въ рѣшетку и пр. Внутри сохранились также и остатки росписи въ правомъ діакошкѣ

121. Церковь въ с. Горно-Кучевишта.
Планъ И. И. Покрышкина.

122. Церковь въ селѣ Дольней Кучевиштѣ.
Планъ И. И. Покрышкина.

плохой ремесленной работы и равно въ притворѣ, гдѣ однако же, еще недавно бывшія на виду фрески житія вм. Георгія нынѣ оказались замалеванными невѣроятно грубымъ письмомъ. Въ верхней церкви во имя Богородицы (рис. 123 и 124) также сохранилась еще роспись съ надписью 1501 года: въ абсидѣ изображена Богородица Знаменія съ Младенцемъ въ ореолѣ, къ которымъ идутъ святые Симеонъ, архангелъ Михаилъ, Меркурій, далѣе Деисусъ и святители, между ними Савва Сербскій. Любопытно также и кладбище, окружающее главную церковь, полное великолѣпно высѣченныхъ плитъ съ надписями.

Въ себѣ Кучевнигахъ усердствовавшіе въ своемъ сербскомъ патриотизмѣ мѣстные учителя устроили памъ своего рода живую выставку мѣстныхъ народныхъ одеждъ во дворѣ гостиницы, воспроизведенную нами въ альбомѣ фотографій за № 242—6 (рис. 125—127). Трое молодыхъ селяковъ и пять женщинъ явились, облеченные во всѣ ихъ праздничные костюмы и уборы. А одинъ изъ учителей давалъ нѣкоторыя, впрочемъ очень суммарныя, объясненія. По этимъ объясненіямъ, главнымъ образомъ, выходило, что признаки сербскаго народнаго костюма заключаются въ особой нашивкѣ на боку кафтана (см. рис. 125). Самъ по себѣ безрукавный кафтанъ бѣлаго сукна, кустарной работы, тоже отличается сербовъ отъ болгаръ; онъ обшитъ кругомъ черными вязаными тесьмами по всѣмъ швамъ, а на плечахъ эта тесьма образуетъ какъ бы особенную нашивку съ коймами, овальной формы, которая напоминаетъ византійскіе панлечники, бывшіе частью особаго накладнаго воротника. Затѣмъ, съ боку на бедрѣ съ лѣвой стороны, а у шныхъ съ обѣихъ

123. Церковь с. Кучевништа.

124. Селяки села Кучевништа.

125. Селяки села Кучевништа.

сторонъ сдѣлана нашивка темнополовой, почти черною шерстью, имѣющая видъ обыкновеншаго кошель, съ овальнымъ ушкомъ наверху, черезъ которое продѣвается шнуръ, затягивающій кошель. И вотъ эту орнаментальную нашивку, которая, переставъ быть кошельемъ, прикрѣпившись съ боку, стала простою орнаментацией, памъ выдавали за особый знакъ сербскаго владычества или даже прямо королевства, своего рода гербъ Македоніи. По этому

образчику можно судить, насколько всё подобия, сочиненныя по рефлексу, политиканства отвѣчаютъ исторической реальности. Тѣмъ не менѣе, мужской костюмъ, представленный на нашемъ рисункѣ, должно, дѣйствительно, считатьъ народнымъ сербскимъ, хотя идущимъ не изъ глубокой древности. Этому противорѣчитъ, напримѣръ, феска на головѣ, албанскій поясъ и отчасти воротникъ казакша, вышитый различными геометрическими фигурами. Главное,

126. Сербь-селики изъ села Кучевишты.

на что должно обратить вниманіе, это пестрые шитые чулки на ногахъ женщинъ и мужчинъ. Чулки эти вышиты черной шерстью, полосами, съ простѣйшей геометрической орнаментацией, и (кроме малорусскихъ) напоминаютъ вышивки чулокъ у племени горныхъ Таджикивъ Дарваза въ Бухарѣ¹⁾. Издатель этихъ послѣднихъ вышивокъ сообщаетъ, что шерстяные узорчатые носки распространены по всему Востоку, но отличаются отъ горныхъ чулокъ по размѣрамъ и по рисунку, и поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ горными чул-

ками Дарвазской коллекціи, составляющими характерное произведеніе горцевъ Нагорной Бухары и сѣверо-западной Индіи. Такимъ образомъ, наши чулки отличаются отъ Дарвазскихъ также размѣромъ и упрощеніемъ геометрическихъ рисунковъ, но ихъ узоръ явно выдаетъ свое происхожденіе отъ восточныхъ, завезенныхъ сюда издѣлій, ковровъ и матерій. Самый способъ орнаментации черной шерстью по бѣлому, очевидно, указываетъ намъ на исходный основной типъ александрийскихъ или коптскихъ тканей, легшихъ въ основу всѣхъ народныхъ уборовъ греческаго средневѣкового Востока. Все остальное въ мужскомъ уборѣ, а именно: албанская или герцеговинская расшитая куртка, опахивающая накосъ грудь въ видѣ жилета и покрытая густо

1) Гр. А. А. Бобринскаго: Орнаментъ горныхъ Таджикивъ Дарваза (Нагорная Бухара, Москва 1900 г. Таблицы 11—14, 17—19).

минюрымъ шитьемъ, а затѣмъ широкій поясъ, нѣсколько разъ обвитый вокругъ тѣла и окапчивающійся кожанымъ штымъ верхомъ, рубанка, выпущенная въ видѣ фустанеллы, и чувяки, все это скорѣе можетъ быть названо обще-балканскимъ костюмомъ, чѣмъ специально сербскимъ.

Женскій уборъ былъ представленъ намъ, какъ мы упомянули, пятью женщинами, болѣе или менѣе богато и тяжело убранными. Дѣвичьяго убора не было показано. Начнемъ, прежде всего, съ головы. На голову надѣвается большое бѣлое покрывало, въ видѣ длиннаго и широкаго убруса — полотенца, нѣсколько разъ свернутаго. Полотенце прикрываетъ голову и затѣмъ или свертывается вокругъ нея подъ шеей, или распускается обѣими концами по рукамъ, но при этомъ оно удерживается на головѣ особымъ полосатымъ шарфомъ восточнаго (дамасскаго) рисунка. Къ тому же самому полотенцу, у самыхъ ушей прикрѣплена шить крупнаго жемчуга, опускающаяся подъ подбородкомъ или подобная же нитка, гирлянда или шизка, какъ называли въ старину, золотыхъ монетъ или бляшекъ, обрамляющая весь овалъ и звенящая при каждомъ движеніи головы. Затѣмъ, поверхъ нижней рубанки надѣта верхняя, расшитая продольными полосами и по подолу изъ черной шерсти, почти въ томъ же самомъ типѣ, какъ въ нашихъ широческихъ уборахъ по Волгѣ. Поверхъ этой шитой рубанки надѣта шитая кофта, покрытая черными вышивками по бѣлому, идущими сплошь и почти совершенно закрывающими бѣлый рукавъ. Кофта эта подпоясана широкимъ мужскимъ поясомъ съ наборомъ. Конецъ рукавовъ завернутый, весь расшитъ въ видѣ широкихъ паруканшкѣвъ. Затѣмъ по переду надѣваются лицевыя занавѣски, богато и пестро расшитыя полосами вертикальными и продольными, а иногда вышитыя кругами, размѣщенными по поясамъ. Однако же, мы здѣсь, какъ и вообще въ другихъ окрестностяхъ близъ Скопѣ, не встрѣчали ни разу тѣхъ толстыхъ лицевыхъ передниковъ, набитыхъ горою, которые такъ поражаютъ въ нѣкоторыхъ болгарскихъ селеніяхъ близъ Салоникъ, Битоля и Охриды. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одежды въ окрестностяхъ Скопѣ рѣшительно шитьемъ не отличаются отъ женскихъ болгарскихъ народныхъ уборовъ и костюмовъ, обычно носимыхъ въ окрестностяхъ Салоникъ, Сѣра и пр. Развѣ только тѣмъ, что въ шныхъ мѣстностяхъ Болгаріи женскіе уборы еще болѣе напоминаютъ тяжеловѣсностью своихъ ушныхъ подвѣсокъ и низокъ средне-азиатскіе костюмы и уборы; затѣмъ въ шныхъ мѣстностяхъ пояса получаютъ характеръ чисто ариавтскій, съ извѣстными громадными бляхами изъ дурнаго серебра. Мы отмѣчаемъ это тождество сербскихъ и болгарскихъ народныхъ уборовъ съ удареніемъ, главнымъ образомъ, потому, что есть попытка ложнаго толкованія этихъ костюмовъ и уборовъ въ пользу того или иного политическаго опредѣленія жителей въ спорныхъ мѣстностяхъ, подобно округу

Скопје. Такъ, на примѣръ, указанное нами сочиненіе Гончевича представляетъ рисунки женскихъ народныхъ одеждъ, совершенно обычныхъ во всѣхъ болгарскихъ селахъ, подъ именемъ сербскихъ, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ на примѣръ Дибръ (стр. 185—6), Кичево, (стр. 189) тогда какъ въ томъ же самомъ сочиненіи, подобные же народные костюмы, явно, сербскаго населенія, представлены изъ Печа, Призрѣна (стр. 204, 218) и наконецъ даже съ невѣроятнымъ легкомысліемъ представлены двѣ болгарки изъ Букова и Мурихова (стр. 101 и 112) съ ихъ чудовищными подушками вмѣсто занавѣсокъ, подъ названіемъ «сербокъ».

Монастырь
Архангела
Михаила.

Проѣхавъ далѣе въглубъ того же ущелья, на разстояніи приблизительно двухъ часовъ, мы прибыли въ монастырь архангела Михаила, (рис. 128) построенный въ 1641 г. (по надписи надъ входомъ) и расписанный (по надписи) внутри церкви въ 1701 году¹⁾. Церковь монастыря отлично сохранилась, хотя изуродована во многихъ мѣстахъ внутри яркой и нестрой размазкою. Бывшая надъ самымъ входомъ надпись какъ будто печально, по, очевидно, въ силу тѣхъ же мотивовъ болгаро-македонской политики, замазана розовою

127. Церковь монастыря Архангела Михаила, близъ Скопје.

и голубою краской по набросанной штукатуркѣ. Главный интересъ церкви представляетъ ея роспись, достаточно сохранившаяся для того, чтобы быть пробнымъ камнемъ для оцѣнки и датировки позднихъ росписей другихъ церквей Балканскаго полуострова. Въ паронкѣ церкви на западной стѣнѣ изображено «древо Іессеево». На сводахъ вверху Спаситель и архангелъ Михаилъ и насупро-

тивъ «Денеусъ». На восточной стѣнѣ паронка изображенъ Страшный Судъ, а по его боковымъ стѣнамъ сцены изъ Протоэвангелія и Вселенскіе соборы. Въ центральной части церкви представлены Евангельскія сцены и «Соборъ архангела Михаила», въ куполѣ — Вседержитель съ пророками. Единственнымъ любопытнымъ отступленіемъ было изображеніе Лѣствицы на западной стѣнѣ, помѣстившееся въ средней части храма, очевидно, по забвенію обычныхъ темъ.

1) П. Н. Милюковъ, ib. стр. 113.

Оба боковые педфа по афонскому типу раздѣлапы полукруглыми пирами, и ихъ своды и стѣны росписаны также въ три пояса, сверху—евангельскими сценами, снизу—святыми, по преимуществу—святыми воинами и мучениками Георгіемъ и Димитріемъ, Меркуріемъ и Никитою, Проконіемъ и двумя Оеодорами. Отецъ игумень монастыря не желалъ насъ отпустить изъ обители безъ трапезы и принудилъ принять вечерю, на которую сошлось множество званого и, повидимому, также не званого народа изъ села: въ концѣ концовъ, эта вечеря стала ареною политики, благодаря принудительному одушевленію хозяевъ и многихъ гостей, множеству тостовъ и восклицаній, которыми управлялъ самъ отецъ игумень. По счастью, вся эта политиканская агитація была покрыта искреннимъ добродушіемъ простыхъ людей. Она происходила на террасѣ монастырскаго корпуса, построеннаго изъ громадныхъ балокъ по староафонскому образцу и съ тою же первобытной простотою, какую мы видали гдѣ либо въ Хиландарѣ или Зографѣ. Громадный деревянный столъ былъ покрытъ кувшинами съ виномъ и парѣзанными краяхами хлѣба; на немногихъ тарелкахъ поданы были куски варенаго мяса, огурцы и овощи. Вся эта характерная трапеза вполнѣ отвѣчала дѣтски простой и невѣроятно грубой размазкѣ отштукатуренныхъ стѣнъ террасы; на ней были написаны въ громадныхъ размѣрахъ, почти въ натуральную величину, различныя животныя и звѣри, бродящіе среди холмовъ и долинъ: олени, львы, верблюды, козы и пр. и пр.

128. Церковь монастыря Матки.

Монастырь Успенія, носящій названіе Матка, по имени ли села, или вѣрнѣе по народному имени Богоматери, представляетъ чрезвычайно щеголеватую, небольшую однокупольную церковь, съ высокимъ барабаномъ, значительно передѣланную какъ разъ во время нашей экзекспедиціи, и заслуживаетъ всякаго вниманія, благодаря сравнительно хорошо сохранившейся храмовой росписи. На полу церкви, передъ самыми царскими вратами (соединенъ въ храмѣ не сдѣлано или полъ былъ поднятъ когда либо) вѣдѣлана надпись, которая указываетъ, что церковь построена около 1370 года. Центральныи четырёхугольнишъ церкви имѣетъ въ ширину не болѣе 3 сажень и подпируж-

пыя арки оперты на столбахъ и на кронштейнахъ. Весь иконостасъ новѣй, но росписъ, исполненная на средства пѣквоей Миллицы при митрополитѣ Аѳанасіи, осталась нетронутою въ позднѣйшее время и, относясь къ XIV столѣтію (за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ поновленныхъ надписей) заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ сравнительно педурная сербская живопись. Въ главной алтарной нишѣ изображена Богоматерь съ Младенцемъ на престолѣ (храмъ посвященъ во имя Богоматери). Выше въ аркѣ Вознесеніе Господне и затѣмъ на томъ же уровнѣ, по сводамъ евангельскія событія. Въ среднѣй восточной подпругной арки святой Убрусь а по парусамъ евангелисты; внутри подпругныхъ арокъ пророки; среди нихъ Великаго Совѣта Ангелъ — ангелъ съ ликомъ Спасителя и съ надписью имени Іс. Хс. Подробности евангельскихъ событій, здѣсь представленныя, обращаютъ на себя также вниманіе: таково, напримѣръ, изображеніе Спасителя въ саду Геосиманскомъ и паденіе передъ Нимъ воиновъ, съ подробными вокругъ надписями «Азъ есмь»; «поклонись Ему» и пр. Въ слѣдующемъ поясѣ ниже изображены святыя, патріархи и пророки, святыя Анапія, Азарія и Михаилъ, Великій Архіерей и по сторонамъ Его Богоматерь и предтеча, святая Петка и пр. и пр. Подъ росписью имѣется надпись: *«Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и съвершеніемъ святаго Духа сии святыи бжжествени храмъ святыа Владичицы Богородице приснодѣвы Маріе».*

Выше монастыря Матки, по направленію къ югу, на скалѣ, въ области той же рѣки Трески, есть превосходно сохранившаяся купольная церковь Николая Чудотворца, подвергшаяся въ послѣднее время радикальной перестройкѣ и пристройкѣ, увеличившей церковь почти вдвое. По надписи, высоко помѣщенной надъ входомъ, на кругломъ камнѣ, церковь относится къ XIV вѣку и заслуживаетъ вполне осмотра, котораго мы, къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ не успѣли сдѣлать.

Куманово.

22 августа мы перѣехали въ большое село Куманово по желѣзной дорогѣ. Имѣя видъ нашей большой слободы, Куманово, тѣмъ не менѣе, городъ и значительный административный пунктъ въ центрѣ крушаго земледѣльческаго района. Однако, городъ этотъ состоитъ почти исключительно изъ чисто деревенскихъ построекъ. Его громадныя улицы, во время нашего пріѣзда, были покрыты, поверхъ вѣковой пыли, всякаго рода мусоромъ отъ большихъ базаровъ, здѣсь происходившихъ. Трудно вообразить себѣ что либо болѣе азіатски-грязное, чѣмъ пресловутая гостиница, или вѣрнѣе, харчевня съ померами въ этомъ селѣ. Номера эти, окружавшіе среднюю залу, имѣли размѣры, которыми могъ бы удовлетвориться только развѣ китаецъ. Нестерпимая вонь отъ очага, обильно поливаемого саломъ, и отъ коптящихъ керосиновыхъ лампъ, вмѣстѣ съ адскимъ шумомъ, поднимаемымъ выпивочными

компаніями, собиравшимися здѣсь,—дѣлали вообще пребываніе здѣсь, а особенно ночлегъ—совершенно невыносимымъ. Къ тому же, въ главномъ залѣ, имѣвшемъ видъ каютъ-кампаніи, одна стѣна была обращена въ театръ маріонетокъ и соотвѣтственно росписана. Правда, за отсутствіемъ труппы, пред-

129. Площадь села Куманова.

ставленій на этомъ театрѣ въ наше время не было, но хозяинъ гостиницы оказался любителемъ-музыкантомъ, игравшимъ на нѣсколькихъ инструментахъ; онъ время отъ времени развлекалъ по почамъ пировавшихъ у него за блюдомъ солянки или личиницы селяковъ своею игрой.

Цѣлью нашего пребыванія въ Кумановѣ было посѣщеніе монастырей Нагоричъ. Нагорича и Матейцы, перваго на востокъ, а втораго на западъ отъ Куманова. Поѣздка наша въ Нагоричъ была произведена со всевозможными удобствами въ двухъ сельскихъ фаэтонахъ. На поляхъ селяки (рис. 130) метали стога и

130. Селяне изъ стараго Нагорича.

собрались толпами, когда мы подошли къ одной группѣ. Интересъ видѣть неизвѣстныхъ русскихъ оказался до такой степени силенъ, что они долго стояли передъ нами и провожали насъ глазами, когда мы уѣхали. Большинство ра-

ботавшихъ были женщины, костюмъ которыхъ оказался облегченъ отъ извѣстныхъ тяжелыхъ передниковъ и походить до чрезвычайности въ этомъ видѣ на малорусскій и бѣлорусскій. Бѣлая рубаха принимаетъ здѣсь видъ длиннаго батынерукавнаго халата. На лѣвой сторонѣ его у женщинъ мы увидали извѣстный кошель, о которомъ уже было говорено, и могли легко догадаться, что жнецы и жницы были изъ сербовъ. Въ ихъ рукахъ были оригинальныя двузубыя вилы, съ особымъ короткимъ зубомъ, или, скорѣе, клыкомъ изъ крѣпкаго корня, вдѣланнаго въ раструбѣ. Этотъ клыкъ помогаетъ задерживать колосья и намъ показался остроумнымъ приспособленіемъ. Жнецы были изъ Старога Нагорича.

Пока мы ѣхали въ Старый Нагоричъ, бывшіе съ нами болгарскіе учителя настояли на томъ, чтобы мы по пути и ранѣе посетили село Младо-

131. Церковь въ селѣ Младо-Нагоричѣ.

Нагоричъ, поселокъ болгарскаго происхожденія. Мѣстность эта, составлявшая, какъ извѣстно, одну изъ резиденцій сербскихъ королей въ XIV вѣкѣ, и доселѣ, какъ мы убѣдились, заселена довольно многочисленнымъ сербскимъ крестьянствомъ; откуда взялись небольшою кучкой болгары и какъ удалось имъ отвоевать для себя поля и усадьбу, возлѣ старинной церкви, называя ее «Младо-Нагоричемъ», намъ осталось неизвѣстнымъ и понять это изъ разспросовъ какъ сербовъ, такъ и болгаръ, — не удалось. Церковь Младо-Нагорича отличной древней кладки, только переложенной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣетъ форму базиличную, но съ небольшимъ куполомъ, опирающимся на четыре столба. Абсида имѣетъ форму срезаннаго конуса о трехъ сторонахъ. Нарокъ очень широкій, двойной, раздѣленный также столбами, примкнутъ съ западной стороны. Вся церковь имѣетъ длины 19 аршинъ. Надъ внутреннимъ входомъ, нѣца обычной надписи, мы увидали сбитую какъ разъ штукатурку, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что бывшая здѣсь сербская надпись намѣренна уничтожена болгарами. Въ первомъ отдѣленіи притвора еще сохранилось на западной стѣнѣ *Успение Б. М.* и святые; внутренний притворъ безъ росписи. Роспись самой церкви сохранилась только частями. При этомъ въ абсидѣ изображена Б. М. среди ангеловъ, по сторонамъ поля Святителей; ниже — «Причащеніе» подъ двумя

гары и какъ удалось имъ отвоевать для себя поля и усадьбу, возлѣ старинной церкви, называя ее «Младо-Нагоричемъ», намъ осталось неизвѣстнымъ и понять это изъ разспросовъ какъ сербовъ, такъ и болгаръ, — не удалось. Церковь Младо-Нагорича отличной древней кладки, только переложенной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣетъ форму базиличную, но съ небольшимъ куполомъ, опирающимся на четыре столба. Абсида имѣетъ форму срезаннаго конуса о трехъ сторонахъ. Нарокъ очень широкій, двойной, раздѣленный также столбами, примкнутъ съ западной стороны. Вся церковь имѣетъ длины 19 аршинъ. Надъ внутреннимъ входомъ, нѣца обычной надписи, мы увидали сбитую какъ разъ штукатурку, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что бывшая здѣсь сербская надпись намѣренна уничтожена болгарами. Въ первомъ отдѣленіи притвора еще сохранилось на западной стѣнѣ *Успение Б. М.* и святые; внутренний притворъ безъ росписи. Роспись самой церкви сохранилась только частями. При этомъ въ абсидѣ изображена Б. М. среди ангеловъ, по сторонамъ поля Святителей; ниже — «Причащеніе» подъ двумя

видами, а еще ниже — святители. На сѣверной и южной стѣнахъ — изображены *Страсти Христовы* и *Житіе* *вм. Георгія*, что заставляетъ предполагать, что эта церковь была и въ древности освящена во имя *Вм. Георгія*. Роспись алтаря сохранилась полностью, нопись въ алтарѣ, повидному, принадлежитъ уже къ XV или XVI столѣтію (судя по шому, иконописному колориту и формамъ фигуръ) и снабжено греческими и славянскими надписями. Евангельская роспись представляетъ любопытныя черты, мало извѣстныя въ иконографіи; такъ, напримѣръ, «Несеніе креста» изображено какъ несеніе трехъ крестовъ съ толпою народа и вошами впереди. Далѣе *Распятіе* — изображено съ двумя приставленными къ кресту лѣстницами; по одной изъ нихъ влѣзаетъ служитель, повидному, отрѣзающій гвозди отъ тѣла Христова. На лѣво и направо группы воиновъ и апостоловъ, со святыми женами. Внизу женская фигура, колѣнопреклоненная, собираетъ кровь Христову въ чашу. На лѣвой стѣнѣ были пѣкогда изображенія ктиторовъ, но пѣнѣ фрески здѣсь сбиты. Отъ клирошанъ церкви мы узнали, что въ окрестности Нагорича пѣкогда было пять церквей, но три изъ нихъ пѣнѣ разрушены. Такое количество церквей заставляетъ думать, что онѣ были усыпальницами сербскихъ королей и ихъ семей и что разсмотрѣнная нами малая церковь Младо-Нагорича также была усыпальницею. Возможно, что около сѣверной стѣны и доселѣ находятся королевскія могилы. Таково было наше впечатлѣніе отъ церкви, и по своей продолговатой формѣ имѣющей характеръ усыпальницы и къ тому же расположенной вблизи главнаго монастыря. Между тѣмъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство, что когда въ битвѣ у Вельбужда 1330 г. погибъ пораженный Душаномъ болгарскій царь Михаѣль, то, уступая просьбамъ бояръ, краљ Стефанъ Дечанскій приказалъ похоронить убитаго Михаѣла съ почетомъ въ монастырѣ Нагоричинѣ¹⁾. Не гласила ли именно объ этомъ поражении Болгаръ уничтоженная надпись надъ входомъ, позволительно догадываться, равно какъ понимать и самое житіе *вм. Георгія* въ росписи церковной, какъ благодареніе за дарованную побѣду. Сбитыя изображенія ктиторовъ конечно, представляли сербскаго краля съ сыномъ и пр.

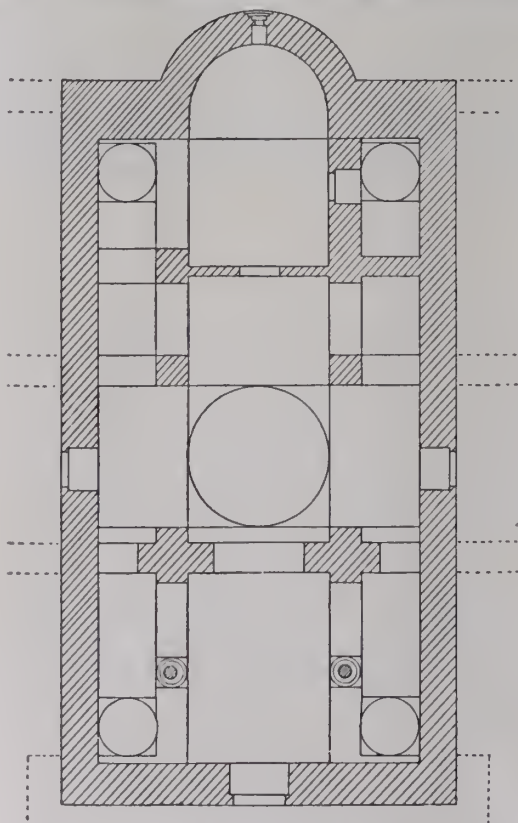
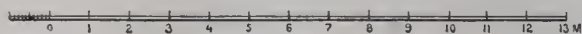
Главная и большая церковь села Старога Нагорича (рис. 132) посвящена также во имя *вм. Георгія*. Она поразила насъ своимъ величавымъ видомъ, такъ какъ была первою изъ большихъ сербскихъ церквей, нами видѣнной. Впослѣдствіи, увидавъ церковь Грачаницы, мы должны были многое сбавить въ нашемъ первомъ впечатлѣніи, но оно было настолько живо и сильно,

1) Иречка *Исторія Болгаріи*, стр. 277; Т. Д. Флоринскаго, *Южные Славяне и Византия*, стр. 56.

что мы не можем обойти молчаніемъ ея архитектуру. Въ планѣ (см. рис. 133) это схематическое и весьма шаблонное зданіе поздне-византійскаго типа.

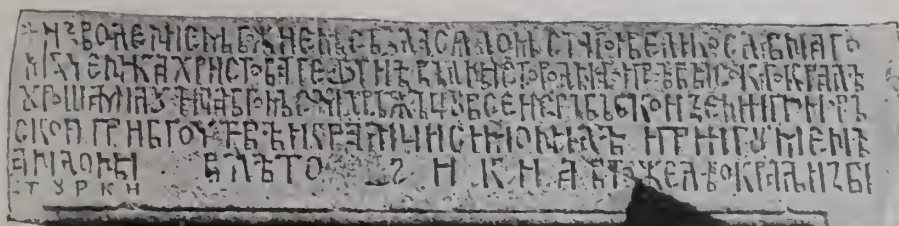
132. Храмъ въ селѣ Нагоричѣ.

133. Церковь Старого Нагорича. Планъ П. П. Покрышкина.

Нароникъ дѣлится двумя колоннами на двѣ неравныя половины: узкую переднюю наперть и болѣе широкую — внутреннюю. Затѣмъ слѣдуетъ центральная часть, крытая главнымъ куполомъ, съ широкими боковыми нефами. Слѣдующая — третья часть — передѣлена иконостасомъ на двѣ неравныя половины: первая образуетъ точную симметрію съ внутреннимъ наронкомъ, а вторая — составляетъ большой алтарь, съ двумя боковыми отдѣленіями: жертвенникомъ и діакошникомъ. По четыремъ угламъ церкви подымаются четыре малыхъ купола. Помимо прекрасной кладки изъ тесаннаго камня и кромѣ стройныхъ пропорцій, мы встрѣчаемъ здѣсь любопытное оживленіе всего верха церкви и купольныхъ барабановъ промежуточными слоями кирпича, а также орнаментальнымъ наборомъ того же кирпича въ оконныхъ аркадахъ, наличникахъ оконъ и аркадъ и вѣшечныхъ кирпичныхъ зубчиковъ, которыя всѣ, чрезвычайно разнообразить массивъ конструктивныхъ частей (не описывая подроб-

но, представляемъ снимокъ южнаго фасада (рис. 133), дающій нѣкоторое понятіе объ этой системѣ). Затѣмъ и внутри церковь превосходно раздѣлана всякими деталями, тройными окнами, гзымзами и карнизами, колоннами и капителями (даже съ подобіемъ іоническихъ волютъ по угламъ) и іоническими базами. Вообще, церковь внутри представляетъ крайне живописную перспективу необычайно стройныхъ, напряженныхъ и подвышенныхъ сводовъ, съ цѣлымъ рядомъ тонкихъ, уходящихъ въ высь столбовъ. И, дѣйствительно, церковь Нагорича представляетъ собою самый расцвѣтъ сербской архитектуры. Надъ западнымъ входомъ снаружи на ней находится прекрасно высѣченная на камнѣ (рис. 134) надпись: *изволениемъ божиемъ създася домъ сего и великославнаго мѣченика христово гешуриъ въ дни стороннаго и прѣвысокаго краля Уроша милутина богомъ самодержавиѣ всеи сербской земли и поморской при божитивни кралицы симонидѣ и при ишменѣ андоны в лѣто ШКН а в то же лѣто краля изби турки*. Такимъ образомъ, монастырь былъ устроенъ Стефаномъ Урошемъ Третьимъ или Дечанскимъ, и въ монастырь останавливался сынъ его Стефанъ Душанъ, когда шелъ противъ

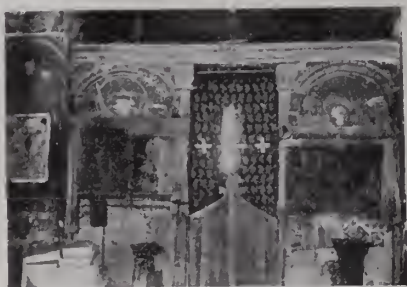

134. Надпись надъ западною дверью церкви Стараго Нагорича.

болгаръ и грековъ на битву 1330 года подъ Вельбуждемъ¹⁾. Но главная красота храма заключается въ его сплошной росписи, которая къ тому же отличается высокимъ достоинствомъ первокласснаго мастерства. Надпись внутри церкви гласитъ слѣдующее: «† бжѣмъ изволениемъ създася ѿ основаніе и пописасе чѣстнии храмъ сѣи поданикъмъ всакиимъ прѣвысокаго краля стефана Уроша въ лѣто 5501 при ишменѣ вепиаминѣ». Въ пяти куполахъ храма содержатся характерныя изображенія различныхъ типовъ Христа Спасителя, Спаса Вседержителя, Спаса Эммануила, Ветхаго Давида, и было бы весьма поучительно когда либо сдѣлать точные снимки этихъ изображеній, которыя намъ, съ нашими походными аппаратами, безъ лѣсовъ, исполнить было невозможно. Далѣе, по стѣнамъ храма расположена историческая часть христіанскаго ученія, въ видѣ евангельскихъ событій, какъ кажется, въ полной серіи. Характерно и то, что связью между Евангеліемъ и изображеніями Вседержителя, окруженнаго Небесными Си-

лами, служатъ посредничающіе между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ пророки. Особенной деталью, относящейся къ XIII и XIV вѣкамъ, является мѣсто, отводимое въ этой стѣнной росписи Богоматери, а именно: въ абсидѣ, въ алтарномъ сводѣ изображена Б. М. съ Младенцемъ, окруженная предстоящими ей двумя архангелами; на двухъ столбахъ, по обѣ стороны алтаря, обычное Благовѣщеніе. На западной стѣнѣ храма въ нарокѣ — Успеніе, занявшее мѣсто Страшнаго Суда, при чемъ Страшный Судъ помѣщенъ уже при переходѣ изъ вѣншнаго нарочка во внутренній. Наконецъ, образы Иисуса Христа и Б. М. помѣщены на большихъ столбахъ внутрен-

няго нарочка, противъ входа. Своды около алтаря, какъ и барабаны купола, заняты пророками. Затѣмъ, въ абсидѣ ниже Б. М. изображена Евхаристія и еще ниже 12 святителей. Далѣе, въ нарокѣ изображены житія различ-

135. Иконостасъ въ Нагоричѣ.

136. Церковь Нагорича. Образы Свв. Кирилла и Меодія.

137. Церковь Нагорича.

ныхъ святыхъ, главнымъ образомъ, Георгія и Димитрія; послѣдніе въ 27 поляхъ. Всѣ поддужныя арки и тяги покрыты изображеніями святыхъ по полямъ, а въ алтарѣ полными фигурами. Здѣсь особенно любопытными те-

1) Флоринскаго *ibid.* стр. 53.

мами являются для насъ изображенія свв. Кирилла и Меодія (рис. 136 и 137) на одной изъ поддужныхъ арокъ паронка. Они изображены рядомъ: Кирилль въ далматикѣ съ омофоромъ, а Меодій въ кренцатомъ саккосѣ. Наконецъ, на столбѣ, передъ алтаремъ, мы замѣтили любопытное изображеніе св. праротца Іакова, держащаго лучезарный щитъ, съ изображеніемъ Спаса Эммануила по груди; ниже погрудное изображеніе Спасителя, держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: «Прїидите вси труждающіеся» и проч., при чемъ изображеніе снабжено по сторонамъ надписью: **Ο ΕΛΕΗΜΩΝ** т. е. «Спасъ Милостивый».

Въ церкви любопытенъ древній иконостасъ (рис. 135), состоящій изъ мраморнаго архитрава, опущеннаго на двѣ колонны, утвержденныя, въ свою очередь, на баллюстрадѣ изъ плитъ. Далѣе, внутри между колонной и стѣпою выполнена мраморная аркада, а въ ней, въ древности, были вставлены по обѣ стороны поясные образа великомучениковъ Георгія и Димитрія. Образы нынѣ полуразрушены, и мѣсто заставлено кой какими иконами.

Церковь монастыря Матейцы близъ Куманова (рис. 138 и 139) представляетъ, къ сожалѣнію, уже полуразрушенное зданіе; съ него давно снята или свалилась крыша; верхъ купольныхъ сводовъ обрушился внутрь, и руина вся начинаетъ сверху заростать мелкимъ кустарникомъ, напоминая собою довольно обычное зрѣлище полуразрушенныхъ церквей Кавказа. Между тѣмъ, какъ видно изъ плана, составленнаго арх. П. П. Покрышкинымъ, и его собственнаго отзыва, церковь эта являлась некогда прекраснымъ образцомъ сербской архитектуры и, хотя, не представляетъ такой же блестящей кладки, какъ Старый Нагоричъ, по по своимъ архитектурнымъ формамъ составляетъ замѣчательный памятникъ первой половины XIV вѣка. Не разбирая болѣе подробно ея архитектуры, ограничимся указаніемъ на красивую паружную форму абсиды, выступающей впередъ полукруговъ діаконика и жертвенника пятиграннымъ корпусомъ, въ которомъ, кромѣ средняго окна, продѣланы еще четыре полукруглыя ниши.

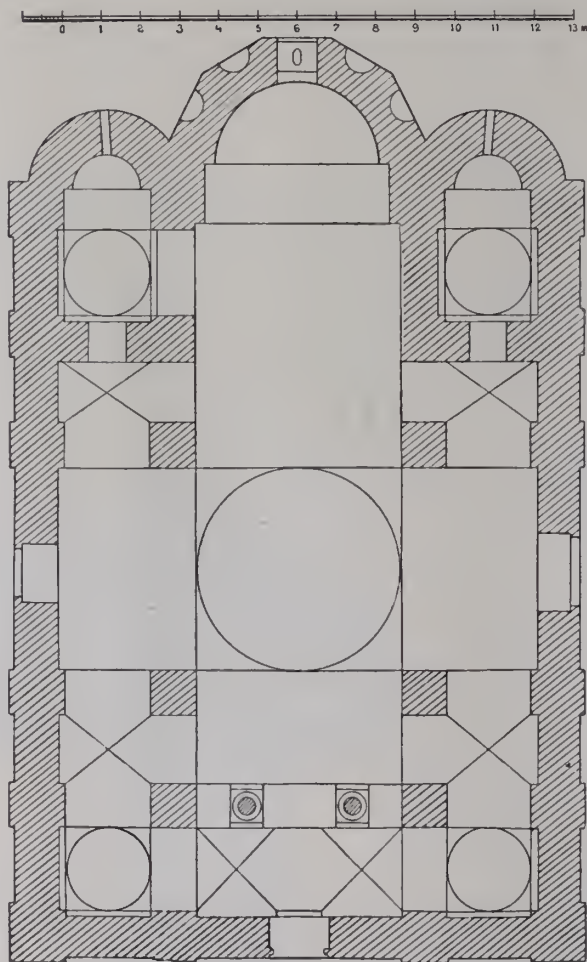

138. Храмъ въ Матейцахъ.

Такъ такъ церковь лишена крыши, то внутренность ея превосходно освѣщена, и фотографическіе снимки, исполненные арх. П. П. Покрышкинымъ, позволяютъ различать многочисленные остатки сплошной росписи, все еще ее покрывающей. Еще уцѣлѣли въ купольномъ барабанѣ большія фигуры, во весь ростъ, пророковъ и апостоловъ; Евхаристія въ алтарной нишѣ,

пооясь Святителей, Евангельскія сцены на стѣнахъ нефовъ (рис. 140) и ряды святыхъ по столбамъ и на шиклей части стѣнъ. И здѣсь, на западной стѣнѣ центральной части храма, передъ входомъ въ наружный пароккъ, изображено *Успеніе* Б. М. въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ событія. Поверхъ изображены группы ангеловъ и апостоловъ, уносящихся на погребеніе.

Въ большихъ и очень сложныхъ композиціяхъ представлено Успеніе, въ моментъ смерти, затѣмъ со Спасителемъ, держащимъ душу Маріи на рукахъ и въ третьей, — разрушенной сценѣ, по всей вѣроятности тема, соответствующая Вознесенію Б. М. на небо. Здѣсь изображенъ случай съ Аооніемъ и приготовленіе къ погребенію Б. М., изображенъ приготовленный каменный саркофагъ и проч. Ниже евангельскихъ сценъ представлены дѣянія апостоловъ. На одномъ изъ западныхъ пилястровъ есть остатки родословнаго древа сербскихъ королей. Наконецъ, въ церковной росписи любопытны монументальныя погрудныя изображенія святителей и самого Спасителя въ

139. Церковь села Матейцы. Планъ П. П. Покрышкина.

одной изъ пишъ. Фресковыя изображенія сербскихъ кралей ктиторовъ (рис. 141) на лѣвой сторонѣ храма сохранились болѣе, нежели по колѣна, и заслуживали бы акварельнаго снимка, такъ какъ фотографическіе снимки, по причинѣ разрушенія нѣкоторыхъ частей, выходятъ все же неясными.

Вернувшись из Куманова в Скопие, мы проехали затем по железной дороге, идущей на Митровицу, до Приштины. Доныне, как сквозь сон, вспоминаются мне чудные картины, на этом пути нами виденные. Уже через какие нибудь полчаса от Скопие железная дорога идет рядом с быстрым и чистым Лепеначем, а часа через два дорога лѣнится по карнизам и утесам узкого горного ущелья, проложенного этим горным ручьем. Прославить красоты этого горного прохода, его грандіозных ущелий и стремнищ и прыгающей среди них веселой рѣки — составить задачу будущего, быть может, недалекого времени, когда сюда устремятся туристы Европы. Нынѣ все это мѣсто — горная пустыня, которая оживляется только видом пасущихся стадъ, и среди вагонной пуб-

140. Роспись въ церкви с. Матейцы.

лики намъ не пришлось увидеть ни одного европейца. Турки, сербы и албанцы и то въ небольшомъ числѣ, набравшіеся въ поѣздъ, съ философскимъ равнодушіемъ относятся къ красотамъ природы, быть можетъ, потому, что по опыту хорошо знаютъ, какъ тяжело достается жизнь въ этихъ благословенныхъ мѣстахъ. При выходѣ изъ ущелья раскрываются дивныя плоскогорья, съ чистымъ горнымъ воз-

духомъ, сочной травой даже въ эту позднюю пору: отдѣльныя долины, среди свѣтло-лиловыхъ горныхъ кряжей, заканчиваются обширной равниной — это знаменитое Косово поле, какъ бы самой

141. Фресковыя изображенія кралей въ Матейцахъ.

природой назначенное для роковой битвы, мѣняющей судьбу государствъ и націй, до рокового часа прикрытыхъ этими горами.

Мы прибыли въ Приштину уже къ вечеру, часамъ къ пяти, выѣхавши изъ Скопје рано утромъ — такъ медленно ходятъ турецкіе поѣзда. Уже совсѣмъ стало темнѣть, когда мы съ убогой станціи поѣхали въ городъ, чтобы помѣститься подъ гостепріимнымъ кровомъ сербскаго вице-консула. Отъ своихъ хозяевъ, отъ кавасовъ и кучеровъ паслушались мы тутъ много о той тревожной жизни, какою живетъ Приштина. Тѣ сравнительно немногіе сербскіе дома, которые мы видѣли, принадлежали, однако же, наиболѣе состоятельнымъ лицамъ города, и очевидно, самое расположеніе его въ центрѣ замѣчательно плодороднаго и одареннаго во всѣхъ отношеніяхъ природою района, могло бы обезпечить ему выдающуюся промышленную роль, если бы страна сколько-нибудь пользовалась гражданскимъ спокойствіемъ. Но именно этого послѣдняго, важнѣйшаго условія, даже для современнаго существованія на землѣ, Балканскій полуостровъ не знаетъ вотъ уже полторы тысячи лѣтъ, и кто хотѣлъ бы ясно себѣ представить результаты подобнаго положенія, — тотъ долженъ былъ бы посѣтить именно старую Сербію, если бы только это было легко и доступно. Лично я и до сихъ поръ не знаю: насколько страхи, намъ представленные въ Приштинѣ, имѣли реальное основаніе: искренность и актерство сливаются и сопровождаютъ другъ друга даже въ области страха. Помню только хорошо, что насъ возили все по окраинамъ города, и мы совсѣмъ не видали его центра; что дома у себя мы жили какъ бы взаперти и даже разговаривали, оглядываясь по сторонамъ. Городъ расположенъ на склонѣ большой котловины и довольно обширенъ, а тѣ

142. Извошникъ въ городѣ Приштинѣ.

части, которыя мы видѣли, показались намъ весьма зажиточными. Было весьма обидно, что мы не могли осмотрѣть даже базара. Слѣва поповолѣ, мы на другой же день послѣ прибытія выѣхали для осмотра знаменитой Грачаницы. Мы доѣхали туда на фаэтонѣ; его кучеръ албанецъ надѣлъ отъ солнца большой полотняный банлыкъ, оканчивающійся большимъ оплечьемъ и до того поразительно напоминавшій персидскіе банлыки, между прочимъ, на самомъ царѣ Даріи и лицахъ его свиты, въ извѣстной мозаикѣ битвы Александра Македонскаго, найденной въ Помпеяхъ, что по дорогѣ въ Грачаницу нельзя было не думать объ историческихъ связяхъ Албаніи съ древнимъ Востокомъ (см. рис. 143).

Грачаница.

Грачаница, нынѣ большое село, а некогда цѣлое мѣстечко или городокъ, подобно Нагоричу, была резиденціею сербскихъ королей въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Сербіи. Въ самой Сербіи немного найдется церквей, пре-

восходящихъ Грачаницу по архитектурной щеголеватости и пышной отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, ея основное зданіе обезображено пристройкой большого паронка, съ западной стороны, въ XVI вѣкѣ. Если представить себѣ церковь безъ этой пристройки (хотя, вѣроятно, на ея мѣстѣ въ древности что либо было, служившее панертью), то храмъ приближается по характеру къ нашей суздальской архитектурѣ, только несравненно стройнѣе ея и своеобразнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Суздальская архитектура, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, не смотря на тесанный камень, изъ котораго она была выполняема, носитъ еще тяжелый византійскій характеръ по своей широкой конструкціи. Между тѣмъ, храмъ Грачаницы (рис. 143—145) прямо щеголяетъ и снаружи и внутри необыкновенной стройностью и высотой своихъ сводовъ и дивной кладкой изъ тесаныхъ камней съ прослойкою кирпича между рядами, а также пестрой орнаментацией кирпичныхъ рядовъ въ наличникахъ оконъ и оконныхъ аркадахъ въ барабанахъ и всѣмъ вообще уборомъ, отличающимъ сербскую архитектуру отъ широкой и массивной, но нѣсколько грубой и болѣе византійской манеры, свойственной болгарскимъ храмамъ. Храмъ Грачаницы внутри представляетъ совершенное правильное крестообразное дѣле-

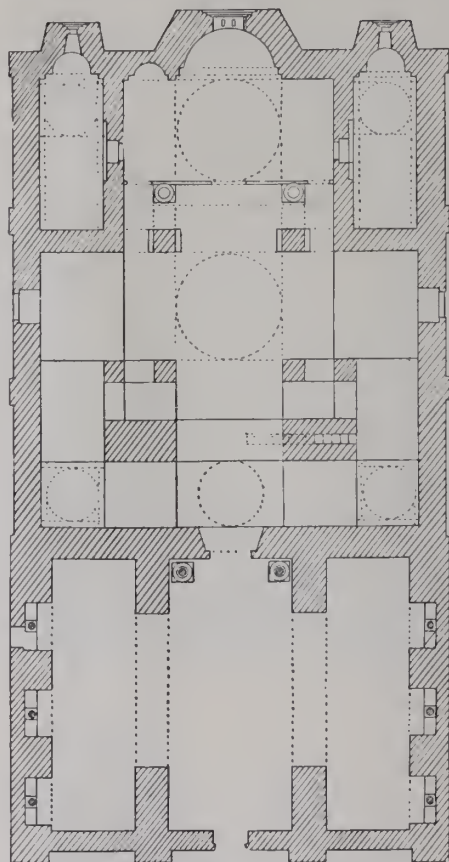
143. Храмъ въ Грачаницѣ.

и. Между тѣмъ, храмъ Грачаницы (рис. 143—145) прямо щеголяетъ и снаружи и внутри необыкновенной стройностью и высотой своихъ сводовъ и дивной кладкой изъ тесаныхъ камней съ прослойкою кирпича между рядами, а также пестрой орнаментацией кирпичныхъ рядовъ въ наличникахъ оконъ и оконныхъ аркадахъ въ барабанахъ и всѣмъ вообще уборомъ, отличающимъ сербскую архитектуру отъ широкой и массивной, но нѣсколько грубой и болѣе византійской манеры, свойственной болгарскимъ храмамъ. Храмъ Грачаницы внутри представляетъ совершенное правильное крестообразное дѣле-

144. Храмъ Грачаницы.

ше. При этомъ, его четыре пилона расчленены каждый на три части, чѣмъ, въ значительной степени, оживляется перспектива церкви. Далѣе, черезъ это выигрышается рядъ новыхъ стѣнныхъ поверхностей для росписи. Поперечный нефъ, благодаря формѣ креста, приходится въ центральной части и обра-

145. Церковь монастыря Грачаницы, по плану архит. Н. П. Покрышкина.

зуетъ два широкихъ помѣщеній для большихъ (монастырскихъ) службъ, согласно греческому обычаю обыкновенно справляемыхъ въ двухъ боковыхъ помѣщеніяхъ церковнаго центра (срав. устройство афонскихъ церквей). Особенно характернымъ обстоятельствомъ является полное отдѣленіе двухъ боковыхъ абсидъ и корридоровъ боковыхъ нефовъ, къ нимъ ведущихъ. По всей вѣроятности, и въ древности это были два придѣла, какъ въ старомъ Нагоричѣ, служившіе усыпальницами королевской фамиліи. Концы этихъ помѣщеній покрыты малыми куполами: два большихъ купола приходятся надъ алтарной частью въ центрѣ, а затѣмъ нарощъ храма покрыть тремя куполами, но средній изъ нихъ полуоткрытъ центральною аркой фасада. Такимъ образомъ, при общей эффектности зданія, его конструктивная сторона отли-

чается пестротой и нѣкоторой нецѣлесообразностью въ раздѣленіи помѣщеній: а именно: весь храмъ внутри оказывается до такой степени загроможденнымъ пилонами и столбами, что въ немъ образуется множество полутемныхъ угловъ, и повсюду перспектива постоянно прерывается загромождающими ее стѣнами и столбами. Если же принять во вниманіе, что стѣны всего храма сплошь росписаны, и что роспись эта мало разнообразится въ тонахъ, и кромѣ того, въ настоящее время покрыта вѣковой пылью и копотью, ложившейся на нее, конечно со времени ея исполненія, а, слѣдовательно, все внутри приняло однообразный сѣрый колоритъ, то станетъ по-

нятно, когда мы скажемъ, что мы испытали крайне смутное впечатлѣніе отъ внутренности храма, и особенно отъ его росписи. Такъ трудно, конечно, сосредоточиться на одной композиціи, когда лѣзутъ въ глаза рядомъ три-четыре неясно различаемыя, другія сцены. Если затѣмъ сообразить, что низъ церкви погруженъ въ темноту, особенно въ боковыхъ корридорахъ, а выше эта тьма перерѣзывается яркимъ свѣтомъ, льющимъ сначала изъ двойного окна, выше изъ тройного, еще выше изъ оконъ купола, то станетъ понятно, что пужны совершенно особенныя ухищренія, завѣшиваніе верхнихъ оконъ и пр. и пр., чтобы получить сколько нибудь удовлетворительныя фотографическіе снимки. Понятно затѣмъ, что намъ, немѣвшимъ возможности даже посѣтить Грачаницу болѣе двухъ разъ, удалось сдѣлать только такіе снимки, которые даютъ лишь общее понятіе о ея росписи. Самый низъ церкви внутри занятъ цоколемъ, на которой укрѣплены почти повсюду стасидіи, позволяющія, однако, рассмотреть, что цоколь или былъ раздѣланъ подъ мраморъ, или представлялъ подобіе пестрыхъ мраморовъ, порфировой облицовки и

146. Изображеніе царя Стефана Уроша въ церкви села Грачаницы.

проч. по византийскому пошибу. Стасидии захватили также нижнюю часть фресковой росписи, представляющей большія фигуры святыхъ, стоящихъ во весь ростъ десятками на каждой стѣнѣ; равно и столбы снизу въ нѣсколько поясовъ, покрытые фигурами святыхъ и особенно мучениковъ также въ ростъ. Слѣдующій поясъ, приходящійся на уровнѣ иконостаса, окаймленъ

147. Изображеніе кралицы Симоиды.

широкимъ карнизомъ, а выше его идетъ поясъ святыхъ, изображенныхъ по грудь. Выше стѣны дѣлятся широкими полосами, въ которыхъ изображены, въ сложной композиціи, евангельскія сцены. На западной стѣнѣ церкви (т. е. собственно стѣнѣ паронка), во всю ширину представленъ посреди Страхный Судъ, по краямъ, справа (отъ входа) — рай и слѣва — адъ. Затѣмъ, войдя въ паронкъ, на обоихъ столбахъ, по лѣвую и по правую сторону находимъ изображенія ктиторовъ церкви; на право (рис. 146): «Стефанъ, Урошъ, Христу Богу вѣрыгъ, милостію Божіею Самодръжць всѣхъ сръньскихъ земль и поморьскихъ и хтиторъ». На лѣвой сторонѣ, (рис. 147), въ соотвѣтствіе: «Симоида, Кралица Палеологина, дщи царя Андроника Палеолога». Обѣ фигуры имѣютъ положительный историческій интересъ, между прочимъ, по отношенію къ своимъ облаченіямъ, которыя, очевидно, изображены съ до-

статочной точностью. При этомъ должно сказать, что Стефанъ Урошъ Милутинъ женился на Симоидѣ, дочери Андроника старшаго, около 1320 года, а не, какъ считаютъ другіе, около 1300, такъ какъ ей въ 1300 году могло быть только или 5 или 7 лѣтъ, а ему самому — 45. Вѣриже принять расчетъ¹⁾, что бракъ съ Симоидою, сестрою Андроника III, могъ быть совершенъ

1) По расчету, сообщаемому въ *Trésor de chronologie* гр. Мас-Латри, 1889, p. 1760—61,

около 1320 года. Краль Милутинъ изображенъ въ коронѣ, имѣющей видъ тиары или, скорѣе куполообразной формы (подобная же корона сверху приписывается ангеломъ). Корона эта матерчатая, изъ золотной ткани; она перекрещена металлическими обручами и понизу также снабжена обручами, по этимъ обручамъ низана каменьями и жемчугомъ крупными рядами; жемчугомъ низаны и матерчатые верхи. Съ короны спускаются по обѣ стороны лица по двѣ нити жемчужныхъ. Лицо краля, съ узкимъ худымъ и длиннымъ оваломъ, тонкимъ носомъ и близко сдвинутыми глазами, окаймлено длинной раздвоенной бородой и длинными же локонами, спадающими на плеча. Затѣмъ, краль облаченъ въ узкій парчевой кафтанъ, съ пышнымъ оплечьемъ, съ лорономъ, проходящимъ по переду кафтана, а также сзади на мѣстѣ пояса, со свободнымъ концомъ лорона, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. На локтяхъ и выше кафтанъ покрытъ особыми нашивками съ драгоценными камнями и жемчугомъ; равно на мѣстѣ колыгъ (если сѣсть) кафтанъ украшенъ также широкими крестообразными нашивками, какъ и по низу. Костюмъ этотъ, благодаря лорону, является, несомнѣнно, королевскимъ облаченіемъ.

Ему соответствуетъ облаченіе Симониды. Высокая, расширяющаяся кверху, башнеобразная корона вся унизана камнями и жемчугомъ, а сверху, по краю, жемчугъ образуетъ зигзагообразныя (городки) украшенія. Лицо кралицы — юное, обрамленное снизу дугами двухъ косъ, оплетенныхъ жемчугомъ. На кралицѣ надѣтъ, поверхъ парчевой далматикѣ съ рукавами, спускающимися ниже колыгъ, мантия почти паглухо покрывающая всю фигуру и снабженная широкимъ оплечьемъ, которое дѣлится нагрудною застежкой на двое и набрано сплошь драгоценными камнями и жемчугомъ; на мѣстѣ локтей — орнаментальныя щитки, въ видѣ нашивокъ камнями и жемчугомъ. Вся парчевая, не дающая складокъ, одежда окаймлена также жемчугомъ.

Нѣкоторое любопытное заключеніе можно сдѣлать изъ сопоставленія настоящей фрески съ тождественнымъ изображеніемъ Милутина и Симониды въ Кральной церкви Студеницкой лавры, построенной въ 1314 году¹⁾. Оба изображенія могутъ быть названы тождественными, съ тою лишь разницею, что одно изъ нихъ помѣщено на столбахъ паронка, а другое (въ Кральной церкви) на правой сторонѣ южнаго нефа; да еще нѣкоторая разница, впрочемъ, вполнѣ понятная, заключается въ формѣ церквей, переданныхъ моде-

Милутинъ женился на первой женѣ ранѣе 1306 года, когда эта жена его упоминается въ папскомъ документѣ, а Симонида была уже четвертою.

1) П. П. Покрышкина. «Православная церковная архитектура» XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ «Сербскомъ Королевствѣ» СПБ. 1906. Табл. 57 и 58, стр. 52—3.

лами, очевидно, съ натуры, такъ какъ простое сличеніе этихъ моделей съ самими постройками убѣждаетъ въ этомъ обстоятельствѣ. И, дѣйствительно, если отбросить пристроенный большой паронкъ ила панерть церкви, вся остальная часть вѣрно изображается нашимъ рисункомъ.

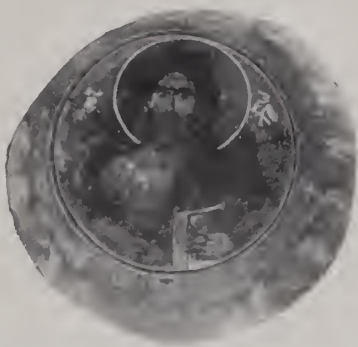
Войдя, затѣмъ, изъ паронка въ центральную часть Грачанинской церкви, находимъ на ея западной стѣнѣ большое и сложное изображеніе Успенія Б. М., въ трехъ главныхъ частяхъ и въ нѣсколькихъ моментахъ каждой части представленное. Въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться счастливымъ совпаденіемъ въ росписи Грачаницы (рис. 148) и той же

148. Западная стѣна церкви села Грачаницы.

Кральной церкви: судя по фрагменту, изданному на таблицѣ 56 упомянутого изданія П. П. Покрышкина, изображеніе и тутъ, и тамъ поспло почти одинъ и тотъ же характеръ, а именно: въ центральной части изображена Б. М., уснувшая на открытомъ ложѣ; за нимъ видна въ звѣздномъ ореолѣ фигура явившагося Спасителя, съ душою Маріи на лѣвой рукѣ. Вокругъ и позади ложа видна съ лѣвой стороны группа ангеловъ; въ Грачаницѣ число ангельскихъ фигуръ почти вдвое больше, чѣмъ въ Студеницкой церкви, но фигуры, по композиціи, совершенно тѣ же, и становится очевиднымъ, что иконописецъ укорачивалъ имѣвшійся у него картонъ съ прорисью. Достоинство греческихъ типовъ, переданныхъ въ фигурахъ ангеловъ, повидному, одинаковое въ обѣихъ церквахъ. Выше Успенія помѣщены евангельскіе сюжеты: Бракъ въ Канѣ Галилейской, Изгнаніе торгующихъ

изъ храма и проч. Въ большихъ куполахъ Грачашицы изображены Спаситель съ Евангелиемъ, Спасъ Вседержитель; по сторонамъ Его четыре евангелиста, распределенные по четыремъ сторонамъ свѣта. Авторъ изслѣдованія о сербской архитектурѣ совершенно справедливо указалъ на то, что типъ Спасителя (рис. 149) во всѣхъ этихъ фрескахъ первой половины XIV вѣка на Балканскомъ полуостровѣ отличается замѣчательной близостью къ Сицилійскому типу, представленному, главнымъ образомъ, алтарною мозаикою собора въ Монреале близъ Палермо. Еще одно доказательство того простого факта, что этотъ сицилійскій типъ византійскаго происхожденія ¹⁾ и, въ качествѣ такого, долженъ былъ быть распространенъ вездѣ, гдѣ только была принята византійская иконографія. Съ этой же точки зрѣнія имѣетъ въ данномъ случаѣ для насъ особый спеціальнѣйшій интересъ монументальное изображеніе въ алтарной нишѣ. Въ самомъ ея сводѣ или раковинѣ представлена Б. М. въ типѣ Оранты, съ поднятыми обѣими руками, а по обѣ ея стороны, слегка преклоняющіеся предъ нею архангелы Гавріилъ и Михаилъ, въ лѣвой рукѣ держащіе сферы съ начертаннымъ крестомъ, а правою рукою указывающіе на Б. М., какъ на ту Заступницу, къ которой должны обращаться молящіеся въ храмѣ. Надъ Б. М. въ полукругѣ лучистаго ореола съ херувимами видна по грудь фигура Спаса Эммануила, благословляющаго обѣими руками. Надъ Б. М. надпись: «Мати Божія». Образъ Б. М. носитъ характерныя черты лучшей манеры поздне-византійскаго стиля: она облачена въ широкій и тонкій пурпурный мафорій, окутывающій ея голову, ниспадающій на грудь, переходящій однимъ концомъ черезъ лѣвое плечо (см. рельефы ц. св. Марка въ Венеціи XII и XIII столѣтій); по низу мафоріи украшенъ пестрой бахромой; хитонъ синяго индиговаго цвѣта. Лицо отличается продолговатымъ оваломъ и мелкими утонченными чертами, свойственными византійскому типу: большіе глубоко посаженные глаза, подъ

149. Фреска въ куполѣ Грачашицы.

1) Типъ Монреале тождественъ съ мозаическимъ Спасомъ по грудь въ ц. Луки Оокидскаго, надъ входомъ въ главный нефъ, см. Schulz and Barnsley, *The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis*, 1901, p. 47, fig. 38, также Diehl Ch. *L'église et les mos. du cour. de S. Luc* 1889 p. 44 — 5. Этотъ памятникъ нач. XI в., въ свою очередь, тождественъ съ мозаичнымъ Спасомъ надъ входомъ въ б. ц. м-ра Хоры и Спасителемъ въ нароникѣ той же церкви: см. *Kahrie-Джами*. Альбомъ 92 табл., изд. Рус. Арх.-Инст. въ К-полѣ, табл. 56 и 60. Обѣ мозаики должны относиться къ XI—XII вѣку.

плоскими дугами бровей; длинный крайне тонкій носъ, крайне малыя губы и полный подбородокъ. Столь же характерныя византійскіе типы представляютъ погрудныя фигуры святыхъ, расположенныя во второмъ поясѣ снизу, по-верхъ такихъ же фигуръ во весь ростъ. А затѣмъ и всѣ сцены апостольскихъ дѣяній и особенно мученій и мученическихъ кончинъ носятъ такой же характеръ византійскихъ миниатюръ, перенесенныхъ на стѣны.

V.

Битоль.—Охрида.—Ая-Софія.— Церкви Охриды и ихъ древности. — Церковь св. Климента и ея древнія вкладныя иконы.—Предметы древности въ ея ризницѣ.— Историко-этнографическое и археологическое заключеніе.

Возвратившись затѣмъ изъ Приштины назадъ въ Солунь, мы черезъ нѣсколько дней по желѣзной дорогѣ переѣхали на кратковременное пребываніе въ Битоль или Монастырь, очень сожалѣя, что по обстоятельствамъ намъ не пришлось остановиться по дорогѣ хотя бы на одинъ день, въ Воденѣ. Мѣстность Водены, издавна извѣстная своимъ плодородіемъ, красотой мѣстоположеній, горныхъ ущелій, большихъ плоскогорій, привлекала насъ также нѣкоторыми, указанными здѣсь остатками и руинами бывлой высокой культуры. Но, съ одной стороны, невозможность найти тамъ гдѣ-нибудь, хотя бы въ окрестностяхъ, безопасный пріютъ, съ другой — необходимость управиться съ путешествіемъ до начала дождей, заставили отказать отъ осмотра окрестныхъ Воденскихъ руинъ, который потребовалъ бы весьма значительнаго времени. За Воденами стали открываться одно за другимъ небольшія горныя озера, окруженныя лѣсистыми холмами, тихія и свѣтлыя, какъ зеркало (озеро Острово — рис. 150), но окрестный пейзажъ былъ мертвъ и унылъ,

150. Озеро Острово.

весьма значительнаго времени. За Воденами стали открываться одно за другимъ небольшія горныя озера, окруженныя лѣсистыми холмами, тихія и свѣтлыя, какъ зеркало (озеро Острово — рис. 150), но окрестный пейзажъ былъ мертвъ и унылъ,

и на берегахъ этихъ озеръ видѣлись только мѣстами рыбацкія хижины. Такъ шло до Битоля, куда мы пріѣхали вечеромъ, и гдѣ встрѣтили значительное оживленіе. Городъ по внѣшности напоминалъ собою Солунь, но, правда, только въ немногихъ полу-европейскихъ кварталахъ, гдѣ жило или купечество, или дипломатическіе представители. Городъ служитъ центромъ для весьма обширнаго района, имѣетъ очень большой базаръ, украшается могучей рѣкою, (которая въ эту пору была сильно на убыли), имѣетъ даже городской садъ и можетъ похвалиться нѣкоторою культурностью и безопасностью. Расположеніе города отвѣчаетъ его современной роли и крупному значенію въ древ-

151. Долина г. Битоля.

ности; Битоль или Монастырь былъ столицею болгарскаго царя Гавріила-Радомира въ 1014—5 гг. и нынѣ имѣетъ до двадцати тысячъ жителей; городъ широко раскинулся въ устьѣ громадной долины (рис. 151). Всѣ наши поиски въ церквахъ не дали, однако, замѣтныхъ археологическихъ результатовъ; точно такъ же, какъ и поѣздки по

окрестностямъ, напримѣръ, въ сосѣдній монастырь Буковъ, оказавшійся болѣе дачнымъ поселкомъ, нежели остаткомъ старины. И въ Битолѣ приходилось являться къ мѣстному вали и выдерживать всѣ непріятности торжественной турецкой аудіенціи. Но и здѣсь всѣ разговоры сводились къ одной, даже исключительной, заботѣ о личной безопасности. Именно здѣсь, начиная съ Битоля, и затѣмъ во всю нашу дальнѣйшую поѣздку въ Охридъ, намъ побуждали, точнѣе, намъ совѣтовали отказаться отъ того познаго спокойствія духа, какое даетъ человѣку современный гражданскій порядокъ. Нигдѣ собственно не оказывалось видимыхъ причинъ къ безпокойству; мало того, мы не могли даже понять причину неопредѣленнаго страха, который видѣли во всѣхъ окружающихъ: какъ будто пѣчто было разлито въ самомъ воздухѣ, что отравляло жителямъ покойное существованіе. Ежедневно можно было слышать какіе то неясныя и, вѣроятно, совершенно вздорныя, слухи объ убійствахъ, о подобранныхъ трупахъ, о нападеніяхъ въ окрестностяхъ, о шайкахъ, и въ то же время не приходилось видѣть ничего реальнаго. Правда, впоследствии, (какъ увидимъ ниже), намъ таки при-

шлось увидѣть пѣчто въ явь и хотя отчасти понять причину господствовавшего ужаса. Въ это время въ Битоля русскимъ консуломъ былъ уже и тогда извѣстный храбрець, знатокъ края, изъѣздившій его вдоль и поперекъ А. А. Ростковскій. Въ бытность нашу въ Битоля онъ жилъ на дачѣ въ Буково, на высокой горѣ, не болѣе, какъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ одномъ изъ такихъ монастырей, котораго обширныя келы сдаются иностранцамъ подъ дачу. Таковъ монастырь, вѣриже, подворье св. Христофора, близъ Битоля, таково же и Буково, церковь котораго оказалась совершенно пеленбонитна. Покойный Александръ Аркадьевичъ былъ настоящій храбрець и, пренебрегая всякими дѣйствительными и мнимыми страхами, ѣздитъ всюду одинъ, или, самое большее, съ кавасомъ, бравируя все окружающее. Извѣстно, какъ трагически и быстро все это закончилось. На одной изъ окраинъ Битоля имѣются громадныя казармы, въ которыхъ турки держатъ, говорятъ, большіе гарнизоны (не рѣшаемся передавать указанной намъ цифры, и при томъ она, навѣрное, каждый годъ рѣзко мѣняется, а теперь и подавно). И вотъ, проѣзжая въ этихъ мѣстахъ, Ростковскій замѣтилъ одного солдата, который, не сдѣлавъ ему установленной чести, вѣроятно, вызывающимъ образомъ на него глядѣлъ. Консулъ подошелъ къ нему вплотную, опросилъ и былъ убитъ имъ наповаль.

Но мы рассказываемъ это совѣмъ не для того, чтобы выставить причиной постоянной тревоги здѣшнихъ жителей турецкій, или точнѣе, мусульманскій фанатизмъ, хотя фанатизмъ Ислама играетъ громадную роль, какъ исконная, глубоко лежащая и затаенная, на православномъ востокѣ, сила. Несравненно болѣе дѣятельною причиной постоянной смуты и отсутствія гражданскаго порядка, а отсюда и угнетающаго страну страха — являются албанцы, покровительствуемые въ Македоніи не только высшими турецкими властями въ Стамбулѣ и мѣстной администраціей, но и самою европейскою дипломатіей, не исключая, конечно, русской, которая изъ всѣхъ слѣсныхъ является слѣсною по преимуществу, такъ какъ не желаетъ видѣть того, что бьетъ въ глаза. Въ этомъ положеніи вещей, быть можетъ, наименѣе виновны сами албанцы, такъ какъ, представляя собою, по преимуществу, дикое племя горцевъ-пастуховъ, насѣвшее на земледѣльцевъ славянъ, оно вынуждается къ хищничеству тою тѣснотой, къ которой приводитъ земледѣліе повсюду скотоводческія племена. Какъ извѣстно, въ настоящее время на балканскомъ полуостровѣ не только происходитъ сдѣченіе самихъ албанцевъ въ политическіе союзы, но на ихъ сторону переходитъ населеніе, которое нынѣ называется албанизованнымъ и пристраивается къ албанцамъ такъ же точно, какъ нѣкогда къ средневѣковымъ феодаламъ, въ эпоху ихъ борьбы съ врагами. Мало того, существуютъ партіи, формируемыя искусственно, подъ давленіемъ дипломатіи

странъ, заинтересованныхъ какою либо помощью въ лицѣ населенія Балканскаго полуострова для завоевательныхъ, хотя бы и отдаленныхъ цѣлей. Правду сказать, вся эта чрезвычайно сложная политика слишкомъ полна того гнуснаго хищничества, какимъ всегда отличаются второстепенные пособники политическихъ задачъ. Въ частности, въ славянскихъ странахъ, какъ извѣстно, предательскіе инстинкты не только кишатъ въ изобиліи повсюду, но и перѣдко бываютъ исключительнымъ явленіемъ политики. Такимъ образомъ, когда говорятъ объ албанцахъ, должно постоянно разумѣть, что классъ, наиболѣе жестокой между ними, составляется изъ перешедшихъ въ мусульманство славянъ. Говорить обо всемъ этомъ приходится именно потому, что, начиная съ Битоля, имя албанцевъ почти не сходило у насъ съ устъ и, конечно, не даромъ. По счастью, мы не пишемъ общихъ политическихъ разсужденій, а только бѣглыя замѣтки путешественника, и потому можемъ, оставаясь на почвѣ реальной правды, передавать о положеніи вещей въ Македоніи то, что не только сами видѣли, но и ощутили. Но именно на обязанности путешественника лежитъ сказать полную правду о странѣ, а славянскія мѣстности Битоля, Охриды и Дибра могутъ назваться наиболѣе несчастными, и такое ихъ состояніе проистекаетъ отъ того, что турецкое управленіе производится здѣсь хищнически, насильственно и въ качествѣ орудія употребляетъ албанцевъ. Между тѣмъ дипломатія издавна привыкла признавать такъ наз. «албанскія насилія» только въ Старой Сербіи, такъ какъ во 1-хъ эти насилія тамъ, дѣйствительно, существовали, а во 2-хъ были отчасти на руку той дипломатіи, которая приготавлила въ Митровицѣ и Новомъ Базарѣ мотивы для оккупации. Но въ то же время эта дипломатія, съ любопытнымъ единодушіемъ, отрицала или игнорировала албанскій гнѣтъ въ западной Македоніи. Дѣло въ томъ также, что въ Старой Сербіи албанскія насилія надъ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ приняли давно уже характеръ волнений, даже бунта противъ турецкаго управленія, хотя здѣсь албанцы почти исключительно магометане. Напротивъ того, въ Охридѣ и Дибрѣ албанцы являются для турокъ отчасти пособниками, поддерживающими «красный терроръ» въ странѣ, на пользу Ислама. Не прошло и вѣка съ того времени, когда албанцы изъ долинъ восточной и южной Албаніи удалялись въ горы отъ турецкихъ податей и администраціи. Нынѣ уже заводится рѣчь объ естественномъ возвращеніи албанцевъ на мѣста ихъ первоначальнаго поселенія, даже объ исполненіи будто бы историческаго закона вытѣсненіемъ пришлыхъ славянъ первобытными племенами.

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Битолѣ, поднявшись въ 4 часа утра, мы выѣхали въ двухъ фаэтонахъ въ Охриду, главную цѣль нашего путешествія по этой части Македоніи. Уже черезъ 2 — 3 версты по выѣздѣ изъ

Битоля, намъ пришлось, въ теченіе долгаго времени, ѣхать по чудной мѣстности. Превосходное военное шоссе, продолженное турками въ повѣйшее время, но, — какъ обыкновенно бываетъ со всѣми турецкими шоссе и въ европейской, и въ азіатской Турціи, — не доконченное и брошенное почти на половинѣ пути, хотя, по всей вѣроятности, проведенное европейскими техниками, — связываетъ Битоля съ Рѣсенемъ. На всемъ нашемъ пути мы встрѣтили только разъ за весь день выюпный караванъ съ керосиномъ: ни одного фаэтона, ни одной повозки, ни одного всадника. Въ горахъ было видно много селъ, расположенныхъ въ чудныхъ, благодатныхъ ущельяхъ, но нигдѣ не видно было никакой жизни. Городокъ Ресень (рис. 152) расположенъ на краю озера, имѣетъ довольно пыльный, хотя состоятельный наружный видъ, и на его базарѣ нашлись даже древнія серебряныя монеты, между прочимъ, Лизимаха. Съ краю этого города пріютилось болгарское село, какъ разъ у самаго выхода въ долину, занятую озеромъ, по всей вѣроятности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него стекаются съ холмовъ общимъ потокомъ вѣшняя вода. Такъ называемая «гостишница» въ Реснѣ врядъ ли заслуживаетъ сколько-нибудь этого названія; это самый обыкновенный крестьянскій домъ, съ хилыми и дрожащими, порою — гибельными крыльцами, съ крохотными померками, въ которыхъ едва устанавливается походная постель, но, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ недавно побѣленными и потому сравнительно чистыми. Болгарскіе обычаи чувствовались здѣсь и давали о себѣ знать, прежде всего, отсутствіемъ той хозяйственности, если не культурности, которою отличаются сербскія деревни.

152. Улица въ Реснѣ.

Мнѣ помнится, что мы въ домѣ не нашли ничего съѣстного и намъ нечего было бы, что называется, положить на зубъ, если бы съ нами не было чаю, къ которому нашлась коврига хлѣба, да запасенныя нами яйца въ крутую. Уже черезъ два часа остановки мы выѣхали дальше и чѣмъ далѣе, тѣмъ, казалось, все глуше и глуше становилась страна. Было ли это такъ въ дѣйствительности, или это было временное впечатлѣніе, усиленное приближеніемъ вечера въ горахъ, но мы сначала ничего не видѣли по дорогѣ. Положимъ,

это обстоятельство собственно мало насъ тревожило. По дорогѣ были, по прежнему, чудные виды, и въ одномъ изъ ущелій, мы даже рѣшились остановиться на 5 минутъ, чтобы полюбопытствовать на турецкую сторожку (рис. 153). Это довольно большой каменный корпусъ, причудливо и не совсѣмъ правильно составленный изъ трехъ четырехугольниковъ; въ среднемъ была единственная входная дверь; въ каждомъ корпусѣ въ стѣнѣ по одному окну, маленькому, но застекленному; характерно было лишь то, что это окошко находилось почти подъ крышей, очевидно, затѣмъ, чтобы изъ него можно было стрѣлять, но нельзя было бы нападающимъ стрѣлять черезъ него внутрь комнаты. Эта глухая казарма, съ ея чисто турецкою неправильностью, стояла

153. Сторожка на дорогѣ въ Охридѣ.

тутъ не даромъ. Когда мы проѣхали немного дальше пяти верстъ отъ Ресеня, то въ одномъ изъ лѣсистыхъ ущелій увидали по другую его сторону мелькающія по дорогѣ, одна за другою, фигуры турецкихъ солдатъ. То шелъ турецкій отрядъ дозоромъ, въ поискахъ за укрывающейся гдѣ либо въ окрестностяхъ разбойничьей четы, а, можетъ быть, и просто отрядъ солдатъ, от-

правляющихся за поживою въ болгарскія села. Разобрать въ этомъ случаѣ, что вѣрнѣе, мы и не пробовали, такъ какъ кому же здѣсь на слово можно повѣрить. Скажемъ кстати, что едва ли не этотъ самый отрядъ мы увидали опять, когда уже возвращались изъ Охриды домой, но уже на шоссе, или, лучше сказать, на большой дорогѣ. Шли солдаты, человекъ 40, шли по турецки, въ разсыпную безъ всякаго порядка; рассмотреть второняхъ, кто ихъ велъ, было трудно, тѣмъ болѣе, что паружность турецкихъ офицеровъ весьма мало разнится отъ обыкновенныхъ солдатъ; такъ грубы ихъ мундиры и вульгарны ихъ лица. Но среди нихъ шли десятка два, а, можетъ быть, и больше, плѣнныхъ — я не знаю, какъ иначе называть. Это были исключительно болгары, такіе же высокіе и рослые, какъ и сами солдаты, и сплошь молодые и безбородые. Они шли, имѣя или кандалы, или какіе то путы на рукахъ и ногахъ (последнее было, быть можетъ, не у всѣхъ). Прибавлю, что на разспросы, которые мы послѣ дѣлали и кавасу, и жителямъ, и болгарскому митрополиту, и даже турецкимъ властямъ въ Битола — мы получили самые разнорѣчивые

отвѣты. Одни говорили, что это разбойники, другіе, что это мирные народныя учителя и крестьяне, исключительно изъ болгаръ. Одни представляли дѣло въ видѣ простаго привода къ суду. другіе — въ видѣ средневѣковыхъ ужасовъ, говорили, что жестокость обращенія турецкихъ солдатъ съ забранными болгарами превосходить наши современныя понятія, что болгаръ пытаются домають имъ члены, годами томятъ въ ужасныхъ клоновникахъ. Признаюсь, сравнивая турецкихъ солдатъ, въ большинствѣ изъ народностей Малой Азии, изъ Діарбекира, съ ордами нынѣ укрощенной Хивы и Бухары, можно считать эти ужасы не только возможными, но, по всей вѣроятности, реальными. Читая въ настоящее время почти ежедневныя газетныя разсужденія о задачахъ европейской реформы въ Македоніи — невольно припоминаешь то, что приходилось видѣть и испытывать ежеминутно въ этой прекрасной странѣ: приходишь къ окончательному заключенію, что, очевидно, европейская дипломатія не въ силахъ встать на путь справедливости и гуманности, и что самые низкіе матеріальные расчеты до такой степени ею руководятъ, что она не въ состояніи сообразить самаго простаго факта, а именно полной невозможности оставлять христіанскую страну въ рабствѣ у турокъ. Именно здѣсь, въ центрѣ албанскаго нашествія, становилось намъ наиболѣе яснымъ, до какой степени односторонне извращено пониманіе македонскаго вопроса, какъ онъ теперь ставится и дипломатіей, и прессою. Вы узнаете, напр., что главный элементъ населенія Македоніи составляютъ сербы и болгары, затѣмъ въ меньшемъ числѣ греки; румынская національность представлена въ весьма незначительной степени; турки являются пришлымъ элементомъ; въ старой Сербіи имѣются еще арнауты магометанскаго вѣроисповѣданія. — Такъ пишутъ даже жители Балканскаго полуострова, кто бы ни были: сербы, болгары, румыны, греки. Но почему же они скрываютъ подъ именемъ «арнаутовъ мусульманскаго происхожденія, которые, будто бы, имѣются только въ старой Сербіи», то громадное племя албанцевъ, о которомъ иные свѣдущіе люди рѣшаются даже утверждать, что оно вновь возвращается въ прежнія границы свои, изъ которыхъ нѣкогда силою колонизаціи оно было вытѣснено. Какъ примирить эту заманчивую мысль о томъ, что Балканскій полуостровъ, еще во времена Гомера принадлежавшій счастливому племени пеласговъ, вновь возвращается въ свое первобытное состояніе, съ такимъ укрываніемъ главнаго факта подъ видомъ мелочи и детали?

Дѣло въ томъ, что дальше мы слышимъ постоянно, что въ странѣ происходитъ борьба между болгарами, сербами и греками, но, что провести какія либо границы (отдѣляющія въ Македоніи болгарскія поселенія отъ сербскихъ) нѣтъ возможности, что эти два племени «одной религіи и почти одного языка» и такъ перемѣшались между собою, что Македонія утратила понятіе о націо-

нальномъ различіи своего славянскаго элемента. Еще настойчивѣе говорятъ, что это «понятіе о національныхъ различіяхъ македонскихъ славянъ въ массѣ народа стало развиваться сравнительно недавно и появилось со времени учрежденія болгарскаго экзархата», подъ вліяніемъ болгарской агитаціи и организованныхъ ею возстаній и повстанческихъ четъ. Но обо всемъ этомъ мы скажемъ въ концѣ.

Охрида.

Издавна существуетъ предположеніе, что Охрида (а, можетъ быть, Скопје) въ древности называлась «Первая Юстиніана». Правильно или нѣтъ, но объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Проконій четвертую главу своего знаменитаго сочиненія объ «Юстиніановыхъ постройкахъ» (*De aedificiis*) начинаетъ такъ: «Начать мнѣ надлежитъ съ родины царя, которой подобаетъ первенство и въ рѣчи, какъ уже ей отдано первенство и во всемъ прочемъ. Ибо ей одной подобаетъ гордиться и веселиться, и украшаться, такъ какъ она вскормила и дала римлянамъ такого царя, котораго дѣла ни на словахъ не представишь, ни въ письмѣ не изложишь. Гдѣ то, въ землѣ европейскихъ Дарданъ, которые обитаютъ за предѣлами Елладійцевъ, по близости отъ крѣпости, называемой Ведеріаны, было мѣстечко по имени Таврисій; изъ него то и произошелъ царь Юстиніанъ, хозяинъ вселенной... И вотъ онъ, обнеся селеніе это въ короткій срокъ стѣнами, по четырехугольной схемѣ и поставивъ на каждомъ углу башню, способствовалъ тому, что мѣстечко это названо четырехбашеннымъ. Кромѣ того и самое мѣстечко обстроилъ онъ, какъ великолѣпный городъ, который назвалъ первою Юстиніаной, воздавъ почетъ мѣсту, его вскормившему... Тамъ же устроилъ онъ и водопроводъ, снабдивъ городъ непрестанно текущими водами. Много и другого выполнилъ онъ для города полезнаго и заслуживающаго всякой похвалы: храмы Божіи въ такомъ числѣ, что и перечестъ трудно; зданія для правителей, которыя не опишешь словами; величавыя портики, красивыя площади, фонтаны, улицы, бани, крытые рынки... Сталъ городъ вообще большой и многолюдный, во всѣхъ отношеніяхъ благоденствующій, какъ бы митрополія для всей страны, къ тому же и мѣстопробываніе имперійскаго архіепископа (архіерея)...» Приведя эту выдержку, архимандритъ Антошичъ въ своей книгѣ «Пут. по Румелии» (стр. 28) рѣшительно отрицаетъ, чтобы все, сообщенное въ этой «сухой и безприкрасной реляціи историка», могло относиться къ Охридѣ. — «Какой же могъ быть тутъ Таврисій, если и ранѣе и позже Юстиніана существовалъ тутъ городъ Лихнидъ. И на что бы понадобились водопроводы, когда Охриду чуть не затопляетъ громадное озеро? Ясно до очевидности, что у Проконія дѣло идетъ о полосѣ Балканскаго полуострова, которую Спеккимъ называетъ Средиземною Дакіей, т.-е. о нынѣшнемъ Софійскомъ пашалыкѣ включительно съ Нишемъ и Кюстендилемъ, изъ коихъ

последній весьма может быть или первою или второю Юстинианою». Мы приводимъ это мнѣніе покойнаго палестиновѣда, хотя послѣднюю его догадку врядъ ли можно принять, такъ какъ Иппъ — древній «Наиссъ» слишкомъ извѣстенъ былъ древнимъ писателямъ, чтобы они могли не упомянуть его имя и смѣшать его съ Таврисіемъ и Ведеріаною.

Дѣйствительно, если попробовать разобраться въ вопросѣ отождествленія Охриды - Лихниды - Первой Юстиніаны, окажется, что архимандритъ Антошинъ совершенно правъ. Мы, собственно, не знаемъ, гдѣ находилась въ точности древняя Лихнида, такъ какъ извѣстно только одно, что она была на берегу того самаго озера, которое теперь зовется Охридскимъ. Конечно, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что единственный большой городъ, расположенный при томъ у начала горнаго прохода и, слѣдовательно, зашпирившій собою доступъ къ озеру, т.-е. нынѣшняя Охрида, и есть древняя Лихнида. Но, конечно, во времена Проконія имя Лихниды должно было быть отлично извѣстно, по крайней мѣрѣ, именно ему и, слѣдовательно, не зачѣмъ было бы ему толковать о Таврисіи и о какой-то Ведеріанѣ. Далѣе, текстъ Проконія указываетъ мѣстечко Таврисіи «выше Эпидамна», стало быть, повидимому, на Албанскомъ побережьи. При томъ Таврисіи находился гдѣ-то въ «Дарданіи». Если это имя нынѣ географами и неточно усваивается округу Скопіе, то, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ искать ее близъ Охридскаго озера. Правда, тотъ же Проконій сообщаетъ, что Первая Юстиніана послѣ ея перестройки императоромъ стала митрополіею, а Охрида, какъ мы знаемъ, уже въ XI вѣкѣ также сдѣлалась митрополіею, и тамошніе архіепископы рано успѣли воспользоваться отождествленіемъ этой своей резиденціи съ Первой Юстиніаной. Но мы, во-первыхъ, хорошо знаемъ произвольныя отношенія грековъ къ старинѣ, когда въ ней оказывается какая либо пужда, а въ данномъ случаѣ эта пужда была и ощущалась очень живо, а именно: требовалось и для болгарской резиденціи установить греческое происхожденіе и связать ее съ Византіей, такъ какъ енархія была греческая. Насколько, однако же, произволь въ отождествленіи Охриды съ Первой Юстиніаной чувствуется самими греками, видно изъ того, что, хотя указанное сочиненіе Димитцы эту гипотезу принимаетъ (даже въ заглавіи), однако доказать ее не пытается.

Главное же доказательство въ нашихъ глазахъ заключается въ самомъ описаніи Проконія. Передавая намъ о четырехугольномъ планѣ го-

1) Μαρτῆριου Γ. Δημιτσοῦ. Μακεδονικὰ 1874. р. 112, 605—29; Имена Лихниды: Λουχνίς, Λουχνίδιον, Λουχνίδος, Λουχνίδιον, Λουχνίδη, Αὐλύνιδος, Δασσαρίτης. Озеро: ἡ Λουχνίτις.

2) Ibid. р. 627—9. Имена Охриды = Ἀχρίς, Ἀχρίδα.

родка, Прокопій, очевидно, разумѣлъ ту распланировку, которую мы находимъ во многихъ римскихъ городахъ, построенныхъ на востокѣ: города эти имѣютъ видъ укрѣпленнаго четырехугольнаго лагеря, съ четырьмя башнями по угламъ, съ четырьмя воротами по четыремъ сторонамъ и двумя главными перекрещивающимися улицами. Въ такихъ городахъ римская императорская власть, дѣйствительно, выстраивала разомъ и базары, и храмы, и присутственныя мѣста, и термы, и городскія площади, и водопроводы, и фонтаны. Самое замѣчательное въ этихъ городахъ, конечно, не художественный стиль и не оригинальность ихъ построекъ, а та массивная монументальность, которой отличаются вообще постройки Римской Имперіи. Во времена Юстиніана, правда, строили уже не такъ, какъ на примѣръ при Адрианѣ или Діоклетіанѣ и знаменитая римская кладка изъ тесаныхъ камней, конечно, уступала мѣсто болѣе легкимъ постройкамъ. Однако же, Юстиніановскія постройки слишкомъ видны и характерны для того, чтобы онѣ могли скрыться въ какой нибудь Охридѣ: между тѣмъ, ничего подобнаго мы тамъ не находимъ. Наконецъ, планъ Первой Юстиніаны пригоденъ исключительно для города, расположеннаго въ долинѣ, а не на холмахъ, какъ раскинута Охрида. Эта послѣдняя, вѣроятно, была устроена вовсе не какъ административный пунктъ и обнесена стѣнами вовсе не при Юстиніанѣ, когда укрѣплены были цѣлымъ рядомъ крѣпостей, лагерей, сторожекъ и пр., и пр. берега Дуная, а не внутреннія части Балканскаго полуострова, въ то время пользовавшіяся сравнительнымъ спокойствіемъ, (кромѣ неожиданныхъ нашествій Готовъ и т. п.) подъ римскимъ управленіемъ. Охрида, какъ крѣпость, могла понадобиться, наоборотъ, именно болгарскимъ царямъ въ X столѣтіи и впоследствии, въ XI вѣкѣ, когда опасность горныхъ набѣговъ въ странѣ, столько разъ перемѣнившей свое осѣдлое населеніе и окончательно утратившей былую культуру, стала особенно грозною.

Е. Е. Голубинскій, въ своемъ очеркѣ исторіи болгарской церкви ¹⁾, справедливо отрицая мнѣніе, что Охрида есть первая Юстиніана, подробно объясняетъ происхожденіе этого самого мнѣнія. Юстиніанъ даровалъ особой новеллой своему городу автокефальную архіепископію, предоставивъ ей полную самостоятельность и власть, совершенно равную съ властью патріарховъ. Впоследствии новелла Юстиніана подверглась ряду дополненій и вставокъ, которыя сначала были только формулировкой желаній Охридскихъ епископовъ, а затѣмъ, путемъ обычныхъ злоупотребленій, явились выраженіемъ дополнительныхъ правъ. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Первой Юстиніаны, когда

1) Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдавашской. Москва. 1871, стр. 109—123.

три четверти Балканскаго полуострова были утрачены Византіею, т. е. приблизительно въ первой половинѣ VII вѣка, эта архіепископія перестала существовать. И вотъ, какъ говоритъ проф. Голубинскій, тѣмъ этой архіепископіи черезъ пять вѣковъ послѣ ея уничтоженія, была вызвана защитниками архіепископіи Охридской, чтобы спасти эту послѣднюю отъ угрожавшей ей опасности закрытія. А именно. съ возстановленіемъ въ 1185 году болгарскаго архіепископства въ Тырновѣ, Охридскимъ архіепископамъ надо было изыскать особыя причины къ своему существованію. Весьма вѣроятно также, что сначала никто не заботился объ отождествленіи Охриды съ Первой Юстиніаной, и это послѣднее обстоятельство явилось уже поддержкою претензій, заявленныхъ епископами Охриды. А въ XIV вѣкѣ оно стало общимъ мнѣніемъ. Проф. Голубинскій указываетъ на Іоанна Каматера, перваго въ ряду, поставленнаго архіепископомъ Охриды нѣсколько позже 1183 года, со времени котораго эти епископы стали называться архіепископами Первой Юстиніаны. Возможна также и другая догадка, болѣе практическаго свойства и болѣе близкаго къ обычаямъ греческой іерархіи на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣло въ томъ, что, начиная со второй половины XI вѣка, или затѣмъ въ теченіе всего послѣдующаго времени, Охридская архіепископія послѣдовательно теряла одну епархію за другою, а во времена большихъ переворотовъ, по нѣскольку епархій разомъ. Такимъ образомъ узурпированный титулъ являлся единственнымъ оправданіемъ устарѣвшихъ требованій.

На самомъ дѣлѣ Охрида, дѣйствительно, не отвѣчаетъ ни въ чемъ разсказу Прокопія. Во первыхъ, стѣны ея имѣютъ видъ неправильнаго многоугольника, во вторыхъ только кале имѣетъ башни, въ третьихъ, стѣны нынѣ такъ сложены, что ихъ скорѣе можно отнести къ XII—XIII вѣку, нежели ко времени Юстиніана: только самый низъ стѣны сложенъ изъ тесаныхъ камней, прочее изъ бутовыхъ. Въ третьихъ, какъ увидимъ ниже, въ городѣ совершенно нѣтъ какихъ либо особенно древнихъ церквей, никакихъ остатковъ большихъ общественныхъ сооружений и нигдѣ не видно какихъ либо, хотя грубыхъ фонтановъ. Городъ весь расположенъ на одномъ мысу, на которомъ имѣется кале или цитадель и въ двухъ уцѣлѣхъ по берегу и по амфитеатру окружающихъ холмовъ. Единственная торговая улица, вѣрнѣе, базарная, проходитъ отъ пристани по берегу подъ холмомъ, имѣетъ совершенно азіатскій характеръ, обставлена домами Стамбульскаго вкуса и тутъ же сельскими, болгарскими. Отъ нея въ разныхъ пунктахъ поднимаются вверхъ или прямые переулочки, на подобіе лѣстницъ (рис. 154), мощенные по гречески, или улочки, идущія вавилонами вверхъ и выводящія на новую горную параллель, тоже узкую улочку, въ которой дома съ правой стороны прилѣзлены къ скалѣ. Въ концѣ нижней торговой улицы спускаешься на широкое побережье,

также цѣликомъ застроенное домами, среди которыхъ извиваются темныя и узкія улицы. На болѣе свободномъ мѣстѣ стоитъ соборъ, вытянувшійся вдоль берега, на этотъ разъ, еще съ большою, свободною передъ нимъ площадью. На противоположной сторонѣ находится обширный базаръ Охриды, съ другою торговою улицей, идущею по берегу, болѣе широкой и, кажется, служащей

154. Верхнія улицы въ Охридѣ.

для склада крупныхъ товаровъ, а также хлѣба всякаго рода и проч. Центръ базара приходится подъ скалою, которая какъ бы особымъ мысомъ сдвинулась къ морю. Къ этой скалѣ прилѣпились остатки древней церкви и рядъ разнообразныхъ кофеенъ. Въ этомъ центрѣ стоитъ колоссальный дубъ, насчитывающій, вѣроятно, не одну сотню лѣтъ и къ нему пристроена легкая кофейня, а въ его тѣни держатся всѣ городскіе подростки, наполняя городъ неумолчнымъ шумомъ. Въ базарные же дни здѣсь и на сосѣднихъ улицахъ непроходимая толча, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ побывка въ городѣ составляетъ, въ бук-

вальномъ смыслѣ слова, единственное развлеченіе для окрестностей. Правда, по общему обычаю всего Востока и Балканскаго полуострова въ частности, кофейни назначены исключительно для мужчинъ, потому ли, что женщины считаютъ неприличнымъ для себя ходить въ нихъ, или потому, что даже минимальная плата за кофе, равняющаяся нашей одной копейкѣ, составляетъ тяжелый для женщины расходъ и мы никогда не видали ни греческихъ, ни болгарскихъ, ни сербскихъ женщинъ въ кофейняхъ. Напротивъ того, именно въ Охридѣ мы видѣли любопытный и нѣсколько оригинальный обычай: по краю улицы, по тому мѣсту, гдѣ у насъ полагается «панель», сидѣли ряды женщинъ, на солнцѣ, часами, держа передъ собою

корзины съ яйцами, мотки шерсти, кто что могъ вынести для продажи, въ то время какъ мужья ихъ сидѣли возлѣ большихъ мѣшковъ съ зерномъ. Какъ въ Битолѣ и Сѣрѣ, такъ и здѣсь количество набившагося народа въ базарные дни можно было насчитывать тысячами. Мужщины даже вовсе не сочли нужнымъ сколько нибудь принарядиться, какъ то дѣлается у насъ, и даже женщины явились въ обыкновенныхъ одеждахъ и уборахъ. Горожанъ можно было отличать по фескамъ, а селяковъ по низкимъ болгарскимъ шапочкамъ изъ войлока. Шапка эта собственно темного ниже фески, по носится съ заломомъ всего днища внутрь шапки, по крайней мѣрѣ на три четверти ея. Затѣмъ, въ мужской одеждѣ замѣтили мы преобладаніе распашного кафтана, коричневаго цвѣта, изъ крайне грубой домодѣльной ткани. Такимъ образомъ городъ Охрида не можетъ назваться малымъ, напротивъ, онъ великъ и пространенъ, и также очень многолюденъ, а большинство его жителей и примыкающихъ къ нему селъ состоитъ исключительно изъ болгаръ, а затѣмъ, по въ очень небольшомъ числѣ и то въ городѣ есть, какъ болгары называютъ, «сербоманы» или же «патріархисты». Къ сожалѣнію, весь берегъ озера, по которому городъ расположенъ, сплошь застроенъ и домами побогаче, изъ которыхъ нѣкоторые вывели даже въ воду свайныя постройки, и кофейнями, по стамбульскому образцу настолько густо, что только въ одномъ небольшомъ углу, гдѣ, кстати, примостилась наша гостиница и гдѣ отведено мѣсто для пристани мелкихъ лодокъ, берегъ сколько нибудь свободенъ и открываетъ видъ на озеро. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ города озеро видно только изъ домовъ, а никакъ не съ улицъ и, конечно, это лишаетъ городъ главной его прелести.

Охридское озеро (рис. 155) не даромъ прославляется всѣми побывавшими здѣсь путешественниками. Оно напоминаетъ собою наиболѣе озеро Комо, хотя горы, его вплотную обступившія, несравненно ниже и, кромѣ 20 деревень и трехъ монастырей какъ-то тонущихъ въ горныхъ лѣсахъ, не имѣетъ никакихъ болѣе городовъ и потому все-же представляется пустыннымъ. Правду сказать, однако, то обиліе городовъ и мѣстечекъ, которое мы находимъ на итальянскихъ и швейцарскихъ озерахъ, не служить къ ихъ большой красотѣ: совсѣмъ напротивъ, — всякое озеро, въ особенности горное, своею почти постоянною тишиною, а, главное, отраженіемъ лѣсовъ и скалъ, рождаетъ пейзажъ, въ человѣческихъ глазахъ, отмѣченный меланхолическимъ настроеніемъ, и поэтому нѣкоторая пустышность къ озеру вообще идетъ. Главное, что составляетъ прелесть Охридскаго ландшафта, это густые, видимо, вѣковые лѣса, покрывающіе его горы. Въ этихъ лѣсахъ сказывается промышленный покой страны, обреченной пока на полное уединеніе отъ европейской жизни. Вода Охридскаго озера славится необыкновенной

чистотою и хрустальностью; оно рыбно, и известный Ганъ насчитываетъ въ немъ 13 породъ рыбъ замѣчательнаго вкуса. Большія лодки, называемыя здѣсь «чунамя», лѣниво бороздятъ его невозмутимую поверхность тонкими струйками, бѣгущими отъ ихъ единственнаго весла. Рисунокъ такого челна

155. Видъ изъ г. Охриды на озеро.

(см. рис. 156) прямо средневѣковой и близко напоминаетъ намъ тѣ большія арабскія лодки, которыя ходятъ по Красному морю и по берегамъ Африки, но уже почти совсѣмъ исчезли въ сѣверной части Средиземнаго моря; это обыкновенная большая лодка, сама по себѣ даже не особенно широкая, но прикрытая сверху, почти во всю свою длину, широкою рубкою, какъ будто другая лодка парочена на большую грубую колоду, да еще поверхъ этого укрѣплена деревянная рѣшетчатая терраса. Въ лодку сваливаются грубые товары, зерно, соль, овощи, шерсть, а на этой рѣшетчатой террасѣ, на свѣжемъ воздухѣ, а иногда и на вѣтру, помѣщаются пассажиры, конечно, сидя на корточкахъ, или на полу.

Вообще мѣстоположеніе города въ углу Охридскаго озера, по близости отъ двухъ крупныхъ источниковъ, его наполняющихъ, должно быть названо въ своемъ родѣ стратегическимъ. Не даромъ уже древняя Тихида славилась богатствомъ, и къ ней устремлялись завоеватели и искатели приключеній во все время среднихъ вѣковъ. Въ извѣстныхъ отрывкахъ исторіи Малха ¹⁾

1) *Corpus scriptorum hist. byz. ed. Bonn. pars I, p. 244.*

подъ 479 годомъ сообщается подробный разсказъ о томъ, какъ къ этому городу двигался знаменитый Θεодорихъ, когда началъ свой историческій походъ отъ Константинополя въ Италію на завоеваніе Рима. Малхъ представляетъ этотъ походъ торжествомъ византійцевъ и пораженіемъ готтовъ, которые, въ ярости отъ своей неудачи и большихъ потерь, шли (бѣжали), сжигая селенія и убивая всѣхъ, кто имъ попадался. Θεодорихъ завладѣлъ Стовами (Штинъ), «первымъ городомъ Македоніи», стоявшимъ на его дорогѣ. Когда же разнесся объ его приближеніи слухъ и въ Θεσσαλονикѣ, жители города тотчасъ заподозрили, что императоръ и ппархъ сдадутъ готтамъ городъ на разграбленіе (недурное понятіе о Византіи имѣли въ Солуни), то собрались и свергли

156. Лодка на Охридскомъ озерѣ.

всѣ статуи императора, а ппарха собрались растерзать и домъ его сжечь. Въ концѣ концовъ, сговорились, однако, на томъ, что горожане, получивъ городскіе ключи отъ ппарха, сдали ихъ архіепископу и составили свою стражу подъ начальствомъ избраннаго стратига. Тѣмъ временемъ Θεодорихъ пошелъ на миръ, а самъ двинулся на Ираклію (въ Македоніи двѣ Иракліи: возможно, что настоящая Ираклія та, которая называется нынѣ Реснемъ), внослѣдствіи, получивъ отъ Византійцевъ 200 литровъ золота, рѣшился, наконецъ, изъ Иракліи уходить, но въ досадѣ, что ему не дали припасовъ, городъ, покинутый жителями, сжегъ и «разомъ поднялся съ мѣста». Онъ быстро шелъ по бездорожному и тѣсному пути, ведущему къ области, «называемой Новымъ Эпиромъ» (та-же дорога, что нынѣ ведетъ изъ Ресня въ Охриду по склону

горы Перистерии и других холмовъ). Онъ послалъ впередъ конницу для занятія вершинъ, предписавъ ей ѣхать впередъ и снять стражу, если она тамъ была. Но когда готская конница поднялась наверхъ, оберегавшіе крѣпостцу воины стремительно бѣжали... Готы шли дальше уже совершенно пустынными мѣстами, и Оеодорихъ шель все время самъ впередъ. Положившись на то, что никто ему не препятствуетъ, онъ далъ приказъ обозу ѣхать не останавливаясь, самъ же поспѣшилъ впередъ, чтобы печальнымъ приступомъ захватить какой бы то ни было городъ. Но, приступивъ къ Лихиду, былъ отраженъ. Городъ былъ расположенъ въ очень крѣпкомъ мѣстѣ и имѣлъ внутри у себя множество источниковъ, да къ тому же былъ въ изобиліи снабженъ хлѣбомъ. Тогда, поднявшись отсюда, Оеодорихъ беретъ Скамнію, бронешную давно уже жителями, а затѣмъ занимаетъ Эпидамны».

Характеристика Лихиды или Охриды, сообщенная далѣе Малхомъ, какъ города «издревле богатаго и счастливаго», да еще, кромѣ того, превосходно защищеннаго своимъ положеніемъ внутри двухъ ущелій и глубокимъ озеромъ и къ тому же находящагося въ стратегическомъ узлѣ и на важномъ пути, сдѣлана съ достаточной яркостью. Достаточно выѣхать изъ города на востокъ, по узкому ущелью, гдѣ бѣжитъ сильный горный ручей и стоитъ много мельницъ, среди двухъ отвѣсныхъ стѣнъ, чтобы понять, какъ трудно и опасно было прорываться здѣсь даже готоамъ, когда наверху было укрѣпленіе и стояли войска. Но когда затѣмъ сдѣлаешь еще экскурсію на западъ отъ города, въ сосѣднюю деревню, откуда узкая долина выводитъ на дорогу, идущую къ Эльбасану и Адриатическому морю, то ясно начинаешь понимать значеніе этой мѣстности, не только занятой въ глубокой древности, но и игравшей крупную роль во всей исторіи Балканскаго полуострова. Извѣстно, что Охрида, въ эпоху процвѣтанія перваго Болгарскаго царства, при царѣ Самуилѣ въ 995 году, вмѣстѣ съ Преспою, стала своего рода столицею болгарскихъ царей. Правда, эпоха эта продолжалась весьма недолго, и Василій II Болгаробойца, начавши рѣшительные походы противъ Болгаріи въ 1014 году, заканчиваетъ покореніе Македоніи въ 1019 г. и на мѣстѣ Преспы строить двѣ крѣпости: одну на высотахъ, а другую у озера. Нашъ знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ замѣчаетъ, что Охрида «въ исторіи южныхъ славянъ есть пунктъ, бытъ можетъ, самый темный и, тѣмъ не менѣе, въ изслѣдованіи хода просвѣщенія славянъ будетъ всегда предметомъ, отъ раскрытія котораго можно всегда ожидать важныхъ поясненій. Съ паденіемъ первой династіи болгарскихъ царей, подъ властью Латиновъ и деспотовъ Эпирскихъ, наконецъ, съ преобладаніемъ сербскимъ, — городъ и епархія мало по малу теряли свое значеніе. Мнѣ легко представлялась утрата всего освѣщающаго память объ этомъ городѣ, и потому съ

восторгомъ встрѣчалъ я все, что неожиданно отклоняло почтенную его древность». Однако, самъ Григоровичъ пробылъ только шесть дней въ Охридѣ, и очевидно, испытывалъ крайнее затрудненіе и даже искалъ погороду пріюта, такъ какъ его ханъ оказался невѣроятно грязенъ. Въ томъ же самомъ положеніи оказались и мы; пріѣхавши въ Охридъ поздно вечеромъ, остановились въ болгарскомъ ханѣ. Было бы трудно и даже непріятно самому автору изобразить реально, до какой степени грязенъ и салеиъ оказался утрѣмъ нашего ханъ, или такъ наз. гостинница. Со времени своей постройки она, очевидно, никогда не чистилась и очень рѣдко подметалась. Кромѣ того общая комната, въ которую выходили наши углы, къ ночи оказалась наполненною гостями, замѣчательно печистоплотными и чрезвычайно любопытными. Тяжесть нашего положенія усиливалась тѣмъ, что надо было соблюдать политику и, слѣдовательно нельзя было прибѣгнуть къ единственному способу удаленія этихъ шумныхъ людей. Черезъ день мы перебрались въ сосѣдній ханъ, уже принадлежавшій греку, съ кочейней внизу, на берегу озера, съ большою общей комнатою и почти такими же большими отдѣльными комнатами. Неожиданный покой, который мы здѣсь обрѣли, заставляетъ съ благодарностью упомянуть даже и ту степень культуры, которую встрѣчаешь на балканскомъ полуостровѣ у грековъ, не смотря на то, что къ грекамъ на востокѣ примѣшалась, вообще говоря, всякая діаспора, еврейская по преимуществу. Отдыхъ былъ для насъ очень важенъ, такъ какъ въ Охридѣ намъ пришлось встрѣтить такъ много работы, что мы приходили домой къ вечеру въ совершенномъ изнеможеніи, а здѣсь мы могли сидѣть вечеромъ въ уединенной кофейнѣ, помѣщавшейся подъ нашими покоями, на берегу дивнаго озера и наслаждаться видами чудныхъ, какъ бы лѣтнихъ ночей. Охридское озеро расположено на большой высотѣ, а время нашего пребыванія подходило къ серединѣ сентябрю и тѣмъ не менѣе ночи были теплы и тихи, не было ни вѣтра, ни тумана, который бы скрывалъ дивныя очертанія окружающихъ горъ. Желая быть правдивымъ, я долженъ сказать прямо, что климатическія условія Охридскаго озера показались мнѣ лучшими, чѣмъ итальянскихъ озеръ. Какъ извѣстно, итальянскія озера расположены у подножія высочайшаго хребта Европы, тамъ, гдѣ контурфорсы этого хребта спускаются широко расходящимися ущельями къ обширной равнинѣ Ломбардіи. Благодаря этимъ условіямъ, по этимъ озерамъ постоянно тянетъ лѣтомъ освѣжающій ихъ холодный горный воздухъ. Но за то въ сентябрѣ эта прохлада смѣняется именно тамъ постоянными сильными вѣтрами и бурями, дождевыми шквалами и такими непогодами, что, напримѣръ, на берегахъ Комо въ октябрѣ можно видѣть выпадающую снѣжную крупу. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находятся окрестности Охридскаго озера.

Оно образуется не однимъ большимъ горнымъ потокомъ, какъ итальянскія озера, при томъ текущимъ съ сѣвера, но 13-ю горными ручьями и представляетъ собою подобіе овальной чашки, вѣчно покойной, которой зеркальная поверхность только серебрится мелкой рябью, бѣгущей отъ лодки, а вѣтра, или даже вѣтерка на этомъ озерѣ мы за все время пребыванія ни разу не почувствовали.

Св. Софія.

Главнымъ памятникомъ Охриды является, конечно, Святая Софія, нынѣ обращенная въ мечеть подъ именемъ Айя-Софін (рис. 157): это — большое, неуклюже-длинное зданіе купольной базилики, построенной въ 1317 году, какъ то гласитъ монументальная надпись, набранная по боковому фасаду храма епископомъ Григоріемъ (въ 6825 году). Но къ 1317 году относится, по всей вѣроятности, только пристроенный къ храму съ западной стороны притворъ, имѣющій чрезвычайно вышительную, по величавости, наружность (рис. 158), но въ то же время представляющій ту мелочную орнаментацию стѣнъ, которую вообще замѣчаемъ въ позднѣйшей архитектурѣ Греціи и Балканскаго полуострова. Что касается самого собственно храма, то архимандритъ Антошнъ, сообщившій на таблицѣ 2-й своего сочиненія планъ Софін, а на таблицахъ 3 и 4 ея наружный видъ, ея трехъярусный портикъ и видъ внутренности, полагаетъ, что эти два зданія, пристроенныя одно къ другому подъ прямымъ угломъ, различной архитектуры и разнаго времени: порталъ, говоритъ онъ, новѣе и изыщнѣе, самая же церковь съ перваго раза обѣщаетъ быть коніею Никейской Св. Софін. «Вступивъ во внутренность бывшей церкви, — говоритъ онъ, — я испыталъ предчувствованное и ожидаемое разочарованіе. Впечатлѣніе было не только печальное, но, какъ будто, ужасное. Цѣлое представляетъ изъ себя длинный подвалъ, накрытый полуцилиндрическимъ сводомъ, утверждающимся на толстыхъ стѣнахъ, съ широкими, неравныхъ размѣровъ, пролетами, выводящими въ боковыя галлерей, узкія и темныя. Почти весь свѣтъ идетъ въ храмъ изъ трехъ оконъ бывшаго алтаря, но магометанскому обычаю ничѣмъ не отгороженного. Ни малѣйшаго нигдѣ украшенія. И по стѣнамъ, и по своду простая штукатурка, пожелтѣвшая отъ времени, съ черными пятнами и грязными потеками, потрескавшаяся, облупившаяся, отдувшаяся и — ничего болѣе. Вообще видъ цѣлага самый безотрадный. Сырость и затхлый запахъ, съ пылью и висящею паутиною, довершаютъ тяжесть подавляющаго чувства». Мы намеренно привели всѣ строки покойнаго русскаго паломника и палестиновѣда, чтобы подтвердить ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ данномъ случаѣ, нецѣлѣмъ описывать вновь то состояніе мечети, которое видѣлъ архимандритъ, и та мерзость запустѣнія, которую онъ обрѣлъ на прежде священномъ мѣстѣ, ничуть не измѣнилась. Однако же, въ этомъ непримечательномъ видѣ древней болгарской церкви новыя

не одни турки, обратившіе ее въ мечеть, но также и строители церкви, на этотъ разъ, по всей вѣроятности, болгарскіе цари. Архимандритъ Антошигъ полагаетъ, что Охридская Софія могла быть построена архіепископомъ Львомъ, какъ о томъ гласитъ списокъ болгарскихъ архіепископовъ, сообщенный Дю-

157. Видъ изъ верхней части города на храмъ св. Софїи въ Охридѣ.

канжемъ, но что этотъ архіепископъ Левъ не тотъ, который жилъ во второй половинѣ XI столѣтія, и извѣстенъ по свидѣтельству индекса, но какойнибудь другой древнѣйшей эпохи. Однако, приводимыя Антошиномъ доказательства су-

ществованія Охридской Софїи съ VII столѣтія могутъ быть названы прямо фантастичными. Съ одной стороны мы находимъ у него совершенно произвольное соображеніе о томъ, что Святая Софія есть та самая большая церковь, которая существовала въ Охридѣ и о которой упоминается уже въ Житїи Св. Климента, написанномъ во второй половинѣ XI вѣка. Съ другой, встрѣченная Антошиномъ въ стѣнѣ притвора латинская надпись, съ посвященіемъ императору Ираклію, могла быть вставлена въ притворъ какъ своего рода украшеніе, — дѣло весьма обычное, какъ извѣстно, въ Греціи и на всемъ право-

славномъ Востокѣ. Наконецъ, что самое главное, построеніе Софїи было всегда въ славянскихъ странахъ, а равно и въ другихъ странахъ православнаго Востока, дѣломъ и задачей царей и великихъ князей. Намъ кажется, поэтому, несравненно болѣе цѣлесообразнымъ указаніе П. Н. Милюкова на сходство Охридской Софїи съ «Великою церковью», построенной, какъ можно предполагать, Самуиломъ на островѣ Ангъ. «Перенеся митрополию отсюда въ Охридъ, говорить тотъ же авторъ, Самуиль, несомнѣнно,

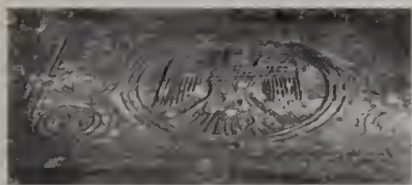
158. Западная часть Охридской Софїи (1317 г.).

долженъ былъ и тутъ устроить для нея «Великую церковь»: къ этому моменту всего вѣроятнѣе относить происхожденіе Св. Софїи Охридской». Однако, наиболѣе достовѣрнымъ основаніемъ является замѣченное другими указаніе рукописной замѣтки одного индекса епископовъ, по которой построеніе Софїи Охридской приписывается архіепископу Льву, впрочемъ, неизвѣстно, когда жившему.

Какъ увидимъ, однако, ниже, намъ удалось найти въ ц. св. Климента

Охридскаго (о чемъ ниже) вкладныя иконы архіепископа Льва, и такъ какъ иконы эти, по всей вѣроятности, перенесены были туда изъ св. Софін, когда она была обращена въ мечеть, то является новое указаніе на время построенія церкви. Иконы, какъ увидимъ ниже, не могутъ принадлежать концу X вѣка, когда жилъ Самуилъ, и вообще не могутъ быть ранѣе конца XI столѣтія, а потому и построеніе церкви приходится, скорѣе всего, уже на позднѣйшую эпоху, т. е. на XI вѣкъ.

Среди запустѣнія Софійскаго храма тѣмъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе двѣ рѣзныя византійскія плиты, оказавшіяся въ полу, близъ алтаря, и большой мраморный рѣзной амвонъ, передѣланный въ мембръ. Плиты эти (рис. 159 и 160) продолговатыя и съ одной стороны орнаментированныя обычными византійскими разводами, содержащими внутри круговъ или крестъ

159. Плита въ полу Охридской Софін.

160. Плита въ полу Софін Охридской.

равнокопечный, или звѣзду, или вращающуюся розетку, а въ среднемъ кругу геральдическаго византійскаго орла, уносящаго въ небеса въ когтяхъ зайца или змѣю. Эти рельефныя плиты, видимо, происходятъ съ того же самаго амвона, который оказался въ настоящей мусульманской формѣ не только передѣланъ, но и разобранъ. Этотъ амвонъ (таб. II) имѣлъ сначала половинную высоту противъ той, которую онъ теперь имѣетъ, или, точнѣе, три четверти настоящей высоты. Затѣмъ, онъ имѣлъ ранѣе обычныя два крыла, набранныя изъ плитъ и заключавшія внутри пологія лѣстницы, взводившія ранѣе на амвонъ.

Типы подобныхъ амвоновъ сохранились во многихъ церквяхъ въ Греціи, Малой Азіи и Балканскаго полуострова. Можно указать и на ближайшіе пункты, а именно: въ городкѣ Калабакѣ въ Оссалии сохранился амвонъ, снятый фотографически Я. И. Смирновымъ и изображенный въ планѣ и рисунокъ въ описаніи путешествія архимандрита Антонина по Румелии (стр. 428, табл. 13). Амвонъ этотъ поставленъ по срединѣ церкви, съ мраморными лѣстницами въ 7 ступеней каждая. По словамъ путешественника, мраморныя плиты по низу амвона покрыты крестами, листовыми орнаментами и даже изображеніемъ Воскресенія Господня. Весьма возможно, что

этотъ амвонъ былъ вкладомъ императора Андроника Палеолога Младшаго, котораго хрисовулъ имѣется въ притворѣ церкви. Если архимандритъ Антонинъ недоумѣваетъ, почему преданіе, сохраненное клиромъ, называетъ этотъ амвонъ Андрониковымъ трономъ, и почему онъ стоитъ по срединѣ церкви, а не на одной изъ ея сторонъ, то объясненіе этого указывается, отчасти, формою (этого) амвона, повидимому, совмѣщавшаго въ себѣ два обычныхъ палоя, а затѣмъ, и то обстоятельство, что внутри киворія, образуемаго колоннами балдахина, устроено именно сѣдалище. П. Н. Милюковъ, болѣе подробно описавшій Охридскій амвонъ, говоритъ, что его балдахинъ съ шатровымъ верхомъ «поставленъ на четырехъ колонкахъ, надъ четырехугольнымъ сѣдалищемъ (или столомъ?) изъ мраморныхъ плитъ. Назначеніе его, прибавляетъ онъ, должно было служить или тропомъ, или, можетъ быть, киворіемъ». Разсмотрѣвъ на мѣстѣ амвонъ или, вѣрнѣе, мембиръ, мы убѣдились, что внутри киворія есть, дѣйствительно, четырехугольное сѣдалище изъ мраморныхъ плитъ и что оно не могло появиться при передѣлкѣ амвона на мембиръ, тѣмъ болѣе, что это сѣдалище совершенно не шло бы къ какимъ либо мусульманскимъ моленіямъ и обрядамъ. Напротивъ того, въ христіанскомъ богослуженіи извѣстное предсѣдательство епископа является обычнымъ и потому можно предположить, что Охридская Софія сохраняла извѣстную подробность архіепископскаго богослуженія. Что подобные амвоны ставились по срединѣ храма, прямо передъ алтарнымъ входомъ и имѣли два схода, одинъ ко входу въ храмъ, а другой къ алтарному входу, — иначе говоря, западный и восточный сходы, — можетъ служить свидѣтельствомъ извѣстное описаніе Павла Спенціарія для трона, стоявшаго въ Софії Константинопольской. Надпись на западной стѣнѣ притвора, въ церкви г. Калабакъ, содержитъ конію хрисовула Императора Андроника Младшаго отъ 1332 года, и упоминаетъ епископа Стагійской епископін Іосафа, при чемъ эта конія хрисовула сама сдѣлана въ 1573 году. Такимъ образомъ, Стагійскій амвонъ оказывается совершенно одновременнымъ съ Охридскимъ, который, по монограммамъ на немъ находящимся, былъ сдѣланъ епископомъ Григоріемъ, очевидно, тѣмъ же самымъ, который построилъ притворъ въ 1317 году. Обмѣривши плиты, которыя украшаютъ боковыя части мембира, мы нашли, что онѣ имѣютъ продолговатую конструкцію и соответственный рисунокъ, и при этомъ въ вышину одинаково 91 сантиметръ. Стало быть, плиты украшали также бока разобраннаго византійскаго амвона, какъ и самые сходы мембира составлены также изъ амвоновыхъ лѣстницъ, или крыльевъ. Киворій (рис. 161) имѣетъ спереди 128 сантим., а на бокахъ 80 сантим., при чемъ правая сторона киворія лишена орнаментаціи, потому ли, что была прислонена къ чему либо, или передѣлана. Вѣнечный карнизъ съ монограммами имѣется также только напередѣ и съ лѣвой

стороны, почему и надпись сохранилась неполною. Рѣзба плитъ та же самая, что въ пяти иконостасныхъ столбахъ, поддерживающихъ шпиль менбировъ; на нихъ даже оставлены кресты. Амвонъ заслуживаетъ вниманія, главнымъ образомъ, потому, что его карнизъ и бока его киворія орнаментированы по особому способу рѣзбы въглубь, чрезвычайно сложными орнаментальными разводами, которыхъ фоны вырѣзаны и заполнены черною мастикой, что соответствуетъ въ металлѣ черни или, такъ называемой пастычкѣ. Что эта форма украшенія, несомнѣнно, близка къ восточной орнаментикѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Однако, нельзя сказать, что эти украшения представляютъ византійское искусство «въ томъ видѣ, въ какомъ оно послужило для созданія новаго восточнаго (сельджукидскаго)», какъ то говоритъ П. Н. Милюковъ. Восточное искусство сельджуковъ, во время сооруженія описанныхъ амво-

161. Рѣзной шатеръ древняго амвона въ Охридской Софѣи.

новъ, уже существовало и, если мы въ XIV вѣкѣ, именно на Балканскомъ полуостровѣ, находимъ въ византійскомъ пошибѣ перѣдко восточные мотивы въ орнаментикѣ (чаще всего въ чеканныхъ украшенияхъ иконныхъ ризъ и рамъ), то мы считаемъ это явленіе прямымъ заносомъ съ Востока, не только восточныхъ издѣлій и техники, но и самыхъ художественныхъ формъ.

Особо любопытный декоративный способъ, употребленный въ Дафни для украшенія мраморныхъ карнизовъ, и ставшій намъ извѣстнымъ также въ памятникахъ Македоніи (амвонъ Софѣи въ Охридѣ), заслуживалъ бы самъ по себѣ изслѣдованія. Онъ, явлю, идетъ изъ древней Греціи и представляетъ своего рода инкрустацию: въ мраморѣ высѣкается сперва рисунокъ и углубляются его фоны; затѣмъ углубленія наполняются толченымъ мраморомъ на красномъ воскѣ, что даетъ черный фонъ для рисунка, остающагося бѣлымъ и выступающаго на этомъ фонѣ. Уже потому, что карнизы Дафни

раздѣланы пальметками и представляютъ форму гуська, можно видѣть, что они вспоминаютъ расцвѣченныя капители и карнизы античной архитектуры.

162. Крѣпость въ Охридѣ.

Подобная декорація встрѣчена въ Мопемвасіи, въ ц. Луки Фокидскаго, ц. св. Марка въ Венеціи. Но этотъ способъ инкрустаціи, знакомый намъ въ металлическихъ издѣліяхъ Византіи (двери, украшенныя по бронзѣ золотомъ, оловомъ, аллѣжемъ, красною эмалью, чернью и пр.), былъ, повидимому, еще болѣе развитъ на Востокѣ, гдѣ были издавна въ употребленіи гипсовые орнаментальныя плиты съ углубленными и наполненными темною пастою арабесками.

Григоровичъ знаетъ (стр. 101), что въ Охридѣ еще въ XVII столѣтіи «по письменнымъ свидѣтельствамъ» было 33 церкви и параклиса. Изъ этого числа, говоритъ онъ далѣе,

Охридскія
церкви.

осталось теперь 7, которыя тщательно онъ осматривалъ «въ надеждѣ собрать свѣдѣнія о минувшемъ бытѣ славянъ». Въ каждой, по его словамъ, нашлись

163. Кале въ Охридѣ.

остатки рукописей, по греческихъ, и слѣды латинскихъ. «Вотъ, говоритъ онъ, названія церквей: 1) Святыхъ врачъ Космы и Даміана, 2) Св. Константина и Елены съ славянской затертой латинскою, 3) Богородицы Чельницы, 4) Св. Николая съ иконою Св. Еразма (не Горазда ли?) и Наума, 5) Св. Климента Словенскаго. Эта построена,

какъ говоритъ латинскъ, во время краля Сербскаго Стефана Уроша въ 6886 году (1378 г.), 6) Пр. Богородицы, 7) Св. Николая на больницѣ (Герокомія),

8) Митрополія» (церковь во имя Успенія Богородицы и Св. Климента, построенная въ 1295 году, о которой Григоровичъ говоритъ особо ранѣе). Мы привели цѣликомъ все свидѣтельство знаменитаго слависта, такъ какъ оно не сходится съ показаніями, которыя мы получили сами отъ Охридскаго духовенства во время обзора церквей¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, намъ не могли указать церкви Космы и Даміана; церковь Богородицы показали подъ именемъ Успенія Богоматери; въ видѣнной нами одной церкви Николая Чудотворца мы не нашли вовсе иконы св. Еразма. Далѣе, вмѣсто видѣнныхъ Григоровичемъ развалинъ монастыря во имя Іоанна Богослова, мы нашли возста-новленную въ повѣйшее время его церковь (рис. 164 и 165).

164. Видъ съ берега Охридскаго озера на церковь Іоанна Богослова.

Церковь І. Богослова стоитъ на замѣчательно красивомъ мѣстѣ (зовется Канево) и находится нѣсколько на западъ отъ самаго городка, на самомъ его берегу, на скалѣ. Она увѣнчана однимъ куполомъ, на высокомъ восьмигранномъ барабанѣ, орнаментированномъ красиво выложенными аркадами и пробитомъ окнами. Каждая аркада заканчивается вверху острокопечнымъ шпиремъ, украшеннымъ карнизомъ изъ городковъ. Корпусъ церкви весьма причудливо орнаментированъ слоями кирпича, по, къ сожалѣнію, обезображенъ съ юга и запада повѣйшею пристройкою большого притвора и церковнаго дома. Внутренность

1) Нѣкоторыя преданія объ Охридскихъ церквахъ и о св. Клементѣ сообщены Шапкаревымъ въ «Сборникъ отъ Български Народни Умотворения», I, 3, кн. 3—4.

церкви вся полая, т. е. наглухо оштукатурена, и между иконами въ ея иконостасѣ самая старая представляетъ вкладъ 7184 года. Уже Антонинъ (стр. 69) видѣлъ этотъ храмъ, который Григоровичъ называетъ опустѣлымъ, по внутреннїи стѣны котораго были покрыты живописью, внутри забѣленимъ известью, исключая купола. По его словамъ, въ куполѣ, между оконъ были видны изображенія пророковъ, сравнительно хорошаго письма, выше нихъ ангелы, а въ центрѣ купола полное изображение Вседержителя. Основываясь на томъ, что

165. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ.

въ нимбѣ Вседержителя не находилось извѣстныхъ буквъ надписи, Антонинъ относитъ время росписанія церкви къ XIII, много къ XIV вѣку. Къ тому же времени отнесемъ и мы церковь, на основанїи орнаментальныхъ формъ ея кладки. Маленькую церковь св. Константина и Елены мы нашли близъ церкви Климента Славянскаго и въ ней надъ входной дверью видѣли синодикъ и внизу, на правой сторонѣ, греческую надпись. Затѣмъ, въ верхней части города мы осмотрѣли церковь *св. Димитрія*, ничею особенно любопытнаго въ себѣ не содержащую. Церковь эту, по всей вѣроятности, однако, Григоровичъ зналъ подъ другимъ именемъ: перемѣна же въ посвященїи послѣдовала, быть можетъ, въ эпоху водворенія въ Охридѣ болгарскаго экзархата. Той же перемѣнѣ слѣдуетъ приписать равнымъ образомъ и передѣлки церквей, вмѣстѣ съ ихъ обновленіемъ. Весьма понятно также, что все вопросы, обращенные къ клиру, при данныхъ условїяхъ, не могутъ быть особенно настойчивы, что, къ тому же было бы и совершенно бесполезно.

Маленькая церковь во имя Святителя Николая дала намъ рядъ замѣчательныхъ находокъ. Это та самая церковь «на больницѣ», которая ранѣе звалась по гречески «герокомїя». Мы не нашли въ ней никакихъ надписей, но, судя по характеру ея постройки, рѣшаемся относить ее также къ XIV столѣтію. Въ настоящее время входъ въ нее крайне затемненъ, благодаря грубо сложенному боковому паронку, а между тѣмъ, дверь главнаго ея входа (табл. III) представляетъ замѣчательную рѣзбу по дереву, исполненную на

отдѣльныхъ дощечкахъ. Въ самое недавнее время, посѣтивши выставку византійскаго искусства въ монастырѣ Гротта-Феррата въ 1906 году, я обратилъ вниманіе на аналогію между нашею дверью и извѣстнымъ сундукомъ въ соборѣ городка Террачина, который тамъ былъ выставленъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и издатель предметовъ древности этой выставки ¹⁾ проф. Антоніо Муньось, помѣстившій снимокъ съ охридской двери, мною ему, въ интересахъ непосредственнаго сличенія, предоставленный. Интересъ этихъ двухъ предметовъ не только общепалеологическій, такъ какъ они представляютъ, по весьма понятнымъ причинамъ, большую рѣдкость, но и методологическій — въ вопросѣ объ опредѣленіи времени ихъ происхожденія. Проф. Муньось кратко указалъ, что мнѣнія относительно времени происхожденія сундука въ Террачинѣ значительно разнятся: отъ VIII до XIII столѣтія включительно, причемъ за древнѣйшее происхожденіе его высказался въ самое послѣднее время проф. Стрыговскій, находя, что рельефы этого сундука восходятъ и даже тѣсно примыкаютъ къ контекимъ древностямъ. Проф. Муньось полагаетъ, наоборотъ, правильнымъ понизить древность этого предмета до XIII вѣка, къ которому можно отнести и Охридскую дверь. Очевидно, что такое разногласіе зависитъ, прежде всего, отъ различныхъ пунктовъ отправленія и разныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Проф. Стрыговскій, видимо, основывается на содержаніи декоративной орнаментации сундука Террачины, которое, дѣйствительно, представляетъ сюжеты и формы отдаленной древности. Таковы, во первыхъ, тяжелыя аркады, съ орнаментикой, напоминающей рѣзбу по металлу, далѣе — любопытные пояски изъ акапоовъ, а также и нѣкоторые сюжеты со стороны декоративной композиціи, ихъ умѣстившей тѣсно въ предѣлахъ одной аркады. Но, въ то же время, намъ лично сундукъ Террачины представляется, во первыхъ, произведеніемъ чисто западнаго искусства романскаго періода, всего скорѣе, — XII вѣка, когда подобныя формы наиболѣе были распространены, и сравнивать эти скульптуры по нашему надо, прежде всего, съ звѣршными декоративными формами бронзовыхъ дверей Италіи и средневѣковой Европы до вратъ Суздальскихъ и Новгородскихъ включительно ²⁾. Здѣсь все композиціи даны въ томъ уже истощенномъ шаблонѣ, въ сухой схематической передачѣ, какую находимъ въ позднѣйшихъ романскихъ скульптурахъ. Достаточно, напримѣръ, посмотреть на фигуры кентавровъ, львовъ, лошадей, грифовъ, чтобы увидать въ нихъ все признаки грубаго романскаго искусства и его уже безформенныхъ звѣршныхъ схемъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что

1) Antoine Munoz. *L'art Byzantin à l'exposition de Grottaferrata*. Rome, 1906, p. 181—6.

2) *Русскія Древности*, вып. VI, 1899, стр. 65—81, 110—123.

самыя композиціи эти ведутъ свое начало съ востока и были сочинены частью въ Египтѣ, частью же въ кустарномъ искусствѣ Сиріи и Малой Азіи. Здѣсь есть формы, которыя напоминаютъ намъ многое въ Сибирскихъ древностяхъ, и есть эмблемы, повторяемыя поливною посудой грекоазиатскаго Востока, золотыми и серебряными издѣліями и варварскою бронзою. Мы вообще находимъ, что, когда для подобныхъ древностей настанетъ, наконецъ, «свое время» въ археологической наукѣ, рельефы этого сундука могутъ составить тему для серьезной историко-археологической работы. Возвращаясь къ Охридской двери, мы должны замѣтить, что самое поверхностное сравненіе назоветъ эти рельефы работою *чисто греческой* и несравненно болѣе художественной, чѣмъ сундукъ Террачины. Между тѣмъ, мы сами не рѣшаемся считать дверь старше XIII столѣтія, на которое указываютъ, между прочимъ, схематическія фигуры львовъ, въ той грубой, но стѣпной передачѣ, которую знаемъ только въ періодъ XII—XIII столѣтій. Затѣмъ, мы должны продлить аналогію съ сундукомъ Террачины и въ томъ отношеніи, что наша Охридская дверь есть тоже ничто иное, какъ разобранный по дощечкамъ сундукъ или ящикъ, при чемъ нѣкоторыя, болѣе широкія, дощечки были обрѣзаны въ надлежащую мѣру, и все, затѣмъ, набито гвоздями на простую дверь и окаймлено грубо обдѣланнымъ полескомъ или наличникомъ съ рѣзными щитками въ видѣ розетокъ. Форма каймы относится также къ XII—XIV столѣтію и встрѣчается въ металлическихъ окладахъ иконъ Балканскаго полуострова вообще. При этомъ, набитыя дощечки представляютъ два вида украшеній ящика: продолговатыхъ и удлинённыхъ въ вышину и филенокъ продолговатыхъ въ ширину, имѣющихъ видъ карнизовъ или каемокъ. На нихъ встрѣчаются такія же розетки или щитки, какъ и на всемъ наличникѣ двери. Широкія продолговатыя филенки находятся въ двухъ мѣстахъ двери и въ верхней части наличника; тамъ онѣ представляютъ разводы, съ помѣщенными внутри ихъ рѣзными «клеямами»: орла, бѣгущаго зайца, птицы, чистящей себѣ перышки, двухъ игроковъ въ чегъ и печетъ. На самой двери, на этихъ филенкахъ вырѣзаны птицы, терзающія птичку или зайца, звѣри, пожирающіе труны; далѣе, ехидна, сидящая на корточкахъ фигурка, а рядомъ съ нею птица и рыба; и, наконецъ, въ разводахъ грифъ, бьющійся со змѣею¹⁾ орелъ, несущій зайца. Затѣмъ, на продолговатыхъ пластинкахъ, очевидно, лицевыхъ, представлены четыре пары конныхъ фигуръ, изъ нихъ три четы великому-чениковъ Георгія и Димитрія, двухъ Оеодоровъ, Меркурія и Прокопія и затѣмъ одна фигура кентавра и одна всадника, бьющагося конемъ. Всѣ конныя фигуры представлены бѣущими, или скачущими съ поднятымъ конемъ.

1) «Русскіе клады» I, стр. 39.

Около кентавра представлено въ перспективѣ дерево, на немъ птица, а передъ нею поднявшаяся лиса; внизу женская фигура. Эту композицію слѣдуетъ сравнить съ изображеніемъ кентавра на Новгородскихъ дверяхъ, гдѣ кентавръ держитъ маленькую фигуру царя Соломона передъ собою, а подпись говоритъ, что «кнговрасть мечеть брата своего Соломона въ обѣтовашую землю». Затѣмъ, на другихъ дощечкахъ изображена птица, обвитая кругомъ змѣею, которую она уноситъ съ собою. Далѣе, грикъ, пара львовъ, пара птицъ, держащихъ въ клювѣ вѣтку съ плодами, и двѣ любопытныхъ декоративныхъ таблички, къ сожалѣнію, обрѣзанныхъ. На одной представлена пара сидящихъ обезьянъ, а посрединѣ ихъ стоящій поводырь; внизу собака, лающая на мохнатого, лѣзущаго по дереву, звѣря. На другой табличкѣ два аспиды съ птвичьими головами, перелетѣвшими шеями; а ниже ихъ двѣ скачущія бѣлки. Считаемо излишнимъ распространяться на тему сходства этихъ барельефовъ съ суздальскими прилѣпами, барельефами въ церкви св. Мины въ Солуни, рисунками на хорахъ Кіево-Софійскаго собора, золотыми бляшками съ церковныхъ одеждъ въ Суздали и поливкою греко-восточной посудой. Все это матеріалъ крайне разбросанный¹⁾, но весьма любопытный для сравнительнаго изслѣдованія памятниковъ греческаго Востока и романскаго Запада и который въ ближайшемъ будущемъ потребуетъ, прежде всего, какой либо каталогизаціи и опубликованія въ цѣльномъ обзорѣ, послѣ чего уже можно будетъ начать изслѣдованіе его генезиса. До того же времени, однако, не лишнее указать, что напримѣръ, перелетѣвшія шеями птицы и аспиды не составляютъ исключительной принадлежности романскаго стиля на западѣ, но встрѣчаются и на востокѣ, напр., на дверныхъ наличникахъ въ церкви Арты въ Оессаліи, въ Софійскомъ соборѣ въ Болгаріи и проч., и проч. Но возвратимся къ нашимъ находкамъ въ ц. свят. Николая.

Замѣтивъ въ земляномъ полу, какъ разъ возлѣ этой двери, кайму какого-то камня, мы попросили этотъ камень поднять, предполагая возможнымъ, что онъ положенъ внизъ лицомъ, на которомъ могла быть надпись. Когда этотъ камень подняли, онъ оказался большимъ, приблизительно въ два аршина шириною, рельефомъ, (рис. 166), покрывавшимъ могилу. Последняя, очевидно, христіанскаго происхожденія; камень же этотъ, издаваемый нами въ рисункѣ, оказался произведеніемъ античнаго греческаго искусства, приблизительно I вѣка до Р. Х. и представляетъ собою довольно обычную

1) Частію неизвѣстный или малоизвѣстный. Таковы, напр., замѣчательныя рѣзные двери въ Слѣщенскомъ монастырѣ близъ Битоля, изданныя П. Н. Милюковымъ въ указ. соч., табл., 28 и 29, въ очень неясныхъ снимкахъ и относимыя имъ къ XIV — XV в. См. также изданную нами на табл. 38 въ «Памятникахъ христіан. на Афонѣ» рѣзную дверь Ватопедскаго собора.

вакхическую сцену изъ четырехъ фигуръ; двѣ мужскихъ въ среднѣ, одна съ гроздью виноградною, другая съ кантаромъ и по краямъ двѣ женскія: вакханка съ пастушескимъ жезломъ и гроздью и флейтистка съ двойною флейтой. Стилъ, въ которомъ исполненъ этотъ барельефъ, отличается сочными,

106. Англинскій рельефъ, открытый въ 1900 г. въ церкви Св. Николая («малой») въ Охридѣ.

хотя нѣсколькими манерно-дѣтскими формами тѣла, и еще недалеко отъ хорошей эпохи греческаго искусства, но выполненъ ремесленникомъ въ мелкозернистомъ песчаникѣ.

Любопытно, что въ другой, тоже незначительной церкви въ Охридѣ, во

имя *Успенія Богоматери*, находится рельефъ (рис. 167), на этотъ разъ изъ мрамора, и приблизительно той же формы, какъ бы неконченный или недо-дѣланный, и также съ четырьмя стоящими фигурами, но другой, гораздо болѣе поздней эпохи и яснаго римскаго пошиба; рельефъ этотъ плоскій и представляетъ или четырехъ музъ, или три музы съ Аполлономъ (крайняя фигура слѣва), играющимъ на лирѣ (если только это не Терпсихора); около нея стоитъ, повидимому, Эрато, поставившая псалтирь на пьедесталъ. За ней женская фигура, пускающаяся плясать, — повидимому Талія и наконецъ, Уранія, въ обычной для нея ораторской драпировкѣ, указывающая рукою на сферу, поверхъ колонны. Не происходятъ ли эти рельефы отъ языческаго разрушеннаго театра или же не осуществленнаго постройкой?

167. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ.

Въ верхней части города, на открытой вершинѣ холма, господствующей надъ всѣмъ городомъ, находится знаменитая въ лѣтописяхъ славянской исторіи церковь св. Климента (рис. 168 и 169), въ настоящее время только церковъ съ церковнымъ домомъ и училищемъ; въ древности, это былъ монастырь съ церковью, посвященной во имя Богоматери Перивленты и построенной въ 1295 году, съ придѣломъ при ней во имя Григорія Богослова, построеннымъ около 1365 года, какъ свидѣлствуютъ о томъ точныя надписи ¹⁾. Такъ какъ нѣкоторыя древности этой церкви подвергались уже не разъ болѣе или менѣе подробному разбору ученыхъ (В. И. Григоровича, арх. Антонина,

1) Перепечатка греческихъ надписей надъ входомъ въ церковь, во внутренній паронкъ, и надъ входомъ въ придѣлъ, для удобства читателей, сдѣлана уже въ книгѣ П. И. Милюкова, къ которой мы и отсылаемъ. Нѣкоторыя преданія о церкви и самомъ св. Кlementѣ и другихъ церквахъ Охриды сообщены Шапкаревымъ въ «Сборникъ отъ Български народни умотворения», I, 3, ки. 3—4.

П. Н. Мнлюкова, О. П. Успенскаго и автора статьи въ болгарскомъ сборникѣ), посѣтившихъ Охриду, мы ограничимся только ихъ перечнемъ и остановимся въ послѣдствіи подробнѣе на разборѣ тѣхъ памятниковъ, которые были открыты нами тутъ впервые.

168. Церковь св. Климента (бывшей церкви Б. М. Перивагента) въ Охридѣ.

Въ стѣнахъ церкви св. Климента вѣдано нѣсколько орнаментальныхъ рѣзныхъ плитъ, украшенныхъ крестами и, по четыремъ полямъ вокругъ креста, птицами и разводами, въ очень грубой и, очевидно, совсѣмъ уже не греческой схемѣ, чему соответствуетъ и варварскій стиль птичьихъ фигуръ и

разводовъ. Далѣе, на мостовой, съ боку главнаго входа, можно видѣть большой мраморный антаблементъ иконостаса, съ рѣзной орнаментальной каймой по лицевой его сторонѣ; это остатокъ разобранаго мраморнаго иконостаса, также въ древности замѣненнаго деревяннымъ, котораго орнаментальныя колонки изъ тростниковъ, съ перевитіемъ въ срединѣ, представляются намъ въ одномъ образчикѣ, разысканномъ въ церковныхъ складахъ, и намѣренію намъ перенесенномъ на землю рядомъ съ антаблементомъ, для исполненія съ нихъ разомъ

169. Восточная сторона церкви Св. Климента въ Охридѣ.

фотографическаго снимка (рисунокъ 170). Внутренность церкви въ настоящее время почти не сохранила древней росписи, и то, что осталось, такъ невѣроятно закончено, что мы не могли разобрать даже и сюжетовъ. Они были снабжены одновременно и греческими, и славянскими надписями.

Въ церкви св. Климента имѣются нѣсколько предметовъ древности, происходящихъ изъ древнѣйшей эпохи. Такова извѣстная плащаница (табл. IV), уже изданная ¹⁾ и восходящая ко времени Андроника Палеолога. Плащаница, имѣющая въ ширину безъ малаго два метра, представляетъ замѣчательно тонкое издѣліе шитья, по тонкой шелковой матеріи, золотомъ, серебромъ и шелками. По достоинству исполненія и стилю рисунка, она, конечно, значительно уступаетъ изданной нами Солунской плащаницѣ, и наибольшее сходство имѣетъ, по самой фактурѣ работы, съ сербской плащаницей XIV сто-

1) И. Н. Милюкова указ. соч., стр. 73—4, таб. 30.

лѣтія, сохраняющейся въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ. Равнымъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тождество ликовъ Спасителя на обѣихъ плащаницахъ, но затѣмъ, все прочее въ композиціи охридской плащаницы оказывается совсѣмъ инымъ и кромѣ того весьма своеобразнымъ. Въ свое время, разсматривая группу плащаницъ, извѣстныхъ намъ или въ оригиналахъ или въ фотографическихъ снимкахъ, мы поставили Охридскую плащаницу на первомъ мѣстѣ по ея древности и ея типу. Дѣло въ томъ, что окончательная выработка этого предмета церковной утвари относится незадолго до нея, т. е. тоже къ XII—XIII столѣтію, но древнѣйшія византійскія шитыя плащаницы или уничтожились, или намъ неизвѣстны, и мѣсто ихъ заступаютъ памятники славянскаго и молдо-влахійскаго шитья, начиная съ XIV вѣка. Настоящая плащаница имѣетъ надпись: *Μέμνησο, ποιμὴν Βουλγάρων, ἐν θυσίαις ἀνακτος Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου*. Изъ этой надписи ясно,

170. Мраморная и деревянная части иконостаса въ церкви Св. Климента.

что императоръ Андроникъ Палеологъ сдѣлалъ вкладъ въ эту церковь плащаницей, которая могла быть исполнена, однако же, не въ Византіи, но гдѣ либо въ Македоніи. Но такъ какъ этотъ Андроникъ называется Господа «царемъ» (пастыремъ) болгаръ, то возможно также полагать, что именемъ Андроника называется здѣсь не Андроникъ Старшій (1282—1328), но его внукъ Андроникъ Младшій,

которому около 1327 года удалось не только покорить, какъ говорить Пречекъ, Θεσσαλονίκην, всю южную Македонію, Θεσσαλίю, но даже Эпиръ и албанцевъ въ то самое время, когда старый императоръ, Андроникъ Старшій, вступалъ въ союзъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ; извѣстно далѣе, что Андроникъ III около 1330 года заставилъ сербовъ оставить Охридъ¹⁾.

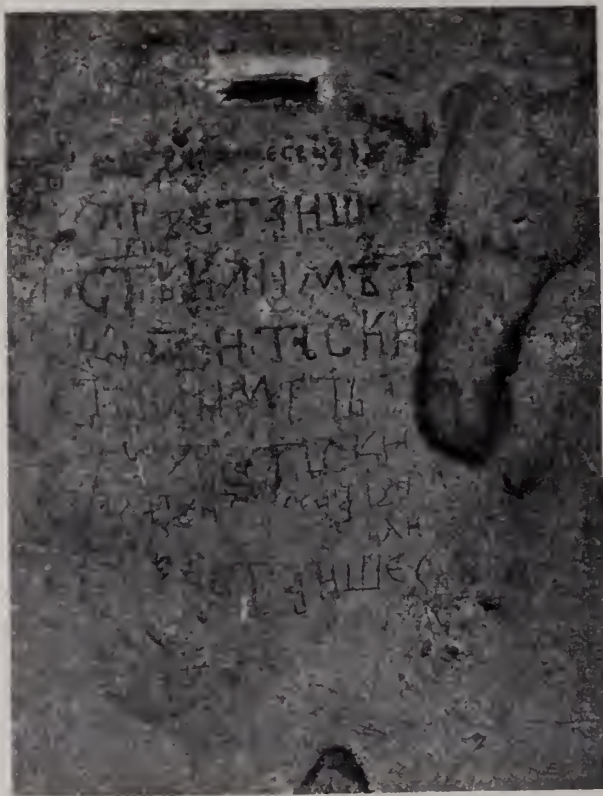
Композиція фигурной темы на этой плащаницѣ носитъ уже эмблематическій характеръ и связана съ литургическими эмблемами. По четыремъ угламъ плащаницы, внутри небесныхъ сегментовъ, представлены четыре эмблемы евангелистовъ (четвертой эмблемы Ев. Марка не достаесть, и мѣсто ея

1) Пречекъ «Исторія болгаръ» 1877, стр. 275—277.

занято особымъ платомъ, на углу нашитымъ): ангелъ, орелъ и телець несутъ книги Евангелій. Тѣло Спасителя, препоясанаго по чресламъ, положено на высокое четырехугольное ложе, представленное безъ всякихъ его принадлежностей, въ видѣ простого низкаго стола, (приблизительно въ аршинъ вышиною) и покрытаго специально для него вышитымъ покровомъ церковнаго характера. Шитье образуетъ сплошную сѣть крестовъ, по переду же разводовъ съ крестами внутри; на той же лицевой сторонѣ помѣщена указанная надпись. Такимъ образомъ, это ложе Христа уподоблено престолу, а ткань, его покрывшая, — священнои пидтіи. За престоломъ стоятъ, поэтому, два ангела Господня, преклоняясь предъ тѣломъ Христовымъ и осѣняя Его ризидами, — стало быть, это литургическое служеніе, и весь общій характеръ композиціи сакральный и торжественный. Нашитый сбоку, на мѣстѣ эмблемы евангелиста Марка, платъ, съ изображеніемъ киворія и по лѣвую его сторону священнослужителя и греческими надписями изъ церковныхъ прѣсвитерій, представляетъ собою воздухъ и взятъ изъ ризницы, гдѣ имѣется и другой подобный платъ, о которомъ скажемъ ниже. Платаница вышита по малиновому шелку разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ; фигуры сдѣланы на основѣ золотистаго шелка, и тѣло желто-коричневаго цвѣта, какъ видно во всѣхъ ликахъ, давшихъ въ фотографіи затемненныя мѣста. Вся орнаментация этого шелковаго полога крестиками въ кружкахъ, форма и стиль орнаментовъ и арабесокъ указываютъ на византійское искусство, уже осложненное вліяніемъ арабскаго орнамента, что, повидимому, произошло на Балканскомъ полуостровѣ именно въ періодъ XIII—XIV столѣтій.

Краткое обозрѣніе древней стѣнной росписи церкви сдѣлано было академикомъ О. П. Успенскимъ (Милюкова, стр. 71): роспись до такой степени закончена и покрыта вѣковой пылью, а затѣмъ и разрушена, что съ трудомъ можно разобрать шіяя фрески и ихъ остатки, почти исключительно изъ области евангельскихъ сюжетовъ по коробовымъ сводамъ. Сдѣлать какіе бы то ни было фотографическіе снимки, за крайнею темнотою, оказалось невозможно. Только со свѣчами въ рукахъ могли мы осмотрѣть любопытное фресковое изображеніе династа *Остоа Раяковича*, молящагося образу Богоматери. Надъ его изображеніемъ читается слѣдующая надпись: Прѣстависе рабъ бжїи ѿстоа Раяковичъ по гоусломъ угарчикъ. и суродникъ крада Марка. зеть жупана Гропе лѣта 5001и мѣца октомвриа ѿ индѣ. Васъ же молю братіа моа любимаа прочитающе простите а рабъ, ако вы можете быти како а, а а како вы — николиже. П. М. Милюковъ (стр. 72 — 76) замѣчаетъ, что имя Жупана Гропе находится также въ надписи церкви Старога Климента, какъ владѣтеля Охриды во второй половинѣ XIV столѣтія; этотъ жупанъ былъ, въ свою очередь, зятемъ Эпирскаго деспота Андрея Мусаки, а у этого

Андрея сыномъ былъ Стоя, или Остоя, приходившійся, стало быть, братомъ жены жупана Грона. Настоящая фреска относится къ 1379 году, когда Остоя умеръ, а былъ онъ господиномъ города Костура въ періодъ времени 1372 — 1379 г. Мы приводимъ всѣ эти данныя, ради значительнаго интереса, который представляетъ собою самый портретъ Остои (переданъ въ рисункѣ у П. Н. Мплюкова) съ точки зрѣнія княжескихъ облаченій, такъ какъ фреска представляетъ здѣсь много любопытныхъ реальныхъ подробностей. Остоя не имѣетъ на головѣ никакого убора, ни вѣнца; волосы длинные, спущены прямо на шею, по концы ихъ завиты локонами. На немъ надѣтъ длинный

171. Надпись надъ гробомъ Св. Климента Славянского.

кафтанъ изъ малиновой, видимо, шелковой матеріи. Кафтанъ этотъ, съ очень узкими рукавами, плотно облегаетъ талию, по средне-вѣковой западной модѣ, но удерживаетъ характеръ византійскихъ облаченій. Вокругъ шеи на кафтанѣ нашито золотое жемчужное оплечье. Разрѣзы на груди, подолѣ и нижней части рукавовъ оторочены также золотымъ галуномъ, саженнымъ жемчугами, а по рукавамъ дутыми металлическими пуговками. Отъ талии до подола кафтанъ вышитъ рядами большихъ круговъ съ двуглавыми орлами внутри. На талии внизу свободно наброшенъ кожаный поясъ, набранный металличе-

скими бляшками съ чернью. Два длинныхъ конца этого пояса свободно свѣшиваются до пола, а средняя пряжка между ними закрѣпляетъ поясъ на высотѣ талии. Такого рода пояса знаемъ въ особенности въ некрополяхъ средне-вѣкового Кавказа. Ихъ восточное происхожденіе понятно само собою и можетъ быть легко прослѣжено, но для насъ, въ частности, наиболее любопытно ихъ появленіе у славянъ и другихъ народовъ Балканскаго полуострова. Что касается формулы обращенія къ читателямъ, употребленной въ надписи, то,

кроме других славянских же аналогий, приведенных П. В. Ягичемъ, слѣдуетъ указать также на извѣстное всѣмъ въ исторіи итальянской живописи фресковое изображеніе въ Пизанскомъ Кампо-Санто.

Мы не будемъ, затѣмъ, разбирать знаменитую славянскую надпись (рис. 171) надъ гробомъ св. Климента, такъ какъ она отлично разобрана раньше, и уже нынѣ съ достаточной доказательностью утверждено, что она относится ко времени того же архіепископа Прохора, которому принадлежить паникадило церкви, помѣченное 1549 годомъ. Деревянная статуя (вѣриѣ — горельефъ), изображающая св. Климента Славянского, и стоявшая во времена Григоровича «у лѣвыхъ вратъ иконостаса», при чемъ глава ея была покрыта украшеніемъ изъ парчи, униженной жемчугомъ, нынѣ стоитъ въ ризницѣ, и лишена какихъ бы то ни было украшеній. Статуя (рис. 172) по всей вѣроятности, относится также къ XIV столѣтію, и была ранѣе, конечно, покрыта гипсомъ и вся расписана красками, а перенесена въ церковь, скорѣе всего, изъ монастырской трапезы, гдѣ была, быть можетъ, водружена на игуменскомъ мѣстѣ.

Икона св. Климента, нынѣ съ трудомъ различимая въ чертахъ и подвѣшенная надъ ракою святого, относится, повидимому, къ XVI вѣку и представляетъ святого († 916, 27 Іюля, былъ епископомъ Тиверіополя или Бѣлицы) ¹⁾ въ епископскомъ облаченіи, съ крещатымъ омофоромъ; высокій взъерзанный лобъ, крайне тонкій суженный овалъ лица, съ тонкимъ носомъ, съ длинною бородою клиномъ — должны характеризовать портретныя черты того же святителя, а большая книга въ его лѣвой рукѣ относится къ его сочиненіямъ (проповѣди, похвальные слова, житія). Но въ то же время эти черты весьма близко напоминаютъ и св. Климента папу Римскаго, хотя это сходство, обязанное своимъ происхожденіемъ обычнымъ приемамъ иконописцевъ, еще не можетъ опровергать принадлежности иконы и статуи именно

172. Горельефный образъ св. Климента.

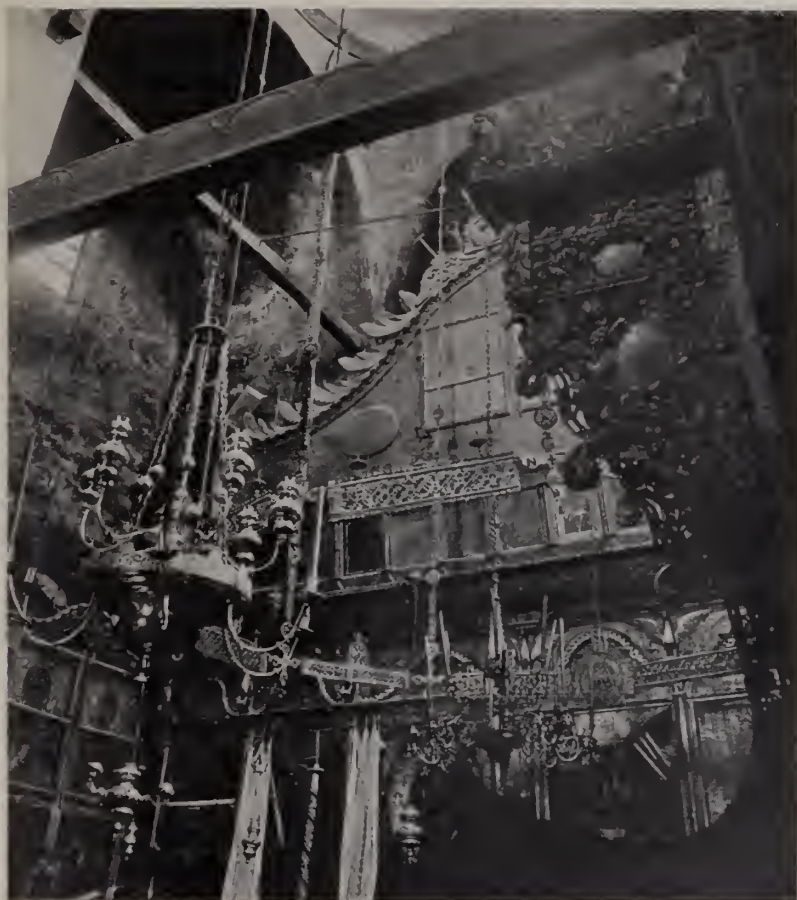
1) См. въ томъ же соч. Акад. Е. Е. Голубинскаго, стр. 169—170.

Славянскому учителю. Икона эта и́когда стояла въ самомъ иконостасѣ, о чемъ свидѣлствуетъ Григоровичъ, считавшій эту икону древнѣйшею во всемъ ряду икопостаса. Вообще должно прибавить, что изображеніе Климента, Охридскаго архіепископа, доселѣ извѣстно только въ одной росписи, указанной преосвященнымъ Порфиріемъ ¹⁾. Изображеніе это находится на стѣгѣ, подлѣ жертвенника, въ Преображенскомъ храмѣ Метеорскаго Преображенскаго монастыря (алтарь древнѣе храма, построенаго въ 1545 году и росписанъ былъ уже въ 1484 году). Въ алтарѣ храма изображенъ также строитель его и бывшій игуменъ Іоасафъ — сербскій князь Урошъ Палеологъ (1383 — 1388), постригшійся на Аоонѣ, что заставляетъ полагать, что роспись этого храма была сдѣлана сербами или же исполнена сербскою иконописной мастерской. Нѣкоторыя черты характернаго реализма, видоизмѣниваемаго даже символическіе сюжеты, должны быть здѣсь отнесены къ тѣмъ же славянскимъ оригиналамъ. Такъ, напримѣръ, подлѣ Распятымъ, вмѣсто главы Адамовой, представленъ самъ Адамъ, сидящій внутри голгооской пещеры и исповѣдующій «свое искупленіе кровію Господней», какъ прописано рядомъ. Въ Пятидесятницѣ, вмѣсто Царя и смерда, бесѣдующихъ съ апостолами, среди собранія, представлено два царя: царствъ римскаго и іудейскаго.

Двѣ главныя мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери въ иконостасѣ ц. св. Климента, хотя и плохо сохранились и, видимо, много разъ были переписаны, оказываются все же любопытными памятниками старины, главнымъ образомъ, со стороны серебрянаго басменнаго оклада, относящагося, очевидно, къ той же древней эпохѣ, точнѣе сказать, къ XIV вѣку. Правда, этотъ басменный окладъ снятъ, быть можетъ, съ другихъ иконъ, большаго размѣра, и не имѣетъ уже нынѣ, напр. на иконѣ Спасителя, лѣвой каймы. Однако и тѣ басменные орнаментальныя пластинки, которыми иконы убраны, очень изящнаго рисунка, особенно на иконѣ Богоматери. Поверхъ басменныхъ пластинокъ, на этой послѣдней иконѣ набита также и надпись имени Богоматери, которая, однако, въ данномъ случаѣ, никакого фактическаго указанія на особое «явленіе» или «во имя» не заключаетъ. На коймахъ иконъ находятся чеканные образки пророковъ и святыхъ. Какъ разъ подлѣ этими двумя мѣстными иконами находится, затѣмъ, мелкая надпись, протянутая почти вдоль всего икопостаса, въ которой говорится, что «сіе темло соградися» и пр. (темло = τέμπλον = тѣблѣ, икопостасъ) въ 1866 году щедротами православыныхъ христіанъ и ктиторовъ церкви (приведено нѣсколько фамилій) и енигроповъ. Икопостасъ, стало быть, подвергся въ самое послѣднее время передѣлкѣ, но когда мы стали осматривать верхнія его части, то нашли въ

1) Путешествіе въ Метеорскіе монастыри 1896 г., стр. 168—9.

немъ въ особыхъ застекленныхъ кіотахъ всѣ тѣ иконы (см. рис. 173), которыя ранѣе находились на наиболѣе почетныхъ мѣстахъ внизу и затѣмъ были переставлены наверхъ. Въ большомъ кіотѣ налѣво, какъ показываетъ сдѣланный нами снимокъ, оказались рядомъ двѣ иконы Богоматери, весьма большія и древнія, въ серебряныхъ древнихъ окладахъ. Осматривая, затѣмъ, въ би-

173. Иконостасъ церкви св. Климента въ Охридѣ.

поклъ рядъ кіотовъ большаго размѣра, вправленныхъ въ новый иконостасъ выше пояса праздниковъ, я, сквозь густую нить, покрывавшую какъ иконы, такъ и стекла кіотовъ, очевидно, не чищенныхъ съ 1866 года, различилъ слабые признаки краски на одномъ металлическомъ вѣйчикѣ. Обстоятельство это меня поразило и заставило предположить, что вѣйчикъ этотъ эмалевый. Мы обратились къ настоятелю церкви, а затѣмъ и къ Охридскому митрополиту, прося разрѣшить намъ снять всѣ эти иконы сверху и осмотрѣть ихъ ближе въ самой церкви. Что же оказалось? Передъ нами черезъ день стояли

въ рядъ девять великолѣнныхъ, древнѣйшихъ, какія только извѣстны, мѣстныхъ *вкладныхъ иконъ*, въ древнихъ же серебряныхъ окладахъ, украшенныхъ прекрасными чеканными изображеніями на особо набранныхъ пластинкахъ и даже эмалями. Этотъ поразительный рядъ памятниконъ имѣетъ тѣмъ болѣе цѣны, что мы доселѣ нигдѣ не знаемъ ничего ему подобнаго. Очистивши эти иконы и обмывши ихъ отъ пыли и копоти, мы могли, затѣмъ, свободно на открытомъ воздухѣ и на свѣту исполнить съ нихъ точныя фотографическія снимки. А такъ какъ единственное средство, намъ извѣстное въ дѣлѣ охраненія памятниконъ, заключается въ томъ, чтобы владѣльцы ихъ знали, но крайней мѣрѣ, имъ хотя денежную цѣну, я, пригласивши особо того же митрополита съ клиромъ, показавъ имъ на этотъ рядъ иконъ и увѣщевая ихъ сохранить ихъ отъ разрушенія на будущее время. И вотъ, когда я ихъ такъ убѣждалъ, тотъ же митрополитъ, съ улыбкой пренебреженія, мнѣ на это отвѣтилъ: «Это для васъ, археологовъ, эти иконы очень цѣнны, а намъ что толку въ этой старой рухляди». Не находя другихъ аргументовъ, я ему сказалъ: «Чтобы вамъ, владыка, дать понятіе, насколько все это имѣетъ даже денежную цѣну, я вамъ скажу, что я сейчасъ согласенъ вамъ дать за одинъ только вотъ этотъ вѣничекъ тысячу рублей». — «Такъ, значить, онъ дороже стоитъ?» — спросилъ владыка. И я оставилъ его убѣждать, находя, что «ученаго учить — только портить».

Таблицы
V—XII.

Какъ мы увидимъ изъ всего послѣдующаго, иконы нашего ряда представляютъ почти сплошь одинъ и тотъ же размѣръ, колеблющійся лишь въ какомъ либо десяткѣ сантиметровъ: отъ 93 сантиметровъ до 1 метра 10 сантиметровъ въ вышину. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ этомъ ряду оказывается не менѣе пяти иконъ Богоматери (одна изъ нихъ, какъ увидимъ, носитъ воімя: *Перивлелты*, т. е., видимо, мѣстная икона этой самой церкви), нельзя думать, чтобы онѣ происходили изъ одного и того же иконостаса: онѣ представляютъ сборъ мѣстныхъ иконъ или изъ разныхъ церквей или разныхъ придѣловъ. Многое заставляетъ убѣдиться (см. ниже), что между иконами есть пылы, перенесенныя сюда изъ митрополіи — т. е. св. Софіи, послѣ того, какъ она была обращена въ мечеть. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить изыщное исполненіе металлическихъ окладовъ, видимо, рассчитанныхъ на то, что эти иконы могли быть разсматриваемы вблизи, стало быть, скорѣй всего, находились въ какомъ либо почитаемомъ придѣлѣ: для большой церкви размѣръ иконъ, высотой въ 1 метръ, кажется слишкомъ малымъ. Съ другой стороны, мы можемъ предполагать, что въ періодъ XII—XIII столѣтій, къ которому относятся эти иконы, иконостасы были значительно ниже, чѣмъ стали дѣлать въ XIV и XV вѣкахъ, а свободныя междустолнія уже, чѣмъ мы себѣ доселѣ представляемъ. Остается оговорить также появленіе среди

иконъ въ этомъ ряду двухъ створокъ Благовѣщенія: одной для архангела Михаила и другой для Богоматери, сидящей и приѣмлющей благовѣстіе. Какъ извѣстно, изображеніе Благовѣщенія, въ видѣ двухъ раздѣленныхъ между собою фигуръ, помѣщалось обычно въ византійскихъ церквахъ на двухъ столбахъ, обрамляющихъ алтарную нишу. Такой обычай повелся, повидимому, уже съ X вѣка и встрѣчается, какъ извѣстно, часто въ мозаикахъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ періодъ времени, начиная съ XII вѣка, вмѣсто подобныхъ мозаическихъ изображеній Благовѣщенія, стали вѣшать на тѣхъ же самыхъ столбахъ, но въ уровень съ иконами алтарной преграды (иконостаса) также 2 живописныхъ иконы Благовѣщенія. Что наши послѣднія иконы были помѣщены на уровнѣ мѣстныхъ иконъ первоначально, доказательствомъ этому служить, какъ мы увидимъ, надпись на металлической пластинкѣ, исполненная эмалью, называющая ктитора. Наконецъ, иконы нашего ряда вовсе не принадлежать къ одной и той же эпохѣ по своему происхожденію; древнѣйшія изъ нихъ восходятъ, повидимому, къ среднѣмъ XI столѣтію, большинство относится къ XIII и нѣкоторыя даже къ XIV вѣку.

Ясный характеръ мѣстныхъ иконъ представляютъ въ нашемъ ряду прежде всего двѣ иконы-дружки, одного письма и одинаковаго убора и при томъ иконы Спаса и Богоматери, посящія одинъ эпитетъ: *Душеспасителя* и *Душеспасительницы* (таблицы V и VI). Начнемъ съ первой.

Таблицы
V—VI.

Икона Спаса (0,93 м. дл. и 0,68 м. шир.) представляетъ обычный типъ Спаса Вседержителя, съ кодексомъ Евангелія въ лѣвой рукѣ и съ благословляющей десницей (такъ наз. двуперстное сложеніе), какъ этотъ типъ выработался въ мозаикахъ стѣнной живописи еще въ XII вѣкѣ. Типъ не лишенъ монументальной величавости, которая передана столько же въ могучей фигурѣ Вседержителя, широкихъ складкахъ традиціонныхъ одеждъ, сколько и въ спокойномъ самоуглубленномъ и аскетически сдержанномъ выраженіи лица. Мы слишкомъ уже много говорили объ этомъ типѣ Спасителя ранѣе, (въ «Лицевомъ подлинникѣ») для того, чтобы повторять вновь весь анализъ. Краткоговоря, настоящая икона интересна именно со стороны иконописной передачи монументальнаго типа въ формѣ моленнаго образа. Нечего и говорить о томъ, что для тѣхъ, кто въ моленномъ образѣ считаетъ обязательнымъ выраженіе трогательное и душевное, эта мозаическая фигура Вседержителя всегда останется чуждой. Это между прочимъ одна изъ причинъ, почему образъ Спаса, столь обильно распространенный въ греческой иконописи, со всѣми ея вѣтвями: русскою, критскою, южно-итальянскою — вовсе не привился къ ранней итальянской живописи, положившей все свое достоинство въ изображеніи душевной экспрессіи. Что значить, затѣмъ, украшающій эпитетъ «Душеспаси-

Табл. V.

теля», мы не можемъ сказать, кромѣ только того, что въ XII и XIII столѣтіяхъ вошло въ обычай не только въ иконахъ, но даже и на печатяхъ прилагать подобныя эпитеты къ образамъ Спаса и Богоматери. Наша икона была, если не переписана, то подправлена и «освѣжена» приблизительно въ XVI, что, между прочимъ, выдается нѣкоторыми рѣзкими складками, письмомъ благословляющей десницы и оживками около глазъ и бровей. Обращаясь, напротивъ того, къ металлическому окладу, мы можемъ легко утверждать его безусловную принадлежность къ XIV вѣку. Объ этомъ говоритъ намъ весь рисунокъ фона, коймъ, вѣничка, а равно и стиль чеканныхъ образковъ на коемкахъ иконы. Фонъ орнаментированъ рядами плетевыхъ листковъ (орнаментъ въ Византіи назывался $\tau\acute{\alpha}\ \phi\acute{\upsilon}\lambda\lambda\alpha$) въ формѣ условнаго листка съ крестомъ внутри. Коймы же покрыты кружками съ акавовыми разводами внутри ихъ, а затѣмъ также чеканными пластинками и въ промежуткахъ выпуклыми щитками съ плетениемъ. Нѣкоторыя части орнамента наведены свѣтлозеленою и синею эмалью, а также чернью, со спеціальной цѣлью уподобить напримѣръ выпуклые щитки ажурнымъ. Любопытны также и пластинки, которыми убраны были коймы, но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось мало, всего шесть, и то помятыхъ, а изъ коймы совершенно разрушенъ. Любопытно, что въ срединѣ верхней коймы, тамъ, гдѣ помѣщалось обыкновенно изображеніе «уготованнаго трона», въ данномъ случаѣ, находится погрудное изображеніе апостола Андрея, по сторонамъ его: Петра и Павла, ниже четырехъ евангелистовъ (сохранились пластинки Матвея, Іоанна Богослова, Марка), еще ниже

174. Образокъ на иконѣ Спасителя.
(Табл. V).

апостоловъ: уцѣлѣли надписи именъ Симона, Іакова. Погрудныя фигурки, переданныя въ этихъ пластинкахъ, выполнены крайне свободной, широкой манерой; особенно обращаетъ на себя вниманіе широкая скульптурная трактовка волосъ, а также и драпировокъ. Типы все сохраняютъ еще характеристику, данную лучшимъ византійскимъ искусствомъ XI—XII столѣтій: вмѣсто книгъ въ рукахъ апостоловъ Петра и Андрея еще находятся свитки, а форма книги усвоена только евангелистамъ. Типы сохранили ту индивидуальность,

которая имъ была нѣкогда придана: однако, лики Петра и Марка почти совершенно тождественны: тѣ же курчавые волосы, та же маленькая и короткая борода, тотъ же четырехугольный овалъ, наведенныя брови, тотъ же

характеръ простого, даже вульгарнаго, но искренняго лица. Къ сожалѣнiю, мы не можемъ издать всѣ эти образки и должны ограничиться одною лишь пластинкой Іоанна Богослова (рис. 174), любопытной, какъ контуръ основного, еще умѣреннаго въ чертахъ типа, внослѣдствiи столь утрированнаго въ русской иконописи.

Весьма возможно, что описанная нами икона Спаса получила прозванiе Спаса Душеспасителя отъ другой мѣстной иконы Богоматери Душеспасительницы (таблица VI). Дѣло въ томъ, что это послѣднее воимя (Спаса или Богоматери) исторически извѣстно: такъ назывался въ эпоху латинскаго завоеванiя Константинополя одинъ тамонiйскiй монастырь, находившiйся въ кварталѣ Гельъ близъ извѣстной, особенно чтимой, церкви «Богоматери» (Θεοτοκοςъ). Извѣстiе объ этомъ монастырѣ, правда, сохранено только одною почти современною записью доминиканца Петра Кало, венецiанца родомъ († 1310), записавшаго обстоятельства перенесенiя изъ Константинополя мощей св. Іоанна Александрийскаго въ Венецiю въ 1214 году ¹⁾. Разсказъ этотъ передаетъ, что перенесенiе было устроено латинскимъ прiоромъ монастыря (Спаса или Богоматери) «Психосостры» Робальдомъ, который, будучи весьма религiознымъ и богобоязненнымъ мужемъ, случайно узналъ, что въ церкви Θεοτοκοςъ хранятся эти св. мощи и на поклоненiе имъ сходятся массы народа. Церковь эта лишилась, во время завоеванiя, всякаго клира, по толнѣ продолжали, въ извѣстный день, приходить на поклоненiе и затѣмъ церковь заширалась. Похитивъ ночью мощи, прiоръ отправилъ ихъ въ Венецiю, въ монастырь св. Даниїла въ Венецiи, именемъ котораго былъ названъ латинянами и самый монастырь Психосостры. Въ латинскомъ текстѣ остается совершенно неяснымъ: подъ именемъ монастыря Психосостры разумѣется ли монастырь во имя Спаса или Богоматери этого имени: возможно и то, и другое. Единственное указанiе — близость этого монастыря къ церкви Богоматери, весьма извѣстной въ Константинополѣ и понынѣ еще существующей, почему мы и рѣшаемся считать его пока монастыремъ во имя Богоматери ²⁾.

Письмо настоящей иконы, какъ было сказано, носитъ всѣ черты древняго письма XIV столѣтiя. Икона имѣетъ въ длину 0,92 м. и въ ширину 0,69 м. и является вполне дружкой иконы Спаса. Икона представляетъ Богоматерь въ композицiи почти одинаковой съ Иверскою чудотворной иконой: различiе въ положенiи головы, не столь наклоненной къ Младенцу и въ менѣе

1) Comte Riant *Exuviae sacrae Constantinopolitanae*, 1877, I. CVIII, p. 180—2. Въ одной редакцiи читается: *monasterium Psychosostre, id est Salvatoris animarum...*; въ другой: *monasterium in platea, quae dicitur Pulchra situm, et graece nuncupatum Psychosostrae, quasi Salvatricis animarum...*

2) Византiйскiя церкви и памятники Константинополя, стр. 79.

суровой экспрессии лица Богоматери, очевидно, лишенного той мимолетной скорбности, которая наблюдается в Иверской иконѣ. Въѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнна близость нашей иконы къ этой послѣдней: эта близость наблюдается и въ головѣ Младенца, слегка приподнятой и въ положеніи рукъ Его и Богоматери. Правая рука Богоматери слегка прижата къ груди. Она съ головою покрыта мафоріемъ, котораго края, отороченные галуномъ, образуютъ вокругъ головы по три зигзаговыхъ складки. Рисунокъ лика ея, наиболѣе близокъ къ Иверской Богоматери, а также и къ другимъ иконамъ стараго Афона, относящимся къ XV и XVI вѣкамъ. Одежды Младенца покрыты густою золотой шрафировкой творенымъ золотомъ. Окладъ иконы представляетъ рѣшетчатый фонъ, наведенный свѣтло-зеленой и синей финифтью и напоминаетъ извѣстные уже фона въ окладахъ Евангелій въ библіотекѣ св. Марка, повидимому происходящихъ съ Балканскаго полуострова. Весь въѣчикъ покрытъ арабесками и выпуклыми щитками такого же рисунка. Въ верхнихъ углахъ иконы написаны по груди два архангела, умиленно преклоняющіеся предъ образомъ. По каймѣ, орнаментированной разводами, набитъ рядъ чеканшихъ пластинокъ: наверху и въ срединѣ Спасителя, по сторонамъ Его, патріарха Іакова, (въ правомъ углу пональ круглый медальонъ Іоанна Златоуста, взятый изъ другой иконы). Ниже по каймѣ пророки и патріархи: Іезекіль, Давидъ, Аввакумъ, Іеремія, Гедонъ, Ааронъ, — прочіе не сохранились. Выше тоже укрѣпленъ медальонъ врача Даміана, съ другой иконы. Всѣ пророки держатъ развернутые свитки, на которыхъ читается начала извѣстныхъ изреченій, относящихся къ Богоматери. Достоинство этихъ изображеній не уступаетъ описаннымъ на предыдущей иконѣ, но, къ сожалѣнію, большинство лицъ оказывается проткнуто, очевидно, мусульманами, скорѣе всего албанцами, когда либо овладѣвшими церковью и излившими свой заматорѣлый фанатизмъ. Изъ всѣхъ этихъ пластинокъ мы избираемъ для публикаціи пророка Гедона, точнѣе праведнаго Гедона, любопытной по характерному типу (рис. 175). Изъ круглыхъ, понавшихъ сюда образковъ, весьма интересною является пластинка, съ круглымъ медальономъ Іоанна Златоуста (рис. 176), которая дополняетъ, точнѣе говоря, — подтверждаетъ данныя по его иконографіи, получаемыя нами черезъ посредство живописныхъ изображеній. Хотя верхъ головы патріарха продавленъ ударомъ, все же черты типа ясны: маленькая голова, съ очень большимъ лбомъ и рѣдкими волосами, въ видѣ немногихъ прядей на вискахъ и надъ челомъ, съ крайне острымъ и малымъ нижнимъ оваломъ лица, извѣстны намъ и въ живописи. Но здѣсь, на этомъ крохотномъ и сухомъ личикѣ старца любопытны еще два большихъ глаза, широко раскрытыхъ, прямой характерный носъ и маленькія сухія губы; тонкіе усы спускаются по обѣ стороны рта и узкаго подбородка, и сливаются

подъ нимъ съ крохотной бородкой, въ видѣ двухъ небольшихъ прядей. Рисунокъ даетъ такимъ образомъ совершенно точное указаніе и помогаетъ въ пониманіи другихъ изображеній святого. Такъ, въ извѣстномъ мозаическомъ изображеніи святителя, въ алтарѣ Палатинской капеллы въ Палермо, согласно съ условіями мозаической техники, эта опушающая подбородокъ святого маленькая борода представлена только легкой тѣнью, которую легко можетъ опустить не знающій дѣла рисовальщикъ.

175. Образокъ на иконѣ Б. М.
(Табл. VI).

176. Образокъ Іоанна Златоуста на иконѣ
Б. М. (Табл. VI).

Икона Б. М. Перивленты принадлежит XIV столѣтію, какъ и двѣ предыдущія. Не смотря на то, что она, по своему эпитету, изображаетъ Богоматерь того самого воина, которому посвящена была церковь, икона оказывается наименѣ украшенной и убранный, хотя сохранилась съ своимъ орнаментальнымъ уборомъ, за исключеніемъ нижней коймы, лучше предыдущихъ. Поэтому возможно, что икона происходитъ изъ какого либо придѣла, къ тому же она и по размѣрамъ ниже нѣсколько предыдущихъ. Орнаментация чеканныхъ по серебру коймъ и оклада иконы напоминаетъ особенно грузинскіе оклады иконъ. Чрезвычайно характерно необыкновенное разнообразіе акаювыхъ пальметокъ внутри кружковъ, какъ въ коймахъ, такъ и фонахъ оклада. Мы насчитали въ первыхъ 12 типовъ шаблона, въ фонахъ разнообразіе еще больше. Типъ Богоматери близокъ къ описанному выше, но представляетъ также и нѣкоторое отъ него отличіе: рука Богоматери поднята гораздо выше и не прижимается къ груди, но дѣлаетъ лишь движеніе вверхъ, прежде чѣмъ быть прижатой. Положеніе Младенца также слегка видоизмѣнено и болѣе запрокинуто, чѣмъ въ предыдущей иконѣ такъ, что

Табл. VII.

Младенец здѣсь смотритъ уже прямо на мать, хотя и держитъ по прежнему въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правою благословляетъ. Совершенно та же фактура письма и та же степень сохранности его, при чемъ надо оговорить нѣкоторыя повидимому, позднѣйшія оживки на лицахъ и отчасти на бахромѣ одеждъ.

Трудно отвѣтить, затѣмъ, на вопросъ: представляетъ ли эта икона списокъ чудотворной византійской иконы, прозванной по имени монастыря Перивлентоу?

Большой монастырь во имя Богородицы Перивленты построенъ былъ Императоромъ Романомъ Аргиромъ (1028—1034) въ мѣстности, нынѣ называемой Псаматіею. съ лѣвой стороны отъ улицы, ведущей къ Золотымъ Воротамъ. Какъ извѣстно, это былъ излюбленный монастырь императоровъ XI—XII столѣтій, богато украшенный мозаиками и одаренный обширными владѣніями. Мы уже передавали ранѣе подробный рассказъ Клавихо отъ 1403 года о великолѣпной церкви этого монастыря. Онъ описываетъ здѣсь изображеніе Богородицы, окруженной императоромъ и императрицей, находившееся у входа въ самую церковь; по его словамъ, у подножія образа св. Маріи были представлены 30 замковъ и городовъ и по гречески написано имя каждаго изъ нихъ. Руководясь западными обычаями, Клавихо предположилъ или ему сказали, что эти замки и города были даны церкви императоромъ. Но тотъ же Клавихо ни одного слова не прибавляетъ, была ли въ этой церкви какая либо чудотворная икона. Не знаетъ того и нашъ паломникъ Антоній, посѣтившій Царьградъ въ концѣ XII вѣка, когда говоритъ о мѣстности Трояндо-Филицѣ (Тріаконтафилла, нынѣ Сулу), что монастырей тамъ множество и мощей святыхъ, и часть милоти Ильиной тамъ есть и что монастырь тотъ—стало быть монастырь Перивленты—богаче другихъ цареградскихъ монастырей городами и селами, и золотомъ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ ни одного прямого указанія на существованіе чудотворной иконы съ этимъ именемъ и впродъ до появленія такого должны относить имя Богородицы къ имени монастыря, или славившагося великолѣпными постройками, и обширными видами, или, еще просто, поставленнаго на мѣстности, издавна носившей такое прозваніе. Въ одномъ латинскомъ документѣ ¹⁾, относящемся къ 1169 году, это имя объяснено словами: *circumsepta*—«кругомъ обнесенный оградой». Зная, однако, пристрастіе грековъ къ истолкованіямъ именъ по рефлексу, можно почти безъ ошибки предполагать 1) что имя монастыря было переведено затѣмъ въ разрядъ украшающихъ эпитетовъ для имени Богородицы и 2) что если не было съ самаго начала въ монастырѣ какой либо чтимой чудотворной иконы, то впоследствии такая появилась, или

1) Riant, *Exuviae*, I p. 187.

могла появиться, какъ реальное воплощеніе особаго иконописнаго типа Богоматери.

Въ эту же группу входитъ икона Богоматери, которую мы условно назовемъ, по ея типу, Одигитріею, хотя на самой иконѣ никакого названія нѣтъ, кромѣ обычныхъ титуловъ Богоматери и Младенца. Но такъ какъ Богоматерь изображена здѣсь смотрящею прямо на зрителя и держащею на лѣвой рукѣ Младенца, а онъ представленъ также глядящимъ на зрителя и благословляющимъ правою рукою, то икона эта даетъ несомнѣнную копію Б. М. Одигитріи. Какъ письмо этой иконы, такъ и весь ея серебряный чеканный окладъ совершенно той же самой фактуры, что двѣ иконы Спаса Душеспасителя и Б. М. Душеспасительницы. Конечно, такъ какъ самое письмо почти на половину разрушено, то можно любоваться лишь самымъ серебрянымъ окладомъ, необыкновенной тонкостью рѣшетчатыхъ фоновъ и достоинствомъ чеканныхъ пластинокъ, украшающихъ кайму оклада. Къ сожалѣнію, ихъ сохранилось только пять малыхъ по верху: Спаса, двухъ архангеловъ, Петра и Павла, и шесть продолговатыхъ пластинокъ по боковымъ коймамъ, вмѣсто десяти. Наиболее интересныя изъ этихъ изображеній—продолговатыя пластинки съ рисунками евангелистовъ и апостоловъ. Рисунки эти еще прекраснаго типа, относящагося къ XI и XII столѣтіямъ. Евангелисты представлены здѣсь держащими Евангелія на покровенныхъ гиматіемъ рукахъ, а апостолы со свѣтками, благословляющіе христіанскія общины. Конечно, античный рисунокъ переданъ здѣсь въ тяжелой схемѣ, но уже важно то, что онъ есть; такъ напримѣръ, апостолъ Варооломей представленъ въ позѣ, которая была бы вполне естественна и въ древней мозаикѣ: правая рука его даже закутана такъ, какъ было принято у древнихъ ораторовъ, старавшихся облагородить свои жесты покойными движеніями.

Икона Богоматери, на которой, наконецъ, даже есть серебряный титулъ съ именемъ Одигитріи, представляетъ для насъ замѣчательно сохранившійся экземпляръ списка этого перевода, важный при вопросѣ историческаго сличенія. Конечно, намъ нѣтъ нужды начинать это сличеніе съ древнѣйшихъ типовъ Одигитріи, которые и сами по себѣ слишкомъ еще не опредѣлились въ композиціи и по времени отдалены отъ XIV столѣтія, къ которому принадлежитъ наша икона, а потому сравнивать ее приходится въ первую голову съ иконою церкви Санта Марія Маджіоре въ Римѣ, а затѣмъ, съ иконою Смоленской Богоматери. Что касается другихъ списковъ Одигитріи и подробностей сравненія, мы предпочитаемъ отослать читателя къ специальному своему сочиненію объ иконографіи Богоматери, которое предполагается скоро издать въ свѣтъ. Кратко говоря, на иконѣ Римской церкви Богоматерь смотритъ нѣсколько въ правую сторону, и даже голова ея чуть

наклонена къ правому боку, что вполне согласуется съ положеніемъ фигуры, держащей ребенка на лѣвой рукѣ и стоящей: голова и даже отчасти плеча фигуры, для удержанія равновѣсія, будутъ отклонены слегка вправо. Затѣмъ, Младенецъ на этой иконѣ представленъ въ трехъ четвертяхъ лица и слегка обернуть головою къ Матери, при чемъ, опять таки слѣдуя вполне натуральному положенію, его голова слегка отклонена отъ фигуры Матери, тогда какъ рука его, благословляя, придвинута къ ея груди. Взоръ его направленъ въ ту же сторону, какъ и взглядъ Матери. т. е. слегка вправо, какъ бы если приходящіе подходили къ группѣ слѣва. Смоленская икона Одигитрій въ композиціи совершенно совпадаетъ съ Охридскою — обстоятельство, не лишнее для насъ спеціальной важности. Имѣющаяся, въ данномъ случаѣ разница зависитъ исключительно уже отъ типовъ Богоматери и Младенца. Такимъ образомъ, намъ нѣтъ надобности разбирать этотъ типъ, и мы можемъ остановиться единственно на тѣхъ чертахъ различія, которыя сюда вошли. Главное различіе состоитъ въ полнотѣ лица, что сближаетъ Охридскую икону съ позднѣйшими афонскими Одигитріями, а также съ позднѣйшими русскими иконами, дающими будто бы списокъ Смоленской Одигитрій, но, на самомъ дѣлѣ, передающими типъ поздне-греческихъ иконъ. Затѣмъ, въ типѣ Богоматери обращаетъ на себя вниманіе преувеличенная длиннота носа: подобную черту мы находимъ именно въ иконахъ XIV и XV столѣтій, напримѣръ, въ иконѣ Оеодоровской Б. М. Это преувеличеніе отчасти вызвано поднятіемъ бровей, которыя и подняты и одновременно сдвинуты, какъ бы подъ вліяніемъ навѣянныхъ скорбныхъ мыслей. Съ другой стороны, если бы мы могли отрѣшиться отъ этихъ преувеличеній, мы должны были бы считать этотъ типъ наиболѣе духовнымъ, такъ какъ именно здѣсь въ движеніи бровей и глаза сосредоточена мимика психическаго центра. Правая рука Б. М., прижатая къ груди, прикрыта здѣсь серебряной накладкой, которая указываетъ, что икона эта была въ числѣ мѣстныхъ, и къ ней долгое время прикладывались. Далѣе, окладъ иконы, уже сборный, изъ басменныхъ орнаментальныхъ пластинокъ, повторяющихъ 3 — 4 рисунка. Любопытно, что среди орнаментовъ здѣсь постоянно повторяются: «уготованный престолъ» и погрудныя изображенія великомучениковъ Георгія и Димитрія. Но затѣмъ имѣется кайма, на которой, кромѣ ряда мелкихъ, отпечатавшихся шаблонами бюстовъ святыхъ, имѣется также рядъ евангельскихъ сюжетовъ: Крещенія, Распята, Вознесенія, Воскресенія, или Сошествія во адъ, Воскресенія Лазаря и проч. по типамъ XI—XII столѣтій.

Наконецъ, на той же иконѣ, на нижней набранной каймѣ, среди орнаментальныхъ полосокъ, крайне миниатюрныхъ и представляющихъ Благовѣщеніе, Успеніе и Пятидесятницу, по самой срединѣ набита одна замѣчатель-

ная пластинка (рис. 177), издаваемая нами въ особомъ рисункѣ, очень поздняя—XIV—XV столѣтія, и уцѣлѣвшая, хотя не вполнѣ, отъ какой то другой разрушенной иконы съ серебрянымъ окладомъ. Къ сожалѣнію, пластинка не только вставлена въ подуразрушенномъ состояніи, но къ тому же она представляетъ не полное воспроизведеніе всей композиціи, а именно на лѣвой и правой сторонахъ ея находятся сокращенныя надписи именъ архангеловъ Гавріила и Михаила, а вмѣсто изображеній этихъ двухъ архангеловъ вытиснуто подобіе орнаментальнаго пиластра съ обѣихъ сторонъ, обрамляющее среднюю группу. Эта средина даетъ обычное изображеніе Богоматери, спящей на большемъ тронѣ и держащей у себя на колѣнахъ Младенца, благословляющаго обѣими руками.

Низъ фигуры оторванъ или не былъ вседаже

177. Образокъ Б. М. на иконѣ Б. М. «Одигитрія» (Табл. IX).

оттиснуть. Изображеніе это извѣстно еще въ древней византійской иконографіи Богоматери и, между прочимъ, пользовалось большимъ почитаніемъ въ древней Руси, благодаря иконѣ Кіево-Печерской Б. М., имѣвшей, какъ извѣстно, большое распространеніе не только на югѣ, но и на сѣверѣ Россіи, начиная съ Суздальской Руси. Но это изображеніе не получило бы въ данномъ случаѣ такого значенія, чтобы о немъ трактовать особо, тѣмъ болѣе, что оно сравнительно худо выполнено, еслибы надъ нимъ не находилась греческая надпись, выраженная однимъ лишь, нѣсколько загадочнымъ, словомъ $\dot{\text{H}}(\text{V}) \text{ ΕΠΙΣΚΕΨΙΣ}$, по требующимъ опредѣленія. Слово это имѣетъ значеніе «надзора», «попеченія» и «покровительства» и, очевидно, обозначаетъ собою всю композицію представленія Богоматери съ Младенцемъ, окруженной представителями небесныхъ силъ. Но возможна также догадка въ другую сторону, а именно, что здѣсь разумѣется покровительство или «покровъ надъ міромъ», объявленный ему со времени рожденія Искушителя. Въ самомъ дѣлѣ, настоящая тема измѣняетъ и въ иконописномъ отношеніи принятую манеру

изображенія Богоматери съ Младенцемъ. Младенецъ не просто сидитъ на колѣнахъ Матери, но помѣщенъ, какъ бы опущенъ ею (ея лѣвая рука держитъ Младенца за плечо, а правая поддерживаетъ снизу всю фигуру Младенца) въ расширенныя нѣдра ея собственнаго мафорія или покрова. При этомъ Младенецъ благословляетъ, поднявши обѣ руки этимъ самымъ движениемъ, доказывая всеобъемлемость Его спасительнаго дѣла. Какъ извѣстно, тема Покрова Богоматери считается совершенно несуществующею въ греческой иконописи и возникшей исключительно въ русской. Такимъ образомъ, всякое, хотя бы косвенное, указаніе на эту тему въ византійскомъ искусствѣ приобретаетъ особенный интересъ.

Табл. X.

Последнюю икону Б. М. въ этомъ отдѣлѣ (0,91 м. выш. и 0,54 м. шир.) мы условно назовемъ иконою «Страстной Б. М.» по ея близости къ тому типу, который на Руси сталъ извѣстенъ, благодаря чудотворной иконѣ, хранимой въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ, прозванномъ отъ этой самой иконы «Страстнымъ». Однако, въ типѣ Страстной Б. М. ¹⁾ всегда изображается сбоку слетающій съ небесъ ангелъ, съ орудіями Страстей въ рукахъ, и его появленіемъ объясняется порывистое движеніе Младенца, круто повернувагося отъ Матери влѣво и назадъ, чего въ данномъ типѣ совершенно нѣтъ. Предполагать же, что въ настоящей иконѣ эта композиція является сокращенной, и такая главная деталь отброшена — нельзя, согласно съ обычаями иконописи. Кромѣ того, въ настоящемъ переводѣ Младенецъ только рѣзко обернулся налѣво къ кому то, кто съ лѣвой стороны къ Нему подходитъ, но не назадъ, и Богоматерь представлена здѣсь совершенно покойной и спокойно поддерживающей Младенца обѣими руками; въ то же время она, подобно Иверской иконѣ, глядитъ прямо на зрителя. Такимъ образомъ, приходится пока считать, что настоящій переводъ является намъ спискомъ съ совершенно неизвѣстнаго пока оригинала. Любопытно, что на этомъ спискѣ Младенецъ представленъ почти отрокомъ, приблизительно 10 лѣтъ отъ роду. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ приподнятый свитокъ и благословляетъ правою какъ Вседержитель. Не менѣе любопытенъ окладъ иконы, на этотъ разъ лучше сохранившійся (только въ нижнемъ правомъ углу вставленъ кусокъ чужой каймы XII — XIII вѣка, съ тремя круглыми медальонами святыхъ) и оригинально орнаментированный уже не въ чисто византійскомъ стилѣ, но въ пѣшибѣ, по всей вѣроятности, сербскаго мастерства. Варварскій характеръ наблюдается и въ крайней неправильности разводовъ и пальметокъ, въ нихъ вписанныхъ, и въ рисункѣ выпуклыхъ щитковъ

1) Н. П. Лихачева, Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. I, таблицы 63—65 и 81.

и особенно въ чеканныхъ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ, а наконецъ, и въ самихъ декоративныхъ темахъ. Такъ: на нимбѣ Б. М. въ кружкахъ изображены три эмблемы евангелистовъ Матоея, Іоанна и Марка, при чемъ Матоей представленъ архангеломъ съ мѣриломъ въ рукахъ, Іоаннъ крылатымъ орломъ и Маркъ двуглавымъ орломъ, держащимъ въ когтяхъ своихъ двѣ таблетки, или два титула съ буквами. Почему взята такая эмблема для Марка, требуется особое разслѣдованіе. Въ нимбѣ Младенца, сверхъ греческаго подписанія начальныхъ и послѣднихъ буквъ имени Іисуса Христа, есть еще подобіе того же имени въ арабскомъ шрифѣ—также обстоятельство любопытное, указывающее на XIV вѣкъ и на близкое соотношеніе славянскихъ странъ съ мусульманскими. Далѣе, на коймахъ оклада по правой и лѣвой сторонѣ, среди разводовъ, чеканомъ изображены дважды фигура князя и трижды фигура духовной особы. Въ особыхъ набитыхъ щиткахъ, съ правой стороны, видны неполненные чернью монограммы, изъ которыхъ сохранились только двѣ (на трехъ щиткахъ—уже, къ сожалѣнію, ничего не читается, а между тѣмъ на нихъ была, повидимому, монограмма князя, т. е. самое важное указаніе): онѣ читаются такъ: **НИКОЛАОС ЕПІСКОПОС**; когда жилъ этотъ епископъ Николай—скажемъ ниже. Очевидно, повторенное трижды чеканомъ (однако, не шаблономъ, такъ какъ фигурки всѣ нѣсколько между собою разнятся) изображеніе духовной особы представляетъ именно этого епископа Николая, хотя, по варварской догадкѣ, голова духовнаго лица окружена нимбомъ, по вѣдь то же самое сдѣлано и для фигуры князя. Примѣры подобнаго варварскаго обращенія съ нимбомъ святыхъ перѣдки даже и въ монументальныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе въ мелкихъ, и потому въ перечнѣ ихъ не имѣется никакой пужды. Представлена же эта фигура епископа Николая, съ длинными волосами падающими на плеча и въ церковномъ облаченіи, въ молитвенной позѣ: одна рука поднята, другая или протянута, или держитъ распущенный свитокъ, удерживая его за верхнюю трубку. На свиткѣ точки изображаютъ начертаніе молитвы. Трудно думать, чтобы это было изображеніемъ Николая Чудотворца: оно слишкомъ бы разнилось съ принятымъ въ иконографіи византійской; скорѣе всего это есть сочненіе для даннаго случая. Любопытно изображеніе князя, подтверждающее наши недавно изданныя разсужденія о славяно-русскихъ регаліяхъ¹⁾. На головѣ его подобіе нашей княжеской шапочки, въ видѣ округлой скуфейки, крестообразно подѣленной металлическимъ ободкомъ и съ металлическимъ околышемъ. Въ среднѣй ободка кружокъ изображаетъ собою драгоценный камень. На князѣ кафтанъ короткій, выше коленъ, подпоясанный, съ оше-

1) Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка, 1906, стр. 63—73.

чемъ и короткая мантия или корзино. На ногахъ византійскіе сапоги. Онъ держитъ въ рукахъ такого же рода распущенный свитокъ, а одна рука его молитвенно приподнята.

Епископъ Николай, упоминаемый въ монограммѣ, перечисляется въ ряду Охридскихъ архіепископовъ тринадцатымъ, по принятому счету, и считается бывшимъ при Стефанѣ Душанѣ въ первую половину правленія этого послѣдняго, или даже незадолго передъ нимъ, хотя изъ предыдущихъ двухъ епископовъ, одинъ тоже приходится на средину XIV вѣка. Такимъ образомъ, Николай является послѣднимъ, извѣстнымъ въ XIV столѣтіи, архіепископомъ Охриды и, быть можетъ, именно онъ благословлялъ на царство въ 1346 году Стефана Душана. По указанію академика Е. Е. Голубинскаго ¹⁾ съ 50-хъ годовъ XIV столѣтія, въ теченіи цѣлаго вѣка, Охридская архіепископія находилась подъ властью сербовъ, хотя въ церковномъ отношеніи по прежнему оставалась самостоятельною и удержала свой греческій характеръ. Повидимому, и наша икона не только содержитъ въ себѣ славянскіе типы Богоматери и Младенца и славянскую орнаментацию, но и прямо вспоминаетъ извѣстныя политическія событія, т. е. подчиненіе Македоніи сербамъ. Отсюда мы, быть можетъ, не должны считать случайнымъ сохраненіе монограммъ только на правой сторонѣ, гдѣ въ монограммахъ названъ епископъ Николай, и разрушеніе трехъ прочихъ пластинокъ, на которыхъ, можетъ быть, было имя Стефана Душана, другого сербскаго владетеля, такъ какъ точно время Николая на архіепископской кафедрѣ — мы не знаемъ. По другимъ примѣрамъ, позволительна и догадка: не болгарская ли рука, или рука грека-фанатика, уничтожила здѣсь сербскую или славянскую надпись?

Таблицы
XI—XII.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣднимъ двумъ иконамъ нашего замѣчательнаго ряда. Онѣ составляютъ вмѣстѣ, какъ уже выше сказано, своего рода складень (по рознатыи) *Благовѣщенія*, въ видѣ двухъ сравнительно узкихъ и высокихъ иконныхъ досокъ (0,112 и 0,67 м.), на которыхъ написаны архангелъ Гавріилъ, идущій къ Пречистой Дѣвѣ и на другой Богоматерь, сидящая на тронѣ и держащая въ рукахъ веретено съ прясломъ. Мы уже говорили о томъ, откуда возникла манера раздѣльнаго изображенія Благовѣщенія и какъ она перешла изъ монументальной живописи въ иконную. Намъ остается добавить, что, конечно, вслѣдствіе малаго количества древнихъ, сохранившихся иконъ, — экземпляровъ этой темы, кромѣ даннаго случая, пока намъ неизвѣстно. Кромѣ того, тема эта очень рано перешла въ роспись царскихъ вратъ, а потому въ видѣ отдѣльныхъ иконъ въ русской иконописи почти не встрѣчается. Какъ любопытный образецъ, можно указать

1) Указанное сочиненіе, стр. 129.

на двѣ металлическія пластинки, укрѣпленныя на бронзовыхъ входныхъ вратахъ Ватопедскаго собора, которыя, однако же, должно быть, взяты опять съ царскихъ вратъ ¹⁾. Дверь эта относится также къ XIV или къ началу XV вѣка.

Живописный переводъ Благовѣщенія въ настоящемъ случаѣ является сравнительно рѣдкимъ по своимъ подробностямъ. Онъ представляетъ своего рода воплощеніе идей и взглядовъ, установленныхъ учителями церкви въ иконоборческій періодъ и послѣдующее время. Съ точки зрѣнія Андрея Критскаго и патріарха Германа, всѣ тѣ благочестивыя преданія, которыми окутывалась тайна Благовѣщенія, получили иной смыслъ и значеніе. Такъ, извѣстно, что еще въ древне-христіанскую эпоху Благовѣщеніе, изображенное на мозаикахъ тріумфальной арки въ церкви Маріи Великой въ Римѣ, окружено подробностями торжественной и богатой обстановки: Б. М. сидитъ на тронѣ съ подножіемъ, одѣта въ роскошное платье, сбоку ея стоятъ два ангела, сверху слетаетъ архангелъ и Св. Духъ, и архангелъ Благовѣстникъ стоитъ передъ нею, сидящей на тронѣ. Уже здѣсь Б. М. держитъ въ рукахъ свое рукодѣлье. Такъ же изображено Благовѣщеніе на извѣстной каедрѣ Максимина, но уже съ VI столѣтія появляется въ иконографіи этого сюжета двойное его упрощеніе. Б. М. не сидитъ передъ архангеломъ, но стоитъ передъ тропомъ, съ котораго она встала въ смущеніи; въ то же время прежнее пышное одѣяніе замѣнено простыми одеждами греческаго Востока, хотя, согласно съ обычаями того времени, и народными вкусами, — дорогихъ цвѣтовъ: преимущественно пурпура. Къ этому послѣднему типу относится многое множество византійскихъ изображеній Благовѣщенія какъ въ монументальной живописи, такъ и въ миниатюрахъ. Но въ то же время въ церковной литературѣ времени иконоборства появляется замѣтное желаніе выдѣлить этотъ сюжетъ изъ разряда другихъ, вновь прежнимъ торжественнымъ характеромъ. Одннадцатый стихъ 44-го псалма: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего» — примѣняется Германомъ къ Маріи — дочери Израиля. Германъ пишетъ поэтому цѣлую бесѣду Архангела съ Маріею (томъ 98, стр. 322 слѣд.). Архангелъ является ей въ то время, когда она вязала порфиру, что даетъ образъ «золотого сосуда полнаго машиной», образъ «скинии порфиротканной». Такимъ образомъ, по словамъ Германа, порфира въ рукахъ Маріи означаетъ ея вознесеніе изъ простаго званія въ царское достоинство. Согласно съ такими проявленіями церковнаго экстаза, Ангелъ Благовѣститель держитъ обязательно лабарумъ. Въ настоящемъ случаѣ, торжественный характеръ представляется и падищами, вокругъ головы

1) Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, таблица 38.

Архангела и Б. М. Не достаетъ только лабарума, такъ какъ его металлическое древко оказывается сломаннымъ. Затѣмъ, какъ увидимъ, торжественность изображенія выражена здѣсь рядомъ церемониально поставленныхъ фигуръ архангеловъ съ лабарумами, сферами, и пророками съ ихъ пророческими изреченіями. Въ дополненіе о живописномъ образѣ Благовѣщенія, мы должны сказать, что оно отлично сохранилось и было написано съ хорошимъ мастерствомъ, по всей вѣроятности, еще въ XI столѣтіи, или, въ крайнемъ случаѣ, въ началѣ XII вѣка. Къ тому же времени относится и замѣчательный серебряный окладъ обѣихъ иконъ.

Поле этого оклада, а равно и коймы, заполнены обычными разводами и пальметками внутри, хорошаго византійскаго рисунка. Затѣмъ, по коймамъ расположены на верхнихъ и нижнихъ коймахъ (послѣднія почти совсѣмъ разрушены) округлые чеканные медальоны, а по боковымъ четырехугольнымъ продолговатыя пластинки съ фигурами въ ростъ. На иконѣ архангела, въ верхней каймѣ представлена по срединѣ гетимасія или уготованный престолъ, а по сторонамъ его серафимы и херувимы. На иконѣ Б. М. въ верхней каймѣ, въ срединѣ Снасъ погрудный съ Евангеліемъ и благословляющій въ Денеусѣ:

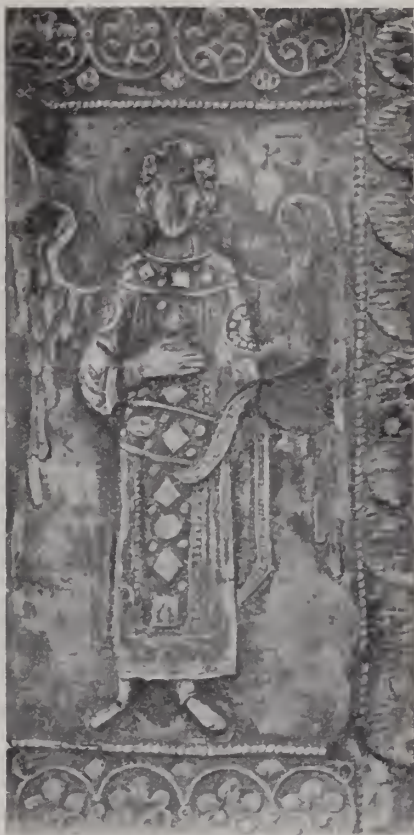
178. Образокъ Архангела на иконѣ Арх. Гавріила. (Табл. XI).

справа Б. М., слѣва Іоаннъ Предтеча и по сторонамъ праведные Іоакимъ и Анна. Изъ нижнихъ коймъ сохранилась только небольшая часть съ медальонами ап. Андрея и другого апостола.

Начнемъ разѣ съ пластинокъ, украшающихъ икону Архангела Микхаила. Онѣ представляютъ два типа, воспроизводимые нами на рисункахъ. На одномъ изъ нихъ находимъ изображеніе Архангела въ типичной фигурѣ военачальника (рис. 178). Архангелъ облаченъ въ короткую тунику, съ узкими рукавами, подпоясанную и украшенную дорогимъ оплечьемъ, вырѣзнымъ, и спускающимся на груди двумя кистями. Поверхъ этой туники наброшенъ короткій воинскій плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ фи-

булою и особыми перепоясками, связанными на груди. На ногахъ, поверхъ башмаковъ, надѣты кожаные камнатіи, родъ походныхъ гетръ.

Въ лѣвой рукѣ архангела сфера, въ правой держитъ огнь лабарумъ. Голова архангела онаяса повязкою, ниспадающей съ головы двумя крутящимися ленточками (русскіе «тороки» или «слухи»). Весь этотъ типъ ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ изображеній архангеловъ, изъ которыхъ наиболѣе знаменитое, взятое въ такой же торжественной позѣ, находится среди мозаикъ св. Софій Константинопольской передъ алтарною абсидой. Тотъ мозаическій архангелъ одѣтъ въ бѣлый гиматій и хитонъ, но на гиматіи имѣется пурпурный клавій и въ правой рукѣ архангелъ держитъ тамъ мѣрило, а въ лѣвой — голубую сферу. Для этого мозаического изображенія ¹⁾ весьма любопытнымъ дополненіемъ является надпись на нашей пластинкѣ: "Αγγελος Κυρίου — «Ангелъ Господень». Правда, также самая надпись находится на другомъ изображеніи Архангела въ видѣ образа силы и власти, т. е. въ императорскомъ орнатѣ (рис. 179). По обычной иконографіи такого рода изображенія архангеловъ со сферою въ лѣвой рукѣ также сопровождаются скипетромъ ²⁾, но въ настоящемъ случаѣ правая рука Архангела прижата къ груди, а на другихъ пластинкахъ держитъ такой же лабарумъ. Наконецъ, на одной пластинкѣ, находящейся внизу нашей иконы, архангелъ изображенъ такъ, какъ представляется всегда архангелъ Михаилъ, т. е. съ мечемъ, высоко поднятымъ правой рукою, въ то время какъ лѣвая удерживаетъ привѣшанныя къ поясу ножны; архангелъ облаченъ въ латы.

179. Образокъ на иконѣ Архангела.
(Табл. XI).

На другой иконѣ любопытный рядъ круглыхъ медальоновъ сохранился на верхней каймѣ. Между ними особенно выдѣляется фигура Спаса Вседер-

1) «Византийскія церкви Константинополя», стр. 127.

2) Рельефъ, представляющій Архангела Гавріила (по подписи) въ томъ же облаченіи и со сферою, на стѣнѣ фасада ц. св. Марка въ Венеціи (Алппари фот. № 20683), даетъ Архангелу мѣрило съ трехлепестковымъ цвѣткомъ на концѣ.

жигеля (рис. 180), съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей двуперстно правой. Голова Спасителя представляетъ здѣсь черты, отличающія собою древне-византійскій типъ Іисуса Христа, господствовавшій въ X — XI вѣкахъ и смѣненный затѣмъ мозаическимъ типомъ XII вѣка. Какъ мы уже имѣли случай говорить ранѣе ¹⁾, въ этомъ типѣ сохранилось еще кроткое благостное настроеніе, свойственное Спасителю Юстиніановскаго періода. Этому характеру соотвѣтствуетъ небольшая округлая борода и ниспадающіе легкими локонами на шею волосы. Юношескій типъ Богоматери, представленный въ Денсусѣ этой верхней каймы, отвѣчаетъ также этому характеру Спасителя. Типъ Іоанна Предтечи, изображеннаго въ медальонѣ, съ лѣвой стороны отъ Спасителя (рис. 181), носитъ также древнѣйшія черты, какъ

180. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII).

181. Образокъ съ иконы Б. М. (Табл. XII).

въ пышной шевелюрѣ его головы, такъ и въ строгомъ контурѣ его лица; онъ представленъ здѣсь также воздѣвающимъ руки. Денсусъ дополненъ здѣсь изображеніями Богоотца Іоакима и Анны, изъ которыхъ сполна сохранилось только послѣднее: въ немъ характерно положеніе рукъ Праведной Анны. Лѣвая раскрыта передъ грудью въ знакъ умиленія, а правая прижата къ груди.

Продолговатыя четырехугольныя пластинки, украшающія боковыя каймы иконы, представляютъ, согласно обычной композиціи, пророковъ: Давида, Соломона, Захарія, Михея, Іеремію, — всѣхъ числомъ 10. Фигуры выбиты сильнымъ горельефомъ, почему во многихъ мѣстахъ по краямъ оторвались отъ фона. По типамъ и, главное, по самой манерѣ представленія драпировокъ, еще чуждыхъ той причудливой изломанности, какою отличается визан-

1) Иконографія Спасителя, Лицевой Иконописный Подлинникъ, I.

тійская драпировка, начиная съ XII столѣтія, взятые здѣсь образцы или рисунки относятся не далѣе какъ къ X вѣку и даютъ много любопытнаго. Опишемъ подробнѣе тѣ, которые издаемъ въ рисунокѣ, такъ какъ всякія описанія стиля мало поддаются пониманію. Пророкъ Давидъ (рис. 182) представленъ совершенно такъ же, какъ въ знаменитой Псалтири Парижской Библіотеки, такъ что по ея миниатюрѣ мы могли бы дополнить цвѣта его одеждъ на нашемъ барельефѣ. Даже набитая здѣсь съ правой стороны широкая орнаментальная пластинка (потому, что правый бокъ фигуры былъ разрушенъ), и та заступаетъ мѣсто орнаментированной каймы сагія или мантии, на него на-

182. Царь Давидъ — образокъ на иконѣ
Б. М. (Табл. XII).

183. Образокъ царя Соломона на иконѣ
Б. М. (Табл. XII).

брошенной. На этой мантии укрѣпленъ, или нашитъ, спереди парчевой тавлій, украшенный драгоценными камнями. Далѣе, по низу дивитсѣя также нашита широкая кайма, видимо, изъ золотой ткани, на пурпурной одеждѣ. Весьма любопытная шапочка или корона надѣта на головѣ какъ Давида, такъ и Соломона (рис. 182 и 183). Она имѣетъ форму русской княжеской шапочки: матерчатой, съ плоскимъ верхомъ, отороченной по низу галуномъ и также перекрещенной черезъ верхъ такимъ же широкимъ галуномъ, на которомъ мѣстами посажены драгоценные камни. Разница съ нашей княжеской шапкой

заключается лишь въ томъ, что наша имѣетъ видъ скуфы, тогда какъ эта византійская шапочка имѣетъ, какъ мы сказали, плоскій верхъ.

Большинство пророковъ представлено держащими въ лѣвой рукѣ развернутые свитки, на которыхъ написаны извѣстные пророческія изреченія, относящіяся къ почитанію Богоматери, въ то время, какъ правая рука, слегка

184. Эмалевый вѣнчикъ на главѣ Архангела Гавріила въ иконѣ Архангела въ церкви св. Климента.

приподнятая, жестомъ благословенія отвѣчаетъ обращенію пророковъ къ людямъ. Пророкъ Іеремія указываетъ на текстъ своего изреченія. Пророкъ Захарія, представленный въ первосвященническихъ одеждахъ, въ правой рукѣ держитъ кадило. Всѣ прочіе представлены въ чисто античномъ одѣяніи, состоящемъ изъ хитона и гиматія и при этомъ, пророкъ Самуилъ такъ окутанъ

своимъ гиматіемъ, что правая рука его наполовину какъ бы скрывается въ пазухѣ этой переброшенной черезъ плечо одежды, и получается подобіе ораторской позы, извѣстной въ римскихъ скульптурахъ. Античному типу фигуръ отвѣчаютъ головы и лица пророковъ, носящія древнѣйшій характеръ, становящійся намъ извѣстнымъ въ Синайской мозаикѣ, Туринской миниатюрѣ, рукописи Космы Индикоплова и другихъ намятикахъ ранняго византійскаго искусства. Подробный разборъ типовъ, переданныхъ нашими пластинками, былъ бы, однако, здѣсь вовсе неумѣстенъ, такъ какъ всѣ эти типы даютъ не болѣе, какъ небрежное и чисто ремесленное воспроизведеніе тѣхъ древнихъ оригиналовъ, которые должны быть разобраны въ ихъ настоящемъ источникѣ. Мы же хотѣли только въ данномъ случаѣ отмѣтить пользованіе древнѣйшими оригиналами, продолжавшееся до позднѣйшей эпохи въ боковыхъ вѣтвяхъ византійскаго искусства.

Отмѣтимъ, наконецъ, чудный эмалевый вѣничекъ вокругъ головы архангела Гавріила (рис. 184), превосходно переданный въ рисунокѣ художника Д. К. Крайнева. На этомъ вѣничкѣ, по *блѣдному* эмалевому фону (подобіе фарфора) вкраплены пальметки и кринны изъ тончайшихъ сочетаній зеленого и краснаго цвѣтовъ. Вѣничекъ *выпуклый*, изъ серебра съ примѣсью золота.

Наконецъ на иконѣ Б. М. укрѣплены вертикально двѣ эмалевыя пластинки или таблетки съ греческою надписью, написанною сверху внизъ:

ΤΑ	ΛΕ
ΣΑ	ΩΝ
ΡΟ	ΣΟC
CΑ	ΟΙΚ
ΓΩ	ΤΡΟ
CΟΙ	CΟΙ
ΚΟ	ΚΕ
ΡΗ	ΤΗΣ
ΠΑ	ΘΥ
ΝΑ	ΘΥ
ΓΙΑ	ΤΗΣ

Надпись эта называется, стало быть, неизвѣстнаго намъ Льва, служителя Божія, устроившаго эти двѣ иконы (таковъ, по крайней мѣрѣ, точный смыслъ словъ: Твоя Тебѣ приношу).

И такъ, надпись называется смиреннаго раба Пресвятой Дѣвы, служителя Божія, но весь оборотъ обращенія къ Богородицѣ указываетъ на архіепис-

скопа Охриды, а такой архіепископъ, съ именемъ Льва, какъ разъ извѣстенъ, какъ строитель Охридской Софії. Онъ былъ ¹⁾ по каталогу, напечатанному Дюканикемъ (составленъ въ половинѣ XII вѣка), тринадцатымъ архіепископомъ Охриды и въ то же время первымъ изъ грековъ, хартофилаксомъ великой церкви. Всѣ послѣдующіе архіепископы были назначаемы уже изъ грековъ, а не изъ болгаръ и, такимъ образомъ, Охридская архіепископія превратилась изъ болгарской въ греческую. Далѣе, Левъ извѣстенъ и какъ церковный писатель (полемическія сочиненія противъ латинянъ) и какъ ревностный помощникъ патріарха Михаила Келлуларія въ борьбѣ съ латинскою церковью, а потому и былъ отлученъ отъ церкви папскими легатами въ 1054 году. Левъ умеръ между 1054 и 1057 годомъ.

Ризница церкви св. Климента оказалась бѣднѣе, чѣмъ можно было предполагать, если только намъ показали все то, что въ ней было. Мы нашли въ ней (фот. 462) епископскую митру, относящуюся къ XVII или XVIII вѣку (не позже первой половины послѣдняго), украшенную во первыхъ филигранными разводами и эмальированными флеронами по борту, съ драгоценными камнями въ гнѣздахъ. По своей эмалі митра весьма близко подходитъ къ предметамъ царскаго и патріархаго облаченія, исполнявшагося по русскимъ заказамъ во времена царей Алексѣя Михайловича и Оеодора Алексѣевича.

Серебряный золоченый потиръ, приблизительно того же времени (фот. 463), украшенъ скапью обычнымъ рисункомъ, но не наведенъ финифтью. Не болѣе любопытна иконка 12-ти господскихъ праздниковъ (рис. 185), вырѣзанная на жировикѣ (стеатитѣ) блѣднооливковаго цвѣта и окаймленная серебряной басмою XIV—XV столѣтій, представляющею по сторонамъ уготованнаго престола (греческая надпись **ΕΤΟΙΜΑΣ**) свв. Георгія и Димитрія, по бокамъ шесть святителей Василія, Григорія, Николая и пр. и по низу Косму и Даміана, а по среднѣ Пантелеймона. Басма древнѣе самого образа, относящагося къ XVI или даже XVII столѣтію.

Наиболѣе, однако, любопытными предметами въ ризницѣ оказываются различные куски древне-церковныхъ облаченій, преимущественно саккосовъ, но также воздухи, налицы и проч. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ мы поставимъ шитую пелену, съ образомъ *Панагии* или, такъ называем. Богородицы «Знаменія». Пелена относится, по всей вѣроятности, къ XIV — XV вѣкамъ, судя по складкамъ драпировки и зигзагообразному шитью нимба Божіей Матери (признакъ XV вѣка на афонскихъ древнихъ облаченіяхъ). Богоматерь представлена здѣсь съ поднятыми обѣими руками и небольшимъ медальономъ отрока Эммануила, держащимся внутри складокъ мафорія, образовав-

1) Е. Е. Голубинскаго указ. соч. стр. 40, 41.

шихся на груди. По каймѣ остатки надписи изъ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣій.

Небольшой воздухъ (рис. 186) обычного размѣра, съ вышитымъ по темнополовому шелку изображеніемъ Евхаристіи — причащеніе крови Христовой. Надъ группой апостоловъ и Спасителя обычная греческая надпись *πίεται ἐξ αὐτοῦ* и пр. до конца въ малограмотной передачѣ. Воздухъ относится къ XV или даже XVI вѣку.

185. Рѣзная на жировикѣ икона 12 праздниковъ въ ризницѣ церкви Св. Климента.

Пелена (рис. 187) небольшого размѣра (менѣе аришиа), съ шитымъ изображеніемъ Введенія во храмъ. Надъ группами надписи: *τὰ ἅγια τῶν ἁγίων*; *ὁ δίκαιος Ἰωακὴμ* и пр.; въ верхнемъ углу ангелъ приноситъ Богородицѣ хлѣбецъ.

Средняя часть архіепископской палицы, съ шитымъ изображеніемъ «Воскресенія Христова» по обычному переводу (Сошествіе во адъ): по угламъ надписи: **Н АНАСТАСΙC**.

Четыре куса саккоса, съ шитыми изображеніями Благовѣщенія среди Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Николая Чудо-

186. Шитый воздухъ въ ризницѣ церкви Св. Климента въ Охридѣ.

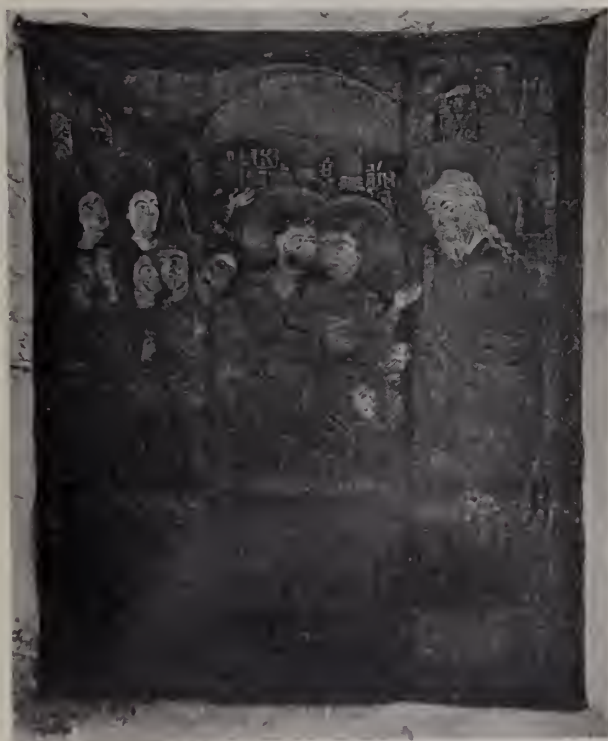
творца; Срѣтенія, съ пророкомъ Данииломъ и двумя другими пророками; Крещенія — съ Давидомъ и Соломономъ; Успенія Б. М. — съ двумя неизвѣстными святителями.

Пелена, (рис. 188), съ изображеніемъ Распятія, съ предстоящими и двумя скорбящими надъ крестомъ ангелами. По сторонамъ Распятія длинная надпись:

✠ ΔΟΡΟΝΣΙΚΛΙΝΟС
ΜΕΓΑΣ ΕΤΕΡΙΑΡΧΟ
ΤΥΠΟΝΣΗΣ ΣΤΡΩСЕ
ΩС ΑΝΑΤΥΠΟСΟΙ
ΕΚΤΉΔΟΚΟΥ
СΗΣ ТАХА
ΤΙΜΙΑСΥ
ΛΥС ✠

✠ СΗΝΕΥΔΟΚΥΑ
ΤΗΜΟЗΝΓΩΛΟ
ΓΕΟΥСΗКОМΗНΗ
ΜΡΩΠΑΠΠΟПАТРОΘ
ΕΙΝΙΑΛΥСΗΙΛΑ
ВΩΜΕΙΑΠΛΑ
ΚΥΜΑΤΩΝ ✠

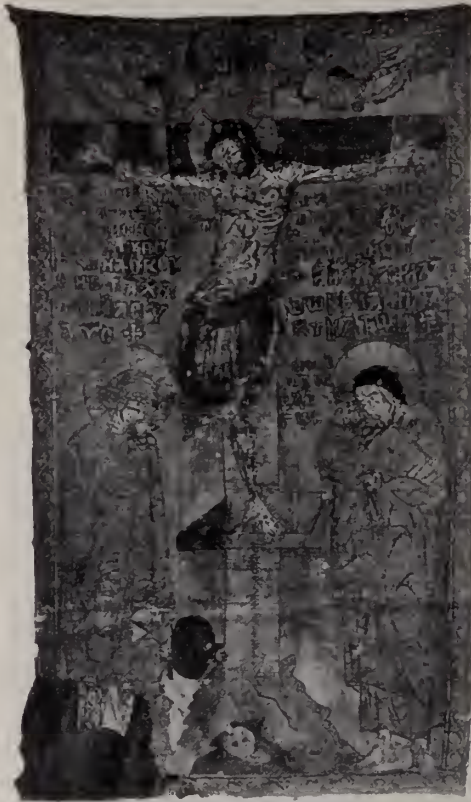
Тамъ же находится Евангеліе въ серебряномъ окладѣ, сероское XIV столѣтія, чрезвычайно любопытное по лицевой серебряной, украшенной релье-
фами, доскѣ (таблица XIII). На этой лицевой сторонѣ изображено Рас-
пятіе съ предстоящими Іоанномъ Богословомъ и Богородицею, а также двумя «Ангелами Гос-
подними»: одинъ, слетая сверху, держитъ человѣ-
ческую (или дѣтскую) фи-
гурку, одѣтую, какъ буд-
то, въ царскія облаченія и съ повязкою на головѣ: фигура эта держитъ по-
тиръ, въ который изли-
вается струя крови изъ пронзеннаго бока Распя-
таго. Надъ этою фигу-
рою надпись: Η ΝΕΑ
ΔΥΛΑΘΗΚΗ (sic) = *Новый Заветъ*. По другую сто-

187. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента.

рону Ангелъ Господень (иновѣ за фигурою надпись: ΗΠΑΛΕΑ ΔΙΑΘΗΚΗ = *Ветхий Заветъ*), подымался на небеса (крылья распущены), упоить съ

собою такую же фигурку, завернутую въ саванъ и, обернувшись, смотреть на Распятаго. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь любопытное дополненіе къ обычнымъ икогда изображеніямъ церкви христіанской и синагоги, которое ясно указываетъ, что и эта тема, столь распространенная на латинскомъ Западѣ, была, въ сущности, также греко-византійскаго происхожде-

188. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента.

нія. Надъ Распятымъ по сторонамъ титула находимъ, во первыхъ, греческія надписи: **Η ΣΤΑΥΡΟΣΗΣ** **Ω ΒΑΣΙΛΕΥ ΤΗΣ ΔΟΞΗΣ** и эмблематическія изображенія солнца и луны, также съ сокращенными надписями **ΕΙΛΗ..** и **ΣΕΛΥ..** Крестъ утвержденъ на вершинѣ скалистаго холмика, внутри котораго видна пещера, а въ ней глава Адамова и отпавшая челюсть. Изображеніе Распятаго исполнено на любопытномъ фонѣ стѣны, орнаментированной двумя этажами сплошныхъ аркадъ — по всей вѣроятности, вариантъ изображенія Іерусалимской стѣны, позади Голгофы. Вокругъ, по каймѣ, среди плетеныхъ ажурныхъ щитковъ, размѣщены рельефныя и рѣзные съ чернью фигурныя пластинки, представляющія: Благовѣщеніе (Божія Матерь, стоящая у трона), Рождество Христово (съ Саломеею, приготавлиющею купель), Срѣтеніе, четыре Евангелиста, по

грудь, и среди нихъ образокъ во весь ростъ св. Климента (надпись: **Ο ΑΓΙΟΣ ΚΛΗΜΗΣ**) въ епископскомъ облаченіи и св. Пантелеймона. По низу помѣщены: «Крещеніе Спасителя», «Воскресеніе Лазаря» (**ΕΓΓΡΕΣΗΣ** **ΤΩ ΛΑΣΑΡΩ**) (безъ предстоящихъ, Лазарь поднимается спеленатымъ изъ саркофага) и Воскресеніе Христа («Сшествіе во адъ» по обычному переводу). Внизу, за фигурою Богоматери, неясно отчеканена (по гильшированному фону) греческая надпись: **ΕΡΓΟΝ ΝΗΚΟΛΑΪ ΑΝΔΡΟΝΙΚ ΤΩ** **ΦΡΟΝΙΜΑΚ...**, безъ даты. Любопытно, что верхняя часть этой композиціи «Распятія» повторена и въ сербской Псалтири, изданной проф.

Стрыговскимъ¹⁾, а такъ какъ детали (особенно изображенія ангеловъ В. и Н. Завѣтовъ) тамъ не сохранились, то должны быть дополнены по этому окладу.

Въ заключеніе своего художественно-археологическаго обзора памятниковъ христіанскихъ древностей въ Македоніи, рѣшаемся высказать нѣсколько общихъ пожеланій, касающихся византійской археологіи и ея славянскихъ вѣтвей. Въ настоящее время для многихъ стало уже яснымъ, что если доселѣ археологическая наука говорила только о византійскомъ искусствѣ, гдѣ бы памятники этого искусства ни встрѣчались: въ Малой Азій, на Кавказѣ, Сиріи и Египтѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Кіевѣ, то самый терминъ «византійскаго» искусства является здѣсь столь же условнымъ, какъ и противопоставляемое ему искусство «романскаго» періода. Самая исторія византійскаго искусства, почти все его отдѣлы, въ конструктивномъ отношеніи представляются рядомъ вопросовъ, иногда даже только мимоходомъ поставленныхъ и оставшихся безъ всякаго разрѣшенія. Состояніе науки рѣдко отвѣчаетъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляютъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ работниковъ еще мало, и матеріалъ оказывается неизмѣримо громаднымъ. Такъ, въ настоящее время, древнѣйшій періодъ византійскаго искусства является едва намѣченнымъ, а между тѣмъ, по вопросамъ о его происхожденіи и ходѣ развитія высказанъ рядъ разнообразныхъ мнѣній, зачастую другъ другу рѣзко противорѣчащихъ. Сравнительно болѣе устойчивымъ является періодъ Юстиніановскій, которому впервые въ общихъ обозрѣніяхъ позволяютъ называться «византійскимъ». Ранѣе этого времени византійскаго искусства доселѣ не признаютъ, и ближайшимъ доказательствомъ является терминъ «христіанской археологіи», который, въ противность своему общему характеру, долженъ обозначать или первые восемь вѣковъ христіанскій эры, или, по крайней мѣрѣ, ея первыя пять столѣтій. Слѣдующій періодъ византійскаго искусства охватываетъ собою три съ половиною вѣка: съ половины XI столѣтія до латинскаго завоеванія Константинополя. Его памятники сосредоточены частью въ самой Византіи, частью же въ странахъ греческаго Востока и отчасти Запада, какъ напримѣръ, въ Сициліи и южной Италіи. Періодъ этотъ возбуждаетъ наименѣ споровъ, и большинство изслѣдователей и даже обозрѣвателей (эти послѣдніе хлопочутъ наиболѣе о принсканіи новыхъ терминовъ) соглашались за этимъ періодомъ сохранить названіе «эпохи процвѣтанія» византійскаго искусства. Дѣйствительно, именно въ это время оно вырабатываетъ себѣ окончательно тотъ характерный стиль, которымъ отмѣ-

1) *Die Miniaturen d. Serbischen Psalters*, Taf. X. 24, по Мюнхенскому списку и описанію Бѣлградской копій на стр. 26.

чены памятники византийскаго искусства на всемъ громадномъ протяженіи отъ Грузіи до Палермо. Именно въ это время, правда, только въ области миниатюры, мы встрѣчаемъ нѣкоторые, хотя слабыя попытки византийскаго искусства перейти отъ ремесла къ личному художественному творчеству. Такимъ памятникомъ является знаменитый Ватиканскій Менологій, расписанный мастерами, которые впервые нашли нужнымъ назвать себя поименно подъ своими работами. Точно также, благодаря точнымъ свидѣтельствамъ историковъ, записямъ рукописей и стилистичности самыхъ произведеній византийскаго искусства въ данномъ періодѣ, мы можемъ съ достаточной вѣроятностью отличать издѣлія мастерскихъ византийской столицы отъ провинціальныхъ подражаній. Таковы, напримѣръ: вывозныя эмали изъ Константинопольскихъ мастерскихъ и мѣстныя эмалевыя издѣлія Грузіи и Кіева, а также Венеціи. Мы намѣренно останавливаемся на этомъ цѣльномъ характерѣ византийскаго мастерства въ XI и XII вѣкахъ, чтобы дать почувствовать всю историческую важность той нестроты стили, которая наблюдается, начиная съ XIII столѣтія, въ памятникахъ того же византийскаго искусства, будь то: мозаики и фрески, миниатюры и эмали, или всякаго рода издѣлія мелкой художественной промышленности.

Кратко говоря о разнообразномъ художественномъ подъемѣ въ XIII столѣтіи, въ различныхъ мѣстностяхъ православнаго Востока и романскаго Запада, мы должны, прежде всего, были бы задать себѣ вопросъ: этотъ національный подъемъ, съ такою силою вдругъ обнаружившійся и составившій гдѣ пародную вѣтвь, а гдѣ даже эпоху возрожденія, не имѣетъ ли основаній въ предыдущемъ періодѣ, т. е. въ томъ же XI и XII вѣкахъ и въ той же сферѣ византийскаго искусства? Выбирая факты и примѣры, по возможности, поближе, мы укажемъ на нѣсколько фресковыхъ росписей конца XII вѣка у насъ.

Россія сохранила между своими древностями рядъ фресковыхъ росписей, относящихся къ XII столѣтію: таковы Спасо-Мирожскій соборъ 1156 года, Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ 1194 года, Спасо-Нередицкій близъ Новгорода 1198 года и Старо-Ладожская церковь Св. Георгія, роспись которой относится также къ XII столѣтію. Всѣ эти храмовыя росписи, по содержанію и стилю своего исполненія, являются вѣтвью византийскаго стили. Однако, ближайшее ихъ разсмотрѣніе обнаруживаетъ значительную разницу не только между ними самими, но также и по сравненію ихъ съ общимъ византийскимъ оригиналомъ. Такого рода фактъ оказывается особенно яркимъ и знаменательнымъ по отношенію къ фрескамъ Нередицы. Въ этихъ послѣднихъ, при всей ихъ византийской типичности, мы какъ разъ не находимъ многихъ наиболѣе характерныхъ признаковъ византийскаго мастерства XII вѣка. Исслѣ-

дователь, привлеченный къ ихъ разсмотрѣнію, убѣдившись въ этомъ яркомъ фактѣ, долженъ былъ бы предположить, что во фрескахъ Передницы мы находимъ еще архаичное византійское мастерство, которое еще не знакомо было со всеми утонченостями византійскаго стиля, какъ онъ былъ выработанъ искусствомъ византійской столицы во вторую половину XI и первую половину XII столѣтій. На первый разъ подобнаго рода предположеніе подкрѣплялось бы аналогичными случаями, даже въ отдаленныхъ отъ Новгорода мѣстностяхъ. Такъ, во фресковыхъ росписяхъ нашихъ крымскихъ кринтъ, равно какъ и во вновь открытыхъ подземныхъ церквахъ Каппадокіи ¹⁾, относящихся къ XI столѣтію, также наблюдается много чертъ архаизма, особенно по отношенію къ облаченіямъ, коронамъ и другимъ деталямъ. Конечно, Передницкая роспись воспроизводитъ весь живописный циклъ Византійскихъ церквей ²⁾. Однако, даже въ самыхъ сюжетахъ мы уже имѣли случай указать на особаго рода оригинальность, которой мы не знаемъ въ чисто византійскихъ памятникахъ. Таковъ, напр., *образъ св. Чрени* или Перукотвореннаго образа, на череницѣ отпечатавшагося, быть можетъ древне-египетскаго типа, если не происхожденія. Далѣе, образъ «*Ветхаго Денъми*», не въ лицѣ Иисуса Христа. Лишь этотъ слѣдуетъ сопоставить съ подобнымъ же образомъ Ветхаго Денъми въ одной изъ церквей Бриндизи ³⁾. Далѣе, мы укажемъ на замѣчательное изображеніе Панагін или «Богородицы Знаменія» въ боковой абсидѣ и рядомъ съ иконою Б. М. Алексѣя Божьяго Человѣка — сюжетъ, повидимому, сирійскаго происхожденія, такъ какъ здѣсь изображена именно легенда о поклоненіи Алексѣя Божьяго Человѣка въ Эдессѣ Перукотворному Образу Богоматери. Весьма возможно, что такого рода изображеніе Панагін, или Знаменія, существовало въ греко-восточной кустарной иконописи X—XI столѣтій и не успѣло перейти въ иконописъ Константинопольскую. Далѣе, подъ окномъ абсиды, въ нишѣ, видимъ изображеніе *тройного Деисуса* въ медальонахъ: въ срединѣ изображенъ юный Отрокъ Эммануилъ, т. е. вмѣсто Спасителя, обычнаго типа, здѣсь представленъ юный учитель Іерусалимскаго храма, быть можетъ, вспомянутый здѣсь ради Горняго мѣста, которое украшено здѣсь этимъ изображеніемъ: примѣръ этотъ пока единственный, но, если эта догадка вѣрна, то сюжетъ является замѣчательнымъ по глубинѣ мысли. Мы уже имѣли ранѣе случай указывать ⁴⁾, что въ одной изъ грузинскихъ миниатюръ, иллюстрирующихъ Евангеліе (Тифлисская бібліотека рукописей)

1) Guillaume de Jerphanion. Deux chapelles souterraines à Cappadoce. *Revue Archéol.* t. XII, 1908. p. 1—32, pl. XIV—XVI.

2) См. Русскія Древности, вып. 6-й, стр. 130—145.

3) Diehl, Charles, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, p. 52.

4) *Путешествіе по Сиріи* 1904, стр. 300, рис. 78.

Отрокъ-Христосъ, учащій во храмѣ, представленъ посреди возвышеннаго омфала, сложеннаго изъ камней, среди Сигмы Иерусалимскаго храма. Во фрескѣ Нередицы по обѣимъ сторонамъ Отрока Спасителя, также въ медальонахъ, представлены по-грудь Іоаннъ Предтеча и *св. Марѳа* (ΑΓΙΑ ΜΑΡΘΑ), какъ ясно гласитъ о томъ надпись. Изображенная здѣсь женская фигура представлена въ обычномъ типѣ Богоматери въ «Денсусѣ». Во первыхъ, самый ликъ представляетъ Богоматерь; далѣе мафорій, наглухо покрывающій всю фигуру съ головой, и обѣ поднятыя къ Спасителю руки. Но, что окончательно утверждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь изображена Богоматерь, это вышитыя на обычныхъ трехъ мѣстахъ: надъ челомъ и на обоихъ плечахъ *звѣзды и кресты*, какъ извѣстно, отличающіе изображеніе Богоматери, начиная приблизительно съ X вѣка въ иконографіи. Между тѣмъ, надпись имени *Марѳа* тоже не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Очевидно, поэтому, что мастеръ, въ данномъ случаѣ, имѣлъ шаблонъ обыкновеннаго Денсуса, на которомъ Богоматерь имѣла по сторонамъ фигуры надпись ΑΓΙΑ ΜΑΡΙΑ (по гречески, или по славянски, напр., болгарскими буквами на греческій ладъ). Подобнаго рода надпись въ древнѣйшихъ памятникахъ иконографіи Богоматери является очень обыкновенною (фрески ц. св. Маріи Антиквы въ Римѣ, фреска въ Египтѣ, близъ Эсне, золотой медальонъ VI—VII вѣка, изданный у Гарручи и пр.¹⁾). Наименованіе *Святой Маріи* встрѣчается одинаково какъ на греческомъ языкѣ, такъ и на латинскомъ. Но, начиная уже съ VIII столѣтія, когда взамѣнъ установилось, какъ догматъ, наименованіе Маріи — *Богородицею*, эта надпись начинаетъ исчезать, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ собственно византійскаго искусства, и при томъ настолько рѣшительно, что встрѣчается лишь въ мелкихъ провинціальныхъ издѣліяхъ. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, мы должны считать настоящій памятникъ своего рода архаизмомъ, уцѣлѣвшимъ въ кустарномъ мастерствѣ еще приблизительно съ IX вѣка.

Предполагать, въ данномъ случаѣ, какую либо русскую самостоятельность или своеобразность, выразившуюся въ Нередицкой росписи, считаемъ неумѣстнымъ потому, что вообще такого рода самостоятельности при исполненіи фресокъ съ готовыхъ шаблоновъ, какъ то имѣло мѣсто въ древности за рѣдкими исключеніями (росписи столичныхъ соборовъ), нельзя предполагать. Иного рода дѣло исполненіе миниатюръ, въ которыхъ рисовальщикъ, хотя бы икопистецъ, перѣдко варьируетъ и сочиняетъ темы. Если же Спаса-Нередицкая роспись не пользовалась Константинопольскими шаблонами, то един-

1) Перечень и разборъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ этого рода будетъ изданъ нами въ сочиненіи объ «Иконографіи Богоматери».

ственное вѣроятное предположеніе, которое мы попытѣ можемъ сдѣлать, считать эти шаблоны болгарскими и относить именно къ нимъ тотъ своеобразный архаизмъ, которымъ эти шаблоны, видимо, отличались. Между тѣмъ, очень многіе памятники Новгородской древности указываютъ намъ одновременно на образцы Кореунскіе, т. е. греко-восточные, а также и на болгарскіе оригиналы, которые, повидимому, съ Кореунскими стояли въ большей связи, чѣмъ съ Константинопольскими.

Утвердить фактъ существованія подобныхъ архаизмовъ въ исторіи византійскаго искусства является дѣломъ весьма важнымъ, если мы сообразимъ, насколько опасно именно теперь уклоненіе византійской археологіи съ пути точнаго изслѣдованія въ область всякаго рода мечтаній и случайныхъ построеній. А что такого рода блужданія возможны именно въ сферѣ боковыхъ вѣтвей византійскаго искусства, доказательствомъ можетъ служить поднимающаяся въ послѣднее время въ средѣ западныхъ ученыхъ полемика. Полемика эта появилась, или, скорѣе, открылась, по поводу той же, нами уже кратко упомянутой, (стр. 63) книги проф. Стрижовскаго о сербской Псалтыри XIV — XV вѣка, будто бы скопированной съ неизвѣстнаго древнѣйшаго сирійскаго оригинала VI — VII столѣтій, какъ то принесеннаго изъ Сиріи въ Сербію и взятаго за образецъ сербскимъ миниатюристомъ. Какъ извѣстно, проф. Стрижовскій уже давно крайне расширилъ и защищаетъ въ этомъ видѣ гипотезу о происхожденіи средневѣковаго христіанскаго искусства (въ томъ числѣ и византійскаго) съ греческаго востока: изъ Египта и Сиріи. Основные элементы этой гипотезы высказывались, однако, гораздо ранѣе, почти при самомъ началѣ изслѣдованій по византійской археологіи. Нельзя было, напримѣръ, не признавать александрійскаго происхожденія большинства наиболѣе раннихъ лицевыхъ греческихъ кодексовъ, какъ нельзя было отрицать обширнаго вліянія Палестины, ея преданій и ея церковныхъ обычаевъ, сложившихся на самыхъ мѣстахъ поклоненія, на христіанскую иконографію. Естественнo, затѣмъ, что чѣмъ далѣе вглубь шли изслѣдованія источниковъ, тѣмъ обильнѣе становились всѣ указанія подобнаго рода и тѣмъ болѣе получали вѣса всѣ методы, клонившіеся къ открытію древнѣйшихъ иконографическихъ оригиналовъ. Но, очевидно, было бы дѣломъ прямой научной ошибки сводить всю исторію византійскаго искусства къ этимъ, пока еще неизвѣстнымъ, оригиналамъ и полагать, что весь тысячелѣтній періодъ былъ только ея повтореніемъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, уже при первомъ переходѣ этихъ оригиналовъ въ иконописъ мастерскихъ самой Византіи, Греціи, а равно Милана, Равенны, южной Италіи и проч. эти оригиналы подверглись значительной передѣлкѣ. Но затѣмъ, несомнѣнно, что въ самомъ центрѣ греко-восточнаго міра, какимъ была Византія, очень рано, а именно уже

при Константиѣ сложилась вполнѣ самостоятельная художественная школа, сначала подъ сильнымъ вліяніемъ Рима, а затѣмъ Греціи, которая уже при Юстиніанѣ сформировала свой собствешній стиль и равно иконографическіе циклы. Но когда, съ завоеваніемъ греко-азиатскаго востока исламомъ, художественная дѣятельность этихъ странъ или должна была замереть, какъ то было въ Сиріи, или крайне обѣднѣть, какъ то было у Коптовъ въ Египтѣ, значительныя силы художественныхъ мастерскихъ этого востока, убѣгая ислама, перебрались въ другія родственныя страны, особенно же въ Малю Азію, на острова Средиземнаго моря и въ собственную Грецію. Рядомъ съ столичными мастерскими, работавшими въ новой художественной манерѣ, могли появиться множество кустарныхъ мастерскихъ, искавшихъ заработка и дѣйствовавшихъ въ различныхъ провинціяхъ греческой имперіи. Въ настоящее время, когда самые памятники этихъ мѣстностей едва приводятся въ извѣстность, было бы вполнѣ преждевременно и несообразно съ здороваго критикомъ заниматься какими бы то ни было гаданіями по вопросамъ о происхожденіи отдѣльных памятниковъ. Если одни изъ изслѣдователей будутъ производить все изъ Сиріи и Египта, то другіе, съ равнымъ успѣхомъ, будутъ указывать на Тарсъ и Трапезундъ, Кипръ или Критъ, Грецію и Афонъ. Смутныя результаты подобной археологической игры будутъ еще болѣе отягощаться очередными прогулками археологовъ въ область литературныхъ источниковъ и сближеній. Разбирается памятникъ средневѣковья, а его догматическое объясненіе черпается изъ книгъ Св. Августина. Наука византійской археологіи молода и едва слагается и завязывается въ своихъ приѣмахъ и методахъ: тѣмъ болѣе опасны всякаго рода произвольныя и паслѣдственныя гипотезы; вѣрнымъ средствомъ противъ увлеченія ими было бы изученіе какъ отдѣльных періодовъ въ тысячелѣтней исторіи искусства, такъ и въ особенности мѣстныхъ группъ и различныхъ видовъ художественнаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для изслѣдователя являются почти обязательнымъ ближайшее знакомство, по крайней мѣрѣ, съ нѣсколькими періодами и нѣсколькими группами, въ тѣхъ видахъ, чтобы, ознакомившись съ древнѣйшимъ періодомъ, не быть затѣмъ вовлеченнымъ, по необходимости, въ неблагоприятную задачу пересадки его данныхъ въ періодъ позднѣйшій, отъ VI и VII вѣковъ, прямо въ XIV.

Не столько для доказательства, такъ какъ, по нашему мнѣнію, подобнаго рода условія изслѣдованія сами по себѣ могутъ представляться обязательными, сколько для поясненія того же самаго на примѣрѣ, вновь оставшимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, возбуждающихъ нынѣ полемику, по поводу указанного сочиненія проф. Стржиговскаго. Мы, впервыхъ, цѣлкомъ подписываемся подъ всѣми замѣчаніями, сдѣланными на него

проф. Милле¹⁾, но и, кроме того, считали бы себя обязанными возражать на это сочинение по поводу объясненія иныхъ таблицъ, такъ какъ эти ихъ объясненія или, такъ называемыя, примѣчанія къ нимъ сводятся въ общемъ къ указаніямъ сирійскаго или сиро-египетскаго происхожденія, наиболѣе интересующихъ миниатюръ. Последній рецензентъ книги проф. Стржиговскаго г. О. Шмитъ²⁾, резюмируя вкратцѣ содержаніе ея, говоритъ: «Памятникъ, который задумалъ издать проф. Стржиговскій» (сколько мы знаемъ, не по своему выбору, а потому, что къ нему обратился съ предложеніемъ издать Бѣлградскую и Мюнхенскую рукописи проф. Ягичъ) «очень позднего происхожденія», но онъ «представляетъ значительный интересъ и вотъ почему: Мюнхенская (т. е. Сербская Псалтирь въ Мюнхенской рукописи) редація иллюстрацій къ Псалтири сильно разнится отъ прочихъ византійскихъ псалтырей», «Чтобы показать это, намъ нѣтъ надобности описать всѣ миниатюры — достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ вступительныхъ картинкахъ». Затѣмъ, послѣ краткаго разбора, рецензентъ приходитъ къ выводу, что-изъ семи вступительныхъ композицій только одна примыкаетъ къ византійскому образцу, «остальные же ни въ Византіи, ни на Западѣ не имѣютъ аналогій», а, стало быть, ихъ оригиналовъ надо искать на древнемъ Востокѣ. Столь же кратко (по необходимости) скажемъ и мы объ этихъ миниатюрахъ, при чемъ о первой миниатюрѣ, изображающей умирающаго и чашу смерти передъ нимъ, мы уже говорили въ началѣ книгѣ, а теперь только можемъ добавить, что если подобная миниатюра распространена въ русскихъ синодикахъ, то, во первыхъ, она какъ и самыя синодики, происходитъ отъ образцовъ юго-славянскаго иконописи. А эта юго-славянская иконопись сложилась, какъ ужъ мы не разъ предлагали догадываться, въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Изъ той же среды произошла и вторая миниатюра, изображающая (таблица 1, 2 въ книгѣ г. Стржиговскаго), открытый гробъ со скелетомъ и по сторонамъ его пророка Исаію и юношу. Проф. Милле указалъ уже на издавшую мною въ «Памятникахъ христіанскаго искусства на Афонѣ» греческую икону со св. Сисоємъ, взирающимъ на скелетъ въ раскрытомъ гробу. Въ нашихъ рукописныхъ синодикахъ этого рода художественная тема изложена даже въ syllabическихъ стихахъ: «Не вси ли въ землѣй персти труны положиша, и изъ нея же взяти въ землю ся вратиша . . . Сиди въ древнія гробы и видѣ обнаженны кости и разсуди ми: кто се положенны?»³⁾.

1) Въ ст. «Byzance et non l'Orient», въ отвѣтъ на ст. Брефе (Bréhier): «Orient ou Byzance». Обѣ помѣщены въ журналѣ *Revue Archéologique*, вторая т. X, 1907, р. 396; первая — 1908, I р. 171 — 189.

2) Рецензія помѣщена въ *Журналъ М-ва Нар. Пр.* за 1908, Дек. стр. 423 — 432.

3) Памятники древней письменности. CXVII. *Синодикъ Двинскаго Мих.-Арх. м-рл.* 1896. Наши иконы съ св. Сисоємъ, см. *Жизневскаго Опис. Твер. М.*, стр. 50.

Миниатюры, представляющія воцареніе Саула и другое — Давида, сочтены у рецензента одна «оригинальною», а другая «единственною въ своемъ родѣ». По словамъ рецензента, въ этой послѣдней видна «сербская политическая тенденція», выраженная въ томъ, что здѣсь новые подданные уже не привѣтствуютъ князя (по предположенію автора — краля Лазаря 1371 — 1379 годовъ), распростираясь передъ нимъ, какъ предъ неограниченнымъ царемъ на землѣ (*προσκύνησις*), но дѣлаютъ ему только поклонъ, ибо вельможи ограничили князя Лазаря. Во первыхъ, это пока предположеніе, что Псалтирь эта нарисована для князя Лазаря: болѣе возможно, что оригиналъ сербской Псалтири написанъ былъ ранѣе. А во вторыхъ, обѣ эти миниатюры ничего не имѣютъ «оригинальнаго», напротивъ того, представляютъ своего рода *иконописный шаблонъ*, а въ третьихъ, вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ никакой политической тенденціи и ужъ вовсе не содержитъ какого либо намека на ограниченіе власти князя Лазаря сербскими вельможами, которые именно по этой, будто бы, причинѣ ограничивались какими то поклонами. Ничего подобнаго въ миниатюрахъ мы не видимъ (таблица II и III, 5). Авторъ рецензії явно смѣшиваетъ воцареніе сербскихъ кралей и болгарскихъ царей съ провозглашеніемъ византійскаго императора и Василевса. Намъ уже приходилось говорить о послѣднемъ раньше ¹⁾ и кромѣ указаннаго типа благословенія царей, мы можемъ указать еще на древнѣйшую форму поднятія императора на щитѣ, что находимъ даже въ сравнительно позднихъ миниатюрахъ Мадридской Лицевой Хроники I. Скилицы. Не повторяя, поэтому, того, что уже сказано, тѣмъ болѣе, что воцареніе императоровъ совершенно не идетъ къ данному случаю, замѣтимъ только, что земное поклоненіе вовсе не составляло какого либо постоянного ритуала при византійскомъ дворѣ, какой предполагали прежніе изслѣдователи Византіи, какъ напримѣръ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка Ваагентъ, а за нимъ, очевидно, и г. Шмитъ. Скажемъ кратко, что въ этомъ случаѣ смѣшивали изображенія децутацій отъ покоренныхъ странъ и народовъ (наприм. болгаръ на изданной въ этой же книгѣ, рис. 2, миниатюрѣ Венеціанской Псалтири) съ изображеніями чиновъ византійскаго двора. Если при этомъ дворѣ извѣстныя чины, и совершали «метапія», то при особо опредѣленныхъ случаяхъ ²⁾ и мы не могли бы указать иллюстраціи обрядовъ воцаренія. Далѣе, сербская миниатюра даже и въ надписи вовсе не называется «воцареніемъ», а лишь началомъ царствованія и изображаетъ, собственно, говоря, приказъ Давида и молчаливый поклонъ вельможъ,

1) Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI в. 1906.

2) Земное поклоненіе синклита и патрикіевъ при вѣчаніи Василевса указано въ I кн. гл. 38 соч. *De cerimoniis aulae byz.* Ed. Bonn. p. 192—3. Въ комментаріяхъ I. Рейске разсужденіе о случаяхъ примѣненія обряда pag. 377, 418—9 etc.

выслушавшихъ этотъ приказъ. Но, главное, для этой миниатюры мы находимъ вполне соответствующія изображенія въ Радзивиловскомъ спискѣ нашей начальной лѣтописи (л. 207 и 219). Вся разница обоихъ изображеній заключается только въ томъ, что въ Радзивиловскомъ спискѣ престолъ, на который сажаютъ князей на княженіе, является или большимъ тронъ (монументальнымъ), или даже представляется прямо престоломъ церковнымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, и сербскія миниатюры и русскія даютъ, такъ, сказать, буквенную иллюстрацію текста, а именно: подъ воцареніемъ Самуила въ сербской миниатюрѣ подписано: «Самуилъ пророкъ посаждаетъ на престолѣ царствомъ Саула». Къ сожалѣнію, въ снимкѣ этой миниатюры трудно различить, имѣетъ ли престолъ синику, и потому, представляетъ ли онъ тронъ, или престолъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. подобіе церковнаго престола. Въ миниатюрѣ «воцареніе Давида» находимъ обыкновенный табуретъ, что еще разъ указываетъ, что здѣсь не представлено самое воцареніе. Очевидно, что никакихъ политическихъ тенденцій, въ данномъ случаѣ, вовсе нѣтъ, а представлена иллюстрація текста, вполне буквеннаго характера, при чемъ саженіе на престолъ и привѣтствія князю съ бокалами въ рукахъ или, вмѣсто того, со свитками (византійскій ритуалъ для особо привилегированныхъ чиновъ двора) является обычной, довольно несложной формой. Къ этому должно еще добавить, что въ сербской Псалтири, (за исключеніемъ выходнаго листа, который требуетъ особаго анализа, въ данномъ случаѣ, не умѣстнаго) мы встрѣчаемъ корону въ формѣ княжеской шапки (см. также табл. книги проф. Стрижковского: IX, XIV и нѣкотор. друг.), о которой имѣли случай уже разсуждать подробно ранѣе¹⁾. Правда, мы не рѣшимся, однако, вмѣстѣ съ проф. Стрижовскимъ (его книга стр. 104—5), считать форму трона или престола въ Сербской псалтири «сербскою», внесенной «сербскимъ» миниатюристомъ, и это по той причинѣ, что почти тождественныя формы мы находимъ, наприм., въ Радзивиловскомъ спискѣ и тамъ должны были бы считать ихъ «русскими». Подождемъ того времени, когда средневѣковыя лицевыя рукописи будутъ распределены по мѣстнымъ группамъ и редакціямъ, и всѣ реаліи иконописныхъ шаблоновъ, по которымъ исполнялись византійскія хроники, русско-славянскія лѣтописи, житія и легендарныя сказанія, будутъ различаемы по опредѣленнымъ мѣстнымъ и временнымъ типамъ. Въ настоящее же время такого рода указанія могутъ служить, конечно, нѣкоторою поддержкою, но не могутъ быть точкою отправленія.

На этомъ мы остановимся въ разборѣ сербской Псалтири, такъ какъ считаемъ достаточнымъ сдѣланный анализъ для данной цѣли освѣщенія исто-

1) Въ «Изображеніяхъ русскихъ князей» и выше въ этой книгѣ.

рическаго взгляда, заявленнаго проф. Стрижовскимъ, и особенно тѣхъ формъ усвоенія этого взгляда, которая обнаружена въ указанной рецензіи его книги. Въ самой книгѣ гипотеза автора занимаетъ сравнительно мало мѣста, и замѣтки для ея доказательства сосредоточены, главнымъ образомъ, въ объясненіи начальныхъ миниатюръ. Тамъ иногда, для доказательства происхожденія поздне-сербской редакціи Псалтири отъ древнѣйшей сирійской, даются фактическія указанія, иногда же только общія замѣчанія, или же миниатюристъ называется кратко, по данному случаю, копистомъ. Но въ то же время, въ самой книгѣ много много факческаго матеріала, привлеченнаго для объясненій сербскихъ рисунковъ. Особенно любопытны аналогіи, указываемыя авторомъ изъ фресокъ и миниатюръ Афонской горы, но, конечно, матеріалъ этотъ оказывается недостаточнымъ, и при томъ всякій разъ, когда рисунокъ является наиболѣе интереснымъ, по своей сравнительной новизнѣ, противъ обычныхъ византійскихъ шаблоновъ. Недостатокъ аналогіи оказывается, на примѣръ, по вопросу о Денусѣ, объ изображеніи Ветхаго Денъми, о композиціи: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа», «Хвалите въ силахъ Его», «Хвалите Господа съ небесъ», и другихъ наиболѣе любопытныхъ и поучительныхъ сюжетахъ, окончательно сложившихся именно въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Должно сказать, что и всякій изслѣдователь, разсматривая своеобразныя миниатюры Сербской псалтири, тотчасъ же сознаетъ и трудность ихъ объясненія. Эта трудность заключается, конечно, и прежде всего, въ *новизнѣ* (для современной археологической науки) той области, къ которой онѣ принадлежатъ, т. е. въ Сербской иконописи. Проф. Стрижовскій посвящаетъ этой сторонѣ дѣла только одну небольшую главу (стр. 104—112), но и въ ней онъ разсматриваетъ почти исключительно тѣ сербскія, имъ предполагаемыя въ миниатюрахъ, реаліи, въ которыхъ, по его взгляду, могли бы обнаружиться туземныя вліянія. Мы, съ своей стороны, желали бы прежде всего, не рѣшенія мѣстнаго вопроса, но определенной общей характеристики миниатюръ. Такъ, по нашему мнѣнію, издавшая сербская редакція Псалтири можетъ быть названа *иконописною*, въ отличіе, на примѣръ, отъ болгарской (рукопись XIV в. въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ), которая слѣдуетъ византійскому традиціонному шаблону и иллюстрирована на подобіе *многописныхъ* хроникъ. Иконописный характеръ сербской Псалтири заключается, однако, не въ одной лишь формѣ иллюстрацій, покрывающихъ всю страницу, но и въ самомъ построеніи ихъ или также и въ самомъ характерѣ ихъ сочиненія. Этотъ характеръ отличается своеобразной сложностью и свидѣтельствуетъ, что въ той мастерской, которая эти миниатюры исполняла, было не только много старыхъ образцовъ, но и новыхъ сочиненій всякаго рода. Очевидно, Сербія, во времена своего процвѣтанія, привлекла въ стѣны своихъ много-

численныхъ монастырей самыхъ разнообразныхъ представителей православной иконописи и, въ свою очередь, сама высылала отъ себя: на Доонъ, съ которымъ она вела самыя тѣсныя сношенія, въ Болгарію, Буковину, Галицію и Молдовалахію произведенія своего мастерства. Съ своей стороны, пополняя свои запасы греко-восточными и византійскими оригиналами, а также и родственныхъ ей славянскихъ племенъ, Сербія, несомнѣнно, очень многое получала съ Запада, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со всею Далмацией и Венеціанской областью. Художественно-иконописный обмѣтъ Сербской иконописи и ранней итальянской живописи долженъ быть въ настоящее время признанъ въ видѣ исторической гипотезы, подлежащей разработкѣ, и мы полагаемъ, что всякаго рода указанія въ эту сторону дадутъ для дѣйствительной исторіи христіанскаго искусства несравненно болѣе основаній, чѣмъ какія бы то ни было мечтанія о копированіи древнихъ кодексовъ. На нашъ взглядъ, сербская Псалтирь не носитъ характера копій, а представляетъ совершенно своеобразное *иконописное творчество*, цѣлкомъ отмѣченное XIV вѣкомъ. Ближайшихъ аналогій этому творчеству слѣдуетъ искать въ памятникахъ также XIII и XIV вѣка, что постоянно также рекомендуется проф. Милле. Мы здѣсь только кратко укажемъ, что изъ перечисленныхъ нами символично-поучительныхъ композицій нѣкоторыя объясняются исключительно аналогіями древне-русской иконописи. Такъ напримѣръ, неправильно указывать для объясненія миниатюры «Ветхаго Денъми» на изображеніе молитвы пророка Исаи въ греческой рукописи или въ знаменитой картинкѣ Рафаэля—«Видѣніе Іезекіиля» во дворцѣ Пигги, когда аналогія имѣется во фрескѣ Спаса Нередицкой церкви 1199 г. Композиція Денсуса съ Богоматерью «Владычицей» или «Царицею» въ коронѣ существуетъ не только въ сербской иконописи, но извѣстна и въ древне-русской подъ именемъ *первыхъ словъ псалма*: «Предета Царица»¹⁾. Всѣ прочія композиціи торжественнаго и поучительнаго характера извѣстны также въ русской иконописи, хотя пока еще неизвѣстно точно время ихъ происхожденія, а отчасти и та иконопись, изъ которой онѣ въ русскую перешли. Но здѣсь вообще мы вступаемъ, какъ бы въ темный лѣсъ, въ которомъ пути остаются еще совершенно неразвѣданными. Возвращаясь, поэтому, къ нашему спеціальному вопросу, скажемъ, что положеніе греко-славянской и русской иконописи въ XIV и XV вѣкахъ напоминаетъ еще многимъ памятное время положенія итальянской живописи въ 50 и 60-хъ годахъ и требуетъ само по себѣ, прежде всего, приведенія самаго матеріала въ извѣстность. Можно легко себѣ представить, насколько пре-

1) Икона Московскаго Успенскаго собора, изд. въ Лицевомъ Подлинникѣ томъ I, табл. XIV.

ждевременны окажутся все наши заключенія, уже въ ближайшемъ будущемъ, когда обширные матеріалы этихъ вѣковъ будутъ, если не опубликованы, то хотя бы сфотографированы и будутъ находиться въ рукахъ изслѣдователей.

Такъ, сколько гаданій было дѣлано о мозаикахъ въ ц. вм. Димитрія въ Содуни, а нынѣ часть ихъ уже открыта и даже за время печатанія этой книги опубликована. Будемъ надѣяться, что и для многочисленныхъ памятниковъ славяно-византійскаго искусства на Балканскомъ полуостровѣ, скоро наступитъ время ихъ научнаго изданія и изученія.

Все основанія, доселѣ приводившіяся для рѣшенія Македонскаго вопроса, относятся почти исключительно къ области филологіи или этнографіи. Предоставляя сужденіе по первой области специалистамъ, остановимся въ общихъ чертахъ на этнографическихъ взглядахъ. Заинтересованные въ этомъ дѣлѣ представители разныхъ національностей Балканскаго полуострова рѣшаютъ, какъ извѣстно, Македонскій вопросъ съ крайнимъ пристрастіемъ въ свою пользу: сербы — въ пользу сербовъ, болгары — въ пользу болгаръ. И тѣ, и другіе ставятъ вопросъ о Македонскихъ славянахъ, какъ бы если передъ ними была совершенно чистая безпримѣсная раса, безусловно опредѣляемая со стороны своей этнографической принадлежности точно такъ же, какъ и со стороны языка. Дѣло, однако, обстоитъ

189. Селяки въ с. Калишта близъ Охриды.

совсѣмъ иначе, какъ то ясно тоже съ перваго взгляда. Македонія, какъ всемъ извѣстно, никогда не была въ исторіи страной цѣльнаго характера: напротивъ того, она не только подвергалась нашествіямъ и завоеваніямъ, но еще болѣе того — опустошеніямъ и по этой причинѣ, частому наплыву новыхъ поселенцевъ. Съ этой точки зрѣнія только исторія, слѣдующая за

всѣми подробностями культурной жизни Балканскаго полуострова, даетъ ключъ къ истинному разумѣнію Македонскаго вопроса. Мы уже говорили выше, что въ исторіи заселенія славянами Балканскаго полуострова наблюдается двойкаго рода движеніе: мирное и завоевательное. Мирное распространеніе славянскаго племени происходило уже внутри Балканскаго полуострова, это было постепенное передвиженіе поселками, чисто земледѣль-

190. Монастырь Слъпче. Крестьянскій домъ.

ческаго характера, но въ то же время массовое, заполнявшее громадные пустоши. Но появленіе славянскихъ поселенцевъ на полуостровѣ происходило, явно, въ зависимости отъ общихъ передвиженій на сѣверѣ; славяне приходили сюда вмѣстѣ съ завоевательными ордами или вслѣдъ за ними. Въ первый періодъ перешли на Балканскій полуостровъ сербскія племена и, потѣснивъ туземцевъ, заняли западныя части. При послѣдующемъ форсированіи нижняго Дуная, славянскія племена, видимо, съ Востока, подъ водительствомъ болгаръ, или вслѣдъ за ними прошли и заселили современную Болгарію, восточную Румелию и широкой, косвенно направлявшейся полосой черезъ всю юго-восточную Македонію, дошли вплоть до Охриды и Дибра. Чрезвычайно характерно и важно для пониманія всего дальнѣйшаго, что этотъ земледѣльческій захватъ Балканскаго полуострова миновалъ тотъ юго-восточный уголъ его, который и тогда былъ занятъ и доселѣ остается греческимъ. Напротивъ того, это передвиженіе прошло очень глубоко на юго-западъ полуострова и въ Эпирѣ заняло рядъ, вѣроятно, опустѣлыхъ мѣстъ.

Весьма естественно, что древнѣйшее Болгарское царство, сложившееся на основѣ этого земледѣльческаго передвиженія, по обязанное своимъ устройствомъ военной организаціи кочевой орды и ужасу, наведенному ею на

191. Монастырь Сѣчиче. Крестыанскій домъ.

Византию, избрало своимъ первымъ центромъ Охридъ и Преспу, какъ важнѣйшіе *передовые* пункты въ этомъ движеніи славянства. Движеніе это, будучи земледѣльческаго характера, было только подкрѣплено передвиженіемъ орды, но само по себѣ, стремилось къ наиболѣе легкой добычѣ, захватывая Энпиръ и въ то же время обходя укрѣпленный треугольникъ Византии и богатую приморскую Солунь; на западѣ оно было остановлено поселеніями албанцевъ. Такъ было въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, но иначе шло дѣло въ западной его половинѣ. Здѣсь мирное распространеніе славянскаго земледѣльческаго поселенія началось только послѣ того, какъ были форсированы

ихъ воинскими отрядами пограничныя укрѣпленія, устроенныя римлянами. Правда, эти пограничныя укрѣпленія были вѣроятно, слабѣе тѣхъ, которые римляне, а затѣмъ и византийцы устраивали на низшемъ Дунаѣ.

Описываемое западное передвиженіе было чисто и исключительно славянскимъ, и между племенами уже съ первой половины VII столѣтія ясно выдѣляется основная, чисто славянская народность — сербовъ. По-видимому, многія мѣстности Балканскаго полуострова были уступлены добровольно, но, тѣмъ не менѣе, положенная въ основаніе первыхъ передвиженій военная организація именно этого племени дала основаніе Славянскому царству. Рядъ разнообразныхъ племенъ славянской расы, очевидно, ассимилировался и подчинился преобладанію сербовъ, образовавъ съ ними одно Сербское царство. Какъ извѣстно, быстрый ростъ политическаго могущества этого царства наступилъ послѣ ослабленія Царства Болгарскаго, но сербское движеніе направилось не къ Эгейскому морю, а наоборотъ, къ

192. Монастырь Слъиче. Кола.

Византіи, тоже минуя Солунъ и не заботясь о своемъ морскомъ побережьи. Въ результатъ, сербы не утвердились прочно и въ Македоніи, а въ послѣдствіи, подъ напоромъ турокъ, утратили изъ населенныхъ ими земель болѣе, чѣмъ болгары. Не менѣе того сербскія поселенія потеряли отъ обратнаго напора албанцевъ, естественно, воспользовавшихся турецкимъ завоеваніемъ Балканскаго полуострова для феодальнаго захвата земледѣльческихъ поселеній.

Въ настоящее время страны принадлежатъ уже не племенамъ, а выработаннымъ исторіею націямъ и національностямъ. Племенной типъ, поставленный исторіею во главѣ родственной ему среды, быстро ее себѣ

ассимилируетъ, становится историческою націею и является затѣмъ въ современной дѣйствительности обладателемъ историческаго права на всю мѣстность, охваченную его распространіемъ. Этотъ племенной характеръ разнообразится, по своей роли, какъ величина политическая, или культурная. Въ исторіи Балканскаго полуострова важнѣйшая политическая роль

явно принадлежитъ Болгаринъ, тогда какъ широкое культурное развитіе сербовъ и выработанное ими искусство, какъ важнѣйшая, послѣ русскаго, вѣтвь искусства византійскаго, составляетъ историческое послѣдіе сербскаго племени. Такимъ образомъ, этнографическое изслѣдованіе совершенно ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Болгарія простирается широкой полосой до Охриды включительно, но изслѣдованія археологическія неоспо-

193. Хороводъ (соброръ) въ сел. Мирковцахъ.

римо открываютъ рядъ сербскихъ культурныхъ пунктовъ въ Скопійскомъ округѣ. Нечего говорить и о томъ, что такъ называемая Старая Сербія и всѣ мѣстности вокругъ Илека и Дечана—этой сербской Москвы—безспорно принадлежатъ сербской націи. Сложившаяся къ IX столѣтію болгарская національность отличалась, видимо, въ періодъ образованія перваго Болгар-

скаго царства, сравнительно низкимъ культурнымъ состояніемъ. Бытотыя формы осѣвшей кочевой орды способствуютъ ея замѣчательной подвижности, помогаютъ завоевательнымъ стремленіямъ, но ограничиваютъ художественную жизнь народа исключительно формами личнаго убранства и домашняго

194. Хороводъ въ сел. Долна Сольна близъ Скопје.

быта. Въ то же время періодъ X и XI столѣтій въ жизни евронеискихъ народовъ, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, Італіи, представляетъ исключительно подражаніе византійскимъ образцамъ, какъ въ устройствѣ но-

выхъ столицъ, такъ и украшеній новопостроенныхъ христіанскихъ церквей. Множество разнообразныхъ фактовъ насъ убѣждаютъ, что національный подъемъ и оригинальная художественная жизнь, въ большинствѣ странъ средневѣковой Европы начали слагаться только во вторую половину XII столѣтія, а полный ходъ національнаго искусства приходится на XIII вѣкъ, гдѣ раньше, гдѣ позже, въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ. Но времени Стефана Немани (1159 — 1195) относится политическое движеніе сербскаго народа, направляющееся къ отвоеванію у Византіи старой Сербіи и славянскаго юго-востока. Сѣверная Македонія считалась послѣ того въ числѣ сербскихъ земель, которыхъ краями объявляли себя Неманичи. Какъ извѣстно, Милутинь расширилъ свои владѣнія на востокъ до Каратова, на югъ до Штина, Велеса, Прилѣпа и Охриды на югозападъ, пока въ Болгарскомъ царствѣ хозяйничали погайскіе татары. И съ того времени, и доселѣ раздвоенность сербскаго народа составляетъ его большую сторону. Одна половина, въ видѣ самостоятельнаго государства — по прежнему движется только мыслію о территориальныхъ пріобрѣтеніяхъ на юго-востокѣ, все въ той же Македоніи. Другая, расколотившаяся на нѣсколько частей, продолжаетъ вести доселѣ борьбу за самобытное существованіе съ могущественными силами культурнаго запада. Отсюда понятно, какъ малосостоятельны и фантастичны были грандіозныя затѣи завоеванія Византіи Сербіею во времена Милутина и Душана; всѣ пріобрѣтенія сербовъ въ Македоніи быстро утрачивались, или попадали въ руки независимыхъ сербскихъ владѣтелей и только въ періодъ съ 1345 года по 1389 Македонія была сербскимъ владѣніемъ. Однакоже значительная часть Македоніи въ теченіе XIII и XIV столѣтія пользовалась благами сербской культуры, и отсюда историческія права Сербіи на Старую Сербію и нѣкоторыя части (преимущественно западныя) Скопійскаго виллаэта, врядъ ли можно отрицать. Съ другой стороны, политическія притязанія на какую бы то ни было территорію въ настоящее время почти исключительно опредѣляются столько же силою, сколько національнымъ родствомъ. Что касается этого послѣдняго, то именно въ настоящее время вопросы о немъ едва только возникли и то не вполне еще дошли до сознанія самихъ жителей Македоніи. Для научной разработки вопроса о національности Македонскихъ славянъ доселѣ мало было интереса по причинѣ разобщеннаго состоянія самой славянской филологіи и исторіи, а художественная современная острота вопроса ограничивалась исключительно интеллигентными сферами, или, наконецъ, городами. Современная полемика по этому вопросу не представляетъ пока научныхъ изслѣдованій въ собственномъ смыслѣ слова: она вращается въ предѣлахъ статистическихъ выкладокъ и расчетовъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, и не переходитъ далѣе

политических памфлетовъ. Эта полемика какъ будто повторяетъ прежнія притязанія политико-экономическаго свойства, и характеризуется крайнимъ пристрастіемъ, въ которомъ тонетъ всякая историческая критика уже потому, что самые періоды сербскаго и болгарскаго владѣнія Македоніей были кратковременны и перемежались вѣковыми, напряженными домогательствами и злостными штригами.

Такимъ образомъ, литература Македонскаго вопроса, въ особенности за послѣдніе 25 лѣтъ, способна не только смутить и привести въ недоумѣніе людей, искренно интересующихся этимъ вопросомъ, но и поселить въ нихъ надолго своего рода апатію къ этой полемикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если путешественники по Македоніи оказываются въ большинствѣ лицами заинтересованными, которыя и ѣдутъ туда съ предвзятыми взглядами, чтобы подыскать новыя фактическія доказательства своему мнѣнію, или набрать побольше характерныхъ анекдотовъ, чтобы поразить читателя, то что же остается сказать о мѣстныхъ дѣятеляхъ, погруженныхъ въ кинящую штригу. Всѣмъ понятно, что педаромъ покойный А. А. Ростковскій, издавая свое «Распределение жителей Битольскаго вилаята по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1897 году» ¹⁾, занесъ всѣхъ славянъ вилаята подъ одну общую рубрику (было очевидно и ему, что они составляютъ одну національную группу), но подѣлилъ ихъ на «патріархистовъ, экзархистовъ и мусульманъ». Они полагали дипломатичнымъ избѣжать всякой попытки выясненія вопроса, къ какой народности: сербской или болгарской принадлежатъ македонскіе славяне. Но въ то же время не утерпѣлъ, чтобы не сказать, что, по его мнѣнію, македонское нарѣчіе представляетъ переходную ступень отъ сербскаго къ болгарскому языку, чѣмъ и вызвалъ рѣзкую отповѣдь въ примѣчаніи редактора. Мѣстная дипломатія въ этомъ этнографическомъ вопросѣ или стояла, въ лицѣ нныхъ представителей, въ колебательномъ положеніи, надѣясь примкнуть въ нужное время къ тому, на чьей сторонѣ будетъ сила, или переходила намѣренно и на время на слабую сторону, рассчитывая выиграть тамъ наиболѣе.

Присоединиться къ болгарамъ казалось невыгоднымъ, такъ какъ, видимо, на сторонѣ ихъ было право. Кратко говоря, поразительнымъ исключеніемъ въ настоящемъ случаѣ явился покойный графъ Н. П. Игнатъевъ, ставшій на правую сторону, сторону сильного. Всѣмъ извѣстно, прямо какъ анекдотъ, что сербскіе политики предлагали, съ своей стороны, болгарскимъ взаимно подѣлить Македонію и, какъ это уже было замѣчено болгарами, являлись дѣйствительно злою матерью Соломонова суда. Всѣмъ понятно также, и было бы трудно это скрыть, что, при сознаніи трудности, или даже невозможности

1) *Живая Старина*, изд. Отд. Этногр. Географ. Общ. 1899, стр. 61—112.

доказать принадлежность македонскаго населенія къ сербской національности, усиливаются попытки просто запутать весь вопросъ, представить въ Македоніи, вмѣсто одной національной группы, помѣсь всевозможныхъ расъ, своего рода хаосъ. Тамъ, будто бы, нѣтъ цѣльной народности, а только различные переходы отъ одной къ другой группѣ и сліяніе самыхъ разнообразныхъ національных группъ, славянъ съ греками и албанцами, валаховъ съ греками и славянами. Навести такую путаницу легко и потому, что Македонія, въ силу своихъ историческихъ судебъ, а также по своему промежуточному положенію, никогда не была определенно отграничена отъ другихъ національностей и въ разныхъ ея углахъ совершалась колонизація въ значительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, македонскіе славяне слишкомъ давно принимали участіе въ политической роли, и забвеніе ея не оставило имъ яснаго національнаго самосознанія. Къ тому же, такъ недалеко еще то время, когда большинство ихъ интеллигенціи говорило по-гречески и отдѣлялось отъ народа. Такъ, Григоровичъ въ самой Охридѣ почти не встрѣчалъ болгаръ, говорившихъ по славянски. Такимъ образомъ вопросъ, ясный и самъ по себѣ, намѣренно запутывается и осложняется не только мѣстными дѣятелями, школьными учителями, различными эмиссарами и сторонниками національной политики, но и тѣми, которые подпадаютъ подъ вліяніе мѣстныхъ дѣятелей. Напротивъ того, простая поѣздка по странѣ совершенно ясно убѣждаетъ, что въ лицѣ македонскихъ славянъ мы имѣемъ определенную національную группу, совершенно ясно примыкающую къ народности, населяющей собственную Болгарію. На всемъ. намъ обозрѣнномъ. пространствѣ, отъ Охриды до Скопје и Куманова живетъ одинъ народъ, который и въ IX вѣкѣ называлъ себя болгарами, котораго въ XI столѣтіи греки называли также и который такъ же называлъ себя первымъ, посѣтившимъ страну, европейскимъ путешественникомъ, и нашему Григоровичу. Ясно, съ другой стороны, и не слѣдуетъ объ этомъ умалчивать, что современнаго путешественника теперь непременно посѣтятъ всякаго рода интриганы и политики, и на его прямые вопросы дадутъ перѣдко самые коварные отвѣты, конечно, въ городахъ, не въ деревняхъ, гдѣ дѣло обстоитъ просто и гдѣ всѣ равнодушно называютъ себя болгарами. Въ городахъ иное дѣло: на этотъ вопросъ — молчатъ, или же отвѣчаютъ такъ, какъ имъ различными политиками указано, что они патріархисты, или экзархисты и т. п., и то, слава Богу. Иногда прямо скрываютъ свою политику изъ боязни пострадать. Но, конечно, если общій вопросъ становится совершенно яснымъ для путешественника, то онъ не въ силахъ, оказывается, разрѣшить различныя его частности, а между ними, самую крупную, о предѣлахъ сербскаго населенія въ Старой Сербіи. Что сама она, Старая Сербія, всегда принадлежала и доселѣ принадлежитъ сербской національности — въ

этомъ, конечно, никто не сомнѣвался. Но вѣрю ли мнѣніе болгарскихъ и греческихъ картографовъ, что южная граница старой Сербіи не простирается далѣе Шар-Планины и Черной горы? Совершенно вѣрю говорить по этому поводу извѣстный профессоръ Іованъ Цвинчъ ¹⁾, что крайнія мнѣнія, какъ напр. болгаръ, утверждающихъ, что самое названіе «Старой Сербіи» искусственно придумано, такъ и мнѣніе сербовъ, которые Старую Сербію протягиваютъ на всѣ бывшія владѣнія краля Милутина, «находятся, по большей части, въ полномъ разладѣ съ научной логикой и научными методами изслѣдованій». Старая Сербія есть историческое названіе, несомнѣнно уцѣлѣвшее отъ старины и очень точно обозначающее большую мѣстность, занятую сербкой народностью и даже болѣе того, ею выдвинутую, въ видѣ выдающагося на юго-востокѣ угла ея владѣній. Но, съ другой стороны, этотъ уголь встрѣтилъ естественную преграду въ хребтѣ Шар-Планины и Скопской Черной горы. Переходъ черезъ эти преграды совершился только въ самое позднее время, а именно при Милутинѣ и Стефанѣ Душанѣ, которые, стремясь къ завоеванію, присоединили весь сѣверо-восточный уголь долины, охватывающей Скопие и его участокъ. Крали-завоеватели настронили здѣсь, въ пограничныхъ пунктахъ, дворцовъ, монастырей и церквей и, видимо, устроили рядъ дворцовыхъ имѣній, съ богатыми надѣлами въ избранныхъ природою мѣстностяхъ, которыя и доселѣ остались вкрапленными сербскими пунктами. Разобраться въ этомъ пунктѣ было бы легко именно въ настоящее время, пока извѣстныя національныя особенности въ народныхъ одеждахъ и обычаяхъ еще остаются яркими, но, главное, не слѣдуетъ изъ-за этихъ частности обобщать въ ту или другую сторону простого вопроса. Съ этой точки зрѣнія, нельзя признать какъ той границы между старой Сербіей и Македоніей, которую проводитъ указанный сербскій профессоръ, направляя ее черезъ Велесъ и Штипъ, такъ и болгарскаго силовнаго отрицанія существованія сербскихъ селъ въ Скопскомъ участкѣ. На этой картѣ Старая Сербія является большою страной, чуть не въ размѣрахъ самой Болгаріи. Подобно тому, какъ въ Охридѣ и Преспѣ болгары основали свою резиденцію и въ ихъ мѣстностяхъ, затѣмъ сложились военныя дружины и политическое движеніе, освободившее Болгарію отъ грековъ и возстановившее болгарское царство, такъ изъ Старой Сербіи во времена политическихъ успѣховъ выдвигались въ толщу другихъ національностей передовые поселки. Такова аналогія между юго-восточной границей Сербіи и юго-западными предѣлами Болгаріи, другъ друга взаимно перекрецивующими. И такъ, единственный справедливый выводъ, который представляется не предубѣжденному взгляду всякаго путешественника, требуетъ предоста-

1) *Македонскіе славяне*, 1906. Стр. 4.

вить почти всю Македонію болгарамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея сѣверо-западныхъ мѣстностей, примыкающихъ къ Старой Сербіи.

Но въ то же время приходится поневолѣ и, выходя изъ роли путешественника, говорить о политическихъ видахъ и горизонтахъ, пынѣ въ этомъ вопросѣ усматриваемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже многіе теперь, сознавая всю историческую справедливость предоставленія Македоніи болгарамъ, спѣшатъ, однако, возразить противъ этого съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія. Говорятъ, гдѣ же будетъ политическій смыслъ, если мы (въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь идетъ все о той же Россіи, которая одна за все, происходящее на Балканскомъ полуостровѣ, отвѣчаетъ), предоставивъ Македонію болгарамъ, усилимъ ихъ вдвое противъ современной Сербіи, а Сербію оставимъ все въ томъ же обездоленномъ положеніи, лишенною половины принадлежащихъ ей по праву земель на Балканскомъ полуостровѣ. По этому случаю вновь припоминаютъ и перебираютъ по звеньямъ всю цѣпь историческихъ несправедливостей, останавливаясь, главнымъ образомъ, на обонхъ трактатахъ: Санъ-Стефанскомъ и особенно Берлинскомъ. При этомъ съ большой напвностью прибавляютъ, что вѣдь Сербія обратила свои взоры въ послѣднее только время (однако уже съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка) на Македонію и только потому, что потеряла надежду на свое удовлетвореніе въ натуральныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, весь Македонскій вопросъ сводится исключительно будто-бы къ соперничеству двухъ славянскихъ національностей: весь вопросъ будто бы только въ томъ, кто выиграетъ и кто проиграетъ и вся бѣда лишь въ томъ, что сербы отъ Берлинскаго трактата потеряли больше, чѣмъ болгары. Дѣйствительно, Болгарія, какъ то свидѣтельствуется даже болгарскій учебникъ географіи Кышчева, общеупотребительный въ македонскихъ школахъ, занимаетъ, послѣ Турціи, второе мѣсто на полуостровѣ, а въ то же время населеніе еще остается сравнительно рѣдкимъ: 34 человека на квадратный километръ, — откуда слѣдуетъ, что въ странѣ есть мѣсто для населенія вдвое и втрое большаго. Напротивъ того, Сербія занимаетъ 48 тыс. к. м., а населеніе ея достигаетъ 2 съ половиною милл. и хотя, такимъ образомъ, Сербія принадлежитъ «къ мелкимъ государствамъ полуострова», но густо населена и не можетъ приютить у себя чужого славянскаго населенія. Въ результатѣ такой постановки вопроса и разыгрывающагося соперничества двухъ національностей, Болгарія, въ своей политикѣ, упирается до политической интриги и послѣдовательно стремится къ усиленію третьяго посредника, т. е. исконаго врага славянскихъ національностей на Балканскомъ полуостровѣ — Австріи. Нарушая всякій историческій и самый простой здравый смыслъ, Болгарія, видимо, стремится къ раздѣлу Македоніи съ Австріей и полному поработченію Сербіи, и этимъ, какъ будто, поверхъ и че-

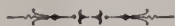
резь головы своего славянского населенія, вновь возстапавливаетъ въ своихъ пѣдрахъ стремленія тѣхъ дикихъ кочевниковъ, которыхъ натура можетъ повлечь даже къ союзу съ венграми.

Что касается палліативнаго разрѣшенія вопроса дарованіемъ Македоніи автономіи, то всякому путешественнику по этой странѣ представляется въ концѣ его поѣздки одно, по крайпей мѣрѣ, вполнѣ яснымъ: невозможность какой бы то ни было автономіи подъ турецкимъ управленіемъ и при существованіи албанскаго гнета и дикихъ насилій надъ мирнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Скоро исполнится почти столѣтіе съ того времени, какъ возникло хищническое движеніе между албанцами, направленное къ порабощенію славянъ. Дѣйствуя грабежомъ и, въ случаѣ неудачи, вымогательствомъ, оружіемъ, албанцы, какъ полудикое, самой природой приспособившееся къ хищничеству, племя, вытѣсняють силою славянское населеніе, уже въ большинствѣ мѣстностей Македоніи. Наибольшей интенсивности это движеніе достигло нынѣ въ Старой Сербіи и сѣверной Македоніи, вплоть до самого Скопје. Въ южной части Македоніи оно, спустившись къ Охридскому озеру, идетъ нынѣ на Корчу, городъ теперь почти съ исключительнымъ албанскимъ населеніемъ и Костуръ. Но это движеніе уже массовое. Затѣмъ, албанскій гнетъ чувствуется нынѣ почти вплоть до самыхъ Салоникъ, такъ какъ даже въ южной Македоніи хищники, по словамъ жителей, паходятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собой и образуютъ густо сплетенную паутину, а похищенное имущество исчезаетъ безслѣдно, передаваемое изъ одного села въ другое. Достаточно просмотрѣть самыя обыкновенныя книжки путешественниковъ по Македоніи, чтобы убѣдиться въ томъ албанскомъ гнетѣ, который только для дипломатовъ является доселѣ неусвоенною ими новостію.

Непреоборимымъ препятствіемъ для успокоенія страны, путемъ дарованія ей самоуправленія, или автономіи, служить также то, что въ городахъ Македоніи живетъ совершенно чуждый земледѣльческому населенію элементъ: греки, турки и евреи (послѣдніе, впрочемъ, почти исключительно въ Салоникахъ). Если бы когда нибудь стало возможнымъ возвратить отъ Турціи завоеванныя ею чисто греческія области, то врядъ ли претензіи грековъ на политическое обладаніе Балканскимъ полуостровомъ сколько бы нибудь этимъ удовлетворились. Македонія въ настоящее время раздирается не одними политическими организаціями, но еще болѣе того—церковными и среди нихъ двумя открыто враждующими сторонами: экзархистовъ и патріархистовъ; первой, церковной партіи, принадлежитъ большинство и политическая сила; второй—сила фанатизма и постоянныя интриги. Въ странѣ не только нѣтъ спокойствія, но всякое человѣческое общеніе, даже въ селахъ, отравлено въ копецъ. Школа является проводникомъ господствующаго раздора, а школь-

ные учителя, руководимые духовенствомъ, представляютъ образецъ политическихъ заговорщиковъ, постоянно готовящихся къ перевороту. Наконецъ, предлагая автономію, знатоки края дробятъ Македонію на нѣсколько, шесть и семь, областей, которыя должны управляться каждая особымъ губернаторомъ и особою администрацію. Откуда, спрашивается, найдутся необходимыя для того большія средства?

Если, такимъ образомъ, автономія различныхъ частей Македоніи, какъ средство политическаго успокоенія страны, оказывается неэффективною и неприменимою, то естественно слѣдуетъ ожидать ухудшенія даннаго положенія и наступленія въ будущемъ того, что принято называть катастрофою. Подобная перспектива тѣмъ болѣе, однако, является тягостною, и разорительною для страны, чѣмъ менѣе наблюдается въ ней разумнаго приготовленія къ катастрофѣ. Современное положеніе политическихъ силъ на Балканскомъ полуостровѣ ясно представляетъ намъ группировку на немъ четырехъ сторонъ: Турціи, Австріи, Болгаріи, и Сербіи (вмѣстѣ съ Черногоріей). Самая простая и грубая логика вещей требовала бы, казалось, чтобы эта группировка, если не въ результатѣ разумнаго распоряженія народовъ своими судьбами, то хотя бы въ силу обстоятельствъ, превратилась въ другую, состоящую только изъ трехъ сторонъ: Турціи, Австріи и Славянства, т. е. Сербіи и Болгаріи въ политическомъ союзѣ. При современной группировкѣ, Австрія, волею Германіи и въ силу давленія, производимаго Германіей, стремится къ завладѣнію западной половиною Балканскаго полуострова, прилегающей къ Адриатическому морю, вплоть до Салоникъ. Турція же стремится сохранить свое господство надъ европейскою страной, поселяя въ ней азіатскіе элементы и вызывая къ жизни прежнее варварское ея населеніе — албанцевъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время первый рѣшительный шагъ, сдѣланный Австріей на пути къ этому завоеванію, вызвалъ не только живое народное возмущеніе на полуостровѣ, но общую тревогу всей Европы. Этотъ первый шагъ готовился 30 лѣтъ, и ему предшествовала крайне сложная политическая интрига, ставящая цѣлью въ будущемъ захватъ всего «турецкаго наслѣдства», черезъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію, вплоть до Месопотаміи. Германія стремится повторить славныя времена Гогенштауфеновъ и выполнить историческія мечты возстановленія мірового владычества, по образцу Римской Имперіи: за Босніею и Герцеговиною, Старая Сербія и Македонія стоятъ на дорогѣ.

I.

Альбомъ фотографическихъ снимковъ Македонской экспедиціи 1900 года.

1— 2. Константинополь, Золотой Рогъ. 3— 6. Константинополь. Приморскія стѣны. 7— 8. Константинополь. Фетхіе-Джами. 9—13. Виды желѣзной дороги по теченію Мясты. Тѣсины Бука. 14. Станція по пути въ Салоники. 15—21. Салоники. Виды гавани и набережной. 22—23. Салоники. Каламарія. 24. Салоники. Улица въ Верхнемъ городѣ. 25. Салоники. Улица у набережной. 26. Восточное предмѣстье. 27. Прописан Св. Софіи. 28—41. Солунь. Св. Софія. 42—45. Солунь. Церковь Св. Димитрія. 46. Солунь. Церковь Св. Димитрія. Капитель. 47. Солунь. Гробница Вм. Димитрія. 48. Солунь. Базилика Эски-Джума. 49. Эски-Джума. Южный входъ. 50. Эски-Джума. Пилястры южнаго входа. 51. Эски-Джума. Капитель. 52. Колодезь въ саду двухъ тюре, близъ Эски-Джума. 53. Солунь. Якубъ-паша-джами. 54. Солунь. Якубъ-паша-джами. 55—57. Восточная часть мечети Якубъ-паша. 58. Солунь. Исакіе-Джами—б. ц. Св. Панте- леймона. 59. Церковь Пантелеймона. 60. Солунь. Церковь Пантелеймона. 61. Солунь. Эски-Сарай. 62. Солунь. Эски-Сарай. 63. Солунь. Эски-Сарай. 64—74. Солунь. Казанъ-Джилляръ-Джами. 75—77. Солунь. Церковь 12 Апостоловъ или Соуску-Джами.	78. Солунь. Церковь Константина и Елены. 79. Солунь. Церковь Константина. 80—86. Солунь. Церковь Св. Минны. 87—88. Солунь. Амвонъ церкви Св. Минны. 89. Солунь. Монастырь Чаушъ. 90. Чаша Тайной вечери въ Чаушъ. 91. Эмалевая плита. 92. Икона въ Чаушъ. 93—94. Капители въ Чаушъ. 95—96. Стѣны Солуни близъ монастыря Чауша. 97. Солунь. Церковь Архангела Михаила. 98. Солунь. Церковь въ Верхнемъ городѣ. 99. Солунь. Церковь Спаса. 100. Солунь. Внутренность Ротонды. 101—103. Орнаментальныя плиты въ церкви Св. Георгія въ Солуни. 104—110. Мозаики въ куполѣ церкви Св. Ге- оргія въ Солуни. 111—112. Два фонтана въ Солуни. 113. Солунь. Церковь Панагуды. 114. Солунь. Церковь Панагуды. Мѣстная икона Божіей Матери. 115—118. Солунь. Церковь Панагуды. Плаща- ница. 119—120. Церковь Панагуды. Епитрахиль. 121. Солунь. Церковь Панагін-Декса. Плита. 122. Икона въ церкви Панагін-Декса. 123. Плащаница въ церкви Панагін-Декса. 124. Церковь Св. Аванасія. Мраморный рельефъ Богоматери. 125. Солунь. Площадь бывшаго ипподрома. Надписи въ дворѣ. 126. Солунь. Капитель близъ церкви Св. Инко- лая малой.

- 127—134. Церковь Св. Николая малая. Солунь.
- 135—136. Солунь. Акче-Джами. Амвонъ.
- 137—138. Церковь Срѣтенія въ Солуни.
139. Салоники. Зѣбная колоина.
- 140—142. Триумфальная арка съ барельефами, въ Солуни.
143. Солунь. Глава Св. Евстаѳія Плакиды въ церкви Св. Николая Поваго.
- 145—147. Село Постулъ. Древняя Пелла. Античные стѣлы. Типы.
148. Озеро Дойранъ и городъ.
- 149—150. Греческая и славянская надписи Дойрана.
151. Жители Дибра.
- 152—153. Серры. Кале.
154. Серры. Митрополія. Илты на лѣстинѣ.
- 155—156. Серры. Митрополія. Алтарная мозаика.
- 159—160. Серры. Митрополія. Пара рипидъ.
161. Серры. Митрополія. Серебряное блюдо.
162. Серры. Митрополія. Дискосъ со славянскою надписью.
163. Серры. Митрополія. Потиръ.
164. » » Крестъ со славянскими надписями.
- 165—170. Древняя епитрахиль. Палицы; поручи и вошвы въ митрополіи гор. Серры.
171. Серры. Церковь Св. Антонія. Палица.
172. Серры. Церковь Аонасія. Надпись.
173. Серры. Стела въ госпиталѣ.
- 174—5. Серры. Церковь Іоанна Предтечи.
- 176—189. Гор. Серры. Типы жителей.
190. Ущелье по дорогѣ къ монастырю Іоанна Предтечи близъ гор. Серръ.
- 191—196. Монастырь Іоанна Предтечи близъ Серръ.
- 197—198. Пара эмалевыхъ рипидъ въ монастырѣ Іоанна Предтечи, близъ Серръ.
199. Монастырь Іоанна Предтечи; рѣзной крестъ.
200. Монастырь Іоанна Предтечи. Мѣстная икона, обвѣшанная образками.
201. Монастырь Іоанна Предтечи. Потиръ.
202. Крестъ.
203. Монастырь Іоанна Предтечи. Дарохранительница.
- 204—206. Скопие.
207. Кале въ Скопие.
- 208—209. Монастырь Перезъ 1164 г.
210. Перезъ. Плита амвона.
211. Перезъ. Надпись.
212. Перезъ. Надпись 1164 года надъ входомъ въ церковь Пантелеймона.
213. Перезъ. Кіотъ XIII вѣка.
214. Село Люботинъ.
215. Надпись надъ входомъ въ церкви Николая 1337 года въ селѣ Люботинѣ.
- 216—217. Наружный видъ церкви села Люботина.
- 218—223. Фресковая роспись церкви въ селѣ Люботинѣ.
224. Жители с. Люботина.
225. Церковь вблизи монастыря Маркова.
- 226—229. Марковъ монастырь 1345 г.
230. Иконостасная преграда въ Марковѣ.
231. Гербъ на мраморѣ въ алтарѣ монастыря Маркова.
- 232—223. Росписи стѣнъ монастыря Маркова.
- 234—237. Церковь села Кучевишта.
- 238—240. Церковь сербскаго монастыря архангела Михаила 1693 года.
241. Киртъ Михайловскаго монастыря.
- 242—246. Сербы селяки въ селѣ Кучевишта.
- 247—252. Монастырь Матка.
248. Надпись.
251. Надпись.
253. Селяки на житвѣ по пути въ село Нагоричъ.
254. Церковь Малаго Нагорича (болгарская).
- 255—256. Фрески Малой церкви Нагорича.
- 257—259. Церковь большого села Нагорича.
260. Надпись надъ западнымъ входомъ въ церковь стараго Нагорича.
261. Иконостасная преграда въ церкви Нагорича.
- 262—270. Стѣнная роспись церкви стараго Нагорича.
271. Надпись въ нарѣнкѣ церкви Нагорича 6826 года.
- 272—277. Городъ Куманово.
278. Село близъ мѣстечка Куманово.
- 279—282. Монастырь Матейцы.
- 283—289. Матейцы. Остатки росписи.
290. Погребальный памятникъ близъ Мелника.
291. Мелникъ.
292. Улица въ Мелникѣ.
293. Икона Богоматери въ церкви Мелника XIV вѣка.
- 294—5. Церковь въ Мелникѣ.
296. Церковь Панданассы въ Мелникѣ съ росписью XIII вѣка.
- 297—298. Ровно и церковь въ Ровнѣ.
299. «Разбой» въ селѣ Дабилъ близъ Струмицы.
300. Видъ на Струмицу изъ Петрича.
301. Развалины церкви Св. Леонтія у Струмицы.
302. Абсида въ церкви Св. Леонтія у Струмицы.
303. Новосело и Штипъ отъ носсе.
304. Штипъ (бер. Бримгалницы).

- 305—308. Церковь Сорока Мучениковъ въ Штинѣ.
309. Икона 1813 года въ церкви Сорока Мучениковъ въ Штинѣ.
310. Велесъ.
- 311—312 Церковь Димитрія въ окрестностяхъ Велеса.
313. Надгробная плита жупана Страцимира въ церкви Димитрія бл. Велеса.
314. Видъ Приштины.
315. Албанцы: извозчикъ и кавасъ въ Приштинѣ.
- 316—219. Церковь въ Грачаницѣ.
320. Внутренность позднѣйшаго притвора въ соборѣ Грачаницы.
- 321—325. Стѣнная роспись въ соборѣ Грачаницы.
- 326—330. Стѣнная роспись въ соборѣ Грачаницы.
- 331— а. Чины сербскаго консульства въ Приштинѣ.
331. Паронкъ въ Грачаницѣ.
- 332—334. Церковь въ Баньско близъ Митровицы.
335. Провожатые въ ханѣ Банско.
336. Печъ. Патріархія (съ В.).
337. Лоза Нѣманчичей.
339. Дечанъ.
- 340—341. Кварталы Дечана.
342. Алтарное окно Дечана.
343. Иконостасъ и хоростъ Дечана.
344. Роспись Дечана.
345. Ктитори Дечана.
346. Призрѣнъ. Церковь Спаса.
347. Призрѣнъ. Надпись.
348. Водены.
349. За Воденами.
350. Ущелье за Воденами.
351. Станція Соровичи.
- 352—356. Озеро Острово.
357. Долина Битоля.
- 358—366. Виды Битоля или Монастира и типы его жителей.
367. Окрестности Монастира.
368. Село Христоторъ близъ Битоля.
369. Монастырь села Вукова.
370. Турецкая сторожка по пути на Ресенъ.
- 371—373. Городъ Ресенъ.
374. Церковь по пути въ Охридъ.
375. Турецкій отрядъ, идущій дозоромъ по пути изъ Охриды, въ лѣсу.
376. Мельница близъ Охриды.
- 377—381. Охридское озеро.
- 382—396. Виды Охриды и типы его жителей.
- 397—399. Кале Охриды.
400. Св. Софія Охридская.
401. Западная часть Охридской Софіи, построенная въ 1317 году.
402. Менберъ—византійскій амвонъ въ Охридской Софіи 1317 года.
403. Орнаментированный верхъ амвона Охридской Софіи съ монограммою Григорія 1317 года.
- 404—405. Орнаментальныя плиты въ полу Охридской Софіи.
- 406—407. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ.
408. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ.
409. Надпись въ церкви Климента Малаго въ Охридѣ.
410. Античный рельефъ, открытый въ могилѣ малой церкви Св. Николая въ Охридѣ.
- 411—412. Рѣзные деревянные врата XIV вѣка въ церкви Св. Николая въ Охридѣ.
413. Церковь Св. Климента въ Охридѣ.
414. Восточная сторона церкви Климента.
415. Плиты на стѣнахъ церкви Климента.
416. Остатки мраморнаго иконостаса церкви Климента въ Охридѣ.
417. Училище въ Охридѣ.
418. Рѣзная дверь въ церкви Климента.
419. Иконостасъ церкви Климента съ заложеными въ немъ иконами изъ Софіи.
420. Мѣстная икона Спаса въ церкви Климента.
421. Мѣстная икона Богоматери въ церкви Климента.
- 422—523. Икона Одигитріи въ церкви Климента.
423. Изображеніе Покрова на иконѣ.
424. Икона Богоматери Перивленты въ церкви Св. Климента.
- 425—430. Икона Спаса Душеспасителя въ церкви Климента въ Охридѣ. Образки на иконѣ.
- 431—437. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери и образки на ней.
- 438—447. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери изъ складня «Благовѣщенія» и ея чеканные образки.
- 448—451. Церковь Климента въ Охридѣ. Мѣстная икона арх. Гавріила изъ складня «Благовѣщенія» и ея образки.
452. Церковь Климента въ Охридѣ. Икона Богоматери.
453. Церковь Климента. Икона Богоматери.
454. Церковь Климента. Рѣзная икона Св. Климента.
455. Церковь Климента. Образокъ на жировикѣ.
456. Церковь Климента. Пещаница Андровика Палеолога (1282—1328).

457. Церковь Климента. Шитый образъ Па- нагии. 458. Церковь Климента. Шитое Распятіе. 459. Церковь Климента. Воздухъ. 460. Церковь Климента. Пелена. 461. Саккосъ. 462. Митра. 463. Потиръ. 464. Части саккоса. 465. Евангеліе въ сереб. окладѣ. 466—467. Группа учителей въ Охридѣ. 468. Селяки въ Калиштѣ.	472. Монастырь Слѣпче. Игуменъ. 473. Слѣпче. Селяки. 474. Слѣпче. Кола. 475. Слѣпче. Сарай и плугъ. 476. Слѣпче. Домъ. 477. Слѣпче. Сарай. 478. Слѣпче. Группа женщинъ. 479. Слѣпче. Сарай. 480. Слѣпче. Вертѣлка и ротанъ. 481. Калишта. Селяки. 482. Оржаново. Селяки. 483. Калишта.

II.

Снимки арх. П. П. Покрышкина.

484—499. Месемврія. Церковь Паисократора. 500—504. Месемврія. Церковь Архангела Ми- хаила и Гавріила. 505—513. Месемврія, церковь Іоанна Алейтур- гита. 514—516. Месемврія. Церковь Іоанна Алейтур- гита. Капители. 517. Месемврія. Старая митрополія.	518. Месемврія. Новая митрополія. 519. Месемврія. Церковь Θεодора. 520. Месемврія. Развалины. 521. Месемврія. Площадь. 522. Улицы. 523. Кола. 524. Античный рельефъ въ селѣ Цимасъ въ 10 верстахъ отъ Месемвріи.

III.

Предметный указатель.

- Албанцы (въ Македоніи), стр. 13—15, 213—4, 217, 297.
- Амвоны (мраморныя), 87, 102, 121, 122, 126, 176, 232—3.
- Арка триумфальная въ Салоникахъ, 74—75.
- Басма (оклады), 136—7, 248, 258, 270.
- Блюда (металлическія), 257.
- Болгары, 7—12, 22—37, 291—6.
- » древнѣйшія ихъ изображенія, 24—36.
- » народныя одежды и древнее оружіе, 24, 29, 31, 34—38, 291.
- Болгары родство съ македонскими славянами, 22—24, 36—38, 51—54, 286—298.
- Буквы (заглавныя), 54—61.
- Воздухи, 271.
- Вѣнцы, 52.
- Города (Македоніи), 70—4, 148—9, 169—173, 202, 211—3, 215, 219—228.
- Дарохранительницы, 165—6.
- Двери (церковныя), 236—9.
- Дискосы, 157.
- Евангелія (рукописи), 273.
- Изображенія кралей, князей, ктиторовъ, 180, 183, 200, 206—8, 245—7, 248, 261—2, 282—3.
- Иконы, 133—5, 136, 250—270.
- » Благовѣщенія, 251, 262—4.
- » Богоматери, 250.
- » » Душеспасительницы, 251.
- » » Киккской, 134—5.
- » » Одигитрии, 66, 133, 160, 257—8.
- Иконы Богоматери Панагоды, 136—7.
- » » Скопютииссы, 172.
- » » Страстной, 260.
- » Иоанна Богослова, 252—3.
- » Климента Славянскаго, 247.
- » Спаса, 143, 251.
- » Страшнаго Суда, 132.
- » Эмалевыя, 145.
- Иконостасы (ик. пресгады), 146, 184, 243, 248.
- Инкрустация, 233—4.
- Искусство: византийское, 84—7, 99—102, 275—6.—грековосточное, 279—280.—сербское, 63—7, 177—186, 194—9, 202—210, 284—6, 290, 292—3.
- Капители (византийскія), 93, 108, 111, 113, 144.
- Кладъ Миклошскій, 24—29.
- Ковчегцы, 132—3.
- Кресты (напрестольные, воздвизальные), 157—8, 164, 167, 168.
- Лѣтопись Манассіи, 32—36.
- Македонія: историческій очеркъ, 5—24, 60—3.
- » культура ея, 51—4.
- » населеніе ея, 1—5, 12—13, 36—8, 51—4, 71—3, 148—9, 169—173, 177, 180—1, 185—190, 202, 213—8, 226—7, 286—298.
- Миніатюры греческой псалтыри, 29—30.
- » Манассіинной лѣтописи, 32—6.
- » сербской псалтыри, 63—4, 279—286.
- Митры, 270.
- Мозаики: ц. Георгія въ Солуни, 77—89.—Ц. Димитрія въ Солуни, 286.—Ц. Софій Солуньской, 94, 102.—Ц. Соборной въ Сересѣ, 151—4.

- Облаченія (шнтя), 142, 158—160, 270—1.
- Образъ (иконографическій типъ): архангеловъ, 264, 5.—Богоматери, 96, 98, 209, 253—6, 277—8.—Давида, 267.—Деисуса, 277—8.—И. Богослова, 252—3.—И. Златоуста, 254—5.—Юанна Предтечи, 266.—Распятія, 273—5.—Соломона, 267—8.—Спасителя, 98, 101—2, 156, 199, 209, 251—2, 266, 277.
- Образки (тѣльные и другіе), 168, 270—1.
- Одежды (народныя въ Македоніи), 37—51, 67—69, 187—190.
- Оклады (иконы), 137, 248—270.
- Орнаменты: болгарскихъ рукописей, 54—60.—Вышивокъ у македонскихъ славянъ, 42—5, 188.—Грековосточнаго искусства, 58—60.—Каменной и кирпичной кирпичной кладки, 113, 119, 130, 186, 196.
- Палицы (архіепископскія), 158, 272.
- Панагіи (артосныя), 157.
- Пелены (церковныя), 270—1, 273.
- Платки (головные), 46—8.
- Планишцы, 135, 138—142, 243—5.
- Попевы, 46, 49.
- Посуда (поливная), 58, 125.
- Потиры, 157, 270.
- Пояса, 41—2, 50—1, 67.
- Псалтырь лицевая: болгарская, 284.—Сербская, 63—4, 279—286.
- Пурпуръ, 42—45.
- Рельефы: орнаментальные, 123, 175, 184, 231, 242.—Стиля звѣринаго, 88, 123—129, 136.—Фигурные, 133, 135—6, 151, 239—240, 241, 247—8, 273—4.
- Рипиды, 154—7, 164.
- Росписи (церковныя) въ Македоніи, 130—131, 134, 163—4, 178—180, 184—5, 190—1, 197—9, 200, 206—210, 236, 245.—Въ Россіи, 276—9.—Въ Сербіи, 65—7.
- Села (въ Македоніи), 180—1, 192, 202.
- Сербы (въ Македоніи), 6—7, 61—3, 177, 182—5, 187—190, 194, 202.
- Славяне (на Балканскомъ полуостровѣ), 6—7, 18—22, 29, 286—8.
- Стиль звѣринный (чудовищный), 55—60, 88, 123—9, 136.
- Уборы головные Македонскихъ Славянъ, 38—41, 46—8.
- Финифть 132—3, 154—5, 164, 254.
- Церкви: Македоніи, 76—272.—Сѣра, 149—168.—Солунъ 76—147.
- Церкви усыпальницы, 89.
- Чашы (металлическія), 146.
- Эмаль (византійская) 145, 268—9.
- Юстиніанъ (вопросъ о его происхожденіи) 15—18, 218.
- Феракій, 51.

IV.

Указатель рисунковъ въ текстѣ.

1. Золотая кружка изъ болгарскаго клада, найденнаго въ Н. III. Миклошъ въ Венгріи, стр. 26. 2. Василій II-й «Болгаробойца» и болгарскія депутаціи. — Миниатюра Греческой Псалтыри въ Библ. ц. Св. Марка за № 17, стр. 30. 3. Селяки въ с. Постоль, стр. 39. 4. Селяки изъ окрестностей Салоникъ, стр. 40. 5. Селяки въ с. Долна Солія, стр. 43. 6. Изъ окрестностей Салоникъ, стр. 46. 7. Крестьянка изъ Битоля, стр. 50. 8. Костюмъ сель въ окрестностяхъ Битоля, стр. 50. 9. Заставка въ «Хиладарскомъ Паремейникѣ», ркн. М. Рум. Библ. № 1685, XII в., стр. 54. 10. Изъ Паремейника Хиладарскаго м-ря, въ М. Румянц. Публ. Библ. № 1685, XII в. стр. 57. 11. Изъ ркн. Апостола Слѣдчен. м-ря въ Рум. Муз. Публ. Библ., стр. 58. 12. Буквы изъ греч. Ев. Син. Библ. № 213, 967 г. По изд. В. В. Стасова, стр. 60. 13. Изъ греч. ркн. О. Студита, Син. Библ. № 401, 1086 г., стр. 61. 14. Стѣны Θεσσαλονικι, стр. 70. 15. С.-в. часть Салоникъ, стр. 72. 16. Улица въ Салоникахъ, стр. 73. 17. Угловая башня въ Салоникахъ, стр. 74. 18. Триумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 74. 19. Триумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 75. 20. Триумфальная арка въ Салоникахъ, стр. 76. 21. Церковь св. Георгія («Ротонда») въ Салоникахъ, стр. 77. 22. Внутренность церкви св. Георгія въ Солуни, стр. 78.	23. Мозанка въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Салоникахъ, стр. 80. 24. Мозанка въ церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни, стр. 81. 25. Мозанка церкви св. Георгія («Ротонды») въ Солуни, стр. 83. 26. Видъ мозаикъ церкви св. Георгія до послѣдней реставраціи, стр. 85. 27. Мозанка въ нишахъ Ротонды, стр. 88. 28. Плита въ церкви св. Георгія въ Солуни, стр. 88. 29. Развалины на западной сторонѣ Софій Солуньской, стр. 90. 30. Дворъ мечети Софій Солуньской до 1890 г., стр. 91. 31. Софія Солуньская до 1890 г., стр. 91. 32. Софія Солуньская до пожара 1890 г., стр. 92. 33. Внутренность храма Софій Солуньской, стр. 92. 34. Алтарь Софій Солуньской, стр. 92. 35. Детали храма Софій Солуньской, стр. 93. 36. Капитель Софій Солуньской, стр. 93. 37. Мозанка въ куполѣ Софій Солуньской, стр. 95. 38. Изображеніе Б. М. и ангеловъ въ «Вознесеніи» — мозанка Софій Солуньской, стр. 97. 39. Амвонъ въ Софій Солуньской, стр. 102. 40. Церковь въ Салоникахъ, стр. 103. 41. Церковь великомученика Димитрія въ Салоникахъ, стр. 106. 42. Внутренность церкви св. великомуч. Димитрія въ Солуни, стр. 107. 43. Колоннада церкви великомуч. Димитрія, стр. 108. 44. С.-з. уголъ церкви великомуч. Димитрія въ Солуни, стр. 109.

45. Капитель церкви великомуч. Димитрія, стр. 109.
46. Капитель въ Эски-джума, стр. 111.
47. Капитель во дворѣ Эски-джума, стр. 111.
48. Казан-джилар-джами по плану арх. П. П. Покрышкина, стр. 113.
49. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ, стр. 113.
50. Казан-джилар-джеми, стр. 114.
51. Казан-джилар-джами въ Салоникахъ, стр. 114.
52. Якубъ-Паша-джами въ Солуни, стр. 115.
53. Восточная сторона Якубъ-джами въ Салоникахъ, стр. 115.
54. Церковь пророка Иліи въ Солуни, стр. 116.
55. Церковь пророка Иліи въ Солуни (мечеть Ески-Сарай), стр. 117.
56. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) до ея передѣлки, стр. 118.
57. Церковь св. Пантелеймона (Исакіе-джами) въ Салоникахъ, стр. 118.
58. Церковь св. Пантелеймона въ Салоникахъ, стр. 119.
59. Церковь 12-ти Апостоловъ (шишѣ Соукъ-Су) въ Салоникахъ, стр. 120.
60. Церковь 12-ти Апостоловъ, стр. 120.
61. Церковь 12-ти Апостоловъ въ Салоникахъ, стр. 121.
62. Фрагментъ близъ Карали-джами въ Салоникахъ, стр. 122.
63. Рельефы, вставленные въ стѣну церкви св. Миши въ Салоникахъ, стр. 122.
64. Рельефъ (медвѣды) въ стѣнѣ церкви св. Миши, стр. 124.
65. Плита на стѣнѣ церкви св. Миши, стр. 124.
66. Плита въ стѣнѣ у церкви св. Миши въ Салоникахъ, стр. 124.
67. Амвои въ церкви св. Миши въ Солуни, стр. 125.
68. «Малая» церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
69. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
70. Церковь Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 130.
71. Роспись церкви Николая Чудотворца въ Салоникахъ, стр. 131.
72. Церковь св. Николая въ Солуни, стр. 131.
73. Серебряный ковчегъ для хранения ковчега главы св. Евстафія Плакиды въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 132.
74. Ковчегъ главы св. Евстафія въ церкви Николая Чудотворца въ Солуни, стр. 132.
75. Рельефъ въ церкви св. Аонасія въ Салоникахъ, стр. 133.
76. Церковь Спаса Преображенія въ Солуни, стр. 133.
77. Икона Божіей Матери «Декса» въ церкви того же имени въ Солуни, стр. 134.
78. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагін Дексы, стр. 135.
79. Плита въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 136.
80. Икона Б. М. въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 137.
81. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 139.
82. Срединная плащаницы въ церкви Божіей Матери Панагуды, стр. 140.
83. Плащаница церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 141.
84. Плащаница въ церкви Божіей Матери Панагуды въ Салоникахъ, стр. 142.
85. Монастырь Чаушъ, стр. 144.
86. Капитель въ монастырѣ Чаушъ, стр. 144.
87. Эмалевая плита въ Чаушѣ, стр. 145.
88. Чаша въ ризницѣ м-ря Чаушъ, стр. 146.
89. Улица въ городѣ Сѣрѣ, стр. 148.
90. Соборъ въ Сѣрѣ по плану арх. П. П. Покрышкина, стр. 150.
91. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра, стр. 151.
92. Мозаика въ алтарѣ соборной церкви г. Сѣра, стр. 152.
93. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра, стр. 155.
94. Рипида въ ризницѣ митрополіи г. Сѣра, стр. 156.
95. Славянской дискосъ въ ризницѣ собора въ Сѣрѣ, стр. 157.
96. Потиры въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 158.
97. Крестъ въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 159.
98. Епитрахили въ ризницѣ собора г. Сѣра, стр. 160.
99. Древнее шитье въ соборной ризницѣ г. Сѣра, стр. 161.
100. Церковь Іоанна Предтечи въ Сѣрѣ, стр. 162.
101. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 163.
102. Церковь м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 163.
103. Эмалевая рипида въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 165.
104. Рипида въ церкви м-ря Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 166.

105. Потиръ въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ Сѣра, стр. 167.
106. Дарохранительница въ м-рѣ Іоанна Предтечи близъ г. Сѣра, стр. 167.
107. Мелкіе предметы древности въ м-рѣ Іоанна Предтечи, стр. 168.
108. Видъ г. Скопѣ, стр. 169.
109. Перезскій монастырь по плану П. П. Покрышкина, стр. 174.
110. Церковь Перезскаго монастыря, 1164 г. стр. 175.
111. Церковь Перезскаго монастыря, стр. 175.
112. Мраморная плита въ Перезскомъ м-рѣ, стр. 175.
113. Часть рѣзнаго амвона въ иконостасѣ Перезскаго монастыря, стр. 176.
114. Церковь сел. Люботина. Планъ архит. П. П. Покрышкина, стр. 177.
115. Церковь села Люботина, стр. 178.
116. Надпись надъ входомъ въ церковь сел. Люботина, стр. 178.
117. Вознесеніе Божіей Матери въ росписи церкви Люботина, 180.
118. Марковъ монастырь, стр. 182.
119. Марковъ монастырь. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 183.
120. Иконостасъ въ монастырѣ Марковѣ, стр. 185.
121. Церковь въ с. Горно-Кучевинѣ. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 186.
122. Церковь въ селѣ Долишѣ Кучевинѣ. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 186.
123. Церковь с. Кучевинѣ, стр. 187.
124. Селяки села Кучевинѣ, стр. 187.
125. Селяки села Кучевинѣ, стр. 187.
126. Сербь-селяки изъ села Кучевинѣ, стр. 188.
127. Церковь монастыря Архангела Михаила, близъ Скопѣ, стр. 190.
128. Церковь монастыря Матки, стр. 191.
129. Площадъ села Куманова, стр. 193.
130. Селяне изъ стараго Нагорича, стр. 193.
131. Церкви въ селѣ Младо-Нагоричѣ, стр. 194.
132. Храмъ въ селѣ Нагоричѣ, стр. 196.
133. Церковь Стараго Нагорича. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 196.
134. Надпись надъ западною дверью церкви Стараго Нагорича, стр. 197.
135. Иконостасъ въ Нагоричѣ, стр. 198.
136. Церковь Нагорича. Образы свв. Кирилла и Меводія, стр. 198.
137. Церковь Нагорича, стр. 198.
138. Храмъ въ Матейцахъ, стр. 199.
139. Церковь села Матейцы. Планъ П. П. Покрышкина, стр. 200.
140. Роспись въ церкви с. Матейцы, стр. 201.
141. Фресковыя изображенія кралей въ Матейцахъ, стр. 201.
142. Извоникъ въ городѣ Приштинѣ, стр. 202.
143. Храмъ въ Грачаницѣ, стр. 203.
144. Храмъ Грачаницы, стр. 203.
145. Церковь монастыря Грачаницы, по плану архит. П. П. Покрышкина, стр. 204.
146. Изображеніе царя Стефана Уроша въ церкви села Грачаницы, стр. 205.
147. Изображеніе кралицы Симониды, стр. 206.
148. Западная стѣна церкви села Грачаницы, стр. 208.
149. Фреска въ куполѣ Грачаницы, стр. 209.
150. Озеро Острово, стр. 211.
151. Долина г. Витоли, стр. 212.
152. Улица въ Реснѣ, стр. 215.
153. Сторожка на дорогѣ въ Охридъ, стр. 216.
154. Верхнія улицы въ Охридѣ, стр. 222.
155. Видъ изъ г. Охриды на озеро, стр. 224.
156. Лодка на Охридскомъ озерѣ, стр. 225.
157. Видъ изъ верхней части города на храмъ св. Софій въ Охридѣ, стр. 229.
158. Западная часть Охридской Софій (1317 г.), стр. 230.
159. Плита въ полу Охридской Софій, стр. 231.
160. Плита въ полу Софій Охридской, стр. 231.
161. Рѣзной шатеръ древняго амвона въ Охридской Софій, стр. 233.
162. Крѣпость въ Охридѣ, стр. 234.
163. Кале въ Охридѣ, стр. 234.
164. Видъ съ берега Охридскаго озера на церковь Іоанна Богослова, стр. 235.
165. Церковь Іоанна Богослова въ Охридѣ, стр. 236.
166. Античный рельефъ, открытый въ 1900 г. въ церкви Св. Николая («малой») въ Охридѣ, стр. 240.
167. Античный рельефъ во дворѣ церкви Успенія въ Охридѣ, стр. 241.
168. Церковь св. Климента (бывшей церкви Б. М. Перивлелты) въ Охридѣ, стр. 242.
169. Восточная сторона церкви Св. Климента въ Охридѣ, стр. 243.
170. Мраморнаа и деревянная части иконостаса въ церкви Св. Климента, стр. 244.
171. Надпись надъ гробомъ Св. Климента Славянскаго, стр. 246.
172. Горельефный образъ св. Климента, стр. 247.
173. Иконостасъ церкви св. Климента въ Охридѣ, стр. 249.
174. Образокъ на иконѣ Спасителя (Табл. V), стр. 252.

175. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. VI), стр. 255. 176. Образокъ Іоанна Златоуста на иконѣ Б. М. (Табл. VI), стр. 255. 177. Образокъ Б. М. на иконѣ Б. М. «Одигитріи» (Табл. IX), стр. 259. 178. Образокъ Архангела на иконѣ Арх. Гавріила. (Табл. XI), стр. 264. 179. Образокъ на иконѣ Архангела. (Табл. XI), стр. 265. 180. Образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 266. 181. Образокъ съ иконы Б. М. (Табл. XII), стр. 266. 182. Царь Давидъ — образокъ на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 267. 183. Образокъ царя Соломона на иконѣ Б. М. (Табл. XII), стр. 267. 184. Эмалевый вѣнчикъ на главѣ Архангела Гавріила въ иконѣ Архангела въ церкви св. Климента, стр. 268.	185. Рѣзная на жировикѣ икона 12 праздниковъ въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 271. 186. Шптый воздухъ въ ризницѣ церкви Св. Климента въ Охридѣ, стр. 272. 187. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 273. 188. Пелена въ ризницѣ церкви Св. Климента, стр. 274. 189. Селяки въ с. Калишта близъ Охриды, стр. 286. 190. Монастырь Слѣпче. Крестьянскій домъ, стр. 287. 191. Монастырь Слѣпче. Крестьянскій домъ, стр. 288. 192. Монастырь Слѣпче. Кола, стр. 289. 193. Хороводъ (соборъ) въ сел. Мирковцахъ, стр. 290. 194. Хороводъ въ сел. Долна Сольня близъ Скопѣ, стр. 291.

V.

Указатель таблицъ.

I. Мозаика въ ц. вм. Георгія въ Салоникахъ. II. Древній амвонъ (передѣланный) б. ц. св. Софїи въ Охридѣ. III. Рѣзная дверь въ ц. св. Николая въ Охридѣ. IV. Плящаница временъ Андроника Палеолога въ ц. св. Климента въ Охридѣ. V. Икона Спаса въ ц. св. Климента въ Охридѣ. VI. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ. VII. Икона Б. М. «Перивленты» въ ц. св. Климента въ Охридѣ. VIII. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.	IX. Икона Б. М. «Одигитріи» въ ц. св. Климента въ Охридѣ. X. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ. XI. Икона Архангела Гавріила изъ складни «Благовѣщеніе» въ ц. св. Климента въ Охридѣ. XII. Икона Богоматери изъ складни «Благовѣщеніе» въ ц. св. Климента въ Охридѣ. XIII. Окладъ Евангелія въ ризницѣ ц. св. Климента въ Охридѣ.

1. Мозаика въ ц. вм. Георгія въ Салоникахъ.

II Древній амвонъ (передѣланный) б. ц. св. Софіи въ Охридѣ.

III. Рѣзная дверь въ ц. св. Николая въ Охридѣ.

IV. Плащаница времянь Андроника Палеолога въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

VII. Икона Б. М. „Перивлелты“ въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

VIII. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

IX. Икона Б. М. „Одигитри“ въ ц. св. Климента въ Охридъ.

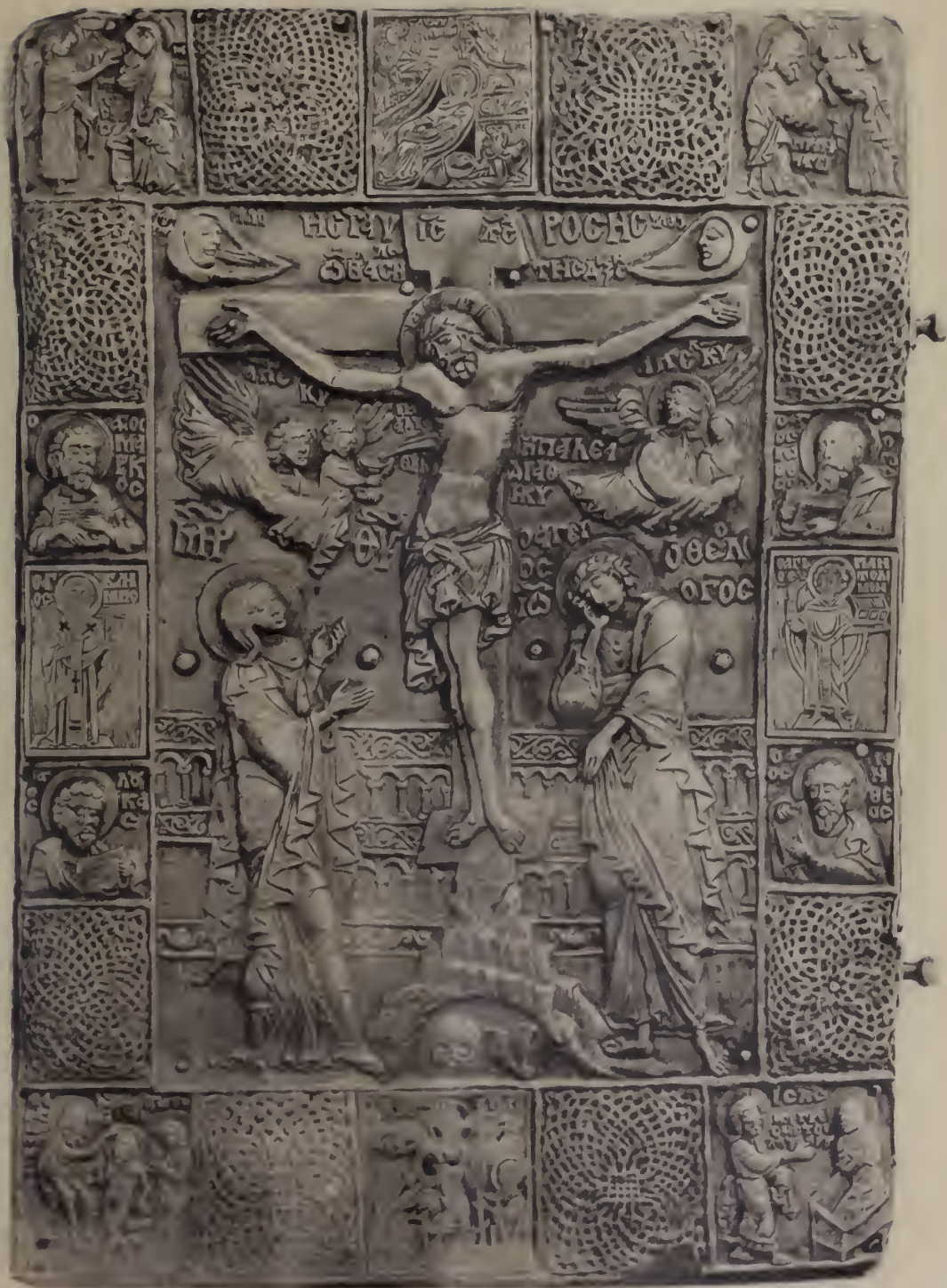
Х. Икона Богоматери въ ц. св. Климента въ Охридъ.

ХІ. Икона Архангела Гавріила изъ складня „Благовѣщеніе“ въ ц. св. Климента въ Охридѣ.

ХІІ. Икона Богоматери изъ складня „Благовѣщеніе“ въ ц. св. Климента въ Охридѣ

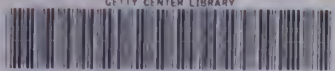
XIII. Окладъ Евангелія въ ризницѣ ц. св. Климента въ Охридѣ.

GETTY CENTER LIBRARY

3 3125 00012 8443

